

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года
Выходит 4 раза в год

№ 43/2018

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-40132 от 11.06.2010
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель, издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Кемеровский государственный институт культуры»

Адрес учредителя, издателя
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. В. Шунков, доктор филологических наук,
доцент

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент

Технический редактор

О. В. Устимова

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Шербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный институт
культуры», 2018

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006
Published quarterly

№ 43/2018

The Mass Media Registration Certificate
ПИ No. ФС77-40132 of 11.06.2010 by the Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media

Founder, publisher

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
(FSFEI HE) "Kemerovo State University
of Culture"

The address of the founder, Publisher
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Phone: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

A.V. Shunkov, Dr of Philological Sciences,
Associate Professor

Administrative Secretary

L.Yu. Egle, PhD in Culturology, Associate Professor

Technical editor

O.V. Ustimova

Editor *N.Yu. Maltseva*

Translation *A.A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M.B. Sorokina*
Design *A.V. Sergeev*

Address of the Publisher:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Journal "Bulletin of KemGUKI"
Phone: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© FSFEI HE "Kemerovo State
University of Culture", 2018

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Антипов Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», член Российского философского общества, член Научно-образовательного культурологического общества, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Белозёрова Марина Витальевна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, член Союза композиторов России (г. Екатеринбург, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Department of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Acting Member of the International Academy of Sciences (Austria), Russian Academy of Natural Sciences and International Higher Education Academy of Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Antipov Aleksander Gennadyevich, Dr of Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Literature and the Russian Language, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russia).

Ariarskiy Mark Arievich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Socio-cultural Activities, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation).

Astafyeva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the UNESCO Department of Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Center "Civic Society and Social Communications," Member of the Russian Philosophic Society, and Scientific Education Culturologic Society, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Belozeroва Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Sr. Researcher of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Scientific Research Center, Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Department Chair of History and Theory of Performing Arts, Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Member of the Russian Composers Union (Yekaterinburg, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Culturology, Socio-cultural Anthropology

и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор Российского нового университета, профессор кафедры социологии и рекламной коммуникации, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, член Российской Академии Естественных наук, действительный член и член Президиума Отделения библиотекосведения Международной академии информатизации, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Российский новый университет, академик Российской академии образования, действительный член Российской инженерной академии, академик Академии естественных наук Российской Федерации, почетный академик Международной академии науки, образования и технологий (Германия), академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствоведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, директор Института

and Social Communications, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation).

Włodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of the Szczecin University (Szczecin, Poland).

Gavrov Sergey Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Russian New University, Professor of Department of Sociology and Advertising Communications, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Nataliya Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian State Library, Member of the Russian Academy of Natural History, Acting Member and Member of Presidium of the Library Science Department International Informatization Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, International Informatization Academy, International Higher Education Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Department Chair of UNESCO, Russian New University, Academician of the Russian Academy of Education, Acting Member of the Russian Academy of Engineering, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Academician of International Academy of Science, Education and Technologies (Germany), Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of the Institute of Music of the Faculty of Arts, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valeriy Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Director of the Institute of

фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Русской секции Международной академии наук, вице-президент Русского отделения Международной академии наук, вице-президент Международной академии наук (Австрия), академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа в Хелме (г. Хелм, Польша).

Малыгина Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, РФ).

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, профессор, ректор Красноярского государственного института искусств, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член Научного совета Российской академии наук по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института

Fundamental and Applied Research of Moscow University for the Humanities, Academician-secretary of Humanitarian Sciences Section of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of the International Academy of Sciences (Austria), Academician of International Teacher's Training Academy of Science, Honorary Worker of Higher Professional Education, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Mazur Pyotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Pedagogy, State School of Higher Education in Chelm (Chelm, Poland).

Malygina Irina Viktorovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia Federation).

Moskalyuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Professor, Rector of Krasnoyarsk State Institute of Arts, Professor of Department of Music and Art Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilyevich, Dr of Art History, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Complex Problem "History of World Culture," Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician-secretary of the National Academy of Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoy Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Education,

педагогике, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет, член-корреспондент Российской академии образования (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и имени М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Академии Российской словесности, член Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, член Общественного совета и Совета по науке при Министерстве культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, директор Центра глобальных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, академик Международной академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель Секции информационной грамотности Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Циминь, профессор, Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigoryevna, Dr of Philological Sciences, Professor, Department Chair of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Uzhankov Aleksandr Nikolaevich, Dr of Philological Sciences, PhD in Culturology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Acting Member of Academy of Russian Literary Word, Member of of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Member of the Public Council and Council for Science of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ursul Arkadiy Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Academician of the International Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Jesús Lau, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Section of Information Literacy of the International Federation of Library Associations and Institutions (IFLA), Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Казаков Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Москва, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Проконова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры театрального искусства,

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher Research Centre Russian, State University Justice Ministry of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Moscow, Russian Federation).

Lesovichenko Andrey Mikhaylovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Folk Art, Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Martynov Anatoliy Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Petrovskiy Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Art History

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Theatre Art, Head of

заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, декан факультета режиссуры и актерского искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрового инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, член Союза композиторов России (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, директор НИИ межкультурной коммуникации и социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art History, Dean of Faculty of Directing and Acting Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Head of Department of Orchestral, Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Umnova Irina Gennadyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Member of the Russian Composers Union (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciences

Gendina Natalya Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Zaruba Natalya Andreevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Kostyuk Natalya Vasilyevna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Director of R&D Institute of Intercultural Communication and Sociocultural Technologies, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, проректор по научной и творческой деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Редлих Сергей Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

Panina Tatyana Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Pilko Irina Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Kemerovo State University of Culture, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomarev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Vice-rector for Scientific Research and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Redlikh Sergey Mikhaylovich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russia).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Садовой А. Н. Национальная политика как объект исследования: проблемы и перспективы системного и цивилизационного подходов.....	13
Белозёрова М. В. Цивилизационный подход в исследованиях общества Западного Кавказа: методологический аспект.....	27
Золотухин В. М. Социально-философский и культурологический аспекты экономического поведения в российской ментальности.....	36
Басалаева О. Г. Философские принципы культурной картины мира.....	42
Гаврилов О. Ф., Васильева Р. П. Идея конца истории: смысл, природа, социальное значение.....	49
Андреев А. В. Политические резонансы в системе коммуникации: предыстория концепта и становление методологии исследования.....	58
Рендашкина А. Н. Козволюция социокультурного пространства и религиозного сознания человека.....	69
Касаткина Т. А. Богословствование образами: иконы и картины на сюжеты «Благовещения» и «Рождества Христова».....	74
Шугуров П. Е. Городская культура в контексте тенденций массовой культуры.....	82
Рычкова И. В. К вопросу о жанровой типологии экранного наследия студии «Дальтелефильм»....	89
Штейнмиллер И. О. Периферийный театр как стратегический ресурс национальной консолидации.....	94
Макарчук С. В., Звягин С. П. Красноярская газета «Сусанин» в 1907–1914 годах: политическая и гражданская культура монархического издания.....	99
Палилей А. В., Бочкарёва Н. И. Народные праздники, обычаи и обряды казаков как источник поиска новых выразительных средств в постановочной деятельности балетмейстеров любительских коллективов.....	111
Диская Н. И., Зубанова Л. Б. Концептуальные основания развития региональной библиотеки: сценарии будущего.....	121
Урсул А. Д. Феномен культуры в глобальной эволюции (информационный ракурс).....	127

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Демешко Г. А. Звуковой ландшафт музыки в пространстве постиндустриальной культуры.....	136
Долгушина М. Г. «Вологодские губернские ведомости» как источник сведений о музыкальной жизни Вологды второй половины XIX века.....	144
Верба Н. И. «Русалка» Константина Бальмонта в русском романсе.....	153

Ху Инсюе. О развитии искусства ансамблевой игры на двух фортепиано в Китае.....	169
Слесарь Е. А., Кибардин А. А. Тенденции жанрообразования в зрелищных искусствах.....	175
Берсенева Е. В. О Брехте и его методе «очуждения» (спектакли-эксперименты В. Л. Климовского в Кемеровском театре драмы).....	182
Самитов Д. Г. «Театр четвертой улицы» Дэвида Росса в США.....	186

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Туралина Н. А., Сушкова Ю. Н. Межличностное общение и формирование корпоративной культуры в библиотеке.....	192
Гусев С. И., Кувшинов Ю. А. Социальные и педагогические аспекты безопасности обучающихся и преподавателей в образовательном учреждении.....	196
Белогай К. Н., Бугрова Н. А. Формирование образа будущего в период юности как проблема профессионального образования.....	205
Третьяков А. Л. Формирование информационной компетентности обучающихся в современном дополнительном образовании.....	216
Лю Яньчэнь. Психолого-педагогический подход в процессе формирования методических принципов начального фортепианного обучения детей в Китае.....	225
Ма Сяосюань. Мотивация младших школьников к игре на фортепиано: к проблеме понимания теории А. Маслоу, используемой в педагогическом процессе.....	231
Родионова Д. Д., Мастеница Е. Н. Проблема проектирования содержания программы профессиональной подготовки специалистов-музеологов в магистратуре: опыт, условия, принципы.....	241
Гук А. Г. Результативность и новые направления развития вузовской системы менеджмента качества (на примере Кемеровского государственного института культуры).....	250
Алфавитный указатель авторов.....	258

CONTENTS

CULTUROLOGY

Sadovoy A.N. National Policy as a Research Object. System and Civilizational Approaches: Problems and Prospects.....	13
Belozerova M.V. The Civilizational Approach in the Western Caucasus Society Study: Methodological Aspect.....	27
Zolotukhin V.M. Socio-philosophical and Culturological Aspects of Economic Behaviour in the Russian Mentality.....	36
Basalaeva O.G. Philosophical Principles of the Cultural World-view.....	42
Gavrilov O.F., Vasilyeva R.P. The Idea of the End of History: Meaning, Origin, Social Significance.....	49
Andreev A.V. Political Resonances in the System of Communication: the Prehistory of a Concept and Establishment of Research Methodology.....	58
Rendashkina A.N. Coevolution of Sociocultural Space and Religious Consciousness of a Person.....	69
Kasatkina T.A. Theology of Images: “Annunciation” and “Christmas” as Subjects of Icons and Pictures	74
Shugurov P.E. City Culture in the Context of Mass Culture Trends.....	82
Rychkova I.V. On the Genre Typology of Screen Legacy of the Studio “Daltefilm”.....	89
Steynmiller I.O. Peripheral Theatre as a Strategic Resource of National Consolidation.....	94
Makarchuk S.V., Zvyagin S.P. Krasnoyarsk Gazette “Susanin” in 1907-1914: Political and Civil Culture of the Monarchical Edition.....	99
Paliley A.V., Bochkareva N.I. Folk Festivals, Customs and Ceremonies of the Cossacks as a Source of Search For New Amateur Groups That are Expressive in the Production Activity of Choreographers.....	111
Diskaya N.I., Zubanova L.B. Conceptual Bases of Regional Library Development: Scenarios of the Future.....	121
Ursul A.D. Cultural Phenomenon in a Global Evolution (Information View).....	127

ART HISTORY

Demeshko G.A. The Soundscape of Music in Post-industrial Culture.....	136
Dolgushina M.G. “Vologda Provincial Gazette” as the Source of Data about the Musical Life in Vologda in the Second Half of the XIX Century.....	144
Verba N.I. “Russalka” by Konstantin Balmont in the Russian Romance.....	153
Hu Yingxue. About the Development of the Art of Playing Two Pianos in China.....	169

Slesar E.A., Kibardin A.A. Trends of Genre Genesis in Performing Arts.....	175
Berseneva E.V. Brecht and His Method of “Alienation” (V.L. Klimovsky Performances-experiments in the Kemerovo Drama Theatre).....	182
Samitov D.G. “4th Street Theatre” by David Ross in the USA.....	186

PEDAGOGICAL SCIENCES

Turanina N.A., Sushkova Yu.N. Interpersonal Communication and Formation of Corporate Culture in Libraries.....	192
Gusev S.I., Kuvshinov Yu.A. Social and Pedagogical Aspects of Safety of Trainees and Teachers at the Educational Institution.....	196
Belogay K.N., Bugrova N.A. Forming the Image of the Future in the Period of Youth as a Problem of Professional Education.....	205
Tretyakov A.L. Formation of Information Competence of Trainees in Modern Additional Education.....	216
Liu Yanchen. Psychological-pedagogical Approach in the Process of Forming the Methodical Principles in the Initial Teaching Children to Play the Piano in China.....	225
Ma Xiaoxuan. Motivation of the Pupils of the Initial School to Playing Piano: to the Problem of Understanding the Maslow’s Theory Used in the Teaching Process.....	231
Rodionova D.D., Mastenitsa E.N. The Problem of Designing the Content of the Professional Training Program for Master in Museology: Experience, Conditions, Principles.....	241
Guk A.G. Effectiveness and New Development Trends for University Quality Management System (on the Example of Kemerovo State University of Culture).....	250
List of Authors in Alphabetical Order.....	258

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 30+303.423

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИСТЕМНОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДОВ

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр РАН (г. Сочи, РФ). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Актуальность исследования истории национальной политики России в современной историографии определяется широким спектром оценок ее последствий, рассматриваемых с позиции малочисленных этносов, социальных страт и традиционных геополитических противников. Во многом дискуссионный характер проблематики определяется сменой научной парадигмы, попытками региональных историографов провести подмену «марксистско-ленинской» методологии «принципами» цивилизационного подхода, позволяющего акцентировать внимание на механизме (генезисе) этнокультурных процессов в среде этнических меньшинств. На основе применения системного подхода и компаративного анализа технологий решения «национального вопроса» (апробированных в России и сопредельных странах) проводится критика операционных возможностей цивилизационного подхода и научного инструментария, используемых в историографии при оценке этносоциальных последствий национальной политики России XIX – начала XXI века. **Предлагается система универсальных индикаторов, ориентированная на оценку эффективности национальной политики на основе многоаспектного анализа, учитывающего динамику изменения позиций как субъекта (государственных структур), так и объекта политики – социальных институтов этнических меньшинств.** Предлагаемый подход определяет анализ позиции сторон (субъекта и объекта национальной политика) как участников этнических (этнополитических, этнокультурных и др.) процессов.

Отдельно поднимается проблема определения механизма (причинно-следственных связей) исторического «мифотворчества», проявляющегося в работах, посвященных истории народов России. Впервые в историографии предлагается рассматривать это явление как этнический (этнокультурный, этнопотенстарный) процесс, не имеющий прямого отношения к основным тенденциям развития исторической науки.

В заключение сформулирована рабочая гипотеза о наличии прямой взаимосвязи между апробацией в региональной историографии (культурологии) цивилизационного подхода и отторжением сложившихся и формируемых концепций истории национальной политики.

Ключевые слов: цивилизационный подход, системный анализ, трансграничные районы России, этнические процессы, региональная историография, историческое мифотворчество, региональная историография.

NATIONAL POLICY AS A RESEARCH OBJECT. SYSTEM AND CIVILIZATIONAL APPROACHES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Sadovoy Aleksander Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Centre of the Russian Academy of Science (Sochi, Russian Federation)
E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

A wide range of national policy assessments in regional historiography determines the issues of relevance. The national policy of Russia is assessed from the position of ethnic minorities, social strata and geopolitical opponents. The debatable nature of the problems is determined by the scientific paradigms of change. Regional historiographers attempt to replace the “Marxist-Leninist” methodology with the principles of the “civilizational approach.” The basis of this activity is the thesis that only the “civilizational approach” allows to focus attention on the mechanism (genesis) of modern ethno-cultural processes among ethnic minorities. The article contains a criticism of the operational capabilities of the “civilizational approach” and scientific tools, which is used to identify the ethno-social consequences of Russia’s national policy during the 19th and early 21st centuries.

The use of the principles of the system approach and comparative analysis underlies the proposed criticism. Approved (in Russia and neighboring countries) social technologies of the “national issue” solutions are included in the subject area. A system of universal indicators for evaluating the national efficiency policy is proposed on the basis of a multidimensional analysis. Indicators are focused on identifying the dynamics of changing the positions of the parties: the subject (state) and the object (ethnic minority) of the national policy. All parties are regarded as active participants in ethnopolitical and ethno-cultural processes.

The problem of the mechanism (cause-effect relations) of historical “mythmaking determining,” manifested in regional historiography, is considered as an independent research field. For the first time in historiography, it is proposed to consider this phenomenon as an ethnic (ethno-cultural and ethnopolitical) process, that does not have a direct relationship to the historical science basic development tendencies.

The working hypothesis of the existence of a direct relationship between the “civilizational approach” approbation (in regional historiography (culturology) studies) and the formed concepts of the national policy effectiveness evaluation rejection is formulated in the conclusion.

Keywords: civilizational approach, system analysis, cross-border regions of Russia, ethnic processes, regional historiography, historical myth-making, regional historiography.

История национальной политики (далее – НП) Российского государства, как объект исследования никогда не теряла своей актуальности. В отечественной историографии это определялось полиэтничным и поликонфессиональным составом населения страны, спецификой внутренней политики, проводимой в центре и на окраинах. В зарубежной историографии – ролью Российского государства в геополитических процессах, определившей с начала XVIII века исторические судьбы населения стран Евразийского континента, и противостоянием «русской экспансии». В обоих случаях текущая этносоциальная обстановка («национальный вопрос») как отечественными, так и зарубежными историографами обобщенно рассматривалась как один из факторов

прямого воздействия на проводимый Россией внешнеполитический курс. Определялось это общеизвестными трендами политической истории Российского государства: периоды дестабилизации этносоциальной обстановки внутри страны или в «зонах влияния» (в границах так называемого «православного мира»), как правило, провоцировали внешнюю экспансию. При этом ни для одной из армий, вторгавшихся на территорию России с XVIII века, не был характерен моноэтнический состав. Как правило, они включали в себя подразделения «коллаборантов», формируемых по национальному признаку. Перманентное стремление геополитических противников России оказывать воздействие на ее правительство через этнические элиты также определяло их заинтересованность

в мониторинге этнических процессов и факторов, способствующих развитию сепаратистских тенденций. Особенно пристальное внимание было обращено на пограничные районы с характерным для них компактным проживанием этнических меньшинств и спецификой местного самоуправления и судопроизводства.

Необходимо отметить, что прямое или косвенное воздействие геополитических соперников России на этносоциальную обстановку (в ее границах) имеет перманентный характер. Оно не имеет прямой связи с изменением границ, сменой форм государственного устройства, идеологических (мировоззренческих) установок населения и политических режимов. Национальная политика России на всех этапах развития государственности выступала объектом критики как со стороны внешнеполитических противников, так и со стороны той части этнических элит, которая была ориентирована на повышение своего социального статуса. Наиболее заметно эти тенденции проявляются на «национальных окраинах» – трансграничных зонах, в которых соблюдение режима «охраны» оказывает более жесткое воздействие на систему социальных отношений в среде полиэтничного по составу населения. Во многом характер как межэтнических, так межгосударственных отношений в трансграничных районах определяется повсеместным несоответствием границ государств с изопрагмами этнических территорий.

Разделение этнических групп государственными границами объективно способствует тому, что НП граничащих друг с другом государств выступает поводом перманентной оценки со стороны субъекта НП – этнических групп, представляющих как титульные, так и не титульные этносы. В качестве примера можно привести характерное для 1940–1990-х годов противопоставление НП СССР в Восточной Германии и социальной политики, проводимой в ФРГ, ставшей одной из причин падения Берлинской стены и объединения Германии.

Во второй половине XIX века аналогичная «борьба» за «подданных» (своих и чужих) происходила в трансграничном Алтае-Саянском экорегионе между Российской империей и Цинским Китаем. Обе стороны проводили четко выраженную протекционистскую политику по отношению к автохтонному населению. Выражалась она в ми-

нимизации налогов (ясака), сохранении традиционной системы самоуправления и судопроизводства, подкупе национальных элит. В историографии неоднократно отмечалось стремление части населения приграничных районов (теленгитов, русских старообрядцев) сохранить свой особый статус населения трансграничных территорий. Так, теленгиты (долина р. Чулышман), пользуясь предоставленными налоговыми льготами, в течение первой половины XIX века сохраняли статус «двоеданцев», выплачивая налоги (ясак) Кабинету его Императорского Величества и Цинскому Китаю. Русские старообрядцы, заселившие Уймонскую котловину в течение XVIII–XIX веков, сохраняли правовой статус «инородцев», угрожая в случае его изменения эмиграцией на территорию Китая [11, с. 461–465]. Стремление сохранить этническую территорию, традиционную систему самоуправления и судопроизводства прослеживалось и в среде автохтонного населения побережье Черного моря (убыхи, шапсуги, абадзехи и др.). Достичь этого после завершения Кавказской войны (1817–1864) можно было только при получении особого правового статуса (по сравнению с переселенцами). Однако в этом пограничной районе предпринимаемые попытки достичь договоренности с военной администрацией оказались безуспешными. Мухаджирство (переселение в Турцию) стало следствием не только курса Османской империи, направленном на формирование (поддержку) очагов сопротивления автохтонного населения на «переданной» Российской империи территории побережья по итогам русско-турецких войн XVIII–XIX веков [2; 5], но и позицией самих этнических элит, выступающих против ломки традиционных социальных институтов, неизбежной после реформ 1860-х годов [12, с. 120–129].

Стоит акцентировать внимание на том, что НП в трансграничных районах повсеместно и на всех этапах исторического развития России имела определенные отличия от социальной политики, проводимой во «внутренних» районах. Особенно ярко эта тенденция проявлялась в районах, где государственные границы сопрягались с изопрагмами мировых религий. На Западном Кавказе эта граница проходила между христианством и мусульманством. В Саяно-Алтайском регионе – между христианством, мусульманством и буддиз-

мом. Во многом это определяло как специфику системы межэтнических коммуникаций, порою проявляющуюся в форме межконфессионального противодействия, так и специфику внутренней политики, в структуре которой национальная и конфессиональная политики находилась в прямой взаимосвязи.

Согласно «цивилизационному подходу», границы между локальными цивилизациями обычно «проводятся» по зонам контакта между мировыми религиями. В этой связи вполне объяснимы предпринимавшиеся в региональной историографии попытки анализа НП в трансграничных зонах как формы реакции правящих «элит» на различие мировоззренческих установок подконтрольного населения. Этнические чистки, этноцид, геноцид, выселение жителей из пограничных районов (подконтрольные государству миграции) в этом контексте рассматриваются как социальные технологии, направленные и на «стирание» культурных отличий в среде подвластного населения. В качестве примера можно привести геноцид армян в Османской империи (1915–1923), который сопровождался кампанией по полному стиранию культурного наследия. Армянские памятники и церкви взрывались, кладбища распахивались под поля, где сеяли кукурузу и пшеницу, армянские кварталы городов разрушались или занимались турецким и курдским населением и переименовывались. Следствием этого процесса стало сокращение зоны влияния Григорианской церкви. Если до Первой мировой войны в Турции существовало 30 епархий армянской церкви, то с уничтожением и изгнанием армянского населения осталась только одна епархия, которая находилась в ведении Константинопольского патриаршества, а число храмов кратно сократилось [17; 21]. После выселения автохтонного населения Причерноморья в Турции, российским правительством проводился контроль за конфессиональным составом переселенцев на Черноморское побережье. Зона прямого воздействия Османской империи и Персии («мусульманского мира») на Западном Кавказе, как следствие, последовательно сокращалась. Системы природопользования и жизнеобеспечения переселенцев не были идентичны существовавшим у автохтонного населения. Последовательно менялась и топонимика. Уже в начале XX века социально-экономическая инфраструк-

тура побережья не имела ничего общего с той, которую описывали в середине XIX века. «Цивилизационные» изменения были налицо.

При анализе НП как составляющей внутренней (социальной) политики можно увидеть, что формируемая под ее воздействием система межэтнических и межконфессиональных коммуникаций может рассматриваться (в сфере политических наук) в качестве фактора устойчивого регионального развития. Этот фактор раскрывается при анализе причинно-следственных связей процессов: а) государственного строительства на национальных окраинах; б) интеграции представителей традиционных социальных институтов (включая конфессиональные) и этнических элит в институты государственной власти; в) формирования унитарной системы местного управления (самоуправления) и судопроизводства; г) «выравнивания» уровней социально-экономического и культурного развития полиэтничного и поликонфессионального по составу населения страны; д) развития производящих секторов экономики в районах экстенсивных форм природопользования и т. д. Индикаторы, отражающие направленность, динамику и содержание каждого из перечисленных процессов, с учетом их взаимообусловленности, и предлагается рассматривать в качестве критериев (индикаторов) определения эффективности НП. Маркером эффективности НП выступает отсутствие крайних проявлений межэтнических и межконфессиональных конфликтов (с материальными и людскими потерями). Необходимо отметить, что формирование конфликтных ситуаций неизбежно, поскольку любой из определенных государством курсов социальной политики неизбежно затрагивает групповые интересы. Это могут быть позиции отдельных кланов (фамилий, патронимий) «этнических элит», заинтересованных в сохранении или повышении социального статуса как на внутри- так и на межгосударственном уровне. Связано это с тем, что для этнических элит трансграничных зон, как правило, характерны устойчивые связи (генеологические, конфессиональные, торговые и др.) с элитами сопредельных государств. Это позволяет выступать им не только в качестве субъекта (актора) НП, но и играть роль посредников при проведении внешнеполитического курса. В качестве примера можно привести место современ-

ных элит Республики Чечни как при регуляции межэтнических отношений на территории Северного Кавказа, так и в поддержке внешнеполитического курса Российского государства на территории Сирии.

По своему характеру социальные процессы, инициированные проводимым курсом НП, во многом идентичны как на территории РФ, так и в сопредельных государствах. На этой основе (логическом основании) вполне приемлем компаративный анализ, целью которого является оценка эффективности используемых социальных технологий по отношению к конкретным этническим группам, локализованным в трансграничных зонах. Эффективность политики сопредельных государств можно проследить по индикаторам, отражающим предоставляемые государственным структурами возможности сохранения: а) этнической самоидентификации; б) территории традиционного природопользования (этнической территории); в) уклада жизни, языка, религии и культуры. Предоставление каналов вертикальной мобильности для представителей национальных элит и условий развития этнического предпринимательства находится в этой же плоскости. Эффективность политики можно определить и на основе описательных источников, отражающих уровень благосостояния конкретных этнических групп, разделенных государственными границами как в динамике, так и по заданным хронологическим срезам. В этом контексте сопоставление политики Османской и Российской империй (Турции с СССР/РФ) как по отношению к армянам, так и автохтонным этносам Западного Кавказа, охваченным в конце XIX века движением мухаджирства, имеет логическое основание в контексте тех изменений, которые охватывают вторую половину XIX–XX столетий. Не вызывает сомнений, что в структуре российской государственности армянская диаспора развивалась более динамично, чем «черкесская» в Турции.

Широкие хронологические рамки компаративного анализа определяются тем, что при анализе НП ее краткосрочные (декларируемые) последствия не имеют принципиального значения. Наибольший интерес, как показывают уроки распада империй (Австро-Венгерской, Российской, Британской, Германской) и СССР, вызывают среднесрочные и долгосрочные последствия

проводимого ими курса НП. И здесь особый интерес представляют ситуации отторжения рядом этносов проводимого правительством СССР курса модернизации «национальных районов» (трансграничных зон). Курса, рассматриваемого национальными элитами (например, Прибалтики) в качестве фактора этнодемографической экспансии (изменение этнического состава) и стирания традиционной культуры (этноцида). Эта конфликтная ситуация рассматривалась не только в контексте недостаточно обоснованных обвинений в снижении уровня благосостояния и низкого качества жизни «оккупированных» народов, эти показатели в трансграничных районах на западе России были выше среднестатистических показателей в ее центральной части – этнической территории русских, но и в отказе в признании «цивилизационной составляющей» НП по отношению к субъекту политики со стороны государства и переселенцев (представителей «титовых» этносов), рассматриваемых в качестве «проводника» политики этноцида.

Следует акцентировать внимание на наличии исключительно сложной для восприятия системы взаимосвязей между политическими, социально-экономическими и этническими процессами. Каждый из них вне зависимости от форм правовой регуляции, учета или игнорирования этнических интересов меньшинств (объекта политики) выступает формой проявления НП. В силу этого традиционный для отечественной историографии подход – выявлять основные тренды социальной политики на основе нормативных источников (законов, постановлений, распоряжений, подзаконных актов и т. д.) – имеет ограниченные операционные возможности для анализа последствий НП в районах, где основной формой регуляции выступают нормы обычного или конфессионального права. На это следует обратить особое внимание, поскольку в официальной историографии сформировалась опирающаяся на принципы марксистско-ленинской методологии традиция отражения прямой связи между процессами политического регулирования (например, программой КПСС или Стратегией национальной политики) и процессами социально-экономического и культурного развития в среде этнических меньшинств. Этот подход акцентирует внимание на технологиях управления социальными процессами. Послед-

ние «выявляются» на основе анализа правовых актов и справок по достижению промежуточных результатов в ходе реализации целевых программ социально-экономического и культурного развития этнических меньшинств. Отложившиеся делопроизводственные источники, как правило, не сориентированы на отражение этносоциальной обстановки по субъекту в целом (СССР, РФ) или прогноз ее изменения. Эффективность оценивается на основе отражения факта достижения поставленных целей. Односторонность этого подхода проявляется при анализе долгосрочных последствий, принятых на съездах КПСС решений, рассматриваемых в советской историографии как детерминирующий фактор формирования единой исторической общности («советский народ») или «развития» национальных культур. Центробежный характер социальных процессов, охвативших территорию СССР и стран Варшавского договора, отразил отсутствие линейной связи между динамикой политического, социально-экономического и культурного развития национальных окраин и стабилизацией этносоциальной обстановки в трансграничных (пограничных) районах, по которым и пошел раскол СССР. Одним из факторов распада российской государственности послужил антагонистический характер оценок эффективности курса НП со стороны лидеров правящей партии (КПСС) и сформированных (в ее структуре) национальных элит.

Однако, на наш взгляд, ошибки в прогнозе развития межнациональных отношений не имеют прямого отношения к марксистско-ленинской методологии, использованной обществоведами второй половины XX века. Заложенные в ее основе принципы системного анализа, методы выявления и анализа социальных процессов (явных и латентных) позволяли выйти на средне- и долгосрочный научный прогноз общей направленности и форм проявления сепаратизма в трансграничных районах, обозначить основной круг социально-экономических и культурных противоречий, определивших социальную базу этого явления. Причина отказа со стороны органов исполнительной власти от научного прогноза реакции населения (включая этнические меньшинств) на проводимый курс НП находилась не в плоскости методологических проблем в сфере общественных и гуманитарных наук. Проблема

заклучалась в отторжении положения, согласно которому принципы интернационализма (основа НП КПСС) однозначно не выступают фактором стабилизации этносоциальной обстановки. Признание, что индустриальное развитие национальных окраин однозначно не приводит к модернизации социальных отношений и вызывает отторжение национальных элит, вне зависимости от их принадлежности к КПСС, фактически было аналогично признанию неэффективности НП КПСС в целом. Немаловажным фактором выступало и то обстоятельство, что в отличие от США, Канады и стран Европы в СССР фактически была свернута система подготовки специалистов в сфере межэтнических и межконфессиональных коммуникаций [13]. В силу этого прогнозы изменения этносоциальной обстановки в перманентных очагах межэтнической напряженности оставались прерогативой силовых структур, а не научных центров.

Неисчерпанные операционные возможности общей теории систем (системного подхода), сформированной в СССР в 1970-е годы в структуре марксистско-ленинской методологии ([19; 20] и др.), прослеживаются по современным исследованиям, сориентированным на организацию мониторинга этносоциальной обстановки в субъектах РФ [3; 4; 9; 14]. Используемый отечественными специалистами (социологами, этнографами, историками) научный инструментарий этнологических экспертиз в целом идентичен инструментарию прикладной и социальной антропологии (Великобритания, США). Сопоставимы: терминология, алгоритмы применяемых методик, техники презентации получаемых выводов, отражающих направленность, динамику, отличия групповых интересов акторов этнических процессов. В отличие от отечественной культурологии, ориентированной на исследование составляющих культурогенез процессов в отрыве от его носителей (этносов и этнических групп), в этнической социологии и прикладной антропологии фактически не используются категории «цивилизационного подхода». Связано это с их невнятным операционными возможностями в исследовании этнических процессов. Как правило, эти процедуры идентичны анализу «групповых интересов» и выявлению (на основе синтеза) механизма генезиса очагов межэтнической и межконфессио-

нальной напряженности. При исследовании НП необходимо учитывать, что в транграничных зонах конфликты, как правило, имеют многовековую историю.

Отличие в подходах не позволяет утверждать, что в сфере общественных и гуманитарных наук, ориентированных на исследование этнических процессов и НП происходит смена научной парадигмы. «Контактная зона» между отечественной и зарубежной историографиями проходит на основе системного подхода и компаративного анализа (сравнительно-генетического и сравнительно-типологического), позволяющего унифицировать представления о природе этнических процессов как одной из форм проявления социогнеза. Этим во многом определяется предметная область интеграционных по характеру исследований, объединяющая историков, этнологов, социологов, политологов.

Отталкиваясь от социологических категорий Петра Штомка [18, с. 455–471] НП как России, так и сопредельных стран по форме выступает в качестве *ступенчатого направленного процесса*, вызванного экзогенными (внешнеполитическими) и эндогенными (внутриполитическими) факторами. Это процесс характеризуется постоянно возрастающей степенью изменений как субъекта НП (органов государственной власти) так и его объектов – традиционных социальных институтов и систем жизнеобеспечения этнических меньшинств. С учетом полиэтничного и поликонфессионального состава России, вызванные изменения проявляются в форме – *многолинейного развития* – процесса, при котором вызванные НП перемены в отличающихся национальным и конфессиональным составом районах имеют лишь *приблизительно* общее направление. Социальные изменения происходят различным способом, разными путями, в зависимости от конкретных исторических и культурных условий этнических сообществ, выступающих объектом политики.

На наш взгляд, именно многолинейный характер социокультурного развития в среде различных этносов РФ определил ситуацию в региональной историографии, при которой частью национальных элит не проводится серьезной грани между содержанием НП Российского государства на разных этапах (ступенях) его развития. Здесь мы руководствуемся положением, что фор-

мирование концепций этнической истории в многоэтнической среде однозначно является одной из форм этнокультурного процесса, направленного на сохранение этнической самоидентификации. Этот факт воздействия проблем этнической самоидентификации исследователя на восприятие (субъективное) им истории своего этноса часто игнорируется в отечественной историографии, стоящей на позиции, что наука (включая историю) во всех своих проявлениях носит «объективный» характер (принцип «объективизма»).

Однако необходимо отталкиваться от факта. В региональной историографии, развивающейся в полиэтничных субъектах РФ, имперский (дореволюционный), советский и постсоветский периоды российской государственности *уже* рассматриваются в едином контексте. Реально осуществляется отход от характерного для советской историографии принципа разграничения НП имперской России как «тюрьмы народов» и НП в СССР, направленной на «развитие национальных культур» на основе принципов интернационализма (в 1920–1940-е годы – пролетарского). Осознанный отказ от «наследия советских времен» прослеживается по установкам в оценке НП России, содержащимся в школьных учебниках по истории национальных государств, изданных на постсоветском пространстве в 1990–2010-е годы. Элементы критики НП Российского государства в конце XX века выступали и в качестве основы концепций и платформ национальных общественных движений и организаций.

Школьные учебники, как историографический источник, представляют для нас особый интерес. С одной стороны, прямым воздействием на мировоззренческие установки подрастающих поколений, проявляющейся тенденцией «культурного разрыва» между родившимися в период «национальной независимости» и поколениями, сохранившими память (как позитивную, так и негативную) о предшествующем обретению суверенитета этапе этнической истории. С другой стороны, возможностью очертить основные тенденции социальных изменений в среде региональной историографии на постсоветском пространстве. Здесь мы руководствуемся положением, согласно которому публикуемые учебные материалы являются одной из форм «материализации» изменения не только общественного (группового) сознания,

но и социальных связей в среде профессионального сообщества, вынужденного в той или иной мере реагировать на изменение своей социальной среды. Спектр изменения этой среды исключительно широк. К нему можно отнести изменения форм государственного устройства, политического режима, идеологических установок, характера внешнеполитического воздействия (например, условий международных фондов и программ) и перспектив получения определенных предпочтений от осознанной «смены» научной парадигмы или сформированных ранее концепций.

В соответствии с системным подходом мы и предлагаем рассматривать профессиональное сообщество – региональных историков, политологов, культурологов и др., определяющих смену идеологических установок, – в качестве динамично меняющейся системы социальных связей. Ее системообразующие связи формируются в непрерывном процессе – получения образования, трудоустройства, профессионального роста, интеграции в систему научных коммуникаций, участия в конференциях, прохождения конкурсов на получение грантов, реализации проектов, издания результатов исследований и т. д. В предложенном контексте проводимые в СМИ тезисы о том, что изменение содержания издаваемых на постсоветском пространстве учебников находится в прямой зависимости от «злой воли» политических сил и иностранных финансистов (например, Сороса), выглядят линейно. Они не отражают механизма (причинно-следственных связей) протекающих этнокультурных по содержанию процессов, охватывающих не только политические, но и научные сферы общественной деятельности. В этой связи изменение взглядов на исторические и этнические процессы в общественном сознании населения постсоветских республик, на наш взгляд, является проявлением состояния бифуркации, в первую очередь, в среде специалистов в сфере гуманитарных наук. Можно отметить нарушение «логики предшествующего развития» региональной историографии, ограничивающей возможности осознанного выбора и определяющей крайне ограниченные возможности прогноза направлений качественного изменения ситуации в целом. Сформировались условия для такого процесса, как «историческое мифотворчество», охватывающего не только политические группировки,

ориентированные на удержание (захват) власти и смену общественного сознания на основе отрицания отдельных этапов этнической истории, но и части профессионального сообщества, которое уже трудно назвать «научным».

Представляется, что профессиональное сообщество республик постсоветского пространства (за исключением Белоруссии и Армении) трансформировано в хаотическую систему, в которой случайные отклонения (флуктуации) социальных системообразующих связей последовательно ведут к смене традиции формирования исторического знания и его передачи следующим поколениям специалистов. То, что «хаотизация» сообщества приобретает форму процесса, имеющего широкие границы, отражают выставленные в сети Интернет результаты анализа 187 учебников, изданных в странах СНГ. В этих изданиях представлена история национальной государственности, «основанная на мифах об автохтонности, о прародине, о лингвистической преемственности, о славных предках, о культуртрегерстве, об этнической однородности, о извечном заклятом враге. В качестве врага используются образы России и русских» [1; 10; 15].

Формируемое социокультурное пространство ставит вопрос о содержании этого процесса: можно ли эти процессы рассматривать как *развитие* историографии – направленный процесс, вызванный эндогенными факторами (формирование национальной государственности), в котором степень изменений будет постоянно нарастать, определяя получение более или менее объективной картины об этнической истории народов бывшей Российской империи и СССР? Или оценивать как *регресс* – процесс, который отдаляет общество (социальные институты) от объективного (комплексного) восприятия взаимосвязи между этническими, социально-экономическими и политическими процессами, то есть целостного представления об этнической истории на разных этапах исторического развития? Или мы сталкиваемся с качественным изменением исторических концепций как проявлением так называемого *скачкообразного развития*, при котором последовательное аккумулирование (накопления) изменений в трактовках отдельных исторических событий приведет к определенному «порогу насыщения», за которыми неизбежно наступает кар-

динальное и качественное изменение трактовки содержания истории СССР и РФ, как полиэтничного и поликонфессионального государства?

Проблема осознания отечественными и зарубежными историками и этнографами природы качественного изменения трактовок, оценки, общей для народов империи и СССР, связана с разрывом отношений между бывшими республиканскими научными центрами. С отказом от русского языка как языка межэтнического общения в научном сообществе исчезла и традиция научной критики формируемых в угоду текущей политической конъюнктуры концепций. В силу этого проявления *скачкообразного развития* в переоценке истории российской государственности связаны не столько с расширением перечня монографических и научно-справочных изданий на постсоветском пространстве, малодоступных российским исследователям, сколько с исключительно широким спектром учебной литературы для средних школ и высших учебных заведений, ссылками в масс-медиа на экспозиции «музеев оккупации», содержанием телевизионных передач.

На ограниченном характере доступных современных историографических источников следует акцентировать особое внимание. В настоящее время он не позволяет дать прогноз развитию этнической истории народов РФ и постсоветских государств как науки. Определяется это проблемами анализа текущей деятельности научного сообщества. Согласно традиционной практике концепции исторического развития, адаптированные для учебной литературы (начальной, средней и высшей ступеней образования), являлись результатом синтеза научно-обоснованных и принятых научным сообществом идей специалистов в строго заданных сферах знания. Каждая из адаптированных к учебнику идей или концепций опирается на общепринятый список научных категорий (определений) и принцип научной подотчетности. Согласно последнему в используемых научных текстах приводятся ссылки на не вызывающие серьезных сомнений разноплановые источники, включая историографические источники, отражающие вклад предшественников в исследование поднимаемой проблематики, или общественно-политические, или религиозные системы, определившие общую направленность исторического развития. По степени значимости (степени обо-

снованности) наиболее информационно емкими считаются энциклопедические издания, к формированию которых привлекаются ведущие специалисты страны, монографии в академических изданиях, диссертационные (докторские) исследования, статьи в периодических рецензируемых изданиях. Значимость этой группы источников определяется тем, что выдвигаемые в них теории и концепции прошли научную экспертизу. В силу этого возможности плагиата и фальсификации сужены. Примененный научный инструментарий, как правило, имеет четко выраженный алгоритм (от выявления источников, до обобщения вычлененной из них информации). Именно выстроенная веками традиция исторических исследований проводит грань между профессиональным историком и краеведом. Только она позволяет «вписать» выявленные социальные процессы в контекст глобальных, выстроить рабочую гипотезу о механизме («причинно-следственных») связей выявленного процесса и дать его оценку с учетом групповых интересов его участников. То есть в какой-то мере осознанное стремление исследователя приблизится к адекватной оценке изучаемого исторического (процесса) и выступает основанием для его включения в профессиональное сообщество через процедуру публичной защиты своих выводов. Речь идет о результатах и культуре научно-исследовательской работы, а не взглядах или представлениях, политических или религиозных деятелей.

Если предположить, что столь качественное изменение взглядов на НП Российской империи и СССР в образованных на постсоветском пространстве государствах и странах бывшего Варшавского договора обусловлено последовательной сменой научных парадигм, вызванных отходом от марксистско-ленинской методологии и переключением на позиции «цивилизационного подхода», то возникает вопрос: чем вызван этот процесс? Существует несколько вариантов трактовки механизма проявления этого феномена. Если акцентировать внимание на его имманентной природе, то он выступает как форма реакции «национальных академий», созданных в СССР, на социальный запрос снизу, заданным всплеском этнического самосознания и вытеснением «иноэтнического» элемента за пределы «своих» (национальных) государственных образований.

В этом контексте «историческое мифотворчество» выступает в форме «исторической макулатуры», запрашиваемой на рынке – националистической по форме и ненаучной по содержанию. Профессионалы не рассматривают эти публикации в качестве историографических источников, достойных научной критики. Проблема заключается в том, что этот фактор может быть проигнорирован на уровне учебно-методических изданий, к созданию которых специалисты могли быть и не привлечены. Разрыв между наукой и издательским рынком – тенденция характерная для всего постсоветского пространства, включая РФ. Как и повышенный спрос в кризисные годы на националистическую по содержанию литературу.

Источником изменений концепций может выступать и внешний фактор: компиляция исторических работ, изданных в странах, выступающих геополитическими противниками СССР. В этом контексте ссылка на «цивилизационный подход» также не имеет никакого отношения к смене научных парадигм. Из стран Европы перенимаются и распространяются на постсоветское пространство не методология и методы исследования, а уже сделанные ранее оценки, каждая из которых может выступать объектом научной критики. Возникает вопрос: насколько этот процесс можно оценивать как проявление «скачкообразного развития»?

Акцентирование внимания на глобальных тенденциях развития историографии (как истории исторической науки), знакомых каждому из профессиональных историков по учебным курсам историографии, источниковедения и методам исторических исследований, необходимо в связи с тем, что содержание учебников истории на постсоветском пространстве однозначно свидетельствует об упадке «культуры» исторического исследования на постсоветском пространстве. Содержание ряда изданных учебников вызывает сомнение как в профессиональной компетентности их составителей и издателей, так и возможности их публичной защиты в профессиональном сообществе. Это дает основания для формирования рабочей гипотезы о социальной обусловленности регресса региональной историографии. Эта тенденция проявляется в отдалении части профессионального сообщества от достигнутых и общепринятых на предшествующем этапе раз-

вития науки уровне алгоритмов исследования социальных процессов.

Основным доводом в сторону регресса выступает не столько отторжение историографами национальных республик высказанных во времена СССР и постсоветский период концепций, сколько крайне невнятный научный инструментарий, используемый для формирования этих новых концепций, существенно затрудняющий их научную критику. Связано это с тем, что предлагаемый цивилизационный подход по своим целевым установкам ориентирован на выявление макропроцессов. Во многом он опирается на концепции диффузионизма и культурных центров (ареалов, кругов и т. д.), ориентированных на исследования культурогенеза как глобального процесса. Как следствие этот подход, эффективный в дидактике, в силу заданных широких хронологических и территориальных рамок не ориентирован на исследование конкретных этносов и национальных государственных образований, социальных институтов, систем жизнеобеспечения технологий власти. В связи с этим исследование НП и ее социокультурных последствий на этой основе не имеет ясных перспектив. Выстроенные на основе этого подхода концепции обречены быть объектом постоянной критики. Не менее показательным признаком регресса исторической мысли может выступать и формирование социальных утопий – представлений о добром, счастливом, совершенном этническом сообществе будущего, построение которого возможно только на основе полного стирания или переформатирования исторической памяти, или прошлого, растоптанного злыми «оккупантами».

Необходимо отметить, что проблема формирования исторического знания на периферии Российского государства вышла на внутривнутриполитическую плоскость. Так, запрос на организацию мониторинга изменений общественного сознания и неоднозначных трактовок истории России на постсоветском пространстве в настоящее время уже проявляется в формировании повестки дня Совета по делам национальностей при Президенте РФ. При этом проблема исторического образования поставлена в контекст выбора социальных технологий интеграции мигрантов из постсоветских республик в российское общество [8]. Проводимые в зарубежной историографии оценки НП

России вызывают опасение и в контексте крайне настороженного отношения властных структур к последствиям информационной войны 1990-х годов, в ходе которой через масс-медиа осуществлялись «вбросы» далеко небеспорных фактов, «свидетельствующих» (по мнению авторов публикаций) об «ущербности» российской истории, «порочной» роли исторических лидеров в мировой истории, приоритете зарубежной историографии и «цивилизационного подхода» в анализе глобальных исторических процессов, ущербности марксистско-ленинской методологии и т. д. За пределами внимания значительной части специалистов в области общественных и гуманитарных, а тем более естественных наук осталось то, что в основу динамично меняющихся трактовок легли не столько «исторические факты» как факты действительности, реальность которых прослеживается по трем и более независимым друг от друга источникам, а «историографические факты» – суждения, мнения, трактовки о событиях, которыми авторы этих суждений далеко не всегда были свидетелями. Подобный «отход» от марксистско-ленинской методологии объективно привел к «дискредитации» методов исследования социальных процессов на основе формационной теории. Принципы «политкорректности» определяли «терпимость» общества к проводимым через масс-медиа трактовкам истории российской государственности, не опирающимся, как правило, на анализ источников и научную критику сформировавшихся в историографии концепций.

Хаотизация региональной историографии как процесса, определяющего «историческое мифотворчество» на постсоветском пространстве, охватывала не только выделившиеся из СССР республики, но и собственно территорию России. Классическим примером «мифотворчества» на отечественной почве выступали концепции «альтернативной истории» (А. Т. Фоменко, Д. В. Калужный и др.), публикуемые с начала 1990-х годов тиражами, существенно превышающими издания ведущих специалистов в области отечественной истории. В этой же плоскости последствий «критического пересмотра» отечественной истории можно рассматривать и вал малотиражных учебно-методических разработок по отечественной истории, издаваемых в сотнях университетов и педагогических институ-

тов, десятки учебников по истории, одобренных в свое время на федеральном (министерском) уровне, а в настоящее время признанных несоответствующими принятым стандартам и выводимых из учебного процесса.

В предложенном контексте проблем, сложившихся в историографии, проявляется необходимость существенного расширения предметной области работ, ориентированных на исследование этнической истории народов, сформировавших российскую государственность, и текущих этнических процессов центростремительной направленности (тенденций сепаратизма). К сожалению, при проявляющейся в общественных науках тенденции рассматривать этнографию (этнологию) в качестве исторической дисциплины, изучающей исключительно архаику, сохраняются риски невключения ее проблематики в список приоритетных направлений развития отечественной науки.

Многие из проявившихся в субъектах РФ процессов и тенденций остаются за пределами внимания не только политиков, но и специалистов. К их числу однозначно можно отнести: а) изменение этнического и конфессионального состава населения (по субъектам РФ, районам, муниципальным образованиям); б) региональные отличия в процессах воспроизводства населения (по этническим и конфессиональным группам); в) развитие этнического предпринимательства и перераспределения этнических секторов экономики; г) изменение форм «этнического» представительства во властных и силовых структурах; д) смена традиционной культуры разными формами проявления «фольклоризма»; е) усиление позиций норм обычного права как основного регулятора социальных отношений в труднодоступных этнических анклавах; в) социальная стратификация по этническому признаку и т. д. Как уже отмечалось не только исследование, но и прогнозирование этих процессов возможно только комплексно – на основе системного подхода. А не на основе анализа последствий этого взаимодействия – проявлений межэтнической напряженности. Здесь мы руководствуемся положением, что в основе межэтнических конфликтов заложен широкий спектр не только экономических, но и, собственно, этнических интересов, ориентированных на сохранение этнической самоидентификации. На основе «исторического мифотворчества» эти

интересы, как правило, реализуются в осознанно формируемом под знаком национализма неправовом поле. В отдельных случаях – под религиозными лозунгами и ссылками на необходимость ликвидации любых форм «гнета» («атеистического», «колониального», коммунистического и т. д.). Индикаторами этих процессов выступают: развитие этнических форм преступности, рост коррупции, динамично меняющийся этнический состав и формирование органов власти по этническому и клановому (родовому) признаку, последовательное и осознанное свертывание институтов гражданского общества.

В предложенном выше контексте мифотворчество с характерным для него использованием категорий «цивилизационного подхода» про-

является в форме этнического процесса (этнокультурного, этнопотестарного), не имеющего прямого отношения к основным тенденциям развития исторической науки. Как повсеместно фиксируемое на постсоветском пространстве явление, оказывающее воздействие на проводимый курс внешней и внутренней (национальной) политики, этот процесс может выступать отдельным объектом исследования в области этнологии и культурологии. Особый интерес представляет его направленность, поиск ответа на вопрос: насколько вызванные мифотворчеством социальные процессы в среде профессионального сообщества историков НП могут приобрести необратимый характер в трактовке этнической истории населения СССР?

Литература

1. Алехина Ю. Как наша Россия выглядит в учебниках истории стран бывшего СССР [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – Краснодар. 13.12.2017. – URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851> (дата обращения: 05.02.2018).
2. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. – 120 с.
3. Бойко В. И., Садовой А. Н., Нечипоренко О. В., Поддубиков В. В., Белозёрова М. В. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского района Кемеровской области. – Новосибирск: Параллель, 2008. – Вып. 2. – 232 с.
4. Василькова Т. Н., Еврай А. В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). – М.: Шадринск: Шадринский дом печати, 2011. – 267 с.
5. Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). – Нальчик: КБИГИ РАН, 2014.
6. Лайпанов Х. О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды КЧНИИ / отв. ред. Р. А.-Х. Джанибекова. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1966. – Вып. V. – С. 111–131.
7. Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. – М., 2012. – 133 с.
8. Материалы совместного заседания Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики, Комиссии по вопросам образования и исторического просвещения, Комиссии по миграционным вопросам и социально-культурной адаптации иностранных граждан Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. г. Москва, Медиа-центр «Межнац-Инфо», 26.01.2018 // Текущий архив лаборатории этносоциальных проблем СНИЦ РАН.
9. Мурашко О. А. Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. – М.: RAIPON, 2002. – 131 с.
10. Россия – «коварный враг» и «оккупант», а мы – самые древние: чему учат детей в школах стран СНГ [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. – 31.12.2012. – URL: <http://regnum.ru/news/1610250.html>.
11. Садовой А. Н. Основные факторы формирования протекционистской национальной политики в южно-сибирском регионе (XVIII–XIX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы VI годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 461–465.
12. Садовой А. Н., Белозерова М. В. Социальная стратификация черкесов Причерноморья в конце XIX – начале XX века. Сословный и классовый аспекты анализа // Тр. Ростов. гос. ун-та путей сообщения: науч.-техн. журн. – Ростов н/Д., 2016. – № 1 (34). – С. 120–129.

13. Садовой А. Н. Проблемы этнологического образование в системе подготовки гуманитариев (проблемы и опыт решения) // Тр. Ростов. гос. ун-та путей сообщения: науч.-техн. журн. – Ростов н/Д., 2014. – № 1(26). – С. 130–135.
14. Садовой А. Н., Нечипоренко О. В., Поддубиков В. В., Белозёрова М. В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации М. О. «Город Мыски». – Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005. – Вып. 1. – 216 с.
15. Северьянов М., Лебединский В. Докопаться до правды, или Кто и зачем переписывает историю [Электронный ресурс] // Красноярская газета. Красноярск. 28.12.2012. – URL: <https://subscribe.ru/group/svobodnyj-mikrofon/3524022/> (дата обращения: 05.02.2018).
16. Сичкарь А. В. Переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю (50–60-е годы XIX века): причины, характер, последствия: автореф. дис. канд. ист. наук. – Владикавказ, 2009.
17. Судьба армянских храмов в Турции [Электронный ресурс]. – URL: <https://ok.ru/armeniyajand000ttrf/topic/65525433415094> (дата обращения: 05.02.2018).
18. Штомка П. Анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
19. Юдин Э. Г., Блауберг И. В. Системный подход, предпосылки, проблемы, трудности. – М.: Знание, 1969. – 48 с.
20. Юдин Э. Г., Блауберг И. В. Становление и сущность системного подхода. – М.: Мысль, 1973. – 270 с.
21. Armenian church // Encyclopedia Americana. Vol. 2. Ankara to Azusa. – Danbury Conn.: Scholastic Library Publ., 2005. – V. 2. – P. 338–339.

References

1. Alekhina Yu. Kak nasha Rossiya vyglyadit v uchebnikakh istorii stran byvshego SSSR [How does our Russia look in textbooks of the history of the countries of the former USSR]. *Komsomol'skaya pravda. Krasnodar*, 13.12.2017. (In Russ.). Available at: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851> (accessed 5.02.2018).
2. Baderkhan F. *Severokavkazskaya diaspora v Turtsii, Sirii i Iordanii (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka)* [North Caucasus diaspora in Turkey, Syria and Jordan (second half of the XIX-first half of the XX century)]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2001. 120 p. (In Russ.).
3. Boyko V.I., Sadovoy A.N., Nechiporenko O.V., Poddubikov V.V., Belozerova M.V. i dr. *Etnologicheskaya ekspertiza. Etnopoliticheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teletov Belovskogo i Guryevskogo rayona Kemerovskoy oblasti* [Ethnological expertise. Ethnopolitical, socio-economic and ethno-demographic processes among the Teleuts of Belov and Guryevsky districts of the Kemerovo Region]. Novosibirsk, Parallel Publ., 2008, iss. 2. 232 p. (In Russ.).
4. Vasilkova T.N., Evray A.V., Martynova E.P., Novikova N.I. *Korennyye malochislennyye narody i promyshlennnoe razvitie Arktiki (Etnologicheskii monitoring v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge)* [Indigenous peoples and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamalo-Nenets Autonomous District)]. Moscow, Shadrinsk, Shadrinskiy dom pechati Publ., 2011. 267 p. (In Russ.).
5. *Kavkazskaya vojna: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa (k 150-letiyu okonchaniya)* [The Caucasian War: Actual Problems of Historical Discourse (to the 150th Anniversary of the End)]. Nalchik, KBIGI RAN Publ., 2014. (In Russ.).
6. Laypanov Kh.O. K istorii pereseleniya gortsev Severnogo Kavkaza v Turtsiyu [To the history of the migration of the mountaineers of the North Caucasus to Turkey]. *Trudy KChNII* [Proceedings of the KCNII]. Stavropol, Stavropolskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1966, iss. V, pp. 111-131. (In Russ.).
7. Martynova E.P., Novikova N.I. *Tazovskie nentsy v usloviyakh neftegazovogo osvoeniya* [Taz Nenets in oil and gas development]. Moscow, 2012. 133 p. (In Russ.).
8. Materialy sovmestnogo zasedaniya Komissii po voprosam informatsionnogo soprovozhdeniya gosudarstvennoy natsional'noy politiki, Komissii po voprosam obrazovaniya i istoricheskogo prosveshcheniya, Komissii po migratsionnym voprosam i sotsial'no-kul'turnoy adaptatsii inostrannykh grazhdan Soveta pri Prezidente RF po mezhnatsional'nym otnosheniyam. g. Moskva, Media-tsentr «Mezhnats-Info», 26.01.2018 [Materials of the joint meeting of the Commission on Information Support of the State National Policy, the Commission for Education and Historical Education, the Commission on Migration Affairs and Social and Cultural Adaptation of Foreign Citizens of the Presidential Council on Interethnic Relations. Moscow, Medanac-Info Media Center, January 26, 2013]. *Tekushchiy arkhiv laboratorii etnosotsial'nykh problem SNITs RAN* [Current archive of the Laboratory of Ethnosocial Problems]. (In Russ., unpublished).

9. Murashko O.A. *Opyt provedeniya etnologicheskoy ekspertizy: otsenka potentsial'nogo vozdeystviya programmy OAO "Gazprom" poiskovo-razvedochnykh rabot v akvatoriyakh Obskoy i Tazovskoy gub na komponenty ustoychivogo razvitiya etnicheskikh grupp malochislennykh narodov Severa [Experience in carrying out ethnological expertise: assessing the potential impact of the exploration program in the water areas of Ob and Taz Bay on the components of sustainable development of ethnic groups of small peoples of the North.]*. Moscow, RAIPON Publ., 2002. 131 p. (In Russ.).
10. Rossiya – “kovarnyy vrag” i “okkupant”, a my – samye drevnie: chemu uchat detey v shkolakh stran SNG [Russia is an “insidious enemy” and “occupier”, and we are the most ancient: what children learn in schools of the CIS countries]. *Informatsionnoe agentstvo REGNUM [Information agency REGNUM]*. (In Russ.). Available at: <http://regnum.ru/news/1610250.html>.
11. Sadovoy A.N. Osnovnye faktory formirovaniya protektsionistskoy natsional'noy politiki v yuzhno-sibirskom regione (XVIII-XIX veka) [The main factors of the formation of protectionist national policy in the South Siberian region (XVIII-XIX centuries)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy VI godovoy itogovoy sessii IAI Et SO RAN [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Materials of the VI annual summary session IAI ET SB RAS]*. Novosibirsk, IAI Et SO RAN Publ., 1998, vol. IV, pp. 461-465. (In Russ.).
12. Sadovoy A.N., Belozherova M.V. Sotsial'naya stratifikatsiya cherkesov Prichernomor'ya v kontse XIX – nachale XX veka. Soslovnnyy i klassovyy aspekty analiza [Social stratification of the Circassians of the Black Sea region in the late XIX – early XX century. Class and class aspects of analysis]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: nauchno-tehnicheskii zhurnal [Proceedings of the Rostov State University of Communications. Scientific and technical journal]*. Rostov-na-Donu, 2016, no. 1, pp. 120-129. (In Russ.).
13. Sadovoy A.N. Problemy etnologicheskogo obrazovanie v sisteme podgotovki gumanitariyev (problemy i opyt resheniya) [Problems of ethnological education in the system of training humanitarians (problems and experience in solving)]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: nauchno-tehnicheskii zhurnal [Proceedings of the Rostov State University of Communications. Scientific and Technical Journal]*. Rostov-na-Donu, 2014, no. 1(26), pp. 130-135. (In Russ.).
14. Sadovoy A.N., Nechiporenko O.V., Poddubikov V.V., Belozherova M.V. i dr. *Etnologicheskaya ekspertiza. Otsenka vozdeystviya OOO «MetAL» (OAO MMK – Magnitogorskii metallurgicheskii kombinat) i UK “Yuzhnyy Kuzbass” (stal'naya gruppа “Mechel”) na sistemy zhizneobespecheniya avtokhtonogo i russkogo naseleniya Chuvashinskoy sel'skoy administratsii M.O. “Gorod Myski” [Ethnological expertise. Evaluation of the impact of Metal LLC (OJSC MMK – Magnitogorsk Iron and Steel Works) and UK Yuzhny Kuzbass (Mechel Steel Group) on the life support systems for the indigenous and Russian population of the Chuvashinskaya Village Administration M.O. The City of Myski]*. Kemerovo, IUU SO RAN Publ., 2005, iss. 1. 216 p. (In Russ.).
15. Severyanov M., Lebedinskiy V. Dokopat'sya do pravdy, ili Kto i zachem perepisyvaet istoriyu [To get to the truth, or Who and why rewrites history]. *Krasnoyarskaya gazeta [Krasnoyarsk newspaper]*. (In Russ.). Available at: <https://subscribe.ru/group/svobodnyj-mikrofon/3524022> (accessed 5.02.2018).
16. Sichkar A.V. *Pereselenie narodov Severnogo Kavkaza v Osmanskuyu imperiyu (50-60-e gody XIX veka): prichiny, kharakter, posledstviya. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Relocation of the peoples of the North Caucasus to the Ottoman Empire (50-60th of the XIX century): causes, nature, consequences. Author's abstract. Diss. PhD in History]*. Vladikavkaz, 2009. (In Russ.).
17. *Sud'ba armjanskikh khramov v Turtsii [The fate of Armenian churches in Turkey]*. (In Russ.). Available at: <https://ok.ru/armeniyajandd000trrf/topic/65525433415094> (accessed 5.02.2018).
18. Shtomka P. *Analiz sovremennogo obshchestva [Analysis of modern society]*. Moscow, Logos Publ., 2005. 664 p. (In Russ.).
19. Yudin E.G., Blauberger I.V. *Sistemnyy podkhod, predposylki, problemy, trudnosti [System approach, prerequisites, problems, difficulties]*. Moscow, Znanie Publ., 1969. 48 p. (In Russ.).
20. Yudin E.G., Blauberger I.V. *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda [Formation and essence of the system approach]*. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 270 p. (In Russ.).
21. Armenian church. *Encyclopedia Americana. Vol. 2. Ankara to Azusa*. Danbury Conn., Scholastic Library Publ., 2005, pp. 338-339.

УДК 008:303.446.4

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Белозёрова Марина Витальевна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр РАН (г. Сочи, РФ). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы исследования развития общества адыгов/черкесов Западного Кавказа. Начиная с 1990-х годов в региональной историографии прослеживается стремление к смене методологических парадигм. Оно характеризуется попытками включения народов Западного Кавказа в кавказскую цивилизацию, использованием цивилизационного подхода в исследовании общественных отношений и истории, в ряде случаев отказом от формационного подхода в изучении развития общества.

На этой основе осуществляются попытки переоценки взглядов дореволюционных и советских исследователей на этносоциальное, политическое, экономическое и культурное развитие черкесов/адыгов и автохтонных народов Причерноморья, что ведет к моделированию социальных связей и институтов, существование которых сложно подтвердить, введению новых научных категорий без раскрытия их содержания. Высказываемые суждения приобретают в большей степени декларативный характер, ориентированный на историческое обоснование этнической самоидентификации, имеют определенную политизацию.

Предлагаемая проблематика рассматривается на основе анализа советской и региональной историографии проблемы, историографических источников XIX века и воспоминаний русских офицеров – участников Русско-Кавказской войны XIX века, зафиксировавших сведения о состоянии общества адыгов/черкесов Западного Кавказа, включая автохтонные народы Причерноморья.

Ключевые слова: региональная историография Западного Кавказа, цивилизационный и формационный подходы, адыги, черкесы, Причерноморье.

THE CIVILIZATIONAL APPROACH IN THE WESTERN CAUCASUS SOCIETY STUDY: METHODOLOGICAL ASPECT

Belozeroва Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Sr. Researcher of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Some regional historiography problems of the Western Caucasus, Adyghe/Cherkess, social development study are considered in the article. The desire to change methodological paradigms is evident in these studies since the 1990s. It is characterized by attempts to include the peoples of the Western Caucasus in the Caucasian civilization, civilizational approach in the study of social relations and history using, the rejection of the formational approach in the social development study in some cases.

Attempts of the revaluation of the pre-revolutionary and Soviet researchers views on Cherkess/Adyghe and the Black Sea native's ethno-social, political, economic and cultural development are carried out on this basis. This leads to the modeling of social connections and institutions, the existence of which is difficult to confirm, the introduction of new scientific categories without disclosing their content. The expressed opinions are politicized. Adyghe/Cherkess society is considered as formed society in regional historiography. This society had social and economic development unique features; autochthonous peoples (Abadzekhs, Shapsugs, Natukhai) "pre-industrial agricultural civilization" had developed on the Black Sea Coast; their nature

management traditional forms (culture, livelihood) are unique and have civilizational significance and ethnic specificity; Cherkess tribes had the state institutions formation experience and “Cherkess” was a state entity; “the Cherkess Mejlis (created in 1861) was an an institution of state power; the political “consolidation” and “united state formation processes were based on the society” democratization during the XVIII-XIX centuries; They acquire to a greater extent declarative in nature, focused on the ethnic identity of historical justification.

This issue is considered on the basis of: a) historiographical sources of the XIX century analysis in the regional Soviet and Russian historiography and officers-participants of the Russian-Caucasian war of the XIX century memories, containing information about the Western Caucasus Cherkess/Adyge social system.

Keywords: Regional historiography of the Western Caucasus, civilizational and formational approaches, Adyge, Cherkess, Black Sea Coast.

Появившееся в западно-европейской литературе середины XVIII века понятие «цивилизация» получило распространение прежде всего в философии. Не углубляясь в тонкости философских и культурологических исследований этой проблематики, отметим, что в широком смысле в это понятие вкладывался смысл развития духовной и материальной культуры общества, пришедшего на смену «варварству». В настоящее время понятие «цивилизация» практически повсеместно употребляется в науке и публицистике. Слово «цивилизация» (от лат. *civilis*) входит в единое семантическое поле со словами «государственный, городской, гражданский, политический» и употребляется в нескольких значениях: как синоним понятия «культура»; как тип общества, отличающийся от дикости и варварства общественным разделением труда, письменностью и развитой системой государственно-правовых отношений; тип общества с характерной только для него материальной и духовной культурой. Используя последнюю трактовку, исследователи рассматривают «цивилизацию», с одной стороны, как отдельное общество, а, с другой – как стадию зародившегося в древности и продолжающегося в настоящее время развития общества.

Цивилизационный подход, сформированный на основе рассмотренного выше понятия, в настоящее время широко применяется в исследованиях истории развития общества. В рамках цивилизационного подхода из всех сложившихся теорий, первоочередное внимание уделяется теории локальных цивилизаций. Согласно последней исторически сложившиеся общности занимают определенную территорию и имеют свои особенности социально-экономического и культурного развития.

В региональной историографии большое внимание уделяется так называемой «кавказской цивилизации». Под ней понимают конгломерат локальных и взаимопроникающих культур, возникших в эпоху Средневековья как «государственные образования... с политическими структурами» и способствовавших «сохранению и воспроизводству уникально-самобытных этнокультурных очагов кавказской цивилизации (Урарту, Хеттское государство, Колхида, Абхазское царство, Алания, Кабарда и др.)» [9]. Аргументом выступает и то, что на Кавказе сохранились «кавказский тип культуры, антропологический тип населения... самобытность, культура, психология и нравственность (нормы обычного права, которые господствовали в жизнедеятельности народов, институты аталычества... развил механизмы некровного межэтнического родства и куначества)» [9]. К кавказской цивилизации относят, прежде всего, закавказские государства – Грузию, Армению, Азербайджан, а также регионы Северного Кавказа. В кавказскую цивилизацию включаются и регионы Западного Кавказа – территориально: от Причерноморья вплоть до реки Лабы, ее носители – предки адыгейцев, алан, «горные автохтонные народы» (шапсуги, натухайцы, убыхи, абадзехи и др.).

Анализ работ региональных исследователей Западного Кавказа выявил ряд тенденций. Прежде всего следует отметить, что начиная с 1990-х годов, в исследованиях развития общества адыгов/черкесов и автохтонных народов Причерноморья прослеживается стремление к смене научных парадигм. Оно характеризуется попытками не только включения народов Западного Кавказа в кавказскую цивилизацию, но и использованием, с одной стороны, цивилизационного подхода в исследовании общественных отношений и

истории. С другой – критикой, а в ряде случаев отказом от формационного подхода в изучении развития общества. В региональной историографии установилась точка зрения, что формационный подход – это своеобразная «идеологическая установка», характерная для советской историографии, использовавшей «унифицированные схемы советского времени» или имперские «великодержавные идеологические доктрины» [17]. На этой основе осуществляются попытки переоценки взглядов советских исследователей на этносоциальное, политическое, экономическое и культурное развитие черкесов/адыгов и автохтонных народов Причерноморья [4].

С точки зрения В. Черноуса, в современном кавказоведении сложился методологический кризис. Он осложнен политизацией гуманитарного знания и характеризуется, во-первых, тем, что «историческое познание превращается в когнитивное поле многообразных мнений... а историческая реальность растворяется во множестве индивидуальных смысловых миров и значений», а, во-вторых, «попытками подвести исторический и культурологический фундамент под геополитические проекты и соответствующее им конструирование новых идентичностей» [18].

Приведенные нами точки зрения актуализируют проблематику, связанную с выбором методологических подходов в исследовании общества. Она в большей степени разработана в историографии закавказских государств (Грузия, Армения, Азербайджан) и Северного Кавказа, в частности Дагестана.

Предлагаем рассмотреть ситуацию, сложившуюся в региональной историографии исследования общества и истории Западного Кавказа, на основе анализа историографии проблемы, историографических источников XIX века и воспоминаний русских офицеров – участников Русско-Кавказской войны XIX века, зафиксировавших сведения о состоянии общества горских племен (западных адыгов/черкесов: абадзехов, шапсугов, натухайцев, убыхов и др.) Западного Кавказа.

Региональная историография в основном охватывает XIX столетие, углубляя хронологические рамки до XVII века «Архаизмам» традиционной социальной организации в «советский» период и ее роли в современных этнических процессах, как правило, в ней уделяется не так

много места. Сужение хронологических рамок в историографии по Западному Кавказу до второй половины XIX века во многом связывается с «переломным периодом» в истории черкесского/адыгского народа. Ход Русско-Кавказской войны и ее политические последствия рассматриваются большинством исследователей как детерминирующие факторы кардинальных изменений в исторических судьбах населяющих этот район народов и в проявившейся трансформации традиционных социальных институтов [4].

Как мы уже отметили выше, в региональной историографии развития общества и истории Западного Кавказа отмечается устойчивая тенденция его включения в кавказскую цивилизацию как «некой цивилизационной целостности» на основе декларации цивилизационного подхода, цивилизационных парадигм. В предлагаемом контексте исследования советских историков рассматриваются в качестве «тупиковых попыток» «подогнать самобытные отношения у горских народов Кавказа под стереотипы и штампы, выработанные на основе изучения явлений западноевропейской и российской истории» [12].

Рассмотрим некоторые сюжеты, поднимаемые в региональной историографии. Внимание исследователей прежде всего акцентируется на адыгском обществе (вариант: шапсугское, убыхское и т. д.) как сформировавшейся общности, населявшей определенную территорию и имевшей уникальные особенности социально-экономического развития. На этом основании выстраиваются концепции.

Так, оригинальную идею выдвинул исследователь А. Х. Бижев, утверждавший без каких-либо аргументов, что у абадзехов, шапсугов и натухайцев (адыгские субэтноты) Причерноморья сложилась «доиндустриально-земледельческая цивилизация» (см. [19]).

Другой исследователь, М. Ю. Хаширов, успеши в хозяйственной деятельности, под которыми он понимает «интенсивность земледелия, животноводства, ремесла и домашних промыслов» у народов «с демократическими формами правления» (особо выделяя шапсугов), проживавших в горной местности, связывает «с демократизацией их политического устройства, освобождением крестьян от феодального гнета», что, по его мнению, создало «благоприятные условия для

обеспечения благосостояния народных масс» и «достижения в хозяйственной деятельности... были настолько существенными, что их продукты земледелия, животноводства и ремесленного производства имели повышенный спрос у русских переселенцев» [17]. В то же время эти высказывания противоречат другим рассуждениям автора, в частности, о заинтересованности «крестьян демократических народов... получать из России товары повседневного спроса: орудия труда, ткани, посуду, соль и т. д.» [17]. То есть, имея достижения в хозяйственной деятельности и народном благосостоянии в целом, горские племена не производили сами ни орудия труда, ни посуду. Далее автор делает вывод, что Россия для большинства крестьян горских племен была «удобнейшим» торговым партнером. С Османской же империей имели возможность торговать только зажиточные люди, составлявшие незначительное число. Аргументируется это тем, что из Турции адыгам поставлялись оружие и предметы роскоши, то есть товары, «не столь нужные земледельцам» в обмен на «живой товар» (то есть рабов, как соплеменников, так и инородцев, захваченных в набегах на соседние племена и пограничные российские станции и села [1; 3]).

Анализ мемуаров российских офицеров, служивших на западно-кавказском театре военных действий и работ военных историков XIX века показывает, во-первых, что народы Причерноморья ни политически, ни экономически не подчинялись султану Турции, признавая его лишь как единоверца-мусульманина. Они не платили ему податей, не поставляли солдат, не допускали его вмешательства во внутренние и внешние дела. Даже несколько построенных крепостей и гарнизоны, расположенные в них, горцы «терпели... по праву единоверия» [15]. Такая ситуация существовала еще до подписания Адрианопольского трактата 1829 года между Россией и Турцией, согласно которому Порты отказывалась в пользу России от всего восточного берега Черного моря, уступив «черкесские земли» от границы Абхазии вплоть до Кубани, уже в 1830 году Причерноморье перешло к России. Во-вторых, согласно воспоминаниям Ф. Ф. Торнау, в 1830-х годах осуществлявшего разведывательные операции на Западном Кавказе и находившимся в плену у горцев, эти племена активно вели торговлю с Турцией. Из Османской империи поставлялись товары первой необходи-

мости, соль, военные припасы в обмен на женщин и мальчиков. В своих воспоминаниях он останавливается на подробностях быта и жизни черкесов и приходит к следующим выводам. Постоянные военные стычки черкесских племен между собой, войны с крымскими татарами, а затем с русскими не позволили черкесам достичь какого-либо благосостояния в быту и успехов в гражданском устройстве. Он отмечает достижения только в военном деле и вооружении. Так как только это позволяло бороться с иноплемениками (русскими), отстаивать свою независимость. Их ненависть, особенно к русским, доходила «почти до безумия», усиленная «религиозным фанатизмом», отмечает Ф. Ф. Торнау [15, с. 148].

В региональной историографии распространена точка зрения об уникальности и цивилизационной значимости традиционных форм природопользования адыгов/черкесов Причерноморья (культура жизнеобеспечения, успехи в хозяйственной деятельности), которые, по мнению ряда исследователей, имели четко выраженную этническую специфику [5, с. 249–250]. Однако, основываясь на анализе описаний путешественников, посетивших этот район, и материалов комплексных обследований региона, отмечается определенная универсальность, характерная для горных районов. В качестве примера можно привести материалы топографической съемки 1865 года комиссии Н. Н. Муравьева-Карсского (см. [8]), отразившие земледельческую детерминанту в комплексе хозяйства автохтонного населения (шапсугов, натухайцев, убыхов), его интеграцию в лесные ландшафты, необходимость перманентных агротехнических мер для сохранения сельскохозяйственных угодий от зарастания и потравы дикими животными. Удельный вес земледелия снижался в зависимости от вертикальной зональности. Наличие высокогорных пастбищ усиливало роль животноводства. Устройство лесозащитных полос от туманов и холодных потоков воздуха, спускающихся по ущельям ночью, универсальная для горных лесов локализация и размеры пашни (0,3–0,5 га, максимум 1,0–2,0 га), технология искусственного террасирования склонов и обработки почвы (ручная или при помощи легкого пахотного орудия – рало – и пары быков и буйволов) были аналогичны с другими районами Кавказа и Средиземноморья – Имеретией, Абхазией, Турцией. Во многом это было связано с системой непре-

рывных торговых связей с этими районами [14, с. 51–52, 53, 59; 15]. Это касается и садоводства, продукты которого имели товарную значимость особенно в неурожайные годы [2; 14, с. 16, 17, 22]. Источники отражают, что часть урожая обменивалась на зерно у жителей предгорных районов, часть экспортировалась в Турцию [10, с. 38–39]. То есть утверждения об уникальности вклада черкесов в земледелие и садоводство, их этнической константе не достаточно аргументированы. Скорее речь может идти об «успехах адаптации традиционных форм экономики» адыгов/черкесов к ландшафтному своеобразию Западного Кавказа на основе системы межэтнических коммуникаций и обмене технологиями, сортами, породами скота, товарной продукцией [13, с. 23].

Не менее важный вопрос, поднимаемый в региональной историографии – это проблема государственности у адыгов/черкесов. Как мы уже отмечали «кавказская цивилизация» рассматривается как конгломерат локальных и взаимопроницающих культур, возникших как государственные образования и имеющих политические структуры. В данном случае речь идет о таком «государственном образовании», как «Черкесия»/«Западная Черкесия» (в некоторых случаях «Убыхия»).

Адыгскими исследователями «поступательный» процесс «государственной и политической консолидации западных адыгов» (абадзехов, шапсугов, натухайцев в Причерноморье) относится к концу XVIII века – середине 60-х годов XIX века. Он был вызван как внутренними, так и внешними факторами. А. Ю. Чирг, исследовавший этот процесс в 1990-е – начале 2000-х годов, считает, что в конце XVIII века произошел «общественно-политический переворот». Его суть заключалась в том, что «усилившиеся тфоколи (свободные крестьяне)... оттеснили феодальную знать от управления обществом и установили демократическое политическое устройство». Он не был: 1) следствием перехода «адыгов от родовых отношений к классовым (точка зрения М. В. Покровского и М. М. Блиева) и 2) результатом классовой борьбы крестьян против феодалов (точка зрения Л. И. Лаврова и В. К. Гарданова). По мнению А. Ю. Чирга, при «централизации Западной Черкесии» проявилось две тенденции: централизация «сверху» и централизация «снизу». Под первой он понимает стремление владельных

князей объединить адыгов под властью «одного монарха», под второй – попытку создания «единого государства на основе демократизации общества» с преобладанием «светского характера... над религиозным (исламским)» [19].

Следствием этих явлений стало деление адыгских субэтносов. На «аристократические», в которых сохранялось княжеское управление. А. Ю. Чирг характеризует его как сословно-представительскую монархию. Эти адыгские субэтносы до русско-турецкой войны 1828–1829 годов и подписания Адрианопольского мирного договора оставались «политически независимыми государственными образованиями», затем «признавшими свою политическую зависимость от Российской империи». И на «демократические» (абадзехи, шапсуги, натухайцы Причерноморья), у которых установилось «демократическое управление» с важной ролью народных собраний. Эти племена отказались признать Адрианопольский договор. После присоединения Западного Кавказа к России основным фактором для этих племен стал внешнеполитический – борьба с Россией [19]. Однако здесь следует отметить противоречие: включение в состав Российской империи этого региона свидетельствует все-таки о внутренних факторах как этой борьбы, так и возможной трансформации общественно-политических отношений адыгов/черкесов.

Следующий этап, по выражению А. Ю. Чирга, «развития государственности» в среде причерноморских племен относился к 1830–1840-м годам. 1834 год – заключение военно-политического союза племен. 1841 год – принятие союзного договора – дефтера – с попыткой введения единых религиозных и гражданских правил и противостояния России на собрании представителей племен на р. Пшехе. 1848–1849 годы – попытки создания административно-судебной системы, «конфедерации» племен и административного управления. Последнее выстраивалось по территориальному принципу: территория делилась на участки по 100 дворов, находившихся в каждой долине (псухо), которыми управляли выборные старшины. Руководящим органом был совет старшин [19]. Исследователь акцентирует внимание на ряде моментов: нарушение решений дефтера в силу их рекомендательного характера, отсутствие органов исполнительной власти и механизмов исполнения

принятых решений, значительное иностранное влияние (Британии и Турции) на процесс объединения племен и попытки формирования «государственности». Отметим, что для части территории, заселенной «демократическими племенами», британцами был создан политоним «Черкесия». Для ряда же адыгских исследований и публицистов – это государство, хотя его существование не доказывается историческим фактом [4].

И, наконец, заключительный этап общественно-политического развития западных адыгов/черкесов относился к 1860-м годам, когда представителями прежде всего шапсугов и убыхов был сформирован «Меджлис черкесского народа» или «черкесский меджлис» (1861). В региональной историографии он однозначно рассматривается как «образование государственного типа», а факт его создания – как «яркий пример государственно-правового творчества адыгов» [19].

Н. Ф. Дубровин в своем фундаментальном труде «Кавказ и народы, его населяющие» [7], написанном в конце XIX века, большое внимание уделил общественным отношениям адыгов/черкесов. Он считал, что черкесское общество по большей части имело аристократический характер и делилось на сословия: князья (пши), уорки/вуорки (дворяне), оги (среднее сословие, находившееся в зависимости покровителей), пшитли (крестьяне), унаути (рабы).

Абадзехи, шапсуги, натухайцы и убыхи не имели сословия князей. Народ делился на самостоятельные отдельные общества – псухо или хабл, которые были самостоятельны и управлялись старшинами. Каждое псухо управлялось своим мирским сходом, на котором обсуждались и решались все вопросы, касавшие общины. Община – первая ступень политического устройства каждого народа.

Исследователь предположил существование у шапсугов и натухайцев сословия князей на основе наличия у них княжеских фамилий. Он полагал, что княжеский род пресекался. Общественное устройство у шапсугов, натухайцев, абадзехов было феодальным: выделялись дворяне (вуорки), вольные земледельцы (тфокотли), крестьяне (пшитли). Дворяне-вуорки занимали в обществе господствующее положение. Тфокотли составляли большинство народа, они были подчинены вуоркам. Крестьяне делились на две категории: оброчные – пользовались большей свободой,

имели более значительные права собственности и не отбывали тягостных повинностей; дворовые люди – всецело принадлежали владельцу.

Н. Ф. Дубровин излагал следующую версию событий, связанных с ослаблением дворян в среде причерноморских племен в конце XVIII века. Слой тфокотлей и пшитлей был многочисленнее дворян, народ все чаще стал оказывать последним сопротивление, в частности проявлявшееся на народных собраниях. На них перевес практически всегда был не у дворянства. Ни одна из сторон не хотела уступить, каждая старалась укрепить свои права. В конце XVIII века такая возможность представилась: шапсугские дворяне Шеретлуковы разграбили проезжих торговцев, убили их и их покровителей. Народные массы воспользовались этим для ослабления значения дворянского сословия, напав на одного из дворян Шеретлуковых со всеми вытекающими последствиями. Не останавливаясь на всех подробностях этих событий, отметим, что результатом стала разгоревшаяся междоусобная война, последствия которой, по свидетельству Н. Ф. Дубровина, сохранились в памяти у шапсугов вплоть до «покорения... [их] русскими». Значение дворянства ослабло, итоги войны были зафиксированы на съезде, известном как «печетнико-зефес» (1803), разграничившем права дворян и народа. С точки зрения историка, правила, составившие данное единственное на тот период времени «узаконение», были кратки, ясны и понятны для народа. Они использовались для решения всех дел, касавшихся сословных отношений. Дворяне сохранили некоторые свои права, оброчные крестьяне, воспользовавшись нейтральным отношением собрания к ним и дворянам, отказались повиноваться последним. Впоследствии натухайцы и абадзехи последовали примеру шапсугов, но без кровопролитных войн [7]. Таким образом, сословие крестьян шапсугов, натухайцев и абадзехов до некоторой степени изменило свой правовой статус в сторону расширения личных и имущественных прав.

У остальных племен Западного Кавказа (например, убыхов) крестьянские сословия находились в полной зависимости от дворянства. Они делились на огов (переходное состояние от крепостного состояния к сословию свободных земледельцев), унаутов (рабов, не имевших ни личных, ни имущественных прав), пшитлей (зависимого сословия, следующего за рабами, пользовались

некоторыми семейными и имущественными правами, произошли от купли, дара, наследства пленных или частично унаутов).

По мнению Н. Ф. Дубровина, гражданский и юридический быт черкесского народа был основан на: 1) праве собственности; 2) праве употребления оружия для каждого свободного человека; 3) родовых союзах «со взаимной обязанностью всех и каждого защищать друг друга, мстить за смерть, оскорбление и нарушение прав собственности всем за каждого, и ответственность перед чужими родовыми союзами за всех своих» [7, с. 226]. То есть исследователь приходит к выводу, что в отличие от «благоустроенных государств», правительство которых принимает на себя обязанность защиты своего населения от неприятельских вторжений, обеспечения спокойствия и внутренней безопасности, черкесское общество было сформировано и существовало на основе других правил. В обществе, в котором не существовало каких-либо административных учреждений, народ не признавал над собой ничьей власти, обеспечение внутренней безопасности лежало в осуществлении естественного права каждого члена общества защитить себя, свою семью, имущество, предупредить противника нападением.

То есть, с нашей точки зрения, говорить о государственности и государственных образованиях на территории Западного Кавказа в этот период времени, как и о «поступательном» процессе «государственной и политической консолидации западных адыгов», попытке создания «единого государства на основе демократизации общества» в достаточной степени затруднительно. Шла борьба феодальных сословий в рамках правового статуса: тфокотлей и пшитлей – за его расширение для своих сословий, вуорков – за сохранение своих привилегий. В ходе этой борьбы сословная иерархия, свойственная феодальной системе, не была изменена. Не были сформированы ни вертикаль власти, ни административные учреждения, ни социальные институты, присущие государственности. Сохранилась и племенная структура черкесского общества. И здесь следует согласиться с мнением советских исследователей Л. И. Лаврова и В. К. Гарданова [6] в том, что произошедшие изменения стали результатом классовой борьбы крестьян против феодалов.

Еще один вопрос, продолжающий тематику формирования государственности, в региональной историографии увязывается с «черкесским меджлисом» как «институтом государственной власти». Предполагалось, что он должен сосредоточить всю полноту власти – законодательную, исполнительную, судебную. Меджлисом была проведена административно-территориальная реформа – все территориальные общины Причерноморья разделены на 12 округов, в каждый определены муфтии, кади, заптие (запти), мухтары (старшины), их функции.

Советские историки и этнографы на основе формационного подхода исследовали внутренние и внешние факторы генезиса этого института. Так, Л. И. Лавров пришел к выводу, что его создание было связано с резким обострением классовых противоречий – племенной верхушки, рядовых общинников и мусульманского духовенства [11]. А. В. Фадеев считал, что детерминирующим фактором создания меджлиса был российский фактор (как военный, так и религиозный). Ислам стал объединительным фактором и противостоял христианству. Внешний фактор – иностранное вмешательство в социальные процессы населения Причерноморья. Английские, французские и турецкие эмиссары пропагандировали идею «черкесского суверенитета» и продолжения войны с Россией [20, с. 76–77]. При этом А. В. Фадеев акцентирует внимание на том, что административно-территориальная и политическая реформа не нанесла удар по родовой разобщенности и не подорвала влияние родовой и феодальной знати. В силу таких факторов, как разобщенность шапсугов и убыхов, неразвитость их общественных отношений, наличие патриархальных традиций и внутренних социальных противоречий меджлис стал только проектом социальной реформы [16, с. 175–176]. Тем не менее, с точки зрения советских исследователей, эти попытки имели историческое значение. Был сделан шаг по сравнению с конституцией имамата, поскольку меджлис как проектируемая политическая система носила светский характер.

Отметим также, что корпус источников, введенных в научный оборот представителями региональной историографии в 1990-е – начале 2000-х годов, к сожалению, не содержит информации, которая позволила бы сделать вывод о том,

что создание «черкесского меджлиса» однозначно свидетельствовало бы о завершающем этапе процесса этнической консолидации. В то же время реализуемый меджлисом проект социальной реформы, безусловно, имел высокую значимость в этнической истории субэтносов черкесов/адыгов Причерноморья как начальный этап формирования институтов государственной власти.

Подводя итоги, отметим, что региональная историография в основном охватывает XIX столетие, углубляя хронологические рамки до XVII века. На рассмотренных нами примерах можно проследить тенденцию по ревизии ранее исследованных дореволюционными и советскими историками и этнографами общественных и политических процессов, протекавших у адыгов/черкесов и автохтонных народов Причерноморья. Работы ряда современных региональных исследователей базируются на определенном круге источников и отсутствии письменных источников собственно адыгов/черкесов (Западный Кавказ), не имевших письменности. Зачастую анализ исторических (первичных) источников и фактов ими заменяется анализом вторичных – историографических (концепций и рабочих гипотез предшественников).

В качестве методологической базы таких исследований декларируются принципы цивилизационного подхода. Одновременно, как мы уже отмечали, прослеживается отход от формационного подхода, в рамках которого выработан категориально-понятийный аппарат, применяется системный подход, имеющий четко определенный алгоритм исследования. Это дает возможность изучать политические, экономические, социальные, культурные, этнические и конфессиональные процессы во взаимосвязи. Отторжение оце-

нок, сформированных на основе формационного и позитивистского подходов, ведет к моделированию социальных связей и институтов, существование которых сложно подтвердить. К примеру, таких как государственное образование «Черкессия», наличие государственности у племен Причерноморья, меджлис как «орган государственной власти» и др.

Отход от формационного подхода неизбежно ведет к отказу от выработанного понятийного аппарата и сложившихся в исторической науке концепций (социальная/классовая стратификация, антагонистические взаимоотношения классов/сословий, классовая природа государства и др.). В этом ряду и рассмотренная нами точка зрения на события конца XVIII века в среде шапсугов, натухайцев и абадзехов Причерноморья как на «общественно-политический переворот», в результате которого тфокотли (свободные крестьяне) «отгеснили феодальную знать от управления обществом и установили демократическое политическое устройство» при отрицании факта сословно-классовой борьбы.

Попытки базирования исследований на цивилизационном подходе обуславливают введение в региональную историографию новых научных категорий («доиндустриально-земледельческая цивилизация», «уникальность и цивилизационная значимость традиционных форм природопользования» адыгов/черкесов и др.), однако без раскрытия их содержания. В рамках цивилизационного подхода не рассматриваются и методы исследования. Как результат, высказанные суждения приобретают в большей степени декларативный характер, ориентированный на историческое обоснование этнической самоидентификации.

Литература

1. Белозёрова М. В. К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности: XIX – начало XXI века // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 26–33.
2. Белозёрова М. В. Некоторые аспекты хозяйственной адаптации переселенцев в Черноморском округе (XIX – первая треть XX столетия) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2016. – Вып. 5, ч. 2. – 242 с.
3. Белозёрова М. В. Некоторые события Русско-Кавказской войны 1817–1864 годов в сети Интернет: мифы и реальность // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. – Ростов н/Д.: ФГБОУ ВПО РГУПС, 2014. – С. 90–102.
4. Белозёрова М. В. Социальные институты черкесов в оценках региональной историографии 2000-х годов // Археология и этнография Кавказа и Крыма. – СПб., 2017. – С. 139–141.
5. Венюков М. И. К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 годы // Рус. старина. – 1878. – Июнь. – Кн. VI.

6. Гарданов В. Х. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). – М., 1967.
7. Дубровин Н. Ф. Кавказ и народы, его населяющие. – М.: Кучково поле, 2016. – Кн. I. Кавказ. – 648 с.
8. Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи // Зап. Кавказ. отд. Император. рус. геогр. о-ва. – Тифлис, 1902. – Т. 22, вып. 1. – С. 1–33.
9. Кавказская цивилизация [Электронный ресурс]. – URL: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/kavkazskaa-civilizacia> (дата обращения: 18.01.2018).
10. Клинген И. Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. – СПб., 1897.
11. Лавров Л. И. Убыхи. – СПб., 2009. – 236 с.
12. Нагучева Н. К. Социально-политическая борьба в адыгском обществе XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2005.
13. Садовой А. Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX веке) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – Кемерово, 2015. – № 32. – С. 13–25.
14. Садовой А. Н., Белозёрова М. В., Агарков Ю. В., Пименова В. В. Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка методов экспертной оценки и прогноза качества жизни населения» (№ гос. регистрации 114100740110). – Сочи: Сочин. науч.-исслед. центр РАН, 2014. – 88 с.
15. Торнау Ф. Ф. Воспомятая кавказского офицера. – М.: АРИО-XXI, 2017. – Ч. 1. – 448 с.
16. Фадеев А. В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Ист. сб. – Ленинград, 1935. – № 4.
17. Хаширов М. Ю. Адыгское крестьянство в годы Кавказской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2000.
18. Черноус В. Кавказская горная цивилизация как субъект цивилизационно-культурного взаимодействия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/10/14/kavkazskaja-civilizacija-subekt-civilizacionno-kulturnogo-vzaimodejstvia.html> (дата обращения: 22.01.2018).
19. Чирг А. Ю. Общественно-политический строй адыгов Северо-Западного Кавказа (Конец XVIII – 60-е годы XIX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Майкоп, 2003.
20. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: ист. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – Майкоп, 1993. – 121 с.

References

1. Belozerova M.V. K probleme rossijsko-cherkesskogo vzaimodeystviya i formirovaniya etnicheskoj identichnosti: XIX – nachalo XXI veka [To the problem of Russian-Circassian interaction and formation of ethnic identity: XIX – the beginning of the XXI century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 32, pp. 26-33. (In Russ.).
2. Belozerova M.V. Nekotorye aspekty khozyaystvennoy adaptatsii perese-lentsev v Chernomorskom okruge (XIX – pervaya tret' XX stoletiya) [Some aspects of economic adaptation of migrants in the Black Sea district (XIX – the first third of the twentieth century)]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2016, iss. 5, part 2. 242 p. (In Russ.).
3. Belozerova M.V. Nekotorye sobytiya Russko-Kavkazskoy voyny 1817-1864 godov v seti Internet: mify i real'nost' [Some events of the Russian-Caucasian war of 1817-1864. in the Internet: myths and reality]. *Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu: traditsii i innovatsii* [Advertising and public relations: traditions and innovations]. Rostov-on-Don, FGBOU VPO RGUPS Publ., 2014, pp. 90-102. (In Russ.).
4. Belozerova M.V. Sotsial'nye instituty cherkesov v otsenkakh regional'noy istoriografii 2000-kh godov [Social institutions of the Circassians in the assessments of regional historiography of the 2000s]. *Arkheologiya i etnografiya Kavkaza i Kryma* [Archeology and Ethnography of the Caucasus and Crimea]. St. Petersburg, 2017, pp. 139-141. (In Russ.).
5. Venyukov M.I. K istorii zaseleniya Zapadnogo Kavkaza. 1861-1863 gody [On the history of the settlement of the Western Caucasus. 1861-1863 years]. *Russkaya Starina* [Russian antiquity], 1878, June, Book VI. (In Russ.).
6. Gardanov V. Kh. *Obshchestvennyy stroy adygsikh narodov (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [The social structure of the Adyge peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. Moscow, 1967. (In Russ.).
7. Dubrovin N.F. *Kavkaz i narody, ego naselyayushchie* [Dubrovin NF The Caucasus and its peoples inhabiting]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. Book I. Caucasus. 648 p. (In Russ.).
8. Dyachkov-Tarasov A.N. Abadzexi [Abadzehi]. *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Tiflis, 1902, vol. 22, iss. 1, pp. 1-33. (In Russ.).

9. *Kavkazskaya tsivilizatsiya [The Caucasian civilization]*. (In Russ.). Available at: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/kavkazskaa-civilizacia> (accessed 18.01.2018).
10. Kligen I.N. *Osnovy khozyaystva v Sochinskom okruge [Fundamentals of the economy in the Sochi district]*. St. Petersburg, 1897. (In Russ.).
11. Lavrov L.I. *Ubykhi [Ubyshi]*. St. Petersburg, 2009. 236 p. (In Russ.).
12. Nagucheva N.K. *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v adygskom obshchestve XVIII – pervoy poloviny XIX veka: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Socio-political struggle in the Adygeyan society XVIII – first half of the nineteenth century. Author's abstract of diss. PhD in History]*. Maykop, 2005. (In Russ.).
13. Sadovoy A.N. Traditsionnaya kul'tura i prirodopol'zovanie (avtokhtonnoe naselenie Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza v XIX veke) [Traditional culture and nature management (autochthonous population of the Black Sea coast of the Caucasus in the nineteenth century)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 32, pp. 13-25. (In Russ.).
14. Sadovoy A.N., Belozerova M.V., Agarkov Yu.V., Pimenova V.V. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote "Razrabotka metodov ekspertnoy otsenki i prognoza kachestva zhizni naseleniya" (№ gos. registratsii 114100740110). [Report on the research work "Development of methods for expert appraisal and forecasting the quality of life of the population" (State Registration No. 114100740110)]*. Sochi, Sochinskiy nauchno-issledovatel'skiy tsentr RAN Publ., 2014. 88 p. (In Russ.).
15. Tornau F.F. *Vospominaya kavkazskogo ofitsera [Recalling the Caucasian officer. Part one]*. Moscow, ARIO-XXI Publ., 2017, part 1. 448 p. (In Russ.).
16. Fadeev A.V. *Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the Liberation Movement in the Western Caucasus]*. *Istoricheskiy sbornik [Historical Collection]*. Leningrad, 1935, no. 4. (In Russ.).
17. Khashirov M.Yu. *Adygsкое krest'yanstvo v gody Kavkazskoy voyny: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Adyge peasantry in the years of the Caucasian War. Author's abstract of diss. PhD in History]*. Nalchik, 2000. (In Russ.).
18. Chernous V. *Kavkazskaya gornaya tsivilizatsiya kak sub'ekt tsivilizatsionno-kul'turnogo vzaimodeystviya [Caucasus Mountain Civilization as a Subject of Civilizational and Cultural Cooperation]*. (In Russ.). Available at: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/10/14/kavkazskaja-civilizaciya-subekt-civilizacionno-kulturnogo-vzaimodejstvia.html> (accessed 22.01.2018).
19. Chirg A.Yu. *Obshchestvenno-politicheskiy stroy adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (Konets XVIII – 60-e gody XIX veka): avtoref. dis. doktora ist. nauk [The socio-political system of Adygs of the North-Western Caucasus (End of the XVIII – 60th of the XIX century). Author's abstract of diss. Dr. of Historical Sciences]*. Maykop, 2003. (In Russ.).
20. Esadze S. *Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoy voyny: istoricheskiy ocherk Kavkazsko-gorskoy voyny v Zakubanskom krae i Chernomorskom poberezh'e [The Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War. A historical sketch of the Caucasus-Mountain War in the Zakubansky Krai and the Black Sea coast]*. Maykop, 1993. 121 p. (In Russ.).

УДК 138.2

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Золотухин Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: zvm64@mail.ru

Статья посвящена анализу социально-философского и культурологического аспектов рассмотрения экономического поведения в российской ментальности. Подчеркивается что многообразие различных национальных стереотипов поведения, в том числе экономического зависит от динамики развития и/или трансформации различных типов ментальностей в рамках российской государственности. Анализируются различные подходы к определению экономического поведения как с точки зрения раскрытия человеческого потенциала через систему ценностных стереотипов, так и саму деятельность

как определенную форму социокультурного процесса. Акцентируется внимание на том, что в рамках российской ментальности экономическое поведение, являясь отражением социального, с одной стороны, способствует рационализации экономической деятельности, а с другой – направлено на удовлетворение экономических интересов.

Отмечается, что в процессах формирования и закрепления негативных практик выявляются элементы деформации экономического поведения, которые противоречат интересам как конкретного работника, независимо от его имущественной, социокультурной и этнонациональной принадлежности, так и интересам социума в целом. Степень устойчивости и корректировка экономического поведения зависит от экономических трансформаций и определяется этнонациональными характеристиками его субъектов. Также отмечается, что на экономическое поведение оказывают существенное влияние формы, системы и механизмы профессиональной подготовки в зависимости от рыночных потребностей. В условиях низкого уровня институционального доверия, а также отсутствия культуры публичного диалога, наблюдается смещение экономической активности россиян на социальный микроуровень.

Ключевые слова: экономическое поведение, российская ментальность, институализированная среда, хозяйственная культура, человеческий капитал.

SOCIO-PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL ASPECTS OF ECONOMIC BEHAVIOUR IN THE RUSSIAN MENTALITY

Zolotukhin Vladimir Mikhaylovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Department of History, Philosophy and Social Sciences, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zvm64@mail.ru

The article is devoted to the analysis of socio-philosophical and culturological aspects of the consideration of economic behavior in the Russian mentality. It is emphasized that the diversity of different national stereotypes of behavior, including the economic behavior, depends on the dynamics of development and/or transformation of different types of mentality within the framework of the Russian state. Different approaches to definition of economic behavior, both from the point of view of disclosure of human potential through system of value stereotypes, and activity as a certain form of sociocultural process are analyzed. The attention is focused on the fact that within the framework of the Russian mentality, the economic behavior, being a social reflection, on the one hand, contributes to the rationalization of economic activities, and on the other – aimed at meeting the economic interests.

It is noted that in the processes of formation and consolidation of negative practices, the revealed elements of deformation of economic behavior that contradict the interests of a particular employee, regardless of his property, socio-cultural and ethnic affiliation, and the interests of society as a whole. The degree of stability and adjustment of economic behavior depends on economic transformations and is determined by ethnonational characteristics of its subjects. It is also noted that the forms, systems and mechanisms of vocational training, depending on the market needs, have a significant impact on economic behavior. In the context of the low level of institutional trust, as well as the lack of a culture of public dialogue, there is a shift in the economic activity of Russians at the social micro level.

Keywords: economic behavior, Russian mentality, institutional environment, economic culture, human capital.

Современный этап развития социально-экономических отношений в России характеризуется внутренней противоречивостью, хаотичностью и бессистемностью, свойственных переходному периоду от авторитарных экономических отноше-

ний к рыночным. На данные процессы оказывают существенное влияние политические и социокультурные процессы, зависящие от динамики развития и/или трансформации различных ментальностей в рамках российской государственно-

сти. Многообразие различных национальных стереотипов поведения, в том числе экономического, позволяет говорить о специфике экономического поведения в рамках российской ментальности.

Под экономическим поведением, как правило, понимается поведение человека в социуме, отражающее различные формы его экономической деятельности, а также механизмы «включенности» в социально-экономические процессы. Удовлетворение и реализация интересов и потребностей самого человека связано не только с его «социокультурной деятельностью» [11, с. 199], но и с «ценностями культуры и нравственными установками личности» [15, с. 105], что является предметом социально-философского и культурологического исследований.

Социально-философский анализ обращает внимание на необходимость рассмотрения экономического поведения с точки зрения его ценностного содержания. Это касается как способов и механизмов удовлетворения потребностей человека, так и образования формальной и/или неформальной институализированной среды для воспроизводства определенных (приемлемых для этно- и национально-государственных образований) ценностных стереотипов поведения при условии самосохранения и возможности раскрытия человеческого потенциала.

Культурологический подход включает в себя исследование процессов формирования экономического поведения через мотивацию деятельности, стандартизированные институциональные формы и их влияние на социокультурную среду, формируемую и формирующуюся самим человеком в процессе различной (экономической, политической, культурной и т. п.) деятельности. Деятельность рассматривается как социокультурный процесс, в котором отражаются поведенческие стереотипы и отношения, которые «эволюционируют в ответ на изменения в сознании взаимодействующих агентов» [16, с. 60].

Экономическое поведение в рамках российской ментальности является отражением социального поведения и обладает такими признаками, как достижение социально-экономических целей, рациональность экономической деятельности, удовлетворение экономических интересов. При этом оно выполняет воспроизводственную, стратификационную (повышение социального статуса, в частности русскоязычного этноса) и

культурологическую (передача и обмен элементами общей и хозяйственной культуры) функции. С точки зрения Дж. Кейнса, «рациональное поведение – это целенаправленное поведение, то есть ориентированное на достижение определенной цели, причем наилучшим способом» [12, с. 91]. В то же время различные психологические состояния реального человека (склонности, страхи, надежды и т. д.) являются факторами всех субъектов экономической деятельности, влияющими на исторические и политические стереотипы поведения как отдельного человека, так и социальных групп. В рамках концепции «поведенческой экономики» (Р. Талер) сформулирована форма манипуляции человеческим поведением. В ее основе лежит идея о том, чтобы стимулировать человека совершать экономический выбор не на основе рациональности, а автоматически, следуя за удовлетворением своих потребностей, навязываемых государством, различными институтами власти и бизнеса [17].

Такие формы экономического поведения, как трудовое и потребительское являются индикаторами социально-психологического климата. По мнению Р. И. Анисимова, с точки зрения трудовой деятельности выделяются «две области: стандартная с бессрочными договорами и нестандартная формы занятости (которая в свою очередь делится на две – нестабильная, то есть работа по срочным договорам, и неформальная – без письменных договоров)» [1, с. 50]. В силу своей исторической предопределенности российская ментальность характеризуется наличием коллективизма и как следствие этого наблюдается доминирование таких явлений, как: противоречивость между формальной и неформальной занятостью, нарушение трудовых прав (формальный характер наличие и/или отсутствие официальных договоров с работодателем, оплата больничных листов при временной нетрудоспособности, несправедливая оплата и т. д.). Формирование и закрепление негативных практик невыполнения работодателями своих обязательств перед работниками приводит к деформации института контракта на российском рынке труда, что противоречит интересам как конкретного работника, независимо от его имущественной, социокультурной и этнонациональной принадлежности, так и интересам социума в целом.

Реализация экономических интересов через удовлетворение базовых и дополнительных потребностей является отражением сформировавшихся в социокультурной среде потребительских практик и стандартов потребления. По мнению Дж. Кейнса, «понятие “вынужденное сбережение”, или “вынужденная бережливость”, было впервые введено Бенетом; при этом он определенно указывал, что имеет в виду последствия увеличения массы обращающихся денег “за счет национального комфорта и национальной справедливости”» [12, с. 37]. Иными словами, «вынужденная бережливость» определяет границы, в рамках которых экономический субъект имеет возможность реализовать свои интересы и потребности в рамках конкретного социально-экономического (экономика в условиях кризиса, стабильное развитие и т. д.) и геополитического (политическое давление, действие экономических санкций и т. п.) контекста. Например, в современной России, результатом экономического кризиса является «привыкание» к конкретной ситуации, нежели применение эффективных действий на рынке труда или в новых практиках финансового поведения. По мнению С. Мареевой, «жизненный успех в представлениях российского населения в первую очередь связан с реализацией в обществе и в трудовой сфере» человеческого потенциала в зависимости от места проживания (регион, мегаполис, сельская местность и т. п.); «в мегаполисах формируются альтернативные модели успеха (ценности свободной самореализации и разнообразия), а провинция по-прежнему делает ставку на традиционные для России социальные практики – честную и заслуживающую уважения жизнь» [13]. Особенностью внутренней трудовой миграции является то обстоятельство, что «переток работников осуществляется, прежде всего, из среднеразвитых регионов (к ним отнесены более 50 субъектов РФ) в регионы-лидеры» [6, с. 47]. Основными целями при этом являются наличие рабочих мест, более высокий уровень заработной платы и т. д.

Степень устойчивости и корректировка экономического поведения зависит от экономических трансформаций (положительных и/или отрицательных изменений), определяется этнонациональными характеристиками его субъектов. Например, для японского менталитета характерным является четкое, строгое соблюдение уста-

новленных «правил игры» и эффективное взаимодействие субъектов трудовой деятельности (профсоюзов, промышленников, финансистов и правительства и т. д.) в интересах достижения национальных целей. Ему свойственны такие элементы, как дух коллективизма и патернализма на производстве. Опираясь на национальные религиозные традиции как идеологическую основу их жизненного уклада, А. А. Белик подчеркивает, что «в каждой отдельной стране конфуцианская экономика имеет специфические черты. Например, если в Китае стержневым качеством является человеколюбие, то в Японии – преданность» [2, с. 38]. В то же время стоит акцентировать внимание на том, что «религия, как и массовая культура, оперирует специфическими формами сознания и деятельности, в которых присутствуют и созидательные, и деструктивные элементы. [9, с. 14]. Социокультурная практика позволяет человеку добровольно и/или вынужденно адаптироваться, соблюдая институциональные нормы, которые формируются нами, изменяются и понятийно трансформируются в рамках толерантно приемлемых механизмов не только с точки зрения социально-экономической эффективности, но и механизмов правоприменения [10, с. 57].

Особенности дифференцирования «по экономическим, природно-климатическим, пространственным и другим критериям» [6, с. 68] и условиям обитания этнонациональностей, а также удовлетворение их насущных потребностей, обусловлены необходимостью создания и совершенствования техники и технологий. Основной целью при этом является создание условий, позволяющих эффективно адаптироваться и формировать соответствующее отношение к культурным стереотипам в социально-экономической и управленческой деятельности в области создания технологий для улучшения повседневной жизни человека. Например, национальный менталитет в Японии способствует производству бытовой техники, в частности кондиционеров, зарекомендовавших себя на рынках многих стран, так как они отвечают современным требованиям к товарам бытового назначения с точки зрения компактности и многофункциональности.

Специфика российской ментальности традиционно определяется такими национальными характеристиками как иррациональность, общинность, слабая самодисциплина, недостаток чест-

ности, конформизм (Бердяев); церковность, соборность (Соловьев), перевес начал этических над правовыми (Флоренский). В отличие от Японии и Китая в России сформировался тип экономического поведения, основанный на ценностях православной традиции, которой присущ нравственный либерализм в повседневной жизни, терпимость, бескорыстие, недоверие к богатству и т. д. В связи с этим экономической культуре свойственны такие элементы, как ценность социального равенства, справедливости, уравнительности в распределении благ, что определяет негативное отношение к предпринимательской деятельности и правоприменению в России [18]. Преобразование в неписаную норму «прикрепления человека к его ситуации» [4, с. 26] (социально-экономической, политической, социокультурной и т. д.) является характеристикой российской ментальности. Одной из причин этого являются экстремальные условия хозяйствования и территориальная ограниченность этносов и национальностей внутри многонациональной российской ментальности, в рамках которой существуют такие традиционные «инструменты выживания», как: терпение, настойчивость, изобретательность и сила воли, необходимые для поиска взаимоприемлемых компромиссов и согласия. Как подчеркивает О. С. Елкина, для российского менталитета «характерно мировосприятие типа “и то, и это”, резко контрастирующее с западным менталитетом (мировосприятие типа “или – или”). Это свойство русского менталитета свидетельствует об особенностях экономического поведения русской личности» [8, с. 122].

Развитие технологий и организации производства оказывает влияние на процесс формирования российской ментальности, но и особенности последней существенно влияют на динамику социально-экономических отношений. Исходя из этого на экономическое поведение оказывают существенное влияние формы, системы и механизмы профессиональной подготовки в различных сферах деятельности. Запрос рынка труда является динамичным и зависит не только от существующих рабочих мест и этнонациональной структуры удовлетворения экономических потребностей, но должен также учитывать потенциальные инфраструктурные экономические изменения в сфере внутренней миграции и иммиграции, обострения этнонационального вопроса,

существования национальных меньшинств в условиях глобализации. По мнению Г. Р. Наумовой, в области материального производства для российской ментальности характерны такие отрасли материального производства, как «машиностроение и металлообработка, а также железнодорожный транспорт» [14, с. 27]. В сфере торговли отдается предпочтение представителям кавказских регионов России (армяне, адыгейцы, карачаевцы, осетины, черкесы, ингуши, балкарцы). Иными словами, можно констатировать, что в условиях, когда публичное пространство характеризуется разрывами в виде слабости институтов социального взаимодействия, низкого институционального доверия и отсутствия культуры публичного диалога, наблюдается смещение экономической активности россиян на социальный микроуровень.

В регулировании экономического поведения существенную роль играют ценности, закрепленные в предшествующей социокультурной практике и определяющие гуманистическую целесообразность экономической деятельности. Доминирование позитивных (согласие, толерантность и т. д.) или негативных (агрессия, интолерантность и т. д.) тенденций позволяет говорить о направлениях ориентации человеческого капитала, в частности в трудовой сфере. Развитию человеческого капитала способствует существование в обществе атмосферы взаимного доверия между всеми субъектами экономической деятельности. Социокультурный капитал российской ментальности в своем основании имеет «базисное доверие» (Э. Гидденс), способствует снятию социальной напряженности на подсознательном уровне (морально-этического сознания). Однако стоит заметить что, современное социально-экономическое развитие России характеризуется наличием различных рисков [3, с. 201], например, «риски снижения уровня благосостояния от четверти до трети работающего населения связывает с возможностью потери работы, снижением размера заработной платы и ее несвоевременной выплатой, переходом на неполную рабочую неделю, вынужденным уходом в неоплаченный отпуск» [7, с. 66]. В наименьшей степени эти риски относятся к той группе работающего населения, которая имеет высшее профессиональное образование.

Литература

1. Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 44–52.
2. Белик А. А. Особенности экономического поведения в Китае // Экономический журнал. – 2013. – № 3, т. 31. – С. 35–45.
3. Бельков А. В. Влияние аксиосферы культуры и правоприменения на формирование эколого-экономического мышления в промышленно развитых регионах // Экологические проблемы промышленно развитых и ресурсодобывающих регионов: пути решения: сб. тр. II Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. – Кемерово, 2017. – С. 202–204.
4. Гаджиев Г. А. Русская философия права В. В. Библихина // Российский ежегодник теории права. – СПб.: СПбГУ, 2011. – № 4. – С. 9–34.
5. Голофастова Н. Н. Трансформация эколого-экономической системы угледобывающего региона // Экономика и управление инновациями. – 2017. – № 1 (1). – С. 66–75.
6. Демографические вызовы России. Экспертно аналитический доклад. – М., 2017. – 71 с.
7. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 год – нояб. 2017 года / Рос. акад. народ. хозяйства и гос. службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т. М. Малевой. – М., 2017.
8. Елкина О. С. Сущность и особенности формирования экономического поведения // Вестн. Омск. ун-та. – 1999. – № 3. – С. 120–124.
9. Жукова О. И., Жуков В. Д. Религиозное сознание как фактор культуры современного человека // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 39 – С. 13–18.
10. Золотухин В. М. Социально-философский аспект специфики уголовного правоприменения в Российской ментальности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Сер. Гуманитар. и обществ. науки. – 2017. – № 3. – С. 55–60.
11. Золотухин В. М. Социально-философский аспект деятельности в рамках социокультурного процесса // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2015. – № 1 (61), т. 4. – С. 198–201.
12. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.
13. Мареева С. Неравенство возможностей. Почему провинциалы чувствуют себя успешнее, чем жители столиц [Электронный ресурс]. – URL: <https://iq.hse.ru/news/215721991.html> (дата обращения: 15.02.2018).
14. Наумова Г. Р. Этнический фактор и социально-экономические приоритеты населения России // Этнокультурная обусловленность экономики. – М.: Экон. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. – 109 с.
15. Негруль В. В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения // Вестн. ВГУ. Сер. Философия. – 2016. – № 2. – С. 105–116.
16. Одинг Н. Ю. Культура, институты и экономическое поведение в России // Journal of institutional studies (журн. институцион. исслед.). – 2012. – Т. 4, № 4. – С. 60–72.
17. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. – М.: Эксмо, 2017. – 577 с.
18. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Yazevich M., Rodionov A., Kozyreva M. V. Ideological paradigms and their impact on environmental problems solutions in coal mining regions // E3S Web of Conferences. The Secons International Mining Symposium, 2017.

References

1. Anisimov R.I. Trud v epokhu neopredelennosti [Labor in an age of uncertainty]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological researches]*, 2017, no. 11, pp. 44-52. (In Russ.).
2. Belik A.A. Osobennosti ekonomicheskogo povedeniya v Kitae [The Peculiarities of economic behavior in China]. *Ekonomicheskij zhurnal [The economic journal]*, 2013, no. 3, vol. 31, pp. 35-45. (In Russ.).
3. Belkov A.V. Vliyanie aksiosfery kul'tury i pravoprimereniya na formirovanie ekologo-ekonomicheskogo myshleniya v promyshlennno razvitykh regionakh [The influence of the axiosphere of culture and law enforcement on the formation of ecological and economic thinking in industrialized regions]. *Ekologicheskie problemy promyshlennno razvitykh i resursodobyvayushchikh regionov: puti resheniya: sb. tr. II Vserossiyskoy molodezhnoy nauchno-prakt. konf. [Environmental problems of industrialized and resource-producing regions: solutions. Sat. Tr. II all-Russian youth scientific practice. Conf.]*. Kemerovo, 2017, pp. 202-204. (In Russ.).
4. Gadzhiev G.A. Russkaya filosofiya prava V.V. Bibikhina [The Russian Philosophy of Law of V.V. Bibikhin]. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava [Russian Yearbook of legal theory]*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2011, vol. 4, pp. 9-34. (In Russ.).

5. Golofastova N.N. Transformatsiya ekologo-ekonomicheskoy sistemy ugledobyvayushchego regiona [Transformation of the ecological-economic system of the coal-mining region]. *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami [Economics and innovations management]*, 2017, no. 1 (1), pp. 66-75. (In Russ.).
6. *Demograficheskie vyzovy Rossii. Ekspertno analiticheskiy doklad [Demographic challenges of Russia. Expert analytical report]*. Moscow, 2017. 71 p. (In Russ.).
7. *Ezhesyachnyy monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya i samochuvstviya naseleniya: 2015 god – noyabr' 2017 goda [Monthly monitoring of socio-economic status and health: 2015 – Nov 2017]*. Ed. T.M. Maleva. Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2017. (In Russ.).
8. Elkina O.S. Sushchnost' i osobennosti formirovaniya ekonomicheskogo povedeniya [The Essence and features of the formation of economic behavior]. *Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]*, 1999, no. 3, pp. 120-124. (In Russ.).
9. Zhukova O.I., Zhukov V.D. Religioznoe soznanie kak faktor kul'tury sovremennogo cheloveka [Religious consciousness as a factor in the culture of modern man]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2017, no. 39, pp. 13-18. (In Russ.).
10. Zolotukhin V.M. Sotsial'no-filosofskiy aspekt spetsifiki ugolovnogo pravoprimeneniya v Rossiyskoy mental'nosti [Socio-philosophical aspect of the specificity of criminal law enforcement in the Russian mentality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of Kemerovo State University. Series of Humanities and social Sciences]*, 2017, no. 3, pp. 55-60. (In Russ.).
11. Zolotukhin V.M. Sotsial'no-filosofskiy aspekt deyatel'nosti v ramkakh sotsiokul'turnogo protsessa [Social and philosophical aspects of activities within the socio-cultural process]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2015, no. 1 (61), vol. 4, pp. 198-201. (In Russ.).
12. Keyns Dzh.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [General theory of employment, interest and money]*. Moscow, Gelios ARV Publ., 2002. 352 p. (In Russ.).
13. Mareeva S. *Neravenstvo vozmozhnostey. Pochemu provintsialy chuvstvuyut sebya uspeshnee, chem zhiteli stolits [Inequality of opportunities. Why do the provincials feel more successful than the residents of the capitals]*. (In Russ.). Available at: <https://iq.hse.ru/news/215721991.html> (accessed 15.02.2018).
14. Naumova G.R. Etnicheskiy faktor i sotsial'no-ekonomicheskie priority naseleniya Rossii [Ethnicity and socio-economic priorities of Russia's population]. *Etnokul'turnaya obuslovlennost' ekonomiki [Ethno-cultural conditionality of economy]*. Moscow, Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University Publ., 2017. 109 p. (In Russ.).
15. Negrul V.V. Aksiologicheskoy aspekt filosofskogo osmysleniya ekonomicheskogo povedeniya [Axiological aspect of the philosophical understanding of economic behavior]. *Vestnik VGU. Seriya Filosofiya [Bulletin of VSU. Series Philosophy]*, 2016, no. 2, pp. 105-116. (In Russ.).
16. Odina N.Yu. Kul'tura, instituty i ekonomicheskoe povedenie v Rossii [Culture, institutions and economic behavior in Russia]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [Journal of institutional studies]*, 2012, vol. 4, no. 4, pp. 60-72. (In Russ.).
17. Taler R. *Novaya povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoy ekonomiki i kak na etom zarabotat' [New behavioral Economics. Why do people violate the rules of the traditional economy and how to make money from it]*. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 577 p. (In Russ.).
18. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Yazevich M., Rodionov A., Kozyreva M.V. Ideological paradigms and their impact on environmental problems solutions in coal mining regions. *E3S Web of Conferences. The Secons International Mining Symposium*, 2017. (In Engl.).

УДК 130.2

ФИЛОСОФСКИЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Басалаева Оксана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

Статья позволяет более конкретно понять специфику культурной картины мира как частнонаучной, раскрыть ее содержание и значение для культурологии, философии и науки. Статья посвящена опреде-

ленным принципиальным положениям, на которых базируется культурология. Это основные понятия, концептуальные положения и теоретические воззрения. В предлагаемой статье акцент сделан на выявлении и объяснении особенностей антропологического, аксиологического принципов, а также, принципа культурно-философского концептуализма и принципа концептуального плюрализма, содержащихся в объяснительно-регулятивном блоке культурной картины мира. Выявлены особенности культурологической реальности, которая осмысливается исследователем не на уровне представлений и понятий, а на уровне концептов и концепций. Наметившиеся тенденции в исследовании культурной картины мира, специфичность познания культуры выражается в том, что на них непосредственное влияние оказывает философия. В сфере философии культуры наблюдается контрастная картина. Каждая более или менее развитая философия включает в себя культуру как составную часть своего содержания. Более того, ход развития философской мысли последнего времени таков, что культура стала необходимым элементом всякой современной философии, составляя подчас сердцевину ее проблематики. Философия неизбежно использует достигнутый культурологией уровень знания о культуре, хотя нередко демонстрирует свою независимость от него и предлагает свое понимание культуры. Последнее, как правило, продиктовано исходным философским принципом или общим духом, свойственным соответствующей философии.

Ключевые слова: культурная картина мира, философия культуры, антропологический принцип, аксиологический принцип, принцип культурно-философского концептуализма, принцип концептуального плюрализма.

PHILOSOPHICAL PRINCIPLES OF THE CULTURAL WORLD-VIEW

Basalaeva Oksana Gennadyevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Department Philosophy, Law and Social and Political Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

The article is devoted to certain basic principles on which cultural studies are based. These are the basic concepts, conceptual positions and theoretical views. The proposed article focuses on identifying and explaining the features of anthropological, axiological principles, as well as the principle of cultural philosophical conceptualism and the principle of conceptual pluralism contained in the declarative-regulative block of the cultural world-view. The peculiarities of cultural reality, which are understood by the researcher not at the level of representations and concepts, but at the level of concepts and concepts, are revealed. The emerging trends in the study of the cultural world-view, the specificity of cognition of culture is expressed in the fact that they are directly influenced by philosophy. In the field of culture philosophy there is a contrasting picture. Each more or less developed philosophy includes culture as an integral part of its content. Moreover, the course of development of the philosophical thought of the last time is such that culture has become an indispensable element of all modern philosophy, sometimes forming the core of its problems. Philosophy inevitably uses the level of cultural knowledge reached by culture studies, although it often demonstrates its independence from it and offers its own understanding of culture. The latter, as a rule, is dictated by the initial philosophical principle or common spirit inherent in the corresponding philosophy. The article allows us to more specifically understand the specifics of the cultural world-view as a private science, to reveal its content and significance for cultural studies, philosophy and science.

Keywords: cultural world-view, philosophy of culture, anthropological principle, axiological principle, principle of cultural philosophical conceptualism, principle of conceptual pluralism.

В научных публикациях [4; 5; 6; 11] было доказано, что научная картина мира выступает «посредником» между наукой и обществом. Она по своему мыслительному, научно-техническому содержанию имеет характер концепта с признающими ему отличительными чертами как от

представления, так и понятия. В сфере философско-методологического мышления научное сообщество воспринимает разработку научной картины мира академика В. С. Степина как своеобразную стандартную модель научной картины мира, включающую два блока:

1. Описательный или предметный, содержащий представления: 1) об элементарных объектах, из которых предполагаются построенными все другие объекты, исследуемые в соответствующей науке, 2) о типологии исследуемых объектов, 3) о характеристике взаимодействия объектов, 4) о пространственно-временных характеристиках изучаемой реальности;

2. Объяснительный и регулятивный блок, содержащий представления о способах объяснения и способах регулирования самого содержания научной картины мира: 1) принципы (философские или конкретно-научные для частной науки), 2) фундаментальные теоретические законы, лежащие в основании развитой теории, 3) частные теоретические законы, 4) эмпирические зависимости, 5) данные наблюдения.

Приведенная преамбула к изложению материалов статьи позволяет более конкретно понять специфику культурной картины мира как частнонаучной, раскрыть ее содержание и значение для культурологии, философии и науки.

Второй – объяснительный и регулятивный блок культурной картины мира, согласно стандартной модели научной картины мира имеет свое специфическое содержание, отражающее содержание представлений о культурной реальности. В него, как указано выше, входят: 1) философские принципы, 2) фундаментальные теоретические законы, лежащие в основании развитой теории, 3) частные теоретические законы, 4) эмпирические зависимости, 5) данные наблюдения.

В культурологии, как и в любой конкретной науке, существуют определенные принципиальные положения, на которых она базируется. Это основные понятия, концептуальные положения и теоретические воззрения.

В истории человеческого познания совершенно немало открытий больших и малых. Но каждое открытие заканчивалось тем, что человек всякий раз переходил от незнания к знанию. Открытие завершалось получением нового знания об еще неизвестном, которое им фиксировалось либо

в виде некоторого познавательного образа, либо в форме нового понятия, либо, наконец, в создании новой научной дисциплины. Но великих, эпохальных открытий можно пересчитать по пальцам. Это открытие реальности идеальных объектов, начиная с Ксенофана, Сократа и заканчивая Аристотелем, создавшим логику. Это открытие природы, начиная с работ Н. Кузанского (XV век), с его идеей бесконечности мира до работ Г. Галилея и И. Ньютона. В работах последних природа уже описывалась как реальный существующий объект. Это открытие общества как объекта научного исследования, начиная с работ Т. Гоббса до К. Маркса. Это открытие культуры, начиная с работ И. Г. Гердера (конец XVIII века) и до работ Л. Уайта, закрепившего термин «культурология», подразумевавший научную дисциплину о культуре. Это, наконец, открытие человека (вторая половина XIX века – начало XXI века), когда был исследован геном человека, в результате чего человек предстал как природное, социальное и культурное существо в том целостном многообразии своего понимания, на которое способны современные исследователи.

Понятно, что каждое эпохальное открытие – природы, общества, культуры, человека – это достаточно длительный процесс. В нем вырабатываются все более адекватные знания о существе открытия, над которыми задумываются философы, превращая их в систему мировоззрения. Резюмируя указанную ситуацию по отношению к культуре, Ю. Н. Солонин отмечает, что специфичность культуры состоит в том, что она характеризует только существование человека [8, с. 19]. То есть в качестве исторически развивающегося существа, обладающего способностью изменять не только внешнюю, но и собственную природу, человек определяет собой не природную, а культурную область действительности [9, с. 17].

Признание человека природным, социальным, культурным существом порождает проблемное поле культурологии, ориентироваться в котором помогает следование антропологическому принципу, выработанному в русле философской рефлексии и наполненному теоретическим и эмпирическим материалом культурологии.

Человек как природное существо в силу наличия изначальных физиологических потреб-

ностей всегда находился не в пассивном, а в активном, деятельностном отношении к внешнему миру, в меру своих наличных исторических возможностей и потребностей. Следуя своим целям, он преобразовывал его. Создавая желаемые образы и предметные отношения сначала в мышлении, а затем в окружающем мире, естественно, человек исходил из признания в окружающем его мире явлений, предметов и процессов наиболее или наименее значимых для его жизнедеятельности. Тем самым отмечалось их социальное или культурное значение, формировались ценностные ориентации. Окружающий мир предстает перед человеком как ценностно осмысленный мир. Формируется мир ценностей. Они, конечно, различны в разных культурах, но всегда связаны целеполаганием и целями конкретных людей в конкретных культурах. По этому поводу достаточно аргументированно высказывается М. С. Каган, считая, что исходным положением историко-теоретического анализа ценностного отношения является его понимание в качестве определенного аспекта целостного отношения человека к действительности и к самому себе, которое формировалось в эволюции антропосоциокультурогенеза и каждый раз снова формируется в процессе социализации и культурации индивида [6, с. 64].

Изоморфизм этих процессов сказывается в том, что в обоих его масштабных проявлениях он движется от исходного синкретизма к постепенному отделению ценностного отношения, его обособлению от проективного и познавательного, его самоосознанию и автономизации, а затем и к самоопределению различных его форм – гражданской, нравственной, эстетической, атеистической или религиозной и т. п. Какова причина происходящего? В самой общей форме можно было бы ответить: причина в том, что усложняется реальное бытие человечества в целом и каждого отдельного индивида в процессе развития и появляется необходимость в дифференцированной системе управляющих практической деятельностью духовных сил.

М. С. Каган, конкретизируя соотношение ценности и цели, подвергает критике и частое сближение, если не примитивное отождествление, понятий «ценность» и «цель», «ценность» и «идеал», «ценность» и «норма». Обязательность их различия следует из их принадлежности

к разным видам духовной деятельности: «цель» и «идеал» – это разные вариации духовной, преобразовательной, моделирующей, проектной деятельности нашего «продуктивного воображения», фантазии, способности «опережающего отражения» или «моделирования благоприятного будущего», а «ценность» – это определение значения для субъекта чего бы то ни было, в том числе и «целей», которые бывают и позитивными, и негативными, и «идеалов», и моделей не только «потребного», но и «непотребного» будущего. Существенное и деятельностное отличие этих результатов духовной деятельности состоит в том, что «цель», «идеал», «проект» формально характеризуют процесс деятельности, технологически, а «ценность» – идеологически, содержательно; поэтому идеология и является теоретическим обоснованием системы ценностей определенной части общества, а теоретическое обоснование и конструирование социальных проектов виртуальных или реальных идеалов осуществляет другая социально-философская дисциплина, которую М. С. Каган называет идеологией.

Как бы ни были близки эти ветви общественной мысли, как бы ни скрещивались они в сочинениях Платона, Августина, Т. Кампанеллы, Ж.-Ж. Руссо, В. И. Ленина, Н. Г. Чернышевского, они осмысливают разные аспекты социальной практики; потому получить адекватное представление о ценностях можно только, разведя их с категориями телеологическими так же, как это было сделано по отношению к категориям онтологическим, гносеологическим, праксиологическим.

А в этом случае станет непринципиальным распространенное в аксиологии деление ценностей на «ценности-цели» и «ценности-средства» [6, с. 83–84].

Тем самым в осмыслении культуры достойное место занимает еще один основополагающий принцип – аксиологический.

Специфичность познания культуры выражается в том, что на него непосредственное влияние оказывает философия. Можно даже сказать, что в каждой серьезной философской системе имеются свои особые трактовки культуры в виде «философии культуры».

В этом отношении совершенно справедливо высказывание Ю. Н. Солонина, обратившего вни-

мание на то что, когда культура стала предметом философских рефлексий, возникла не одна философия культуры. В сфере философии культуры проявилась разнообразная картина: каждая более или менее развитая философия включает в себя культуру как элемент своего содержания. Более того, ход развития философской мысли современности таков, что культура стала необходимой составной частью философии конца XX начала XXI века, составляя, где-то, сущность ее проблематики.

Но если культурология исследует культуру всеми доступными ей научными методами, то философия дает понимание культуры. В первом случае речь идет об объективном знании, во втором – об интерпретации культуры в контексте идей, задач и концепций философии.

В философии не проводится анализ культуры в научном смысле. Свои утверждения о культуре философ рассматривает как достоверные. Если научный принцип требует от культурологии опоры на конкретные факты и формы существования культуры, то для философа достаточна сама достоверность бытия культуры как таковой. Это совершенно иное понимание вопроса о достоверности суждений о культуре.

Философия культуры оперирует фактами в интерпретированном виде, то есть истолковывает их в духе своих принципов. Предпочтение отдается только тому материалу, который согласуется с теоретическими положениями философской концепции культуры. Это отношение к миру культуры определяет хорошо известную тенденциозность, свойственную философии, нередко обвиняемой в игнорировании реальности, некорректном ее понимании.

Ценность философии культуры не состоит вовсе в верности фактам или их игнорировании. Философское постижение культуры нередко бывает оригинальным, открывает новые возможности осмысления и перспективы культурной реальности человека во всей полноте их взаимосвязи и взаимодействия, чего не может сделать культурология. Только с философской точки зрения возможно осознать культуру в целостности, во всем разнообразии способов ее существования, увидеть наиболее фундаментальные основания культуры.

Философия ставит перед культурой ряд проблем, имеющих существенное значение для человека, но не вытекающих из культурологического подхода к ней. Таковы, например, проблемы онтологического характера: вопросы о смысле культуры в перспективе человеческого существования, вопросы об условиях ее бытия, вопросы о структуре культуры, причинах ее изменений и их общем векторе. Философией культуры, в отношении человека поднимается вопрос о специфике его культурной деятельности. В силу того, что «природа», «творчество», «смысл жизни» и подобные им категории являются составной частью современной философии, в философии культуры формулируются также проблемы взаимосвязи и взаимодействия культуры и природы, культуры и творчества [8, с. 46–47].

Все приведенное выше о взаимоотношении философии и культуры позволяет зафиксировать еще один принцип свойственный культурологии – принцип культурфилософского плюрализма, составляющий корпус философско-теоретического и методологического знания [2].

Дело в том, мир культуры представлен не только искусственно созданными предметами – артефактами, но деятельностью по их созданию – артефактами, которые представляют собой определенные ценности, которые в свою очередь, выступают в качестве регулятора культурной деятельности, направляя ее к достижению некоторой цели как самой этой ценности. Таким образом, культурный континуум достаточно разнообразен и содержит в себе артефакты, артеакты, ценности, идеалы, цели и т. п. Естественно, что дать какое-то однозначно приемлемое определение культуры проблематично. Различные авторы насчитывают разное количество определений культуры – от 500 до 1000. Все это приводит к тому, что бытующими определениями культуры весьма трудно представить их понятийный характер. Скорее его можно интерпретировать как терминологическое поле слова «культура». Но, как известно, путь от термина к понятию лежит через такую форму мышления, как концепт или концепцию, которая представляет собой систему взглядов на те или иные явления; способ рассмотрения каких-либо явлений, понимание чего-либо. Концепт как ядро концепции формирует содержание будущего

понятия. Но это способ формирования достаточно общих понятий.

Есть другой способ образования понятий, которые обладают гораздо меньшей степенью общности или более частных понятий. На него указывают П. В. Алексеев и А. В. Панин, отмечая, что благодаря выработке способности к свободным представлениям, связанным со словом, а также способности к сопоставлению представлений, их анализу, выделению общих признаков предметов и их объединению (синтезу) в определенные классы стало возможным формирование особого рода представлений, фиксирующих общие признаки вещей. Это уже представления не чувственно-сенситивного характера, поскольку конкретная индивидуальность здесь уже отсутствовала (и в восприятии, и в самом представлении), а «представление» лишь об отдельных признаках целой группы индивидуальных предметов, выделяемых по какому-либо общему для них признаку, например, по функциональному.

Возникли «представления», квалифицируемые в логике, психологии и философии как понятия. Формировалась и развивалась способность людей к абстрактно-мысленному отражению действительности.

Исходной и ведущей формой абстрактно-мысленного отражения объектов является понятие. Одна из основных функций понятия в процессе познания состоит именно в том, что оно выделяет, представляя в обобщенном виде, предметы некоторого класса по некоторым определенным (общим, существенным) их признакам.

То есть один и тот же объект может выступать и в форме чувственно-сенситивного представления, и в форме понятия [1, с. 151].

Выделенный способ образования понятий имеет отношение к образованию понятий, которые в нашем случае назовем «функциональными». Собственно, такими функциональными понятиями и являются указанные 500 или 1000 определений культуры, которые приводятся различными авторами. В качестве иллюстративного примера можно привести перечень таких функциональных понятий в редакции А. Я. Флиера. Он отмечает, что чрезвычайная социально-функциональная амбивалентность культуры породила столь же богатую палитру дефиниций,

определяющих ее сущность в различных ракурсах ис позиций выделения тех или иных ее функций – деятельностно-прогрессистских, холистских, локальных, социально-организационных, нормативно-регулятивных, психолого-мотивационных, символических, информационно-семиотических, аксиологических и пр.

Упрощая вопрос, А. Я. Флиер попытался свести многообразие представлений о культуре к нескольким основным определениям:

- регулятивная система порядков коллективной жизнедеятельности общества (культура социального поведения);

- ценностно-нормативный аспект мировоззрения человека и общества (культура индивидуального и социального сознания);

- совокупность обычаев и нравов, верований, языков, обрядов, фольклора и народного искусства локальных сообществ (этнографическая культура);

- совокупность статусных иерархий и ролей, тем или иным образом разделенных сегментов публичной и приватной жизни, этикетных норм и манифестаций социального положения общественных групп и индивидов (социальная культура);

- гуманитарная составляющая общественной жизни (культура символического производства, религия, гуманитарные науки и образование, система СМИ);

- особая сфера государственной жизни, управляемая Министерством культуры (культура обеспечения досуга, актуальной художественной практики и охраны исторического культурного наследия);

- а также некоторые другие области социальной практики (см. [10, с. 58]).

Таким образом, осмысление проблемного поля культурологии в терминах «представлений», «функциональных понятий» свидетельствуют как о росте культурологии как научной дисциплины, так и сложности ее проблем. Еще одним аргументом для этого служит наличное состояние культурологического знания. В его структуре большое место занимают конкретные, но не общие понятия, а также подходы – аксиологический, деятельностный, экзистенциалистский, системный и др., что является способом рассмотрения каких-либо

явлений и тем самым выступает составляющей определенной концепции по определению самой концепции.

Указанные факты говорят о том, что, действительно, в корпусе философско-теоретического знания включен принцип культурофилософского концептуализма.

Концепция не закрепляет жестко смысл. Это предопределяет некую вариацию смыслов. Пространственно-временная определенность артефактов и артеактов на микроуровне, то есть на уровне культурного субъекта – взаимоотношения индивидуальности (место) и личности (время) в концепции В. А. Кругликова [7, с. 171–172], постулируются как процесс смысловой развертки «Я» во времени человека. Происходит процесс

самопорождения смысла, что, в свою очередь, порождает концептуальное видение культуры. Это ведет к признанию не только смыслопорождения в культуре, но и концептуального плюрализма, по крайней мере, на современном этапе развития культурологии в условиях множественного толкования культурной реальности. Тем самым корпус философско-теоретического знания культурологии на полных правах включает также принцип концептуального плюрализма.

Таким образом, культурная картина мира в своем объяснительно-регулятивном блоке содержит в себе следующие принципы – антропологический принцип, аксиологический принцип, принцип культурнофилософского концептуализма, принцип концептуального плюрализма.

Литература

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. – М.: Высш. шк., 1991. – 383 с.
2. Астахов О. Ю. Культурологические и философские аспекты формирования интегративного знания о культуре // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 2. – С. 10–13.
3. Басалаева О. Г. Мировоззренческая функция культурной картины мира в метаиндивидуальной сфере личности как социальном субъекте [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2015. – № 10. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/10/philosophy/basalaeva.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
4. Басалаева О. Г. Функция понимания в частнонаучной картине мира // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 18. – С. 215–220.
5. Басалаева О. Г., Балабанов П. И. Картина мира в культуре и науке: моногр. – Кемерово: Полиграф, 2014. – 268 с.
6. Каган М. С. Философская теория ценностей. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
7. Кругликов В. А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М.: Наука, 1987. – С. 167–197.
8. Культурология / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Каган. – М.: Высш. образование, 2005. – 566 с.
9. Проблемы философии культуры: Опыт ист.-материалист. анализа. – М.: Мысль, 1984. – 325 с.
10. Флиер А. Я. Социальная практика как преодоление культуры: от бытового хулиганства до интеллектуальной субъективности // Междунар. журн. исслед. культуры. – 2013. – № 3. – С. 56–67.
11. Basalaeva O. G. Features of cultural reality in cultural world-view // Journal of Siberian Federal University. – Humanities & Social Sciences. – 2016. – Vol. 9, № 2. – P. 342–349.

References

1. Alekseev P.V., Panin A.V. *Teoriya poznaniya i dialektika [Theory of knowledge and dialectics]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 383 p. (In Russ.).
2. Astakhov O.Yu. Kul'turologicheskie i filosofskie aspekty formirovaniya integrativnogo znaniya o kul'ture [Cultural and philosophical aspects of the formation of integrative knowledge about culture]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 2, pp.10-13. (In Russ.).
3. Basalaeva O.G. Mirovozzrencheskaya funktsiya kul'turnoy kartiny mira v metaindividnoy sfere lichnosti kak sotsial'nom sub'ekte [The worldview function of the cultural picture of the world in the meta-individual sphere of the personality as a social subject]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2015, no. 10. (In Russ.). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/10/philosophy/basalaeva.pdf (accessed 07.03.2018).

4. Basalaeva O.G. Funktsiya ponimaniya v chastnionauchnoy kartine mira [Hermeneutic function of personal scientific world outlook]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 18, pp. 215-220. (In Russ.).
5. Basalaeva O.G., Balabanov P.I. *Kartina mira v kul'ture i nauke [The picture of the world in culture and science]*. Kemerovo, Poligraf Publ., 2014. 268 p. (In Russ.).
6. Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennostey [Philosophical theory of values]*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 205 p. (In Russ.).
7. Kruglikov V.A. Prostranstvo i vremya «cheloveka kul'tury» [The space and time of the “man of culture”]. *Kul'tura, chelovek i kartina mira [Culture, people and the world-view]*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 167-197. (In Russ.).
8. *Kul'turologiya [Culturology]*. Ed. E.N. Solonina, M.S. Kagan. Moscow, Vysshee obrazovanie Publ., 2005. 566 p. (In Russ.).
9. *Problemy filosofii kul'tury: Opyt istoriko-materialisticheskogo analiza [Problems of the philosophy of culture: the experience of historical materialistic analysis]*. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 325 p. (In Russ.).
10. Flier A.Y. Sotsial'naya praktika kak preodolenie kul'tury: ot bytovogo khuliganstva do intellektual'noy sub'ektivnosti [Social practice as the overcoming of culture: from domestic hooliganism to intellectual subjectivity]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury [International Journal of Cultural Research]*, 2013, no. 3, pp. 56-67. (In Russ.).
11. Basalaeva O. G. Features of cultural reality in cultural world-view. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 342-349. (In Engl.).

УДК 130.2+930.1

ИДЕЯ КОНЦА ИСТОРИИ: СМЫСЛ, ПРИРОДА, СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Гаврилов Олег Фёдорович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: gof57@yandex.ru

Васильева Раиса Павловна, бакалавр, институт истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: rpvasilyeva@yandex.ru

Исследование посвящено философской идее конца истории в контексте утопического сознания. Показано, что она выступает в качестве отрефлексированного и концептуализированного выражения желания обрести в наличной действительности совершенное общество, наделенное рядом детализированных характеристик. Эта регламентированность содержательного наполнения идеи конца истории делает невозможным ее буквальное воплощение, но в то же время позволяет ей играть роль детонатора социальных катаклизмов. Дан сравнительный анализ идеи конца истории и эсхатологических представлений о конце света. Обоснован вывод, согласно которому, несмотря на генетическую близость, они существенно отличаются содержанием своих финалистских представлений. Кроме того, эсхатологические представления являются продуктом религиозной веры, а в идее конца истории даже если она иногда и присутствует, то играет далеко не ведущую роль. Идея конца истории, выраженная в философской, специализированно-художественной форме или в продуктах фольклора, является результатом утопической активности. Любая утопия в принципе содержит или предполагает идею конца истории, и любая идея конца истории утопична. В статье формулируется вывод, согласно которому идея конца истории, оказываясь, по сравнению с полнотой реальности, не более чем безжизненной схемой, является индикатором социального кризиса, предупреждая как своим содержанием, так и практикой косвенного воплощения об угрозе утраты людьми смыслообразующих ориентиров, потери культурой своего разнообразия.

Ключевые слова: конец истории, эсхатология, утопия, социальное бытие, культура.

THE IDEA OF THE END OF HISTORY: MEANING, ORIGIN, SOCIAL SIGNIFICANCE

Gavrilov Oleg Fedorovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: gof57@yandex.ru

Vasilyeva Raisa Pavlovna, Bachelor, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: rpvasilyeva@yandex.ru

The research is devoted to the idea of the end of history in the context of utopian consciousness. It is shown that it acts as the rationalized and conceptualized expression of desire to find the perfect society allocated with a number of the detailed characteristics in cash reality. This regimentation of substantial filling of the idea of the end of history makes impossible its literal embodiment, but at the same time allows it plays a role of a detonator of social cataclysms. The comparative analysis of the idea of the end of history and eschatological ideas of an apocalypse is carried out. A valid conclusion according to which, despite genetic proximity, they significantly differ. The apocalypse means the global accident opening a way to transcendental reality, to a new stage of history. The end of history assumes achievement in social reality of so perfect condition of society at which any essential social changes become excessive and in principle impossible. Besides, if eschatological representations are a result of a religious belief, in the idea of the end of history, even if it sometimes is presented, does not play the leading role. The idea of the end of history expressed in philosophical, specialized art or in the form of compositions of folklore is a result of utopian activity. Any utopia surely contains or assumes the idea of the end of history and any idea of the end of history is always utopian. The article formulates the conclusion according to which the idea of the end of history is the primitive scheme in comparison with multidimensionality of reality is formulated as an indicator of social crisis, warning as to its content and practice indirect realization about the threat of loss people making sense reference points, loss of culture diversity.

Keywords: end of history, eschatology, utopia, social being, culture.

Идея конца истории является неизменной составляющей культуры прошлого и настоящего. Интерес к ней в обществе то затухает, то вновь разгорается. С завидной периодичностью она воспроизводится и в пространстве специализированного философского дискурса, и в образах художественного творчества, и в сфере повседневной жизни, приобретая качество поворотного рубежа, финала социального или вселенского масштаба, переходного состояния или же завершенности всех возможных потенций. Эта идея, проявляя себя в различных продуктах духовного творчества, может быть рассмотрена как своего рода симптом, свидетельствующий о важных процессах, происходящих в недрах современной культуры. Проблема состоит в том, что причина, по которым идея конца истории оказывается интеллектуальной константой, не очевидна, как не очевидны и социальные последствия ее тиражирования и распространения. Поэтому задачу нашей работы мы видим в экспликации смысла,

когнитивной природы, а также социальной роли идеи конца истории.

Прежде всего, следует заметить, что далеко не во всех случаях идея конца истории обнаруживает себя явно. В некоторых интеллектуальных продуктах, как, например, в философской системе Г. Гегеля или в известной работе Ф. Фукуямы, она отчетливо проговаривается. Взгляды некоторых других авторов, специально не рассматривающих вопросы подобного рода, тем не менее, нередко имплицитно содержат определенное видение этой проблемы. В частности, это касается темы деидеологизации современного общества (Р. Арон, Д. Белл) или констатации «смерти метанарративов», а соответственно – истории, озвученной представителями постмодернизма (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида). В ряде же случаев требуется специальная аргументация, чтобы доказать наличие идеи конца истории в некоторых, например, философских текстах. Так, вероятно, не все согласятся рас-

смагивать коммунистический проект К. Маркса в качестве одного из вариантов воплощения этой идеи.

Тем не менее включение кого-либо в список авторов идеи конца истории допустимо всегда, когда автор демонстрирует установку на идеализацию образца социальности, а равно на воплощение этого образца в действительность. Другими словами, идея конца истории обнаруживает себя там, где создатель определенной социальной модели рассматривает последнюю в качестве эталона. При таком подходе можно увидеть присутствие идеи конца истории в значительном количестве продуктов духовной и материальной культуры, хотя зачастую оно далеко не очевидно и существует лишь в потенциальной форме. Но, повторим еще раз, всегда, где формулируется установка на утверждение какого-либо стандарта общественной жизни, можно говорить о ее наличии. К примеру, частным случаем проявления идеи конца истории могут служить любые мессианские умонастроения, выраженные в претензиях религиозного, национального, политического характера, которые могут исходить от групп, организаций, представителей государств, государственно-политических блоков и т. п. Так, в свое время старец Филофей говорил, что был и первый Рим, и второй, а вот на третьем некий аспект истории должен застыть: «...четвертому Риму не бывать».

Современность предоставляет немало более явных свидетельств реальных попыток достичь «вечности», утвердив «единственно правильный» социальный образец. Показательна в этом отношении нацистская доктрина третьего рейха в середине XX века, а также лозунги современного фундаменталистского движения ИГИЛ об утверждении халифата или риторика представителей политических элит США об окончательном «торжестве демократии» в мире. Неодинаковые по содержанию они демонстрируют общую нацеленность на достижение определенного окончательного состояния общества. Конечно, глубина осмысления этой идеи в каждом конкретном случае может сильно различаться. Ее конкретное выражение во многом зависит от формы: философской, политической, религиозной, художественной, бытовой. Как бы то ни было явно или имплицитно, эта идея имеет широкое распространение и может со вре-

менем приобретать концептуальную полноту и содержательную развернутость или существовать в виде не до конца отрефлексированной интенции, либо вообще раствориться в поле коммуникационного взаимодействия.

Историческая ретроспектива указывает на преемственность идеи конца истории с более ранними религиозно-мифологическими представлениями эсхатологического характера. Но даже в том случае, когда идея конца истории находит выражение в мистической форме, она, в чем-то совпадая с идеей конца света, по некоторым содержательным компонентам от нее существенно отличается. Проведя их сопоставление, мы надеемся приблизиться к выявлению характерных признаков предмета нашего исследования.

Прежде всего, их сходство видится в том, что в своих глубинных основаниях эта диада имеет один источник. Им оказалось озарение нашего доисторического предка, открывшее ему конечность собственного существования, а в более глубоком контексте – тленность всего сущего. Именно осознание человеком ограниченности своего бытия стало, в итоге, причиной понимания конечности бытия в целом, и конкретизации этой мысли в концептах конца света и конца истории. Кроме того, обе они, вероятно, были сформулированы в одну историческую эпоху. В основе финализма как типа мировоззрения лежит мысль о движении во времени, то есть о направленном процессе, в котором можно обнаружить начало и его прекращение. По-настоящему такие представления были несвойственны мифологическому сознанию периода архаики, хотя бы потому, что миф в определенном смысле безвременен: прошлое, настоящее и будущее как бы сосуществуют в нем. Эсхатологические мифы древности в полном смысле эсхатологическими признать нельзя. А. Ф. Лосев сравнивает мифологическое восприятие времени с экраном кинозала: событий много, но экран неподвижен. Поэтому А. Ф. Лосев констатирует: «...Мифологический историзм предполагает повсюдный центр, в котором не различить, откуда начинать и где кончать действие...» [9, с. 36]. Однако вряд ли стоит сомневаться в том, что именно в содержании архаичного мифотворчества совершалась постепенная кристаллизация такой установки, которая однажды обнаружила себя в идеях конца света и конца истории. Видимо, их рожде-

ние следует приурочить к периоду осевого времени, когда, согласно К. Ясперсу, человек обнаружил перспективы линейного развития истории, в том числе и в предстоящем его прекращении.

Справедливости ради, стоит заметить, что линейная интерпретация конца истории не исключает полностью и ее циклический вариант. Так, например, первая находит выражение в творчестве Ф. Фукуямы, а вторая в работах К. Ясперса. В то время как Ф. Фукуяма указывает на движение от прошлого через настоящее в будущее, утверждая, что «мы не можем представить себе мир, отличный от нашего по существу и в то же самое время – лучше нашего» [17], то у К. Ясперса цель сопрягается с истоками, и поэтому конец истории как раз можно рассматривать как возвращение к корням. К. Ясперс констатирует: «Конец истории мог бы вернуть человека к тому состоянию, в котором он, будучи уже и все еще человеком, существовал много тысячелетий тому назад» [19, с. 56]. Как видно сходство сопоставляемых идей коренится с одной стороны в экзистенциальном открытии человеком конечности собственного бытия, а с другой – в развитии представлений об исторической перспективе. В этих идеях угадывается осознание границ реальности и вместе с тем возможностей их преодоления.

Говоря о различиях между ними, укажем на два момента. Во-первых, каждая из этих конструкций специфично трактует конечность бытия. Конец света не означает полного уничтожения бытия как такового, а может рассматриваться в качестве средства перехода в новую реальность, трансцендентную по своему характеру, средства открывающего новый этап истории. Конец света подводит черту посюстороннего существования человечества, за которой оно принимает совершенно иную форму, выражаясь словами К. Ясперса, переходит «в сферу гармонического созвучия душ, в царство вечных духов, где мы созерцаем друг друга в любви и в безграничном понимании» [19, с. 31]. Прежняя жизнь заканчивается, чтобы продолжиться в новой форме. Конец света – это катастрофа, посредством которой закрывается одна страница истории и открывается другая.

Напротив, конец истории знаменует освобождение от катастроф и достижение в этой же – посюсторонней – реальности настолько совершенного состояния общества, при котором сколь-

ко бы то значимые изменения оказываются излишними. События с момента достижения конца истории отнюдь не прекращаются, этих событий будет множество, и они будут чрезвычайно интересными, но по сравнению с обретенным идеалом они покажутся настолько мелкими, что в некотором смысле можно будет сказать – история осталась.

Социальные модели, воплощенные в социальных проектах Платона, Т. Кампанеллы, Т. Мора, К. Маркса, Ф. Фукуямы и т. д., являются результатом конструирования идеального общества. В каждом случае это настолько совершенное общество, что его эволюция не нужна, да и не возможна. Было сказано – «время есть мера движения» [1, с. 152], а поскольку в этом идеальном обществе движение как качественное, существенное изменение прекращается, то и время в определенном значении окончательно останавливается. А. В. Кожев замечает: «На самом деле, конец человеческого Времени или Истории, то есть окончательное уничтожение собственно Человека или свободного и исторического Индивида означает просто прекращение Действия в самом сильном смысле этого слова»¹ (цит. по [6, с. 31]). И действительно в «Утопии» Т. Мора или «Городе Солнца» Т. Кампанеллы мы не увидим течения истории. Описание идеального государства статично – это некий срез, момент, выхваченный из его истории, но этот момент повторяется снова и снова и потому сам по себе совершенно не важен. Т. Мор и Т. Кампанелла ничего не говорят о перспективах своих государств, у них есть прошлое как движение к их созиданию, но нет будущего. Историки в этих сообществах занимают важное место, но лишь как хранители памяти об этом прошлом, но не исследователи законов общественного развития.

Подводя промежуточный итог, еще раз подчеркнем, что принципиальное отличие двух вари-

¹ Отметим, что «фигуры “конец истории” и “постистория” были впервые введены в философский дискурс» именно А. Кожевным. Он преподавал во Франции перед началом Второй мировой войны и вел «знаменитый “Семинар” Кожева в Сорбонне, посвященный введению в гегелевскую философию (1933–1939)», который «посещали все тогдашние восходящие звезды французской философской мысли, от Батая до Лакана» (см. [5, с. 151]).

антов осознания перспектив человеческой эволюции, выраженных в идее конца света и идее конца истории, видится в своеобразной трактовке финала. Конец света означает переход в иную трансцендентную реальность и продолжение в ней исторического движения, о содержании и направлении которого мы ничего не знаем. Идея конца истории, напротив, постулирует возможность создания совершенного общества в посюстороннем мире, причем, настольно совершенного, что сколько-нибудь существенные социальные изменения впредь исключаются.

Во-вторых, говоря о различиях между идеями конца света и конца истории, следует отметить, что природа их порождающей активности различна. Общепринято рассматривать эсхатологию как продукт религиозного сознания. А вот единого мнения по поводу того, что является источником тиражирования идеи конца истории, не существует, вероятно, потому, что она облекается в самые разнообразные формы – литературные, философские, религиозные и пр. Высказывается даже точка зрения, согласно которой в качестве этого источника может выступать научное знание. Так, Ю. Л. Ломоносов замечает: «За понятиями “конец света”, “конечность жизни” все же стоит иная реальность, чем за понятием “конец истории”, которое питает свое содержание из несколько других источников, прежде всего научного знания, причем как о природе, космосе, человеке, так и об обществе» [8]. Наверное, стоит согласиться с тем, что если эсхатологические мотивы порождены актом религиозной веры, то в продуцировании представлений о завершении истории она играет, отнюдь, не основную роль. В какой-то степени можно поддержать приведенное высказывание и в том аспекте, что некоторые формулировки конца истории исходят если не от ученых, то, по крайней мере, от философов, опирающихся в своих обобщениях на потенциал рационального мышления и использующих в некоторых случаях данные научного знания.

Особенно это заметно на примере изложения К. Марксом принципов формирования коммунистического общества. Он и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что в отличие от своих предшественников создавали модель коммунистического устройства на основе научного обобщения фактов, концептуальной рефлексии

тенденций исторического развития. Показательно в этом отношении, например, название работы Ф. Энгельса – «Развитие социализма от утопии к науке». А в одном из своих писем он прямо говорит: «Наши взгляды на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической ценности» [18, с. 364]. Разделение специалистов на тех, кто готов поддержать высказанное суждение и тех, кто его абсолютно не приемлет, имеет свою более чем вековую традицию. Особое внимание привлекает промежуточная позиция, согласно которой «между утопией и марксизмом... нет никакой китайской стены, даже если мы берем марксистскую доктрину в ее научном измерении» [7, с. 282]. Так и мы, признавая научный потенциал марксизма, склонны рассматривать его коммунистический проект как вариант идеи конца истории, как выражение утопизма.

Иными словами, идею конца истории в любом своем воплощении следует рассматривать не как результат научной рефлексии, а как продукт утопической активности в любых формах своего выражения – философской, специализированно-художественной или, наконец, в форме продуктов фольклора. Если, при всех оговорках, для ученого в качестве приоритета выступает описание «сущего», то для утописта – моделирование «должного в сущем», причем «должного» в том выражении, как оно понимается автором. То есть, в основе творчества утописта лежит желание сформулировать такие образы социального устройства, которые бы полностью соответствовали его собственным ожиданиям. Эти представления о «должном» могут находить выражение в фольклорных сказаниях о «далеких землях», в художественных произведениях о «золотом веке» в прошлом или будущем, в религиозно-мистических представлениях хилиазма о тысячелетнем Царстве Божиим, наконец, в философских концептуализациях, посвященных контурам идеального государства. В конструировании образов желаемой действительности утопист ориентируется не на факты окружающей его реальности. Он отталкивается от нее как от предмета своей критики и произвольно созидает собственную ментальную реальность

[4, с. 92–97]. Критика и мечта – вот важнейшие составляющие любой утопии, а в какой форме они выражаются – вопрос второй. Любая утопия в принципе содержит или предполагает идею конца истории и любая идея конца истории утопична.

Важнейшая особенность утопических проектов, в которых отрефлексирована идея конца истории, состоит в детальной проработке характеристик будущего. Конечно, степень регламентации общественной жизни в представлениях об идеальном будущем в каждом конкретном случае различна. Где-то, как в случае литературных произведений, она более подробна, где-то, как, к примеру, в философских текстах, – менее. Но, так или иначе, обращаясь к ним, мы встречаемся с некоторыми подробностями общественно-го устройства. Эта особенность позволяет отличать утопии, в том числе и философские утопии, от идеалов [3, с. 4–9]. Правда и те, и другие в своей основе имеют общую логическую процедуру. Это – идеализация, суть которой сводится к созданию таких ментальных объектов, у которых отдельные характеристики приобретают предельную степень выражения. Но если идеалы так и остаются абстрактными принципами должного, то утопии приобретают чувственно-наглядную детализацию. Как раз это последнее и препятствует буквальному воплощению утопий в реальность. «В основании любого утопического произведения лежит идея о желаемом будущем, реализация которой, как правило, невозможна не столько по причине ложности идеи, сколько в силу структуры утопии, детально регламентирующей эту идею», – отмечает Т. А. Пчелинцева [14, с. 23].

Да, мечтая, человек не может не «живописать», и даже самые осторожные «провидцы» не защищены от искушения более или менее подробной прорисовки контуров будущего. Д. Е. Мартынов отмечает, что, несмотря на желание К. Маркса уклониться от детализации проекта будущего, он этого, например, в таких работах, как «К критике Готской программы» и «Немецкая идеология» не избежал [12, с. 32]. Хотя, видимо, этот упрек более справедливо адресовать его популяризаторам, в частности, Ф. Энгельсу, Н. Бухарину, А. А. Богданову и др. И хотя «подробность» утопий оказывается препятствием к их воплощению, нельзя говорить об их бесполезности

для практики. Утопическое сознание продуцирует идеи, которые, отрицая наличную действительность, при некоторых условиях способны сыграть роль детонатора. Взрывая социальное бытие, они создают почву для появления нового. Но новое состояние бытия, отнюдь не являющееся их воплощением, порождает новые утопии, оказывающиеся критикой старых, ранее разрушительных идей. И этот алгоритм повторяется вновь и вновь [10].

Горячее желание воплотить мечту в реальность и посредством этого остановить историю приносит свои результаты, однако, не только позитивные в виде прорыва к новым социальным достижениям во всех областях человеческой деятельности, но и негативным. Все это – законная плата за искус стремления к «крайскому» блаженству здесь – на земле. Оно, как известно, нередко заканчивается «адамом». По этому поводу И. П. Смирнов замечает: «Платоновская Политея с ее стражами-философами обернулась китайской культурной революцией, теократия Гоббса – властью духовных особ в Иране, национально-семейное государство Гердера – бесчисленными этническими конфликтами XX века» [15, с. 152].

Поэтому нельзя не согласиться с мнением русского философа Г. В. Флоровского, который замечал, что метафизический бунт против наличной действительности был не только духовным стимулом человечества, но приводил к утопизму как к «постоянному и неизбывному соблазну человеческой мысли, ее отрицательному полюсу» [16, с. 83]. Опасность этого соблазна состоит в том, что человек начинает верить в возможность окончательного осуществления своего замысла в рамках истории, в возможность имманентной исторической удачи, окончательной и предельной.

Итак, рассмотренный алгоритм мысли утопического сознания, в развертывании которого история по существу прекращается, представляет собой в некотором смысле насилие над живым разнообразием наличного социального бытия. Любые формы выражения идеи конца истории «уплощают», «обезжизнивают» и даже обесмысливают человеческое существование, выхолащивают разнообразные формы культуры, выступая предвестниками разложения и упадка, знаками близкой или далекой, но неизбежной смены данного состояния общества периодом революционных потрясений, ведущих к его саморазрушению.

Следовательно, актуализацию идеи конца истории можно интерпретировать как признак кризиса культуры, ее надвигающегося разложения или состояния коренной трансформации.

Следует оговориться, что мы не хотим противопоставлять эсхатологическое мировосприятие и представления о конце истории как социально-позитивное в первом случае и негативное – во втором. Каждое из этих явлений духовной жизни несет в себе потенциал как творческого, так и разрушительного начал. Религиозные фанатики, одержимые идеей близкого конца света, зачастую ничем не лучше утопистов-мечтателей, готовых не смотря на количество жертв устраивать рай человечеству здесь на земле. Просто наша задача состоит в том, чтобы проследить социальные риски, которые имплицитно содержит в себе именно идея конца истории. А они видятся в том, что эта идея может стать предпосылкой утраты человеком смыслообразующих ориентиров, источником деформации и обеднения основополагающих основ культуры.

Действительно, конец истории представляет собой одновременное преодоление эсхатологии как следствия несовершенства мира через его совершенствование, а это ни больше ни меньше как отказ от смысла существования. Как верно подмечает Н. А. Бердяев, даже жизнь отдельного человека наполняется смыслом только в результате осознания неизбежности индивидуальной смерти. Он пишет: «...Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если бы в нашем мире не было смерти, то жизнь лишена была бы смысла» [2, с. 268–269]. Так и отказ от идеи конца света в ее эсхатологическом значении, подмена ее идеей конца истории, то есть представлением об остановке времени может стать необходимой предпосылкой обесмысливания истории. Может быть, поэтому в христианском мире сложилось неоднозначное и в целом настроенное отношение к хилиазму, в принципе не отвергающему конец света, но отодвигающему его наступление на тысячу лет от второго пришествия Христа. Эсхатология составляет средоточие любой религии, поэтому преодоление эсхатологии означает и уничтожение религиозного чувства. Так, христианство без Страшного Суда становится уже не религией, но просто системой морали, сводом этических норм и правил, которые лишаются при этом самой обязатель-

ности соблюдения; ведь «обычные философские этики не имеют завершительной эсхатологической части» [2, с. 268].

Справедливости ради говоря, социальные модели должного в сущем, созданные многими утопистами, зачастую полностью устраняют религию из общественной жизни. Например, Верховный правитель Города Солнца – священник, а утопийцы исповедуют множество религий, часть их с готовностью принимает христианство. Но конец истории обесмысливает религию, лишая ее вневременного измерения: происходит то, что К. Маркс называл эманипацией от религии. Именно «атеистическое государство, демократическое государство, такое государство, которое отводит религии место лишь среди других элементов гражданского общества», является, по Марксу, «завершением христианского государства» [11, с. 393]. Таким государством, в частности, является внешне теократическая Утопия. Христианство, как и любая другая религия, лишается в ней права на истинность, вопрос истинности религии перестает быть принципиальным и из трансцендентной плоскости переводится в повседневную. Об этом говорит Т. Мор, приводя в пример человека, который принял крещение, но «по горячности своей не только предпочитал наши святыни прочим, но и вообще осуждал все прочее. Он заявлял, что они – языческие, что поклоняются им нечестивцы и святотатцы, которых надобно карать вечным огнем. Когда он долго так проповедовал, его схватили, судили, но не за презрение к религии а за возбуждение смуты в народе» [13, с. 258].

То же самое происходит в идеальном государстве, воплощающем конец истории, и с философией. С концом истории философия изживает себя, в ней исчезает необходимость. Поиск истины, с которым связана философия, в идеальном государстве конца истории становится бессмысленным, поскольку истина уже найдена или же распадается на бесконечное множество равных истин. Государство Платона возглавляют философы, которые сохраняют лишь имя философов, сменяя философствование на административное управление. Платон провозглашает слияние государственной власти и философии, отрицая стремление только к одной из этих сфер. Это положение вещей воспроизводится и в Городе Солнца, глава которого также называется Метафизиком. При-

мер подобного синтеза государственной власти и философии являет и коммунистическое общество К. Маркса. Однако попытка построения этого общества, предпринятая в России, стала причиной многолетнего кризиса философии.

Таким образом, концепция конца истории является выражением утопической мечты о достижении идеального общества в пределах наличного бытия, что принципиально отличает ее от эсхатологических представлений, предполагающих достижение совершенного состояния сущего только в трансцендентной реальности. Независимо от того насколько авторы соответствующих взглядов осознают, что они по существу выступают провозвестниками окончания истории, неизбежность такого заключения закономерно обуславливается глобальностью масштаба социального проекта, который, по их мнению, воплощается или который предстоит воплотить. Он должен превзойти все события, происходившие

в прошлом, и те, которые произойдут в будущем, и это, как следствие, будет означать в определенном смысле прекращение истории. Неизбежность этой мечты обеспечивает идею конца истории вечное возвращение. Продукты духовного творчества, в которых находят воплощение идеи конца истории, сменяют одна другую, воспроизводя при этом более или менее идентичные паттерны и модели общественного устройства, но при этом и практикой своего воплощения, и своим содержанием предупреждают об опасности социального кризиса. Преодоление истории обесмысливает жизнь, выхолащивает культуру. В обществе конца истории фактически происходит отказ от религиозного чувства, преодоление философии. Опасность социальных последствий идеи конца истории видится в том, что в ее основании лежит попытка упрощения действительности и ухода от решения вопросов, связанных со смыслом, целью и концом бытия.

Литература

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – С. 59–262.
2. Бердяев Н. О назначении человека. – Париж: Современ. зап., 1931. – 320 с.
3. Гаврилов Е. О., Гаврилов О. Ф. О формах нормативного прогнозирования: в поисках дефиниций // Проблемы права и правоприменения: сб. науч. ст. – Кемерово, 2005. – С. 4–9.
4. Гаврилов Е. О., Гаврилов О. Ф. Проблема демаркации научного и утопического компонентов в знании об обществе и человеке // Философия как вечная актуализация смысла. Междунар. день философии ЮНЕСКО в Кузбассе-2010: сб. науч. ст. по мат-лам заоч. рос. конф. / отв. ред.: В. И. Красиков, В. П. Щенников. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2010. – С. 92–97.
5. Гройс Б. Философ после конца истории // Ускользящий контекст. Русская философия в постсоветских условиях. – М.: Ad Marginem, 2002. – С. 147–160.
6. Декомб В. Тожественное и иное. Сорок пять лет из истории развития французской философии (1933–1978) // Современная французская философия: [сб.]. – М.: Весь Мир, 2000. – 344 с.
7. Лабика Ж. Марксизм между наукой и утопией / [пер. с фр. Н. В. Суслов; науч. ред. К. Н. Любутина] // Науч. ежегод. Ин-та философии и права УрО РАН. – Екатеринбург. – 2004. – Вып. 5. – С. 268–293.
8. Ломоносов Ю. Л. Идея «конца истории»: социокультурные истоки и смысл [Электронный ресурс] // CREDO NEW: теорет. журн. – 2002. – № 4. – URL: <http://credonew.ru/content/view/309/54/> (дата обращения: 05.12.2017).
9. Лосев А. Ф. Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – 205 с.
10. Мангейм К. Идеология и утопия [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com. – URL: https://royallib.com/read/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html#798720 (дата обращения: 05.12.2017).
11. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1955. – Т. 1. – С. 382–413.
12. Мартынов Д. Е. Утопизм и марксизм: к проблеме соотношения // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – Т. 150, кн. 1. – 2008. – С. 31–37.
13. Мор Т. Утопия. – М.: Наука, 1978. – 416 с.
14. Пчелинцева Т. А. Утопия и теория отражения // Закономерности науч. познания. – Томск, 1982. – С. 23–28.
15. Смирнов И. П. Борьба с сознанием: Бытие и творчество. – СПб., 1996. – Вып. 1. – 192 с. – Альм. «Канун».
16. Флоровский Г. В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопр. философии. – 1990. – № 10. – С. 78–89.
17. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс] // Гуманитар. технологии. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6341/6345> (дата обращения: 05.12.2017).

18. Энгельс Ф. Эдуарду Пизу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1964. – Т. 36. – С. 363–364.
19. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

References

1. Aristotel'. Fizika [Physics]. *Aristotel': sochineniya: v 4 t. [Aristotle. Works in 4 volumes]*. Moscow, Mysl' Publ., 1981, vol. 3, pp. 59-262. (In Russ.).
2. Berdyaev N. *O naznachenii cheloveka [About appointment of the person]*. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1931. 320 p. (In Russ.).
3. Gavrilov E.O., Gavrilov O.F. O formakh normativnogo prognozirovaniya: v poiskakh definitsiy [About forms of standard forecasting: in search of definitions]. *Problemy prava i pravoprimereniya: sbornik nauchnykh statey. [Problems of law and law enforcement: a collection of scientific articles]*. Kemerovo, 2005, pp. 4-9. (In Russ.).
4. Gavrilov E.O., Gavrilov O.F. Problema demarkatsii nauchnogo i utopicheskogo komponentov v znanii ob obshchestve i cheloveke [Problem of demarcation of scientific and utopian components in knowledge of society and the person]. *Filosofiya kak vechnaya aktualizatsiya smysla. Mezhdunarodnyy den' filosofii YuNESKO v Kuzbasse-2010: sbornik nauchnykh statey po materialam zaachnoy rossiyskoy konferentsii [Philosophy as an eternal actualization of meaning. The International Day of UNESCO Philosophy in Kuzbass-2010. Collection of scientific articles on the materials of a correspondence Russian conference]*. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2010, pp. 92-97. (In Russ.).
5. Groys B. Filosof posle kontsa istorii [The philosopher after the end of history]. *Uskol'zayushchiy kontekst. Russkaya filosofiya v postsovetskikh usloviyakh [The escaping context. Russian philosophy in post-Soviet conditions]*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2002, pp. 147-160. (In Russ.).
6. Dekomb V. Tozhdestvennoe i inoe. Sorok pyat' let iz istorii razvitiya frantsuzskoy filosofii (1933-1978) [Identical and otherwise. Forty-five years from the history of the development of French philosophy (1933-1978)]. *Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya [Modern French Philosophy]*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2000. 344 p. (In Russ.).
7. Labika Zh. Marksizm mezhdru naukoj i utopiej [Marxism between science and a utopia]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]*. Ekaterinburg, 2005, vol. 5, pp. 268-293. (In Russ.).
8. Lomonosov Yu.L. Ideya "kontsa istorii": sotsiokul'turnye istoki i smysl [Idea of the end of history: sociocultural sources and sense]. *Teoreticheskiy zhurnal CREDO NEW [Theoretical journal CREDO NEW]*, 2002, vol. 4. (In Russ.). Available at: <http://credonew.ru/content/view/309/54/> (accessed 05.12.2017).
9. Losev A.F. *Antichnaya filosofiya istorii [Ancient philosophy of history]*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 205 p. (In Russ.).
10. Mangeym K. Ideologiya i utopiya [Ideology and utopia]. *Elektronnaya biblioteka Royallib.com [Electronic library Royallib.com]*. (In Russ.). Available at: https://royallib.com/read/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html#798720 (accessed 05.12.2017).
11. Marks K. K evreyskomu voprosu [To a Jewish problem]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya: v 39 t. [Compositions: in 39 volumes]*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1955, vol. 1, pp. 382-413. (In Russ.).
12. Martynov D.E. Utopizm i marksizm: k probleme sootnosheniya [Utopianism and Marxism: to a ratio problem]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan State University. Series: The humanities]*, 2008, vol. 150, book 1, pp. 31-37. (In Russ.).
13. Mor T. *Utopiya [Utopia]*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 416 p. (In Russ.).
14. Pchelintseva T.A. Utopiya i teoriya otrazheniya [Utopia and theory of reflection]. *Zakonomernosti nauchnogo poznaniya [Laws of scientific cognition]*. Tomsk, 1982, pp. 23-28. (In Russ.).
15. Smirnov I.P. Bor'ba s soznaniem: Bytie i tvorchestvo [Fight against consciousness: life and creativity]. *Al'manakh "Kanun" [Almanac "Eve"]*. St. Petersburg, 1996, vol. 1. 192 p. (In Russ.).
16. Florovskiy G.V. Metafizicheskie predposylki utopizma [Metaphysical prerequisites of utopianism]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, 1990, vol. 10, pp. 78-89. (In Russ.).
17. Fukuyama F. Konets istorii i posledniy chelovek [End of history and last person]. *Gumanitarnye tekhnologii [Humanitarian technologies]*. (In Russ.). Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6341/6345> (accessed: 05.12.2017).
18. Engel's F. Eduardu Pizu [To Eduard Piz]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya: v 39 t. [Compositions: in 39 volumes]*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1964, vol. 36, pp. 363-364. (In Russ.).
19. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii [Sense and purpose of history]*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 527 p. (In Russ.).

УДК 32.019.5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЗОНАНСЫ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ: ПРЕДЫСТОРИЯ КОНЦЕПТА И СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Андреев Андрей Владимирович, кандидат политических наук, директор ГТРК «Кузбасс» (г. Кемерово, РФ). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Актуальная динамика развития системы медиа и публичной сферы возрождает интерес к механизмам обратной связи, которые обеспечивают контакт между властью, медиа и обществом, выполняя функции выражения политических ценностей, интересов и запросов общества, формируя его политическую и культурную идентичность, обеспечивая его консолидированную позицию в отношении значимых политических событий и содействуя его адекватной и своевременной политической ориентации. Многозначность понятия медиа и многообразие его конкретных форм, комплексный и не всегда однозначный характер взаимодействия социума, его культуры и медиасферы, а также сравнительно недостаточная концептуализация понятия «политический резонанс» требуют продолжения исследований по обозначенным выше вопросам. Понятие «политический резонанс» является одним из тех, вокруг которого сложились достаточно устойчивые, но не всегда имеющие необходимое методологическое подкрепление представления. В их основе лежат определенные ценностные подходы. Для исследователей очевидна связь политических резонансов с функционалом медиа, однако не исследован в полной мере резонансный потенциал самих СМК, а формирование и преобразование политических резонансов не всегда рассматриваются в качестве ключевых и основополагающих медиафункций. Само представление о резонансной природе публичной политики приобретает у исследователей различные толкования. Наблюдается активное употребление таких терминов, как «рефлексивная политика», «резонансный подход», «рефлексия по поводу принимаемых политических решений», однако целостное представление об изучаемом предмете отсутствует. Возникает впечатление, что сами понятие и концепт политических резонансов не укоренены должным образом в медиафилософии и медиатеории – что, на взгляд автора, не соответствует действительности. Определяя политический резонанс как комплексный системный эффект, автор стремится рассматривать медиасоциологию и медиафилософию XX века как предвосхищение и предварение современной концепции политических резонансов.

Ключевые слова: медиа, культура, политические резонансы, публичное пространство.

POLITICAL RESONANCES IN THE SYSTEM OF COMMUNICATION: THE PREHISTORY OF A CONCEPT AND ESTABLISHMENT OF RESEARCH METHODOLOGY

Andreev Andrey Vladimirovich, PhD in Politics, Director of GTRK “Kuzbass” (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Current dynamics of development of media system and public sphere revives interest in feedback mechanisms that provide a link between the government, media and society, acting as an expression of political value, interests and demands of the society, forming its political and cultural identity, ensuring its consolidated position on significant political events and promoting its adequate and timely political orientation. The multiplicity of the concept of media and diversity of its specific forms, complex and not always unambiguous nature of interaction between society, its culture and field of media, as well as relatively insufficient conceptualization of the concept of “political resonance” require further research on the above issues. The concept of “political

resonance” is one of those around which there are fairly stable, but not always having the necessary methodological reinforcement of the representation. They are built on certain value-based approaches. For researchers, the connection of political resonances with the functional media is obvious, but the resonant potential of mass-media is not fully researched, and the formation and transformation of political resonances are not always considered as the key and fundamental media functions. The very idea of the resonant nature of public politics acquires different interpretations from researchers. There is an active use of terms such as “reflexive politics,” “resonant approach,” “reflection on political decisions” but a holistic view of the subject under study is absent. There is an impression that their concept and the concept of political resonances are not properly rooted in media philosophy and media theory, which, in the author’s opinion, does not correspond to reality. Defining the political resonance as a complex systemic effect, the author seeks to examine media sociology and media philosophy of the 20th century as the anticipation and preview of the modern concept of political resonances.

Keywords: media, culture, political resonances, public space.

Политические резонансы представляют собой самостоятельный информационно-политический и культурный феномен, обладающий рядом характеристик и связанный с выполнением ряда значимых социокультурных и политических функций.

Обобщенно политический резонанс – это реакция общественного мнения, тех или иных сегментов общества на определенные политические события и процессы, и прежде всего – на действия и решения государственной власти, распространяющаяся на всю публичную сферу. Значительную роль в инициировании политических резонансов играют современные средства массовой коммуникации (СМК), которые информируют о политических событиях общество, формируя определенный образ последних и вводя их тем самым в пространство публичной политики и социокультурный контекст. Таким образом, резонанс – это не просто инструмент для эффективной манипуляции общественным мнением, который, будучи искусственно созданным в недрах средств массовой информации, выдается за проявление коллективной воли общества. Напротив, политический резонанс – это инструмент согласования интересов власти и общества посредством использования инструментов публичной политики и социокультурной адаптации.

На взгляд автора, моделируемый (либо преобразуемый) при активном участии СМК политический резонанс выполняет три основополагающих функции, важные с точки зрения управления политическими процессами и формирования публичной политики:

- опосредованный контроль мнения и поведения общественности (цель – сохранение управля-

емости общества и содействие реализации стратегических задач государственного управления и текущей политики действующей власти, от имени которой проводятся PR-акции);

- гибкое, оперативное и адекватное реагирование на запросы общественного мнения, донесение их до лиц, принимающих политические решения;

- достижение баланса в отношениях между всеми группами общественности, путем содействия коммуникации институтов публичной власти с ними.

В более общем смысле – это функция сохранения и поддержания социальной и политической стабильности с использованием механизмов культурной адаптации. Следует помнить, что политические решения, принимаемые институтами власти, неизбежно вызывают определенные резонансы в общественном мнении, создавая благоприятную либо неблагоприятную информационную среду для осуществления политики в той или иной сфере (социальная, экономическая, культурно-информационная). Формируя с помощью политических резонансов необходимую для себя повестку дня и благоприятное отношение населения к своей политике за счет апелляции к ценностям, власть закрепляет свое доминирование в публичной сфере и подтверждает тем самым свою способность управлять политическими процессами. Возникая первоначально в поле политики, политические резонансы изначально связаны с осуществлением определенных воздействий на публичную сферу в целом.

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что ключевыми условиями эффективности

формирования и управления политических резонансов соответственно являются:

1. Своевременность медиавоздействий (в идеале лучше играть на опережение, моделируя желательное состояние общественного мнения).

2. Их комплексность, системность, способность отразить широкий круг волнующих людей проблем, стать объектом заинтересованного внимания общественности.

3. Их достоверность, адекватность складывающейся ситуации.

4. Их плотность и интенсивность, позволяющие поместить нужную информацию в центр общественного внимания и восприятия, вытеснив на периферию этого восприятия нежелательные мнения и установки.

5. Их когерентность (транслируемая информация и итоговая «картина событий» не должны быть внутренне противоречивыми), соответствовать социокультурным характеристикам аудитории.

6. Ясная формулировка позиции (мнения) власти, выдвижение позитивной и правдоподобной альтернативы существующим вызовам и проблемам.

Все эти условия очевидно достигаются при условии определенного качественного состояния медиасферы и при условии выполнения медиа определенных функций, к числу которых относятся информационная, идентификационная, консолидирующая, мобилизующая и др.

Между тем теория резонансов имеет свою научную предысторию, которая неразрывно связана с социологией медиа.

Сегодня является практически общепризнанным, что медиа играют в развитии общества важную и существенную роль – при сохраняющемся многообразии подходов к пониманию их функций, и в том числе в социокультурном аспекте. Сложность интерпретации этого понятия связана с тем, что понятие медиа является составной частью предмета исследования таких дисциплин, как медиасociология, теория коммуникации и философия медиа.

Кроме того, известную сложность для исследователя представляет и многообразие форм медиа. Так, в качестве специфических форм медиа различными исследователями изучалось телеви-

дение [1, с. 507–517; 19]; фотография [6]; деньги [20]; пресса [8]; реклама [11] и, наконец, Интернет [1; 7].

При этом следует помнить, что практически любое современное исследование медиа неизбежно предполагает обоснование автором определенной теории общества и политики. Так, для германского медиафилософа **Юргена Хабермаса** (род. в 1929) центральную роль в осуществлении практик современного социума играет язык. При этом сам Хабермас предпочитает говорить о коммуникативной рациональности языка в деле опосредования социального [9]. Иной подход к изучению феномена медиа реализует также германский исследователь медиа **Никлас Луман** (1927–1998). Последний в рамках представленной им системной теории коммуникации предлагает тройственное определение медиа – медиа как различие между собственно медиа и формой, как особый вид символически генерализируемых коммуникационных медиа, как распространяющие медиа (*Verbreitungsmidien*). Особое внимание Луман уделяет символически генерализируемым коммуникационным медиа, неразрывно связанным с определенными социальными и социокультурными практиками. Медиа, согласно исследователю, структурируют социальные ситуации таким образом, что коммуникации в современном обществе становятся видимыми [17, с. 191–198].

При этом представителями различных направлений в социологии медиа признается, что медиа не просто переносят информацию, но включаются в процесс информационного посредничества, содействуя в то же время изменению форм восприятия переносимой информации.

Принято называть подобную взаимосвязь свойством генеративности медиа. Свойство генеративности означает, что медиа не просто являются нейтральным ретранслятором некоторых посланий, но выступают как часть процесса информационного посредничества (причем делают это специфическим образом). Медиа, таким образом, не являются нейтральным посредником, но формирующей инстанцией, которая обеспечивает этим посланиям определенное смысловое наполнение. Свойство генеративности также означает, что социальные изменения и изменения в характере медиа осуществляются комплексно и взаимосвязано.

Преступая к рассмотрению взглядов представителей различных научно-теоретических школ на природу и функции медиа, мы попытаемся обобщить выявленные ими свойства медиа, неразрывно связанные с воспроизводством политических резонансов и переносимые на последние.

Медиатеория, разработанная представителями Торонтской школы (Toronto School), несмотря на присущую ей односторонность, сформировала взгляд на медиа как объект научного исследования. В рамках Торонтской школы коммуникации, к которой принадлежали и Маршалл Маклюэн, и Гарольд Иннис, технологии медиа полагались более важными, чем транслируемый ими контент [13]. И именно Г. Инниса и М. Маклюэна, даже с учетом имеющихся между ними методологических расхождений, заслуженно называют отцами-основателями этой школы.

Один из ведущих представителей Торонтской школы канадский экономист, исследователь культуры и формирующей роли средств коммуникации **Гарольд Иннис** (1894–1952) обобщенно понимал под медиа прежде всего разнообразные материальные проявления (аспекты) отношений переноса, которые вписывают себя в коммуникационный процесс и таким образом свидетельствуют о научной и властной культуре. Внимание к Иннису задается сегодня и тем, что фокус его исследований совпал с современными интересами в области динамики масштабных трансформаций социальных систем. Иннис связал развитие западного общества с изменением средств коммуникации. Согласно ему, изменяющаяся медиальность одновременно означает изменение характера исторического времени и образа эпохи.

При этом медиальные и материальные характеристики коммуникации рассматриваются Иннисом как решающие в процессе установления, укоренения, продвижения и распространения знания. Особое его внимание привлекают изменения, которые происходят в обществах под влиянием письма и печати. Языковая коммуникация рассматривается при этом как истинная форма переноса информации. Процесс развития массовых коммуникаций, согласно Иннису, включает в себя не только возникновение и изменение знания, но также и изменение властных отношений в обществе [12, s. 182f]. Реализуя свой подход к изучению массмедиа, исследователь обнаружи-

вает в процессе модернизации способов переноса информации принципиальную возможность монополизации знания, с возникновением властных отношений особого гегемониального типа, в рамках которых обладание информацией превращается не просто в культурный ресурс, но в непосредственный инструмент власти.

Таким образом, коммуникативность медиа и СМК и осуществление ими функций переноса рассматриваются Гарольдом Иннисом в неразрывной связи с властно-политическими практиками, что важно для более глубокого понимания природы политических резонансов.

Следующее за Иннисом поколение исследователей Торонтской школы обосновало идею о том, что медиапослания являются не просто нейтральным переносом, но способны изменить медиаконтекст, привнеся в него новые акценты и смыслы. Одним из первых обосновал эту идею всемирно признанный классик теории медиа **Маршалл Маклюэн** (1911–1980), сформулировавший знаменитый тезис «Медиа – это послание» («**Medium is the message**») [3, с. 19]. Его провокативная и инновационная идея стимулировала развитие теории публичной политики.

С точки зрения Маклюэна, медиа функционируют в определенном контексте, будучи связанными с отношениями смысла, восприятия, коммуникации и социальности. При этом содержание, распространяемое медиа, воспринимается публикой и находит свое воплощение в повседневной жизни людей.

При этом, согласно Маклюэну, именно качественная специфика определенных видов медиа определяет то культурно-информационное содержание, которое они транслируют конкретному потребителю. Различные медиа, таким образом, формируют принципиально различные коммуникативные практики.

Используя свою способность к формированию сферы смыслов, медиа создают для людей определенную среду, через призму которой люди воспринимают и осмысливают окружающую их социальную реальность. Медиа создают в обществе определенный доминантный режим, из которого вытекают определенный порядок мыслей, межличностной коммуникации, политических отношений и культурной самоидентификации людей. При этом специфические варианты медиасреды

формируют печатные книги и телевидение. В известном смысле, они отражают фундаментальные взаимоотношения между культурой и структурой общества.

При этом Маклюэн исходит из положения о том, что «скрытым является то медиа, содержание которого открыто» [18, p. 10]. В свою очередь, для потребления определенного медиаконтента необходима определенная степень участия медиапотребителя в процессе коммуникации.

Для нас же в первую очередь важно акцентированное Маклюэном свойство контекстуальности медиа, выражающееся в их способности ввести людей в определенную коммуникационную среду, характеризующуюся определенным режимом восприятия информации и определенными правилами самоидентификации.

Подход Маклюэна развил в своих трудах германский историк литературы и теоретик электронных медиа **Фридрих Киттлер** (1943–2011). Он исходил из положения о генерирующей природе медиа, отстаивая тезис об их способности к преобразованию смыслового контента – придав, таким образом, более радикальный характер исходной идее Маклюэна о медиа как носителе определенных посланий. Переосмысливая этот подход, Киттлер выдвинул теорию о «медиальном априори». Смысл этого тезиса заключается в том, что все ценности, вытекающие из социального опыта, имеют в своем основании определенные медиаотношения.

Медиа, согласно Киттлеру, определяют характер наших общепринятых форм восприятия – таким образом, наш аппарат восприятия, сама его работа опосредуются медиа. Как полагает исследователь, именно благодаря медиа общество может функционировать как «(само)описывающаяся система». Подобная система определяется Киттлером как «сеть, состоящая из техник и институтов, которая в рамках определенной культуры осуществляет функции адресации, сохранения и переработки релевантных данных» [14, s. 501].

Киттлер убежден, что именно медиаконтент определяет содержание сознания человека: «Человек ничего не знает о собственном смысле, прежде чем медиа не развернут перед ним определенные модели и метафоры» [2, с. 28]. Следуя этой логике, Киттлер разделяет мнение знаменитого

французского философа Мишеля Фуко о том, что «человеческой личности до XVIII века не существовало» [21, s. 252]. По его глубокому убеждению, чем дальше развиваются технические медиа, тем меньшее влияние со стороны людей они испытывают.

Таким образом, М. Маклюэн и Ф. Киттлер приписывают медиа в качестве присущих им особых свойств интегративную силу, контекстуальность и осуществление функций переноса (способность доносить определенные послания и смысловое содержание потребителям культурно-информационного продукта) а также неразрывную связь с социальными практиками и социальным порядком – что несомненно важно для современных исследователей политических резонансов. Медиа, таким образом, воплощают в себе социальные практики в их строгом смысле.

При этом Маклюэн помещает в центр коммуникативных отношений субъекта, который направляет и определяет содержание медиаконтента. Киттлер, напротив, исходит из априорности медиа и утверждает, что именно медиа благодаря целенаправленному формированию публично значимого контента определяют в конечном итоге нашу социальную ситуацию.

Не менее важно, что упомянутые нами исследователи вносят свой вклад и в изучение генеалогии медиа в связи с изменяющимися социальными практиками. Маклюэн, как и Киттлер, связывают ход истории с изменениями в характере медиа. Изменения в характере медиа ведут к изменению социальных практик. Как полагают они, эпоха письма и печатных книг сменилась эпохой электронных медиа с масштабными коммуникативными возможностями.

Значительный вклад в предвосхищение теории политических резонансов внесли представители научной школы **Cultural Studies** – направления, нацеленного на осуществление теоретического, политического и эмпирического анализа феномена современной культуры. Исследователи концентрируются на изучении политической динамики современной культуры, ее исторических оснований, определяющих черт, сопровождающих конфликтов, возможностей и т. п. [22]. Основным же вкладом Cultural Studies в становление теории политических резонансов со-

стоит в обосновании концепции «кодирования и декодирования» (**Encoding and Decoding**) как особого механизма деятельности СМК. Впервые данную концепцию сформулировал в одноименной книге, выпущенной в 1980 году, медиасоциолог **Стюарт Холл** (1932–2014). Согласно его мнению, содержание медиа определяется специфическими процедурами, исходя из определенных значений, через издательства, телевизионные студии и газетные редакции, а также благодаря деятельности сообщества профессиональных журналистов, которые соединены в производящий аппарат. Процесс воспроизводства ценностно-значимого контента, таким образом, обозначается исследователем как кодирование, а процесс его восприятия и интерпретации медиапотребителем – декодирование. Главное же, с точки зрения исследователя, состоит в том, что содержание медиа может быть по-разному прочитано и истолковано медиапотребителями – благодаря тому, что способы его прочтения не являются изначально заданными. Поэтому продуцирующий определенные новости (кодирование) не может однозначно повлиять на процесс раскрытия определенной новости (декодирование).

При этом С. Холл отмечает, что не существует необходимого соответствия между кодированием и декодированием, и предшествующий (участник коммуникации) не может что-либо предписать или гарантировать последующему (участнику коммуникации), который имеет собственные условия существования [10, р. 135]. Благодаря этому информационный обмен является сравнительно равноправным и не предопределенным с точки зрения своего результата.

Но остается вопрос, какое именно содержание медиа может рассматриваться как значительное и становиться публичным? Какие конкретно способы размещения этого содержания вытекают из этого? И каким образом следует презентовать новости?

Следуя заявленной им логике, Стюарт Холл полагает, что содержание, которое мы находим в массмедиа, попало туда не случайно и существуют особые способы подачи значимой информации. При этом сами эти способы подачи информации всегда ориентированы на определенные уже сформировавшиеся в обществе мнения и цен-

ностные установки. Способы подачи ценностно-значимого (смыслового) контента формируют, согласно исследователю, властный аппарат, который ориентирован на сложившееся в определенном обществе разделение властей.

В современном обществе производителям медиаконтента неизбежно противостоят потребители новостей, которые не воспринимают их пассивно, но преломляют их через призму своего жизненного мира и своего персонального контента. Согласно С. Холлу, потребитель медиановостей в процессе декодирования прочитывает адресованные им медиапослания с точки зрения содержащегося в нем смысла и включает их в окружающий его социальный контекст. Активные реципиенты, прочитывая различными способами адресованные им медиапослания, формируют в результате «гетерогенную публичность», то есть определенное разнообразие мнений и суждений. По мнению представителей школы **Cultural Studies**, именно активное и преобразующее восприятие медиареципиента транслируемого им медиаконтента делают возможным демократизацию и политическое участие.

Для нас в контексте исследуемой проблематики важно прежде всего то, что социальное пространство рассматривается представителями **Cultural Studies** как определенное пространство значений, как некоторый вид знаковой системы, которая может быть различным способом прочитана и интерпретирована. Принципиально важно признание теоретиков школы о том, что существуют различные культуры прочтения (интерпретации) социального, которые могут расходиться друг с другом. Существенно, что медиа могут продуцировать определенные содержания как массовые восприятия (*encoding*), в то время как декодирование медиаконтента регулярно осуществляется наблюдателем, исходя из определенного места и перспективы восприятия. Описанный таким образом взаимосвязанный процесс кодирования и декодирования информационного контента важен для лучшего понимания механизма воспроизводства политических резонансов (прежде всего в их содержательном аспекте).

Не менее важным для понимания социально-политического контекста, в рамках которого воспроизводятся политические резонансы, является

заклучение представителей школы *Cultural Studies* о том, что культура прочтения (интерпретации) медиаконтента не может рассматриваться исключительно как гетерогенная или диверсифицированная. Таким образом обосновывается идея о том, что медиа проявляют себя преимущественно в связи с определенными политическими практиками.

Другие исследователи рассматривают взаимосвязь между историчностью медиа и историчностью социальных практик. Когда в теории медиа утвердилось представление о том, что «медиа есть послание», естественным образом возник вопрос о том, что следует из генеалогии медиа как таковой? В результате проведенных исследований было установлено, что медиа не только транслируют свою собственную историю, но равным образом оказывают влияние на историю общества. Изменяясь, медиа изменяют сами формы социальных отношений.

Германские исследователи **Сибиль Кремер** и **Бруно Латур** – два разных автора, исходящих из убеждения о том, что медиа в значительной степени определяют содержание и характер социальных практик. При этом они признают незаметность медиа для общества в процессе их непосредственной деятельности. При этом упомянутые нами исследователи опираются на различные методологические традиции и подходы.

Для работающей в Берлине медиафилософа **Сибиль Кремер** именно генеративность как ключевое свойство медиа является исходным пунктом для развития всех иных форм социальных коммуникаций. По ее убеждению, «содержание медиа не является ретранслирующим, но прежде всего генерирующим» [15, s. 21].

С. Кремер рассматривает медиа как посредника в отношениях между источником и потребителем медиаконтента. Она называет их «промежуточной позицией». Медиа – это нечто, соединяющее различных социальных акторов. Медиа не стоят у истоков социального развития, но связывают авторов медиа-посланий с их получателями. Кремер особо подчеркивает социальную направленность медиа и их неразрывную связь с социальным окружением: «Медиа не являются чем-то автономным (по отношению к обществу – прим. авт.). Всегда существует не-

что внешнее по отношению к медиа» [15, s. 31]. Таким образом, согласно исследователю, медиа всегда действуют в рамках определенной социокультурной среды, внешней по отношению к ним, испытывают ее влияние и воздействия.

Медиапроцесс стоит на первой линии процесса переноса смыслов и значений, который управляется с помощью медиа. Работа медиа почти незаметна в повседневной жизни, но они оказывают существенное влияние на политические практики. Будучи незаметными, они делают видимыми для общества медиопослания, носителями и ретрансляторами которых они являются: «Таким образом, медиа выводят в свет нечто, оставаясь при этом невидимыми; медиа делают некоторые вещи достоянием сегодняшнего дня, оставаясь сами в тени. Сами они приходят в движение только тогда, когда порождают шум, дисфункции и какое-либо беспокойство» [15, s. 27]. Таким образом, мы осознаем, что имеем дело с медиа только тогда, когда они перестают функционировать.

В свою очередь, французский философ антрополог и социолог **Бруно Латур** (род. в 1947 году) описывает медиа как некоторую разновидность «черного ящика», который окружен изменчивыми сетями. Исследователь подчеркивает, что медиа участвуют в социальных процессах, которые включают в себя все наши практики и являются посредниками между людьми и материальными предметами, также используемыми в процессе коммуникации [16, s. 483–528].

В контексте исследуемой нами темы политических резонансов важно, что упомянутые выше исследователи – С. Кремер и Б. Латур – не исходят в своих рассуждениях непосредственно из понятия медиа, но рассматривают деятельность последних в рамках определенного социального контекста в связи с содействием процессу коммуникации. С. Кремер рассматривает медиа как «вестника» (boten), в то время как для Б. Латура медиа служат в качестве посредника между техническими артефактами и людьми, выступая как составная часть сетей «человек-машина», способствующих формированию социального как такового.

Таким образом, все трое исследователей обосновывают в качестве специфической черты медиа их контекстуальность и связь с определенным

социальным окружением – из чего призваны исходить и исследователи политических резонансов, которые также выступают как социально и культурно обусловленное явление.

Большое значение для понимания природы и роли политических резонансов имеет концепция публичности виднейшего германского медиафилософа Юргена Хабермаса.

Он считает, что публичность (равно как и приватность) представляет собой определенную совокупность практик, которые существуют и формируются благодаря особым медиальным (культурно опосредованным) отношениям. Они непосредственно влияют друг на друга. Гражданская идентичность, согласно Хабермасу, формирует себя через особые медиа, связанные со сферой приватного (роман, дневник, письмо).

Роль медиа заключается в том, что они своей активностью ведут к формированию того, что мы в современном смысле называем публичностью. Современная публичность для Хабермаса – это критический дискурс, который складывается в процессе обмена сторон (участников) коммуникации аргументами.

Согласно концепции Хабермаса, гражданская публичность, являющаяся порождением массовых коммуникаций Нового времени, существует исключительно в форме критического дискурса, в формировании и изменении которого может принять участие каждый, способный выдвигать и обосновывать аргументы по обсуждаемому вопросу – и готовый обмениваться мнениями по нему с другими людьми [9, s. 40].

Для полноценного функционирования критического дискурса необходимы такие предпосылки, как соответствие реальности (истинность), серьезность и качественные аргументы участников – то есть то, что сам Хабермас называл «непринудительным принуждением к лучшим аргументам» (*zwanglosen zwang des besseren arguments*).

Публичность, по мнению Хабермаса, неразрывно связана с вопросом о легитимности. Критическая публичность при этом исходит из двух ключевых политических вопросов. Почему определенный политический выбор является таким и никаким иным? Почему определенный выбор совершается данными лицами и никакими другими?

По Хабермасу, основополагающие вопросы «повестки дня» формируют в рамках критической

публичности определенные дискурсы, в которых может участвовать каждый. Дискурс устанавливается посредством соответствующей аргументации участвующих в нем сторон. Главный вопрос здесь – в представлении обоснований, которые могут быть включены в критический дискурс.

Какие методологические проблемы вытекают из отстаиваемой Хабермасом концепции публичности? Ответ, на первый взгляд, очевиден: современная публичность функционирует не исключительно через интеракцию среди присутствующих. Она проявляет себя в облике разговора по душам с совершенно чужими людьми – мы регулярно получаем информацию от людей, с которыми лично не знакомы (единственное исключение составляет Интернет, где представлена информация об участниках общения). Отсутствующая обратная связь между говорящим и публикой все чаще становится очевидной. Для опосредованной с помощью массмедиа коммуникации в современном обществе существуют особые способы.

В то же время, по мнению Хабермаса, введение масштабной медиаорганизации и экономизации медиаотрасли в течение XIX–XX веков привело к возникновению других форм донесения информации до медиапотребителя.

Критически настроенная культурная публика превращается в потребляющую культурную публику. И для обмена аргументами, который Хабермас считал необходимым для критической публичности, остается все меньше места. По убеждению мыслителя, крупные медиа по-прежнему формируют определенное содержание медиа. Непосредственная обратная связь для критически настроенной публики практически невозможна. (В то же время именно Хабермас считал равноправное участие спикеров в дискуссиях ключевой предпосылкой для существования дискурсивной публичности).

Сам Хабермас оценивал подобные изменения критически: «Структурируемая и утверждающаяся с помощью медиа публичность превращается во всевластное пространство, в рамках которого вместе с темами и вопросами воплощаются претензии не только на влияние, но и на связанное со стратегическими намерениями скрытое управление коммуникационными потоками» [8, s. 28].

Примечательно в этой связи, что Хабермас рассматривает публичность современных массме-

диа как наделенную властью инстанцию. Публичность является властной, поскольку институты и организации массмедиа устанавливают и структурируют медиаконтент. Как следствие, одинаково доступного для всех дискурса в наше время фактически не существует.

Таким образом, Хабермас противопоставляет критическую дискурсивную публичность с активным участием граждан опосредованной медиапубличности – процессу, «главной функцией которого является оказание влияния на выбор потребителей, избирателей и клиентов со стороны организаций, которые вмешиваются в массмедийную публичность с целью мобилизовать покупательную способность, лояльность и благополучие» [8, s. 28].

Хабермас противопоставляет последнему тренду критический дискурс сознания. Исходя из этих двух возможных перспектив, по его мнению, следует описывать дальнейшие структурные изменения публичности.

При этом современные массмедиа, согласно Хабермасу, такие как телевидение, нарушают обмен критическими аргументами в рамках критического дискурса. Поэтому Хабермас критикует современные массмедиа и специфику их влияния на публичность. Таким образом, из представленного Хабермасом образа публичности вытекает ее неразрывная связь с гражданской активностью при построении дискурсов – и следовательно, ее неизбежная резонансность. При этом возрастающую манипулятивность современных медиа он связывает с ослаблением принципа обратной связи – что одновременно означает и ослабление их резонансной природы.

Выводы Хабермаса о современном состоянии публичной сферы подтверждает исследование современной теле-индустрии, проведенное выдающимся французским социологом **Пьером Бурдьё** (1930–2002). В своем курсе лекций, прочитанном в Париже в мае 1996 года, Бурдьё рассматривает такое влиятельное современное медиа, как телевидение, в качестве проблемы, и оценивает его как «очень большую угрозу для политической жизни и демократии» [5, s. 9].

Он связывает угрозу со стороны телевидения не с деятельностью отдельных журналистов, а с особенностями его функционирования как особого вида социальной практики. Журналистика, по

его мнению, сегодня – не критическая инстанция, включенная в дискурс и готовая говорить с публикой на все актуальные темы, но прежде всего своеобразный куратор и преобразователь зрительских запросов.

Согласно глубокому убеждению исследователя, образ реальности, формируемый телевидением, ориентирован в первую очередь на экономическую логику, и коммерция «просвечивает» через все «культурные свидетельства» телевидения. И хорошим в этом отношении считается все то, что соответствует вкусу масс.

Исходя из этого Бурдьё усматривает в деятельности телевидения осуществление определенной «регулирующей цензуры» [5, s. 18], а также сознательное разделение (раскол) аудитории – на тех, кто читает серьезную прессу и пользуется обоснованной информацией, и на телезрителей, которые озабочены только поиском развлекающих новостей.

В силу этого тележурналисты в первую очередь ориентированы на поиск сенсации: «Принцип избирательности информации означает поиск сенсационного» [5, s. 25]. Таким образом, телевидение тяготеет к драматизации. События на экране должны складываться в целостную картину, таким образом, чтобы драматические или трагические события оказались в центре внимания.

Бурдьё утверждает, что транслируемый телевидением контент не является нейтральным, но имеет вполне определенную этическую и смысловую окраску. Оно поддерживает эту окраску через направленность на определенный образ восприятия, которая предполагает драматизацию содержания: «Тот, кто направляет повестку (дня – прим. авт.), тот всегда имплицитно определяет социальную конструкцию истины, имеющую мобилизующие либо демобилизующие социальные последствия» [5, s. 28].

Благодаря описанию социального мира посредством телевидения люди получают определенные предписания, и именно через экран телевизора, как полагает социолог, ими принимаются принципиальные решения о том, что социально приемлемо и должно существовать – а равно и о том, что неприемлемо и существовать в обществе не должно. Таким образом телевидение оказывается ориентиром, позволяющим людям делать

«однократные ставки» на те или иные социальные и политические события [5, s. 36].

В то же время, по мнению Бурдые, параллельно осуществляемая телевидением униформизация и банализация точек зрения приводит к разрушению объективной реальности, поскольку в сознании человека происходит отождествление внедряемого в сознание с происходящим в действительности [5, s. 27].

Характерно, что Бурдые мало интересуется, как контент современных медиа воспринимают читатели и зрители. Они исходят из того, что потребители медиаконтента находятся в постоянной зависимости от массовых изданий и ТВ. При этом исследователи не отрицают саму способность медиапотребителя критически отнестись к самому себе и к воспринимаемому им медиаконтенту (как особому виду культурного продукта). Таким образом акцентируется неизменная актуальность принципа обратных связей в процессе медиакommunikации, что опять же неразрывно связано с резонансными эффектами. Представленный Бурдые анализ негативных сторон работы телевидения описывает нежелательный с точки зрения интересов публичного пространства случай одностороннего использования средствами массовой коммуникации политических резонансов с целью монополизации права на формирование медиадискурсов.

Таким образом, среди выявленных различными исследователями особенных свойств медиа, неразрывно связанных с феноменом политических резонансов и предполагающих их активное использование в публичной политике, мы можем выделить:

- генеративность;
- эффект переноса;
- связь с процессами установления, укоренения, продвижения и распространения знания в обществе;
- невидимость в повседневной жизни;
- контекстуальность (то есть включенность в определенный социальный контекст);
- посредническая роль в процессе массовой коммуникации;
- связь с присутствующими в публичном пространстве дискурсами (дискурсивность);
- способность изменять медиаконтекст, внося в него новые акценты и смыслы;

- неразрывная связь с культурой и структурой общества;

- влияние на воспроизводство и изменение социальных практик;

- возможность монополизации знания и превращения медиа во властную инстанцию, возможность создания в обществе доминантного режима (медиагегемонии).

Именно эти свойства позволяют политическому резонансу состояться в качестве публичного явления и стать подлинным основанием публичной политики.

Обобщая перечисленные выше качества публичных медиа, мы можем сформулировать более глубокое и качественное понимание природы и роли политических резонансов – это комплексная и многосторонняя ответная реакция общественного мнения, тех или иных сегментов общества на определенные политические события и процессы, и прежде всего – на действия и решения государственной власти, касающиеся значимых для общественности вопросов и отношений. Значительную роль в инициировании политических резонансов играют современные СМК, которые информируют о политических событиях общество, формируя определенный образ последних и вводя их тем самым в пространство публичной политики и инициируя те или иные формы индивидуальной или групповой активности в публичном пространстве и в социально-политической сфере. При этом резонанс – это не просто инструмент для эффективной манипуляции общественным мнением, который, будучи искусственно созданным в недрах средств массовой информации, выдается за проявление коллективной воли общества. Политический резонанс – это инструмент согласования интересов власти и общества посредством использования инструментов публичной политики с использованием механизма обратной связи. Медиа, как уже было отмечено выше, выполняют в процессе формирования и развертывания политических резонансов формирующую, направляющую, структурирующую и адаптирующую роль. Выполнение данных функций принципиально невозможно без наличия многообразных и устойчивых обратных связей между властью, медиа и обществом – при условии сбалансированного и взаимовыгодного взаимодействия всех трех вышеперечисленных сторон.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 года. – М.: Логос, 2009.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека = Understanding Media: The Extensions of Man. – М.: Кучково поле, 2007. – С. 19.
4. Adorno T. W. Prolog zum Fernsehen // Adorno T. W. Gesammelte Schriften. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977.
5. Bourdieu P. Über das Fernsehen. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998.
6. Bourdieu P. Eine illegitime Kunst Die sozialen Gebrauchsweisen der Photographie. – Hamburg: EVA Europäische Verlagsanstalt, 2006.
7. Castells M. Die Netzwerkgesellschaft. Das Informationszeitalter: Wirtschaft, Gesellschaft, Kultur. – Opladen: Leske+Budrich, 2001.
8. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1962/1996.
9. Habermas J. Die burgerliche Familie. – Berlin, 1990.
10. Hall S. Encoding/decoding // Centre for Contemporary Cultural Studies (Ed.): Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972–1979. – London: Hutchinson, 1980.
11. Illouz E. Der Konsum der Romantik: Liebe und die kulturellen Widersprüche des Kapitalismus. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006.
12. Innis G. Die Medien in der Reichen des Altertums. – Muenchen, 1997.
13. Katz E. The Toronto school and communication research // The Toronto School of Communication Theory. Interpretations, extensions, applications. Ed. by R. Watson, M. Blondheim, R.P. M. Watson. – Jerusalem, 2007.
14. Kittler F. Aufschreibesysteme 1800/1900. – Muenchen, 1985.
15. Krämer S. Medium. Bote. Übertragung. Kleine Metaphysik Der Medialität. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008.
16. Latour B. Über technische Vermittlung. Philosophie, Soziologie, Genealogie // ANThology. Ein einführendes Handbuch zur Akteur-Netzwerk-Theorie / eds. A. Belliger, D. J. Krieger. – Bielefeld: Transcript Verlag, 1998. – S. 483–528.
17. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. – Frankfurt am Main, 1997.
18. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. – N.Y.: Random House, 1967.
19. Postman N. Wir amüsieren uns zu Tode. – Frankfurt am Main, 1985.
20. Simmel G. Philosophie des Geldes. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989.
21. Foucault M. Die Ordnung der Dinge. – Frankfurt am Main: Fisher, 1966/71.
22. Warren & Vavrus (eds.). American Cultural Studies. – Urbana Champaign, IL: University of Illinois Press, 2002.

References

1. Kastels M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information age: economy, society and culture]*. Moscow, GU VShE Publ., 2000. (In Russ.).
2. Kittler F. *Opticheskie media. Berlinskie lektzii 1999 goda [Optical media. Berlin Lectures of 1999]*. Moscow, Logos Publ., 2009. (In Russ.).
3. MacLuhan M. *Ponimanie media: vneshnee rasshirenie cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man]*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2007. (In Russ.).
4. Adorno T.W. Prolog zum Fernsehen [A Prologue to the Television]. *Gesammelte Schriften [Collected writings]*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1977, band 10.1. (In German.).
5. Bourdieu P. *Über das Fernsehen [About the Television]*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1998. (In German.).
6. Bourdieu P. *Eine illegitime Kunst Die sozialen Gebrauchsweisen der Photographie [An illegitimate Art. The social uses]*. Hamburg, EVA Europäische Verlagsanstalt Publ., 2006. (In German.).
7. Castells M. *Die Netzwerkgesellschaft. Das Informationszeitalter: Wirtschaft, Gesellschaft, Kultur [The Network Society. The Information Age: Economy, Society, Culture]*. Opladen, Leske+Budrich Publ., 2001. (In German.).
8. Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit [The Structural transformation of the Publicity]*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1962/1996. (In German.).
9. Habermas J. *Die burgerliche Familie [The Burger Family]*. Berlin, 1990. (In German.).
10. Hall S. Encoding/decoding. *Centre for Contemporary Cultural Studies* (Ed.): Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972-1979. London, Hutchinson Publ., 1980. (In Engl.).
11. Illouz E. *Der Konsum der Romantik: Liebe und die kulturellen Widersprüche des Kapitalismus [Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism]*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 2006. (In German.).

12. Innis G. *Die Medien in der Reichen des Altertums [The Media in the Realms of Antiquity]*. Muenchen, 1997. (In German.).
13. Katz E. The Toronto school and communication research. *The Toronto School of Communication Theory. Interpretations, extensions, applications*. Ed. by R. Watson, M. Blondheim, R.P.M. Watson. Jerusalem, 2007. (In Engl.).
14. Kittler F. *Aufschreibesysteme 1800/1900 [The Describing Systems 1800 And 1900]*. Muenchen, 1985. (In German.).
15. Krämer S. *Medium. Bote. Übertragung. Kleine Metaphysik Der Medialität [Medium. Messenger. Transmission. Small Metaphysics of Mediality]*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 2008. (In German.).
16. Latour B. Über technische Vermittlung. Philosophie, Soziologie, Genealogie [On technical mediation. Philosophy, sociology, genealogy]. *ANThology. Ein einführendes Handbuch zur Akteur-Netzwerk-Theorie [ANThology. An introduction to actor-network-theory]*. Eds. A. Belliger, D.J. Krieger. Bielefeld, Transcript Verlag Publ., 1998, pp. 483-528. (In German.).
17. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft [In Society about the Society]*. Frankfurt am Main, 1997. (In German.).
18. McLuhan M., Fiore Q. *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects*. N.Y., Random House Publ., 1967. (In Engl.).
19. Postman N. *Wir amüsieren uns zu Tode [We entertain ourselves to Death]*. Frankfurt am Main, 1985. (In German.).
20. Simmel G. *Philosophie des Geldes [The Philosophy of Money]*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., 1989. (In German.).
21. Foucault M. *Die Ordnung der Dinge [The Order of Things]*. Frankfurt am Main, Fisher Publ., 1966/71. (In German.).
22. Warren & Vavrus (eds.). *American Cultural Studies*. Urbana Champaign, IL, University of Illinois Press, 2002. (In Engl.).

УДК 316.7

КОЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА И РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Рендашкина Алиса Николаевна, кандидат культурологии, старший преподаватель, кафедра информационных технологий в креативных и культурных индустриях, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, РФ). E-mail: rendashkina@list.ru

В статье рассмотрена взаимосвязь социокультурного пространства и религиозного сознания человека как отдельных элементов единой системы культуры. Раскрыты ключевые понятия и выделены опорные точки для анализа процессов коэволюции в культуре. При этом коэволюция рассматривается в рамках культурологической парадигмы. Отмечается, что культура и социум рассматривается как системное единство, которое обладает особой структурой.

Социокультурное пространство определяется автором на уровне информационно-коммуникативном. Его развитие связывается с тенденциями роста информационных технологий, электронных и др. средств.

Религиозное сознание рассматривается как эмоциональная вовлеченность человека в сферу религиозных субъектов и объектов. Констатируется, что рефлексивность является одной из важнейших черт религиозного сознания. Именно эта черта религиозного сознания позволяет религии быть восприимчивой к новациям и преобразованиям. При этом подчеркивается, что религия осознается автором, как элемент культуры.

На основе признаков процесса коэволюции, выделенных В. Н. Мангасарян, был проведен сравнительный анализ социокультурного пространства и религиозного сознания. В результате чего автором обозначена связь этих процессов, дана им качественная характеристика и доказана их коэволюционная природа.

Ключевые слова: коэволюция, социокультурное пространство, религиозное сознание, информационное общество, механизмы среднего влияния, диалог.

COEVOLUTION OF SOCIOCULTURAL SPACE AND RELIGIOUS CONSCIOUSNESS OF A PERSON

Rendashkina Alisa Nikolaevna, PhD of Culturology, Sr. Instructor, Department of Information Technologies in Creative and Cultural Industries, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: rendashkina@list.ru

In the article, interrelation of sociocultural space and religious consciousness of a person as separate elements of uniform system of culture is considered. Key concepts are disclosed and reference points for the analysis of processes of coevolution in culture are allocated. Where the coevolution is considered within culturological paradigm.

Sociocultural space is defined by the author at the information communicative level. Its development communicates tendencies of growth of information technologies, electronic, etc. means.

The religious consciousness is considered, how emotional involvement of a person into the sphere of religious subjects and objects. It is noted that reflexivity is one of the most important feature of religious consciousness. This feature of religious consciousness allows religion to be susceptible to innovations and transformations. This way emphasized that the religion is realized by the author, as a cultural element.

On the basis, Mangasaryan V. N. allocated the signs of process of coevolution, a comparative analysis of sociocultural space and religious consciousness has been carried out. It is noted that information to which a person appeals, is not always unsystematic. The sociocultural environment influences the personal choice of this or that information.

In this regard it is noted that spiritual filling of a person also depends on his sociocultural environment. It is summarized that the sociocultural environment and sociocultural space are identical since their main characteristics have a high degree of virtuality and communicativeness. It is proved that the religious consciousness and sociocultural space have similar measurements: dynamic and static, individual and collective, historical and social. Therefore, in system of culture synthesis of cultural traditions and innovations is born. Because of all the above, the author designated communication of these processes, the qualitative characteristic is given them and their coevolutional nature is proved.

Keywords: coevolution, sociocultural space, religious mind, informational society, mechanics of influence of environment, dialog.

Современный этап развития общества характеризуется глубокими социокультурными трансформациями, связанными с развитием информационных технологий, кризисом духовных ценностей [8]. В этой связи актуализируется обращение к системному подходу в рамках культурологической парадигмы, которая способствует комплексному рассмотрению процессов в культуре. Изучение коэволюции социокультурного пространства и религиозного сознания поможет обозначить связь этих процессов и дать им качественную характеристику. Необходимость решения задач эффективного взаимодействия внутри культуры отражена в работах А. Д. Урсула, который сохранение цивилизации и биосферы связывает с необходимостью устойчивого развития и процессами коэволюции [11].

В качестве базового определения нами используется трактовка академика Н. Н. Моисеева, где коэволюция, определяется как «соразвитие взаимодействующих элементов единой системы при сохранении ее целостности» [7]. Коэволюция рассматривается нами в рамках культурологической парадигмы, где культура выступает единой системой для таких ее структурных элементов как «социокультурное пространство» и «религиозное сознание».

Культуру можно назвать системой ценностей общества, так как в ней концентрируются все результаты его духовной деятельности, она представляет собой наиболее устойчивую, фундаментальную структуру общественного сознания. Собственно пространственная парадигма в социокультурном измерении позволяет увидеть культу-

ру и социум как системное единство, обладающее особой структурой, определёнными элементами однородности и одновременно – многомерности [10]. Вместе с тем социокультурное пространство рассматривается автором как процесс разрушения временных и пространственных связей посредством информационных, электронных и др. средств, позволивших виртуализировать культуру. Оно определяется нами на информационно-коммуникативном уровне.

Понятие «религиозное сознание» очень редкое: в словарях и энциклопедиях вместо него обычно встречаются другие, близкие к нему дефиниции: «сознание», «вера», «религия» и т. д. Между тем имеется немало публикаций, в которых изучаются уровни религиозного сознания, религиозные ориентации, динамика религиозности, религиозная самоидентификация и т. д. Явление изучается без определения его сущности, что приводит исследователей к увлечению преимущественно количественными методиками исследования, сдвигу в сторону проявлений индивидуальной религиозности, поверхностным выводам [9].

Но собственно религиозное сознание и Homo religious так и остаются «загадкой». На это указывает и О. Ю. Бреская: «... человек сам для себя не выстраивает четкой связи между религиозной верой, самоидентификацией, повседневным поведением, системой ценностей и посещением богослужений. Здесь появляется много вопросов, которые едва ли можно разрешить на уровне социальной теории» [2, с. 79].

Ситуация эта обусловлена тем, что сознание у многих исследователей является нерелигиозным. На наш взгляд, «религиозное сознание» можно определить как «восприятие, осмысление и переживание мира через призму религиозного опыта». Знания о религии доступны и атеистам, поэтому не они определяют специфику религиозного сознания, а то восприятие и переживания, которые возникают по поводу религиозных объектов и субъектов.

Вместе с тем религиозное сознание не тождественно экзальтации и «слепой вере». Напротив, рефлексивность является одной из важнейших его черт. Для человека с религиозным сознанием очень важно самописание своего религиозного опыта, свидетельство о нем, самоопределение по

отношению к «мирскому», «нерелигиозному». Того же мнения придерживается и С. Л. Бурмистров: «... религиозное сознание предполагает сложную, высокого уровня рефлексию индивида над своим положением в обществе и над своим отношением к религиозным ценностям. Отсутствие рефлексии, наивная вера с религиозным сознанием вряд ли совместимы, а само оно не только допускает, но даже прямо требует критического отношения к существующим религиозным концепциям, практикам богопочитания и нравственным заповедям, базирующимся на религиозных текстах. Носитель религиозного сознания – это всегда потенциальный еретик или диссидент... Эта неортодоксальность религиозного сознания, критическое отношение к привычным догмам является, однако, стимулом для развития религии как элемента культуры. Религиозное сознание – это своего рода “мутагенный фактор” в религии, который может порождать как нежизнеспособные или откровенно деструктивные формы религиозности, так и вполне жизненные и даже необходимые культуре» [3, с. 22]. Благодаря этому в обществе и имеет место коэволюция религиозного сознания и социокультурного пространства.

Примером такой коэволюции является отношение православных россиян к электричеству. Оно появилось в России еще в царский период и воспринималось как часть шоу, так как использовалось преимущественно для освещения мест коронаций, массовых гуляний и увеселений. Обстоятельно изучив этот вопрос, православный художник В. М. Васнецов доложил на Поместном соборе Православной российской церкви (1917–1918): «За последнее время очень усердно вводится в церквях электрическое освещение вместо освещения восковыми свечами, во избежании, якобы, копоты от восковых свечей, вредящей иконописи, а также в видах удобства электрического освещения. Конечно, человек может ко всему привыкнуть – может привыкнуть и к электричеству в церкви, взамен восковых свечей и масла; но человеку искренне религиозному и молитвенно настроенному едва будет по душе молиться в храме, освещенном электричеством, – светом, перенесенным в храм Божий с улицы, из театра, вокзала, кинематографа, ресторана и тому подобного развлекательного учреждения! Нет, восковая свеча и деревянное масло, освещающие лики

Святых, роднее душе его... Надеюсь, впрочем, и не сомневаюсь, что церковные ревнители современной культуры и прогресса все-таки пожелают, чтобы храм Божий остался и домом молитвы, и оставят в нем и дым кадильный, и свет лампы, и восковые свечи, светившие около двух тысяч лет христианству во всю его многострадальную историю, зажженные еще в катакомбах на гробницах мучеников. И будут они светить нам тихим, но живым светом, символом света «не от мира сего», вместо блестящего, удобнейшего, но мертвого света сего мира – электричества!» [4, с. 55–56].

В современном информационном обществе электричество стало обыденностью: оно сопровождает людей от рождения до смерти. Поэтому оно нашло свое применение не только в иллюминации фасадов церквей, но и в освещении алтарей (вывески «Христос воскрес» в дни пасхальных торжеств). Наряду со свечными паникадилами (храмовыми люстрами) стали использоваться и электрические, с лампочками типа «свеча». Ночная иллюминация церквей в социокультурном пространстве городов совершенно естественно ассоциируется с образом горящей во мраке свечи, особенно при панорамных съемках.

Но необходимо определить характеристики, которые позволят проанализировать «социокультурное пространство» и «религиозное сознание» на предмет вовлеченности их в коэволюционный процесс.

На основе философского осмысления коэволюции В. Н. Мангасарян создает теоретическое основание для изучения процессов коэволюции в культуре:

1. Коэволюцию характеризует – сопряженность процессов развития, их направленность, автономность, равноправие и самооценность участвующих во взаимодействии компонентов, полифоничность взаимодействующих процессов.

2. В основе коэволюционирующих процессов лежит синтез культурных традиций и инноваций.

3. Формирование качественно новой целостности, учитывающей неоднородность их слагаемых.

4. В процессе коэволюции каждая из взаимодействующих сторон не теряет своей суверенности, самостоятельности, одним словом субъективности.

5. Диалог – одна из наиболее востребованных форм взаимодействия культур в поисках коэволюционных механизмов [6].

Обратимся к системному анализу социокультурного пространства и религиозного сознания с точки зрения выделенных позиций.

В конце 60-х – начале 70-х годов XX столетия была сформулирована идея информационного общества, которая не теряет своей актуальности и сегодня. Информационное общество вовлечено в поток доступной информации. Пространство Интернета и массмедиа создают так называемый «информационный шум». Например, сетевые ресурсы, содержащие контент религиозного толка весьма противоречивы, так как, помимо официальных сайтов религиозных конфессий, в пространстве Интернета существуют маргинальные сайты и отдельные статьи, некорректно отражающие, а иногда и вовсе содержащие откровенно лживые сведения. Информация, к которой апеллирует индивид, не всегда бессистемна. Социокультурное окружение влияет на выбор человеком той или иной информации. В. А. Ясвин выделяет основные механизмы средового влияния:

1. Среда создает пространство возможностей для различных видов деятельности, для самопредъявления, для самореализации.

2. Среда создает набор образцов для подражания, дает возможность выбора.

3. Среда предъявляет и определенные санкции за соответствие или несоответствие её требованиям; их особенностью в средовом контексте является то, что они обычно бессубъектны, а требования среды содержат высокую степень неопределенности, что влияет на выработку внутренней регуляции деятельности человека [12]. Поэтому духовное наполнение человека также зависит от его социокультурной среды. В данном контексте социокультурная среда и социокультурное пространство тождественны, так как их основной характеристикой является высокая степень виртуальности и коммуникативности.

В свою очередь религиозное сознание связано с социальным окружением человека и культурой, в которую он вовлечен. Из чего можно сделать вывод о сопряженности процессов развития социокультурного пространства и религиозного сознания.

В культурологической парадигме социокультурное пространство определяется как форма бытия культуры. Поэтому процессы развития самой культуры влияют на изменения ее элементов, в частности социокультурного пространства и религиозного сознания. С. Д. Лебедев отмечает взаимосвязь объективных социальных референций «классической» концепции религиозности и социокультурной ситуации раннего модерна [5]. Религиозное сознание довольно консервативно, однако процессы развития общества стимулируют изменения в нем. Так, Н. А. Бердяев, критикуя старое религиозное сознание за косность, нежелание развиваться, неприятие нового, приветствует формирование нового религиозного сознания [1, с. 6]. Из чего следует, что религиозное сознание и социокультурное пространство, оба концепта, имеют схожие измерения: динамическое и статическое, индивидуальное и коллективное, историческое и социальное. Поэтому можно утверждать, что в системе культуры рождается синтез культурных традиций и инноваций.

В основе нашего понимания информационного общества лежит коммуникация, то есть обмен информацией. Человек как объект информационного общества глубоко коммуникативен. Так как работа с информацией подразумевает постоянное взаимодействие с различными точками зрения и поисками консенсуса, то человек,

будучи вовлеченным в эти процессы, находится в постоянном диалоге. Можно констатировать, что пространство Интернета дало возможность выстраивать коммуникацию на основе плюрализма, следствием которого явился диалог.

На данном этапе исторического развития все сферы религии (в том числе и религиозное сознание) глубоко диалогичны, так как развитие религиозных отношений взаимосвязано с развитием социокультурного пространства. Достаточно вспомнить, что Н. Н. Моисеев (один из видных теоретиков коэволюции) подчеркивает связь развития информационных технологий и изменения духовного мира людей, так как оно способно «перестраивать основы нравственности» [7]. Поэтому можно установить зависимость развития информационного общества с трансформациями религиозного сознания и социокультурного пространства.

Все вышесказанное подтверждает, что социокультурное пространство и религиозное сознание, находясь в единой системе культуры, испытывают влияние информационного общества на уровнях: построения диалога, синтеза культурных традиций и инноваций, сопряжения процессов развития, при этом сохраняя свою суверенность. Поэтому мы считаем, что процессы трансформации социокультурного пространства и религиозного сознания носят коэволюционную природу в рамках целостного восприятия культуры.

Литература

1. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность / сост. и коммент. В. В. Сапова. – М.: Канон+, 1999. – 6 с.
2. Бреская О. Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социол. исслед. – 2011. – № 12. – С. 77–87.
3. Бурмистров С. Л. Специфика религиозного сознания: индийский и западный подходы // ХОРА. – 2009. – № 1 (7). – С. 11–23.
4. Доклад В. М. Васнецова. Электричество в храмах // Деяния Священного собора Православной российской церкви. – Петроград, 1918. – Кн. 5. – С. 39–56.
5. Лебедев С. Д. Парадоксы религиозности в мире позднего модерна // Социол. исслед. – 2010. – № 12. – С. 85–94.
6. Мангасарян В. Н. Коэволюционная парадигма взаимодействия общества и природы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2011. – № 3(9). – 115 с.
7. Моисеев Н. Н. Коэволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. – 1997. – № 1. – URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/echo/1997-2-1.shtml> (дата обращения: 21.04.2017).
8. Москаленко Д. А. Феномен свободы в социокультурном пространстве трансформирующегося общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2014. – 26 с.
9. Пруцкова Е. Операционализация понятия религиозность в эмпирических исследованиях // Государство, религия и церковь. – 2012. – № 2(30). – С. 268–292.

10. Тулиганова И. В. Социокультурное пространство современного города: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2009. – 25 с.
11. Урсул А. Д. Обеспечение национальной безопасности через приоритеты устойчивого развития // NB: Национальная безопасность. – 2013. – № 1. – С. 1–61.
12. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 112 с.

References

1. Berdyayev N.A. *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [The New Religious Consciousness and Society]. Moscow, Kanon+ Publ., 1999. 6 p. (In Russ.).
2. Breskaya O.Yu. Izuchenie religioznosti: k neobkhodimosti integral'nogo podkhoda [Religiousness studying: to need of integral approach]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 2011, no. 12, pp. 77-87. (In Russ.).
3. Burmistrov S.L. Spetsifika religioznogo soznaniya: indiyский i zapadnyy podkhody [Specificity of religious consciousness: Indian and western approaches]. *KhORA [CHORUS]*, 2009, no. 1 (7), pp. 11-23. (In Russ.).
4. Doklad V.M. Vasnetsova. Elektrichestvo v khramakakh [V. M. Vasnetsov's report. Electricity in temples]. *Deyaniya Svyashchennogo sobora Pravoslavnoy rossiyской tserkvi* [Acts of the Sacred Cathedral of Orthodox Russian church]. Petrograd, 1918, Book 5, pp. 39-56. (In Russ.).
5. Lebedev S.D. Paradokсы religioznosti v mire pozdnego moderna [Paradoxes of religiousness in the world of a late modernist style]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 2010, no. 12, pp. 85-94. (In Russ.).
6. Mangasaryan V.N. Koevolutsionnaya paradigma vzaimodeystviya obshchestva i prirody [Koevolution paradigm of interaction of society and nature] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice], 2011, no. 3(9), 115 p. (In Russ.).
7. Moiseev N.N. Koevolutsiya prirody i obshchestva. Puti noosferogeneza [Koevolution of the nature and society. Ways of a noospherogenesis]. *Ekologiya i zhizn'* [Ecology and life], 1997, no. 1. (In Russ.). Available at: <http://www.ecolife.ru/jornal/echo/1997-2-1.shtml> (accessed 21.04.2017).
8. Moskalenko D.A. *Fenomen svobody v sotsiokul'turnom prostranstve transformiruyushchegosya obshchestva: avtoref. dis. kand. filos. nauk* [Fenomen of freedom in sociocultural space of the transformed society. Author's abstract of diss. PhD in philosophy]. Stavropol', 2014. 26 p. (In Russ.).
9. Prutskova E. Operatsionalizatsiya ponyatiya religioznost' v empiricheskikh issledovaniyakh [Operationalization of concept religiousness in empirical researches]. *Gosudarstvo, religiya i tserkov'* [State, religion and church], 2012, no. 2(30), pp. 268-292. (In Russ.).
10. Tuliganova I.V. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo sovremennogo goroda: dis. kand. filos. nauk* [Sociocultural space of the modern city. Author's abstract of diss. PhD in philosophy]. Saratov, 2009. 25 p. (In Russ.).
11. Ursul A.D. Obespechenie natsional'noy bezopasnosti cherez prioritety ustoychivogo razvitiya [Ensuring national security through priorities of a sustainable development]. *NB: Natsional'naya bezopasnost'* [NB: National security], 2013, no. 1, pp. 1-61. (In Russ.).
12. Yasvin V.A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to design]. Moscow, Smysl Publ., 2001. 112 p. (In Russ.).

УДК 008

БОГОСЛОВСТВОВАНИЕ ОБРАЗАМИ: ИКОНЫ И КАРТИНЫ НА СЮЖЕТЫ «БЛАГОВЕЩЕНИЯ» И «РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА»¹

Касаткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, заведующая отделом теории литературы, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва, РФ). E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432) / This scientific investigation was carried out in the A.M. Gorky Institute of the World Literature of the RAS with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

При создании икон и картин христианские богословские идеи не иллюстрируются выдающимися иконописцами и живописцами так, словно они следуют за предваряющими деятельность художника словесными формулами, но впервые воплощаются ими средствами их собственного искусства, позволяющими мощно, ярко и концентрированно выразить в образе то, что почти невыразимо с такой смелостью, очевидностью и лаконичностью в слове. Анализируются два начальных эпизода христианской истории спасения: Благовещение и Рождество, показывается, как одни и те же фундаментальные идеи выражаются иконописцами и живописцами разными средствами в диапазоне от символического реализма (когда символически углубляются ключевые для сцены, взятой в историческом плане, элементы) до аллегоризма (когда центральная мысль изображается посредством случайной и сторонней для сцены детали). Показано, как в сюжете Благовещения на первый план и в иконе, и в картине выходит идея деятельной свободы твари по отношению к Творцу, а сюжет «Рождества» оказывается неразрывно связан с сюжетом «Положения во гроб», «Мертвого Христа». Принимая во внимание эту связь, оказывается возможным прочесть главную мысль картины Андреа Мантенья «Мертвый Христос» совсем иначе, чем она традиционно прочитывалась в отечественном искусствоведении.

Ключевые слова: икона, картина, богословствование образами, Благовещение, Рождество, Положение во гроб, Мантенья «Мертвый Христос».

THEOLOGY OF IMAGES: “ANNUNCIATION” AND “CHRISTMAS” AS SUBJECTS OF ICONS AND PICTURES

Kasatkina Tatyana Aleksandrovna, Dr of Philological Sciences, Head of Department of Theory of Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Outstanding icon painters and European painters, when creating the icons and paintings, don't illustrate Christian theological ideas, following the verbal formulas that precede the artist's activity, but for the first time incarnate them with the means of their own art, which enable them to express in a powerful, bright and concentrated way, in the image system the ideas which are almost ineffable in the word with such boldness, obviousness and laconicism. The article deals with two initial episodes of the Christian history of salvation: Annunciation and Christmas, and it is shown in it, how the same fundamental ideas are expressed by icon painters and painters by using various means, which spreading from the symbolic realism (when the elements, a key to a given scene, are taken historically and infinitely deepened) to allegory (when the central thought is depicted by using of an accidental and third-party detail for the scene). It is shown how the idea of the active freedom of the creature in relation to the Creator emerges to the forefront in the story of the Annunciation as in the icon so as in the picture, and how the “Christmas” story turns out to be inextricably linked with the iconic plot of putting the Christ in the coffin, and with the plot of many European pictures “The Dead Christ in the Tomb.” Taking into account this connection, it is possible to understand the main idea of the painting “Lamentation over the Dead Christ” by Andrea Mantegna in a completely different way than it was traditionally explained in the Russian art history investigations.

Keywords: icon, painting, theological images, Annunciation, Christmas, the iconic plot of putting the Christ in the coffin, Mantegna “Lamentation over the Dead Christ”.

В статье пойдет речь о некоторых богословских идеях, отчетливо представленных в иконописи и живописи. Но не об иллюстрациях к богос-

ловским рассуждениям – а о мгновенно, мощно и концентрированно выраженных в образах сложных смыслах, которые, возможно, так лаконично

и емко доступно выразить только художнику, а никак не тому, кто богословствует словесно.

Логично начать подобное рассмотрение богословствования образами с сюжета Благовещения – с того эпизода, который полагает начало и становится во главе нашего спасения. Недаром именно Благовещение изображается на алтарных вратах – оно само – ключ, который отпирает эти врата, а, вернее сказать, оно – то событие, которое вновь *создает врата* на месте долгое время *непроходимой преграды*.

Благовещение – ключевой момент нашего спасения потому, что тварь в нем дает согласие принять в себя Бога, Того, который всегда искал и готовил для себя человека – но искал и готовил не как безгласный сосуд, не как место присутствия – но как активного, деятельного сотрудника и соратника.

Посмотрим на Благовещение Устюжское, знаменитую новгородскую икону XII века, находящуюся в Третьяковской галерее (Приложение, рис. 1).

Некоторые элементы образа утрачены; так из небесного сегмента должен был исходить луч, шедший «к плечу» (как пишет Барская [1, с. 60]) – то есть к уху или сердцу Богоматери. Христос отобразился в сердце Богоматери – а не во чреве ее² – Он, таким образом, становится не только носимым ею Ребенком, но и внутренним образом Ее самой, Богом, вселившимся в комнату Ее сердца – и это действие может и должно быть повторено любым христианином³.

² Н. В. Покровский относит его к типу «благовещения с Младенцем, начертанным во чреве Богоматери» [4, с. 118]. Русский иконописный подлинник более точен: «а Сын в персех у Пречистыя вообразися и мало знати, аки в стекле» [4, с. 118]. В цитатах выделение полужирным шрифтом принадлежит цитируемому автору, выделение курсивом мне – Т. К.

³ Таким образом, получается, что когда икона отображает *событие, вошедшее в вечность*, она отображает тем самым событие, на историческом слое уникальное, а на анагогическом уровне истолкования – воспроизводимое в любой человеческой жизни. Икона, таким образом, есть не только *воспоминание как присутствие*, но и *напоминание как задача*: напоминание человеку о скрытом в нем истинном образе (и конкретном его аспекте), который он должен проявить.

По преданию в момент появления ангела Богоматерь ткала одну из полос для завесы Иерусалимского храма. Ей досталась порфира – кроваво-красная полоса. Занавесь в Иерусалимском храме служила для того, чтобы скрывать Святое Святых, место, где присутствовал Неведомый и Невидимый. И в тот момент, когда ангел ей благовествует, что Она станет Той, через Которую Господь войдет в мир, и Она соглашается – в Ее сердце изображается образ Бога – и она начинает ткать Его плоть – как прежде ткала завесу⁴.

Она ткала завесу, чтобы *скрыть* Его от людских очей. Именно это действие *сокрытия* преобразуется в иконе на наших глазах в свою противоположность (там запечатлен именно сам момент смены сокрытия на явление: действительно, ключевой момент в истории спасения) – и Богоматерь начинает ткать плоть Того, кто открыто *явит* лик Божества.

Иконописец изображает Богоматерь не пассивно принимающей образ – но деятельно и активно участвующей в его воплощении, его проработке. Она изображена не как «сосуд», в котором происходят процессы, этому сосуду неведомые, не пассивной утробой, в которой растет плод, – но как Ткачиха, как творец и создательница, сотрудница Богу в формировании Его здешнего тела.

Интересно, что Благовествование – двойное – Оно исходит из небесного сегмента, и его слышит сердцем Богородица; но оно обозначено и рукой ангела, пальцы которого сложены в жесте благословения, образующего начертание Имени Господня. Оно как бы одновременно воспринимается – и удостоверяется – всеми чувствами: прежде всего – зрением, слухом – но и обонянием – и недаром ангел в диаконском облачении, а в руке его, судя по всему, была изображена кадильница (в западноевропейских картинах для выражения того же смысла изображалась лилия) – но и сверх чувств принимается прямо сердцем.

Жест ангела, изображающий Имя, становящееся источником воплощения, как бы возвраща-

⁴ «И через эту указующую кисть перекинута алая нить пряжи; кудель Мария держит в левой руке – как таинственное “прядение” из материнской крови плоти младенца перетолковывалось то прядение его пурпура, о котором говорит предание» [1, с. 60].

ет нас к началу времен, когда всякая вещь этого мира творилась именем. И здесь Бог зримо подчиняется Своему закону, Сотворивший все, творится на другом плане бытия Своим именем: созданная Им тварь создает Творца.

Главное в сюжете Благовещения – *свободная воля* Богоматери. Если бы Она не ответила на Его призыв словом первоначального творения, не произнесла бы Свое: «Да будет!» – ничего бы не произошло. Богу так и не на что было бы поставить ногу, для того чтобы войти в мироздание, чтобы быть впущенным в тот мир, из которого в свое время в результате грехопадения Он был исторгнут, изгнан свободной (или точнее было бы сказать – плененной в этот миг, впавшей в ошибку, то есть – *промахнувшейся, согрешившей*⁵) человеческой волей. В мир, который без Него существовал по «механическим» законам, по законам необходимости и нехватки – в чем и состояла суть грехопадения, разрушившего связь мироздания с Источником его преизобилующего бытия, впустившего в мир смерть. Таким образом, ключ к исправлению, к исцелению мира, к вновь Богоприсутствию в нем – воля человека, вновь ставшая свободной.

Эта свободная воля на иконе выражена тем, что Тот, что находится в Богоматери, – *ткется* Ею: Он проявляется в Ней лишь в результате Ее активного встречного действия.

Но главенство свободной воли в этом сюжете могло выражаться самыми разными способами, особенно если речь пойдет о западноевропейской живописи.

Давайте посмотрим на фреску, находящуюся на стене флорентийского госпиталя «Santa Maria Nuova» (основанному Фолко Портинари, отцом той, которую считают Дантовой Беатриче) (Приложение, рис. 2). Между Марией и ангелом, благовествующим Богоматери о том, что она станет Той, что примет Бога на земле, расположен стул, на котором лежит спящая кошка.

Казалось бы, абсолютно непонятная деталь в сцене, которая посвящена спасению мира. На-

чалу, источнику, неременному условию спасения мира. Причем, это не деталь где-то на периферии фрески, где мы могли бы ее отнести на счет безобидной прихоти художника, любящего кошек, нет – это самый центр нижнего плана изображения, самый центр события, во всяком случае, той его части, что разворачивается здесь, на земле.

Мы не можем проигнорировать эту деталь, мы должны понять, что именно посредством нее говорит художник. И ведь, на самом деле, его послание абсолютно прозрачно. Кошка – это самое свободлюбивое из всех обитающих с человеком существ; кошка – это единственное существо в доме человека, которое всегда поступает по своей воле, которое абсолютно невозможно принудить что-то сделать против ее воли. Поэтому художник помещает в центр сцены Благовещения между ангелом и Марией как бы разделяющую их кошку – самовольное существо – для того чтобы подчеркнуть: то, что здесь сейчас произойдет – произойдет исключительно в силу того, что Богоматерь вольно, свободно и осознанно пойдет на встречу Тому, что ее окликнуло.

Второй сюжет, о котором мы поговорим – это сюжет Рождества Христова. Рождество Христово в нашем представлении – прежде всего и по преимуществу – *прекрасный и светлый* праздник, праздник пришествия Бога, восхваления Той, что сделала это пришествие возможным, радости о том, что Господь становится нашим братом, что мы становимся братьями и сестрами Господа.

Между тем, икона и картина отображали этот праздник не только с точки зрения радости тех, к кому пришел Господь, но и с точки зрения начавшегося умаления Господня, начавшегося вмещения Невместимого – желающего быть *все во всем* – в маленькое, ограниченное, плотное, отдельное и уединенное тело человека. То есть – Рождество – великий праздник и радость – одновременно – момент угнетения, утеснения, кенозиса – начало того схождения, низшая точка которого будет ад – место отсутствия Бога, место максимальной плотности, замкнутости, сосредоточенности только на себе, место, где всякий становится своей собственной стеной – и ничем более.

⁵ Напомню на всякий случай, что грех по-гречески – *ἁμαρτία* – от *ἁμαρτάνω* – *ошибаться, промахиваться*, не попадать (в цель).

И вот этот момент начавшегося умирания Божества в Рождестве по-разному, но согласно изображался как иконой, так и картиной.

Одна из икон Новгородского музея (Приложение, рис. 3) показывает нам основные моменты Рождества именно с этой точки зрения. Во-первых, мы видим, что Младенец рождается не только из чрева Богоматери – но и во чреве земли. Младенец здесь не только в пещере – но и в колодеце – ибо именно так выглядят здесь ясли, что вообще-то довольно точно воспроизводит, если вдуматься, структуру женской матки, в которую сверху из небесного сегмента изливается свет, минуя колодец, знаменуя бессеменное зачатие.

Но глядя на это изображение, мы вспоминаем и о том, что Христос будет находиться во чреве земли дважды: в момент Своего рождества и в момент Своей смерти. Мы видим здесь спеленатого Младенца, но в таких же пеленах будет и Лазарь, которого вызовет из гроба Христос, и те же пелены останутся в глубине пещеры по воскресении Христовом (Приложение, рис. 4)⁶.

Христос будет как бы личинкой новой жизни – и в воскресении он наконец вылетит из этой оболочки куколки, из этих пелен, маркирующих начало и конец Его жизни. И это обстоятельство неимоверно сближает рождение и смерть, показы-

⁶ Это сходство Новорожденного и Погребенного отметит и Павел Евдокимов, опирающийся в своих анализах икон на тексты православных богослужений: «Действительно, пелены Младенца в точности таковы же, как погребальные пелены, изображаемые на иконе Воскресения, и странная неподвижность Вифлеемского Агнца заставляет вспомнить слова из утрени Великой Субботы <...>. Конечную цель этого покоя указывают и рождественские песнопения: “Пленицы греховныя разрешаяй пеленами”, “пеленами повивается, разрешает же многоплетенные пленицы прегрешений”; пелены, то ли младенческие, то ли погребальные, пророчествуют о погребении смерти через смерть» [2, с. 290].

Опираясь на исследования Евдокимова, стоит отметить еще один важный смысл изображаемого на иконе Рождества. Он пишет: «Но пастухи сразу напоминают нам и образ Пастыря-Мессии» [2, с. 292]. Однако все стекающиеся на иконе с трех сторон посетители Младенца явственно изображены, как аспекты Его существа, проявляющие это существо для созерцающих икону: пастухи являют аспект Пастыря, ангелы – аспект Духа, волхвы – аспект Мудреца и Чудотворца.

вая рождение как смерть и смерть как рождение. В сущности, Христос будет дважды рождаться и дважды умирать.

Не могу не отметить еще одного обстоятельства – Христос оказывается в этих яслях-колодеце, к которому тянутся вол и осел, как единственная пища для них: пища-личинка, съев которую, все мироздание принимает в себя личинку новой жизни, радикально перерабатывающую и претворяющую принявшую ее в себя плоть.

Западноевропейская картина покажет связанность моментов рождения и смерти Христа своими средствами не менее отчетливо, чем икона.

Например, Брамантино, «Поклонение Младенцу» (Приложение, рис. 5).

Мы видим Младенца с закрытыми глазами, и – как бы уже умершего. На бледном теле отчетливо видны зеленоватые блики, оставляющие явственное ощущение того, что перед нами – мертвец. Позы и лица окружающих, «поклоняющихся», с очевидностью указывают не на радость о рожденном, а на скорбь об умершем.

Таким образом, в рождении мы сталкиваемся с первой смертью Бога, Бога, входящего в ограниченное человеческое тело; умирающего, по сути, как Бог, для того чтобы пребывать с нами как человек, для того чтобы выстроить мост от Божества к человеку, и одновременно на иконе – заключающего в смертное тело как в облатку – целительный и преобразующий эликсир Своего Божества.

Во всех западноевропейских храмах, на фасадах и/или внутри храмового пространства друг напротив друга или друг рядом с другом будут располагаться сцены Рождества и Распятия/Погребения/Оплакивания Христова, Мадонна с Младенцем отразится в Пьета, словом, Рождество и Погребение будут неизменно, хоть и технически по-разному, сближаться почти до неразличения.

Если в Рождестве художники видят грядущее погребение, то в их изображении погребения мы обнаруживаем рождественский мотив, привкус нового рождения.

Знаменитый «Мертвый Христос» Мантеньи (Приложение, рис. 6) многократно описан, особенно российскими искусствоведами, как попытка изобразить Христа без воскресения, как

некоторым образом антихристианство⁷. Но на самом деле художник отчетливейшим и очевиднейшим образом изображает нечто прямо противоположное.

Тот странный и непонятный ракурс, в котором художник изображает Христа, объясним только одним: в таком ракурсе тело взрослого человека начинает выглядеть детским, начинает походить по пропорциям на тело младенца: резко укорачиваются ноги, резко увеличивается голова; то есть взрослый человек в таком ракурсе – и, заметим, *ни в каком больше* – начинает выглядеть, как новорожденный. Этим, кстати, вполне удовлетворительно объясняется и уменьшение размера стоп Христа, давно отмеченное искусствоведом (см., например, [3, с. 58]), но довольно странно и невнятно объясненное⁸. Между тем, Мантенья довольно очевидно воспроизводит пропорции между головой и стопами, свойственные младенцу.

Таким образом, Мантенья изображает вовсе не смерть без воскресения – а младенчество, новорожденность, которые проявились в смерти, становящейся зримым и очевидным моментом нового и истинного рождения (что подчеркивается и начинающим проступать на картине нимбом вокруг головы Христа, незаметным белому взгляду). Причем, художник делает это, оставаясь почти всецело в параметрах этого мира –

⁷ См. например: «У Мантеньи не “оплакивание”. У него – “Мертвый Христос”. Безжизненное тело бесильно распластано на некоем подобии грубого ложа. Избранный художником неожиданный ракурс – со стороны ступней ног, почти на уровне глаз – усиливает это впечатление распластанный. Склоненная набок голова с разметанными волосами, с не бородатым, но и не бритым, скорее, заросшим лицом, закрытыми глазами и полукрытым ртом, выражает беспредельную усталость. Обвисшие, словно выпавшие из суставов плечи и руки довершают впечатление полного изнеможения и окончательного бессилия» [5, с. 266].

⁸ «Внимательный зритель заметит, что ступни Христа явно уменьшены, а голова, напротив, увеличена. Художник сделал это намеренно, поскольку передача правильного ракурса помешала бы восприятию главного. Это доказывает, что для мастеров итальянского Возрождения перспектива была не только методом построения рационального пространства, но и способом выражения художественных задач» [6].

до такой степени, что ему согласно и долго умудряются приписывать прямо противоположные художественные намерения и мировоззренческие интенции.

При таком взгляде на картину проясняется и роль двух фигур у тела Христова, традиционно опознаваемых, как Богоматерь и Иоанн, но порой принимаемых и за «двух старушек»⁹, с тщательно написанными каплями слез. Они – аллюзия на двух повитух, омывающих Младенца, как о том передает предание и изображают иконы «Рождества». Они слезами омывают Рождящегося в вечную жизнь.

В православной иконе мы видим, как по смерти Христос наконец вырывается из пелен, вылупляется из личинки, оставляя пустую оболочку на гробном камне, мы видим его во вновь обретенном многомерном теле – ибо изображение Христа в славе, Христа в силах, как мы помним, есть всегда изображение многомерного Бога, многоличностного, сияющего лицами в глубине мандорлы (Приложение, рис. 7).

Таким образом, в изображениях Рождества зримо начинается схождение Бога в тварный мир, в мир оков и ограничений, в мир разделения и жестких законов, и это, конечно, есть начало умирания Бога.

В христианстве все оказывается связано, начало и конец неразделимы – и Младенец, в Рождестве явившийся как овеществление луча всепроницающего света, как ограничение безмерности, должен будет вновь попасть в чрево земли в таких же пеленах, для того чтобы вернуться вверх по тому же лучу, для того чтобы мост, соединивший с Его пришествием здешнее с иным, начал работать в обе стороны. Икона отчетливо показывает как уже в момент рождения возникает то, что станет сначала смертью – а потом новым торжеством и воскресением. Можно сказать, что Рождество – это начало смертного крестного пути Бога, а смерть – второе пребывание в теле земли, в такой же, как когда-то Рождественская, пещере – это начало Божественного пути человека.

⁹ «Он мертв, мертв безнадежно и безнадежно одинок. Правда, слева, в уголке картины, видны лица двух (только двух!) плачущих старушек, но они не скрадывают, а лишь подчеркивают одиночество Христа» [5, с. 268–269].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунок 1. Благовещение Устюжское, XII век.
Москва, Третьяковская галерея

Рисунок 2. Благовещение, внешняя фреска больницы
«Санта Мария Нуова», Флоренция

Рисунок 3. Рождество.
Из праздничного чина Софийского собора. Ок. 1341.
Новгород, Новгородский музей-заповедник

Рисунок 4. Мироносицы у гроба Господня, 1479.
Санкт-Петербург,
Русский музей

Рисунок 5. Брамантино,
«Поклонение Младенцу», 1485.
Милан, Пинакотекa Амброзиана

Рисунок 6. Андрея Мантенья,
«Оплакивание мертвого Христа», конец XV века.
Милан, Пинакотекa Брера

Рисунок 7. Андрей Рублев. Спас в силах. 1408/1410. Москва, Третьяковская галерея

Литература

1. Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. – М.: Просвещение, 1993. – 223 с.
2. Евдокимов П. Искусство иконы / пер. с фр. иеромонаха Димитрия (Захорова) и Е. Л. Майданович. – Клин: Христианская жизнь, 2007. – 383 с.
3. Мосин И. И. Всё о живописи. Самые знаменитые шедевры. – Вильнюс; СПб.: Bestiary: СЗКЭО, 2014. – 112 с.
4. Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. – М., 2001. – 564 с.
5. Стам С. М. Корифеи Возрождения. Искусство и идеи гуманистического свободомыслия. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – Кн. 1. – 383 с.
6. Шедевры европейских художников [Электронный ресурс] / текст и сост. О. В. Морозовой. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=230189&p=2> (дата обращения: 24.02.2018).

References

1. Barskaya N.A. *Syuzhety i obrazy drevnerusskoy zhivopisi [Plots and images of ancient Russian painting]*. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1993. 223 p. (In Russ.).
2. Evdokimov P. *Iskusstvo ikony [Art of the icon]*. Trans. from French by eromonakh Dimitrii (Zakhorov) and E.L. Maydanovich. Klin, Khristianskaya zhizn Publ., 2007. 383 p. (In Russ.).
3. Mosin I.I. *Vse o zhivopisi. Samyye znamenitye shedevry [All about painting. The most famous masterpieces]*. Vil'nyus; St. Petersburg, Bestiary Publ., SZKEO Publ., 2014. 112 p. (In Russ.).
4. Pokrovskiy N.V. *Evangelie v pamyatnikakh ikonografii preimushchestvenno vizantiyskikh i russkikh [The Gospel in the monuments of iconography, mostly Byzantine and Russian]*. Moscow, 2001. 564 p. (In Russ.).
5. Stam S.M. *Korifei Vozrozhdeniya. Iskusstvo i idei gumanisticheskogo svo-bodomysliya. Kniga pervaya [Coryphaeus of the Renaissance. Art and ideas of humanistic freedom. The first book]*. Saratov, Saratov University Publ., 1991. 383 p. (In Russ.).
6. *Shedevry evropeyskikh khudozhnikov [Masterpieces of European artists]*. Text and composition by O.V. Morozova. (In Russ.). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=230189&p=2> (accessed 24.02.2018).

УДК 74.01/09

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Шугуров Павел Евгеньевич, аспирант, Дальневосточный Федеральный университет (г. Владивосток, РФ). E-mail: p-shugurov@yandex.ru

В данной статье автор анализирует отличия городского искусства от других родов пластических искусств, приходя к выводу, что оно является частью массовой культуры и, соответственно, требует иных критериев оценки. Обозначить эти особенности крайне важно во время активной трансформации смыслов городского искусства от назидательных к интерактивным, смены масштабов его форм от монументальных, подавляющих к соразмерным человеку.

Автор выделяет следующие отличительные черты. Тиражность – необходимость увеличения количества копий в случае успеха произведения и возможность легко экспортировать его для других аудиторий. Автор указывает на типовые формы произведений, годные для тиражирования. Следующая черта массового искусства – «слепое копирование», то есть производство копий с извращённым или утраченным первоначальным смыслом. Такие манипуляции возможны, утверждается в статье, потому что авторство в произведениях городского искусства, как и других явлениях массовой культуры, вторично. Произведения эти создаются коллективным трудом, либо растворяя имя первоначального автора

в искажениях его первоначальной идеи, либо «переписывая» его имя. Развивая идею о вторичности автора, предлагается рассмотреть то обстоятельство, что зрительская реакция (социальная рефлексия) становится частью художественной идеи произведений городского искусства. Здесь автор статьи сравнивает городское искусство и «галерейно-музейное». Галереи и музеи принимают дорогостоящий комплекс мер для того, чтобы их произведения оставались неизменными, так как любое вмешательство в пространство определенного автора разрушает аутентичность созданного им мира. Произведения городского искусства «включают» в свою идею все действия, которые с ними происходили, происходят и будут происходить вплоть до полного извращения первоначальной их идеи (идеологии и визуального образа), вплоть до разрушения. И даже после разрушения, пока жива память о произведении, пока визуальный образ несуществующего объекта ассоциируется с местом его размещения или с тем эффектом, который он производил в контексте городской истории (мифологии).

Основные черты массовой культуры, определяющие особенности городского искусства, иллюстрируются фактами истории создания и функционирования в городской среде первого официального памятника города Владивостока – Памятника адмиралу Г. И. Невельскому.

Ключевые слова: городское искусство, монументально искусство, обелиск, китч, памятник Невельскому, Владивосток, граффити, уличное искусство, паблик-арт, городская среда.

CITY CULTURE IN THE CONTEXT OF MASS CULTURE TRENDS

Shugurov Pavel Evgenyevich, Postgraduate, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: p-shugurov@yandex.ru

In this article, the author analyzes the differences between public art and other forms of plastic arts, concluding that it is a part of the mass culture, and needs different evaluation criteria.

The author highlights the following distinctive features. The reproducibility is the need to increase the number of copies in case of success of work and ability to easily export it to other audiences. The author points to the typical forms of works suitable for reproducibility. The next trait of masscult art is the “blind” copy. Making the copies perverted or lost the original meaning. Such manipulations are possible, because authorship in the works of public art is secondary as other phenomena of mass culture too. These works are created by collective labor or dissolving the original author’s idea by distortion of his original or “usurpation” of his name. Developing the idea of the secondary position of the author, it is proposed to consider that the audience reaction (social reflection) becomes part of the artistic idea of public art. Here the author compares public art and art in galleries and museums. Works of public art “include” in their idea all the actions that took place with them, occur and will occur until the complete distortion of their original ideas (ideology and image), until destruction. And after the destruction, while the memory of the work is alive, while the visual image of a non-existent object is associated with its location or with the effect it produced in the context of urban history (mythology). The main features of mass culture are illustrated by the facts of history of the first official monument of the city of Vladivostok, G. I. Nevelskoy Monument.

Keywords: public art, monumental art, obelisk, kitsch, Nevelskoy monument, Vladivostok, graffiti, street art, public art, urban environment.

Городское искусство – это комплекс различных художественных инициатив, реализуемых в публичных пространствах с открытым доступом для подготовленных и случайных зрителей. Современные тренды, направленные на более тесный контакт художника и его реципиента, часто –

на сотворчество, расширяют это определение городского искусства, приписывая ему цель организации широкого общественного диалога. Полнее суть термина «городское искусство», цели и формы его проявлений раскрываются в статьях Н. В. Новичкова «Городское искусство и предна-

значение современного города» [9] и П. Е. Шугурова «Проблемы терминологии в области городского искусства» [15].

Не вдаваясь в рассуждения, что есть искусство вообще, где проходит граница между искусством и творчеством, сконцентрируемся на тех особенностях, которые выделяют городское искусство как отдельный род пластических искусств со своими жанрами, техниками, технологиями и, что важнее, со своими критериями оценки и законами существования. Обозначить эти особенности крайне важно именно сейчас – во время активной трансформации смыслов городского искусства от назидательных к интерактивным, смены масштабов его форм от монументальных, подавляющих к соразмерным человеку. Эту эволюцию культурных форм городского искусства переживает на фоне своей растущей популярности и востребованности, связанной с активным форматированием экономики городов из промышленной в креативную, вслед за этим – изменением функции городских инфраструктур из транспортно-логистических в туристическо-развлекательные. Проблема кризиса оценки произведений городского искусства иллюстрируется противоречивостью реакции на появление каждого нового памятника или арт-объекта в социальных сетях или средствах массовой информации. Данная проблема вызвана отчасти неверным позиционированием городского искусства, как особого рода пластических искусств, чему и посвящена настоящая статья.

Основным родовым отличием городского искусства от других пластических искусств стала ориентированность на самый широкий круг потребителей, что позволяет его классифицировать как явление массовой культуры. Несмотря на актуальность исследования феномена массовой культуры как одного из основных механизмов происходящей глобализации, единое её определение, как, впрочем, и определение культуры в целом, отсутствует. Это, по мнению Л. Воробьевой, связано с тем, что «как научно-философская категория, массовая культура включает в себя сразу три понятия. Во-первых, культуру как духовную ценность. Во-вторых, культуру как особый характер продукта, связанного с формированием такого специфического явления, как масса. И, наконец, в-третьих, массовость как степень распро-

странения продукта» [2, с. 31]. Также нет единой точки зрения по поводу времени возникновения массовой культуры. Исследователи приводят различные исторические примеры – гладиаторские бои Древнего Рима; испанская коррида; литературные романы и музыкальные композиции рубежа XVII–XVIII веков, написанные на «потребу толпы» или скомпилированные под заказ [6]. Почти все исследователи сходятся в том, что расцвет массовой культуры связан с технической революцией начала XX века, с возможностью тиражирования уникальных изобретений и произведений искусств, с ростом населения и городов, выходом на историческую арену масс, а также с развитием средств массовых коммуникаций.

И хотя научное знание в стремлении к объективности отвергает оценочные суждения, часто в работах, посвященных массовой культуре, можно проследить притягательное или неприятное авторами этого феномена. Вот, например, как В. Е. Семёнов в статье «Дегуманизация в модернистском и массовом искусстве XX – начала XXI века: социально-психологический анализ» описывает основные черты маскультовского искусства: «коммерческий успех и популярность любой ценой; развлекательность и занимательность любыми средствами; эксплуатация инстинктов и суеверий людей (насилие, секс, страх, мистика и т. д.); культ гедонизма и потребительства; схематизация и стереотипизация содержания; дегуманизация, аморальность, принижение традиционных человеческих ценностей; грубые ирония и пародизм, «черный юмор»; алогичность, ирреальность, наркотичность; безвкусица, редуцирование искусства к вульгарному зрелищу; дисгармония содержания и формы; манипулятивное использование социально-психологических механизмов внушения, подражания, заражения, конформизма; шокирование и провоцирование аудитории» [13, с. 26]. Неприятие явлений массовой культуры иногда приводит исследователей к определению её как псевдокультуры (китч), а иногда и антикультуры – «производящей анти-человеческие анти-ценности в интересах определённой группы лиц» [7, с. 19].

В произведениях городского искусства прослеживаются основные черты массовой культуры. В качестве примера для последовательного их рассмотрения возьмём первый официальный памятник города Владивостока – памятник адми-

ралу Геннадию Ивановичу Невельскому, торжественно открытый 26 октября 1897 года.

Массовая культура ориентирована на «толпу», поэтому основной её чертой специалисты называют тиражность. Необходимость воспроизводить копии возникает не только из-за того, что каждый из множества потребителей должен получить индивидуальный образец продукта не худшего качества, чем у другого. В этом смысле произведение городского искусства не нуждается в тиражировании – благодаря свободному доступу, каждый зритель получает индивидуальное время и право «владеть» данным произведением. Тиражность позволяет также увеличить количество копий в случае успеха произведения, легко экспортировать его для других аудиторий. За долгую историю существования городского искусства были выработаны типовые формы произведений, годные для тиражирования. Одну из таких типовых форм представляет собой памятник Невельскому. Это обелиск. В. А. Дубровина описывает историю формы обелиска, возникшей ещё в Древнем Египте, переосмысленной в Древнем Риме, занимавшей центральное место в пространстве по сравнению с египетскими монолитами, возводившимися с двух сторон у входа в храм, получившей широкое распространение в садово-парковых ансамблях Москвы и Петербурга с середины XVIII века. Таким образом, обелиск был осмыслен «не как сакральное, но мемориальное сооружение, как монументально-эпическая выразительная форма, символизирующая укрепление империи и развитие русского абсолютизма» [4, с. 65]. Здесь проявляется следующая черта массового искусства – «слепое копирование», то есть производство копий с извращённым или утраченным первоначальным смыслом. Но в случае с обелиском, посвящённым Невельскому, хочется сделать ещё одно дополнение относительно тиражности. На фоне многочисленных примеров использования типовой формы обелиска и до и после появления данного памятника есть также пример тиражирования именно обелиска, посвящённого указанному адмиралу, который был установлен в 1913 году (открыт в 1915) в уменьшенном масштабе в городском сквере города Николаевска-на-Амуре.

Такая черта массовой культуры, как «слепое копирование» применительна к городскому искусству и нашла отражение в свойстве «пере-

присвоения» произведений этого рода искусств. История дальневосточных памятников Невельскому наглядно иллюстрирует и это свойство. После революции и смены идеологии государства, в 1923 году у подножья Владивостокского обелиска в братской могиле были перезахоронены погибшие участники борьбы за власть Советов в Приморье. В 1927 году в ту же могилу перенесены останки минеров и матросов Сибирской флотилии, расстрелянных в 1907 году. То есть теперь обелиск стал надгробным символом – Памятником жертвам революции. С него были сняты наверхи в форме орла на земном шаре, бюст адмирала и бронзовые доски в память его деятельности. Над обелиском была водружена стеклянная красная пятиконечная звезда, на его гранях были укреплены доски с барельефами К. Суханова, Д. Мельникова, Р. Цейтлина и фамилиями борцов революции, захороненных в братской могиле [10, с. 166–167].

Следующее «переприсвоение» состоялось в 1960 году. И это был уникальный случай, потому что связано оно не было со сменой государственной идеологии, а стало уникальным исключением из правил. К столетнему юбилею города, по ходатайству правнука адмирала П. С. Кукель-Краевского, памятник был реставрирован: бюст адмирала, бронзовые доски (с небольшими изменениями) были возвращены на своё место. Уникальным явлением для советского государства стал факт восстановления символа монархии – двуглавого орла, иллюстрирующий свойство городского искусства менять своё символическое содержание при сохранении формы. При этом захоронение революционеров было решено оставить перед памятником и обустроить его как отдельный мемориал [10, с. 166–167].

Примерно такие же трансформации визуального облика пережил и памятник в Николаевске. Имперские символы были демонтированы в 1932 году. В наверхи появилась звезда, отличная от Владивостокской, что добавило копии оригинальности. В 1950 году убрали звезду. В 1975 году на её месте был установлен металлический макет транспорта «Байкал», что исказило первоначальный вид, но сделало его более оригинальным.

И здесь уместно вспомнить социологические подходы искусствоведов, в частности Н. Хренова, которые, анализируя массив исследований по

социологии восприятия искусства, подчеркивают неизбежность характеристики художественного произведения как синтеза артефакта (в данном случае скульптурного монумента) и эстетического объекта. Идея «исторической изменчивости художественного смысла при постоянстве материальной структуры произведения» принадлежит, по словам Н. Хренова, Яну Мукаржовскому [16].

Такие манипуляции возможны, потому что авторство в произведениях городского искусства, как и других явлениях массовой культуры, вторично. Они создаются коллективным трудом, либо растворяя имя первоначального автора в искажениях его первоначальной идеи, либо «переприсваивая» его имя описанным выше методом. Неприятие вторичной роли автора участниками художественных процессов часто порождает конфликты и отрицание произведений городского искусства. У. Эко в книге «История уродства» описывает взаимоотношения «искусства для образованных» и «искусства для необразованных» (китч), предлагая «уважать различие между этими двумя «вкусами», как уважаем мы различия в религиозных верованиях или сексуальных предпочтениях». «Если приверженцы “высокого” искусства воспринимают китч как китч, – пишет он, – то приверженцы китча <...> ничего не имеют против великого искусства из музеев <...>. Более того, они считают произведения китча “похожими” на творения великого искусства» [5, с. 397]. Поэтому сегодня, когда философы прогнозируют смерть автора [1], освобождают его от доминирующей позиции, которую он занимал с Нового времени, дойдя в XX веке до крайности определять искусство категорией «я так вижу», а современные художники пытаются растворить своё авторство в сотворчестве со зрителями, «безличностное» городское искусство переживает расцвет.

А. Рудов приходит к тому же выводу на примерах непластических искусств: «Понятие Автора – одно из ключевых понятий культуры. Здесь оно означает нечто иное, чем, скажем, “писатель” в традиционном понимании. В силу того, что к массовому искусству причисляют литературу и кинематограф, драматург попадает в эту интуитивно создаваемую обойму, если по его пьесе ставится фильм, причем роль Автора от драматурга, превратившегося в сценариста, переходит к ре-

жиссеру. Мало кто знает сценаристов знаменитых “Титаника” и “Терминатора”. Зритель массового или – ещё интереснее – массово-культового фильма запоминает актеров и режиссеров. Сценарист буквально остается за кадром. <...> Автор в массовой литературе – прежде всего торговая марка. Иногда это коллективный псевдоним, что случается сплошь и рядом, а иногда – организатор производства валовой печатной продукции» [12].

История памятника Невельскому во Владивостоке иллюстрирует и эту отличительную черту городского искусства. История сохранила хронику зарождения идеи этого памятника в кратком историческом очерке о Владивостоке Н. П. Матвеева, который описывает события 1889 года, связанные с принятием решения в Морском собрании об увековечивании памяти адмирала к сорокалетию его экспедиции и об организации комитета для постройки памятника под председательством командира порта П. И. Ермолаева [8, с. 282]. Проект памятника был разработан не архитектором и не художником, а помощником старшего инженера-механика Сибирской флотилии А. Н. Антиповым. Далее проект был направлен в Петербург для получения разрешения на его сооружение. 3 августа 1890 года проект утвержден императором Александром III [11]. Изготовление и отливка в бронзе бюста адмирала, земного шара с двуглавым орлом и трех досок с изображением кормовой части транспорта «Байкал» и перечислением участников Амурской экспедиции были поручены на договорной основе петербургскому скульптору Роберту Баху. После демонтажа и утраты этих элементов они были заново вылеплены Владивостокским скульптором В. Б. Гринёвой [3, с. 151] и отлиты на Мытищенском заводе художественного литья. Таков состав авторов, имена которых сохранила история, одного из важнейших памятников Дальнего Востока России. Статистический анализ соотношения упоминаний самого произведения и имен его авторов за время его существования не проводился, но даже беглый взгляд на обзор ссылок и сети Интернет позволяет сделать вывод, что памятник помнят и ценят, но без упоминания его авторов. Контраст восприятия становится более очевидным в сравнении с подобным обзором любого музейного произведения, которое редко упоминается без указания его автора.

Развивая идею о вторичности автора, есть смысл рассмотреть то обстоятельство, что зри-

тельская реакция (социальная рефлексия) становится частью художественной идеи произведений городского искусства. Галереи и музеи принимают дорогостоящий комплекс мер для того, чтобы их произведения оставались неизменными, так как любое вмешательство в пространство определенного автора разрушает аутентичность созданного им мира. Произведения городского искусства «включают» в свою идею все действия, которые с ними происходили, происходят и будут происходить вплоть до полного извращения первоначальной их идеи (идеологии и визуального образа), вплоть до разрушения. И даже после разрушения, пока жива память о произведении, пока визуальный образ несуществующего объекта ассоциируется с местом его размещения или с тем эффектом, который он производил в контексте городской истории (мифологии). То есть художественная авторская идея памятников, монументов, городских скульптур, фасадных панно и других городских произведений, которая оказывается уже многократно трансформированной общественными обсуждениями, комментариями представителей заказчиков к моменту презентации представляет собой лишь «произведение в процессе», а не вещь в себе.

Как результат отношения общества к массовому искусству, следует отметить, что в 1990

году «в ходе ремонтно-реставрационных работ по укреплению обелиска и восстановлению чугунной ограды вокруг памятника бронзовый бюст Г. И. Невельского, в целях защиты от “охотников за цветным металлом”, был заменен копией и передан на хранение в Приморский краевой музей им. В. К. Арсеньева» [14, с. 251]. Разве этот факт, который сам по себе можно охарактеризовать, как вандальное действие, не репрезентирует «дух времени», определённую эпоху, наряду с демонтажем имперских символов, установкой советских и обратной их рокировкой?

Ценность произведения массового искусства определяет «масса» – «масса» зрительского внимания, «масса» заработанных денежных средств, «масса» отзывов обратной связи. То есть такие произведения ценятся, пока о них помнят. Имея как положительные, так и отрицательные свойства, городская массовая культура развивается по законам здесь и сейчас существующей социокультурной среды, готовой или не готовой к восприятию того или иного явления. Критерии оценки произведений городского искусства ещё только предстоит выработать, однако, как доказывают факты, приведенные в данной статье, необходимо признать, что оно создаётся и развивается по законам, отличным от других видов пластических искусств.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избр. раб.: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384–391.
2. Воробьёва Л. П. Модернизм и постмодернизм в эволюции массовой культуры: философский анализ: дис. канд. филос. наук: 09.00.04. – Ставрополь: Ставропол. гос. ун-т, 2006. – 169 с.
3. Всё Приморье: Кто есть кто в нашем крае: 100 выдающихся сограждан: коллективные портреты: альманах. / авт.-сост.: В. В. Печорин, М. В. Савченко. – Владивосток: Тихоокеан. форум прессы, 2003. – Т. 2. – 176 с.
4. Дубровина В. А. Египетские мотивы в русском искусстве XVIII – первой четверти века // Наследие и традиции. – 2011. – № 3. – С. 62–74.
5. История уродства / под ред. Умбето Эко. – М.: Слово, 2007. – 456 с.
6. Кнященко Н. И. Динамизм соотношения: народные, массовые и элитарные культура и искусство (методологический аспект) // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М., 2003. – С. 52.
7. Лапина Т. С. Философия культуры: вариант понимания. – М.: Профобразование, 2003. – 255 с.
8. Матвеев Н. П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. – Владивосток: Тихоокеан. изд-во «Рубеж», 2012. – 512 с.
9. Новичков Н. В. Городское искусство и предназначение современного города // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2013. – № 4. – С. 29–37.
10. Памятники истории и культуры города Владивостока: мат-лы к своду / В. А. Обертас, В. К. Моор, Е. А. Ерышева // Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Дальневост. регион. отд-ние, ДВФУ. – Владивосток: издатель Светлана Кунгурова, 2012. – 252 с.
11. Памятники истории и культуры Приморского края: мат-лы к Своду / кол. авт.: И. Г. Стрюченко, А. Г. Бабенко [и др.]. – Владивосток: Внешторгиздат, 1991. – 324 с.

12. Рудов А. Ю. Проблема взаимоотношения массовой и элитарной культуры в современном мире [Электронный ресурс] // Студенческий научный форум: мат-лы VIII Междунар. студ. электр. науч. конф. – URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/1622/19350>>>www.scienceforum.ru/2016/1622/19350 (дата обращения: 31.01.2018).
13. Семёнов В. Е. Дегуманизация в модернистском и массовом искусстве XX – начала XXI века: социально-психологический анализ // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2007. – Т. X, № 1. – С. 21–37.
14. Хисамутдинов А. А. Общество изучения Амурского края: события и люди. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2004. – Ч. 1. – 276 с.
15. Шугуров П. Е. Проблемы терминологии в области городского искусства // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3. – С. 261–263.
16. Эстетика и теория искусства XX века / отв. ред.: Н. А. Хренов, А. С. Мигунов. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 419.

References

1. Bart R. Smert' avtora [The death of the author]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]*. Moscow, 1994, pp. 384-391. (In Russ.).
2. Vorobyeva L.P. *Modernizm i postmodernizm v evolyutsii massovoy kul'tury: filosofskiy analiz: dis. dokt. fil. nauk [Modernism and postmodernism in the evolution of mass culture: philosophical analysis. Diss. PhD in philosophy]*. Stavropol, Stavropol State University Publ., 2006. 169 p. (In Russ.).
3. Pechorin V.V., Savchenko M.V. *Vse Primorye: Kto est' kto v nashem krae: 100 vydayushchikhsya sograzhdan: kollektivnye portrety [Who is who in our region: 100 outstanding fellow citizens: collective portraits]*. Vladivostok, Tikhookeanskiy forum pressy Publ., 2003, vol. 2. 176 p. (In Russ.).
4. Dubrovina V.A. Egiptskie motivy v rusском iskusstve XVIII – pervoy chetverti veka [Egyptian motifs in Russian art XVIII-the first quarter of the century]. *Nasledie i traditsii [Heritage and traditions]*, 2011, vol. 3, pp. 62-74. (In Russ.).
5. Eko U. *Istoriya urodstva [The history of ugliness]*. Moscow, Slovo Publ., 2007. 456 p. (In Russ.).
6. Kiyashchenko N.I. Dinamizm sootnosheniya: narodnye, massovye i elitarnye kul'tura i iskusstvo (metodologicheskii aspekt) [The dynamism of relations: popular, mass and elite culture and arts (methodological aspect)]. *Massovaya kul'tura i massovoe iskusstvo. «Za» i «protiv» [Mass culture and mass art. Pros and cons.]*. Moscow, 2003. 52 p. (In Russ.).
7. Lapina T.S. *Filosofiya kul'tury: variant ponimaniya [The philosophy of culture: a variant of understanding]*. Moscow, Profobrazovanie Publ., 2003. 255 p. (In Russ.).
8. Matveev N.P. *Kratkiy istoricheskiy ocherk g. Vladivostoka [A brief historical sketch of the city of Vladivostok]*. Vladivostok, Tikhookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh" Publ., 2012. 512 p. (In Russ.).
9. Novichkov N.V. Gorodskoe iskusstvo i prednaznachenie sovremennogo goroda [Urban art and purpose of the modern city]. *Sovremennye problemy servisa i turizma [Modern problems of service and tourism]*, 2013, vol. 4, pp. 29-37. (In Russ.).
10. Obertas V.A., Moor V.K., Erysheva E.A. *Pamyatniki istorii i kul'tury goroda Vladivostoka: materialy k svodu [Monuments of history and culture of Vladivostok: materials for the Arch]*. Vladivostok, izdatel' Svetlana Kungurova Publ., 2012. 252 p. (In Russ.).
11. Stryuchenko I.G., Babenko A.G. *Pamyatniki istorii i kul'tury Primorskogo kraja: materialy k Svodu [Monuments of history and culture of Primorsky Krai: materials to the Arch]*. Vladivostok, Vneshtorgizdat Publ., 1991. 324 p. (In Russ.).
12. Rudov A.Yu. Problema vzaimootnosheniya massovoy i elitarnoy kul'tury v sovremennom mire [The problem of relations between mass and elite culture in the modern world]. *Studencheskiy nauchnyy forum: materialy VIII Mezhduнародной studencheskoy elektronnoy nauchnoy konferentsii [Student scientific forum VII. International student electronic scientific conference]*. (In Russ.). Available at: <http://www.scienceforum.ru/2016/1622/19350>>>www.scienceforum.ru/2016/1622/19350 (accessed 31.01.2018).
13. Semenov V.E. Degumanizatsiya v modernistskom i massovom iskusstve XX – nachala XXI veka: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Dehumanization in modernistic and popular art of the XX – beginning of XXI century: a socio-psychological analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of sociology and social anthropology]*, 2007, vol. X, no. 1, pp. 21-37. (In Russ.).
14. Khisamutdinov A.A. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraja: sobytiya i lyudi [Society for the study of the Amur region: events and people]*. Vladivostok, Vladivostok State University Economics and Service Publ., 2004, part 1. 276 p. (In Russ.).

15. Shugurov P.E. Problemy terminologii v oblasti gorodskogo iskusstva [Problems of terminology in the field of public art]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, vol. 2-3, pp. 261-263. (In Russ.).
16. Khrenov N.A., Migunov A.S. *Estetika i teoriya iskusstva XX veka* [Aesthetics and art theory of the XX century]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005. 419 p. (In Russ.).

УДК 7.094+372.87

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ТИПОЛОГИИ ЭКРАННОГО НАСЛЕДИЯ СТУДИИ «ДАЛЬТЕЛЕФИЛЬМ»

Рычкова Ирина Владимировна, аспирант, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, РФ). E-mail: veineya@mail.ru

В данной статье предложен контент-анализ экранного наследия студии «Дальтелефильм», единственной на весь Дальний Восток (1960–1995), с точки зрения необходимости изучения типологии наследия для междисциплинарного исследования влияния деятельности студии на культурное пространство российского Дальнего Востока в XXI веке. Многие медиаштампы, циркулирующие сегодня в дальневосточном культурно-политическом пространстве, имеют своими корнями интуитивные разработки авторов «Дальтелефильма». В то же время создатели кинематографического материала, который подлежит исследованию, судя по ряду интервью, полагали, что их работы не входят в системно-информационный ряд телевизионного вещания. В совокупность исследовательского материала включены 387 смысловых единиц кинофильмов, дата создания которых подтверждена архивными и источниковедческими методами. Контент-анализ и типологическая характеристика фильмов во многом позволяют выполнить реконструкцию утраченных материалов «Дальтелефильма» и представить общее и частное в деятельности этой документальной киностудии в системном виде. Основной вывод: творческий потенциал студии «Дальтелефильм» через уникальность художественных решений авторов фильмов и масштабность биографий героев их фильмов опередил свое время и привел в конце 90-х к организационному кризису.

Ключевые слова: экранные искусства, типология, жанры, «Дальтелефильм», контент-анализ, культурное пространство, Дальний Восток, Владивосток, медиа.

ON THE GENRE TYPOLOGY OF SCREEN LEGACY OF THE STUDIO “DALTELEFILM”

Rychkova Irina Vladimirovna, Postgraduate, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: veineya@mail.ru

In the given article, a content analysis of the screen legacy of the studio “Daltefilm” (1960-1995) is proposed from the point of view of the need to study the typology of heritage for an interdisciplinary study of the influence of the studio’s activity on the cultural space of the Russian Far East in the 21st century. Many media cliches, that circulate today in the Far Eastern cultural and political space, have intuitive preliminary works of the authors of “Daltefilm” in their roots. At the same time, the creators of the cinematographic material, which is a subject to verification, judging from a certain number of interviews, believed that their works are not part of the systematic information series of television broadcasting. The aggregate of the research material includes three hundred and eighty seven units of meaning the motion pictures, the date of creation of which is confirmed by archival and source-study methods. Content analysis and typological characteristics of the films in many ways allow for reconstruction of the lost materials of “Daltefilm” and present the general

and the particular in the activity of this documentary film studio in a very systematic way. The main conclusion of this article: the creative potential of the studio “Daltefilm” through the uniqueness of the artistic decisions of the film’s authors and the scale of the biographies of the heroes of their films were ahead of their time and led to an organizational crisis in the late 1990s.

Keywords: screen arts, typology, genres, “Daltefilm,” content analysis, cultural space, Far East, Vladivostok, media.

Студия «Дальтелефильм», несмотря на то что с момента прекращения ее деятельности в 1995 году прошло уже почти четверть века, имеет заметное влияние-эхо в культурном пространстве Дальнего Востока. Некоторые работы до сих пор цитируются новейшими медиа – фрагменты из работ «Дальтелефильма» появляются в социальных сетях, курсируют в Интернете в виде самостоятельных роликов, выхваченных из контекста того времени, из авторского замысла, организационных аспектов тогдашнего кино и телепроизводства. Поэтому актуальная задача-минимум – создать типологическое описание наследия студии «Дальтелефильм».

В истории экранных искусств Дальнего Востока студия «Дальтелефильм» занимает особое место. Во-первых, это своеобразное «консервированное время»: у студии четко ограничены рамки существования – с 1960 года по 1995 год, количество созданных работ – по одним источникам – 387, по другим – 393. Не происходило радикальной смены поколений внутри творческого коллектива, революционных сломов жанровой и тематической направленности. Во-вторых, в рамках решения сугубо региональных задач, которые были поставлены перед «Дальтелефильмом», создателями фильмов объективно составился «коллективный портрет Приморского края» той эпохи. И в то же время ни одной искусствоведческой или историографической работы по материалам «Дальтелефильма» до сих пор не написано. Весь материал в печатных или интернет-источниках носит мемуарный и, соответственно, субъективно-личностный характер. Архив фильмов студии «Дальтелефильм», с 1960-е по 1995-е годы, в которых отражена взаимосвязь художественских, творческих и технологических наработок документального кинематографа на Дальнем Востоке, находится в Приморской студии ВГТРК и трудно-доступен для изучения.

В данной статье мы прибегаем к исследованию выборки фильмов студии «Дальтеле-

фильм», доступных из официальных источников с 1963–1995 годов, материалов по истории Приморского комитета по телевидению и радиовещанию 1923–1985 годов (единица хранения Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева), мемуарной литературы, публикаций периодических изданий. Изучаем жанровую палитру фильмов студии «Дальтелефильм».

Для выявления типологии доступных для осмысления фильмов студии «Дальтелефильм» мы рассмотрели общий контекст развития студии «Дальтелефильм», провели контент-анализ доступных фильмов, предложили предварительный анализ жанров созданных фильмов согласно теории Э. Г. Багирова.

Перед исследователями экранных искусств и визуального творчества проблемы типологических и жанровых характеристик изучаемого материала возникают практически всегда, когда речь заходит о систематизации обширной информационной совокупности, создаваемой различными авторами на протяжении больших промежутков времени, размещаемой в различных информационных средах. Так, Н. И. Вакурова и Л. И. Московкин в работе «Типология жанров современной экранной продукции», под редакцией Р. А. Борецкого отмечают: «Развитие телевизионных жанров, детализация их структуры и дивергенция вариантов позволяет наглядно продемонстрировать, насколько эклектично-богатым конгломератом изобразительных средств владеет телевидение, включающее чисто журналистскую деятельность, сближающую его с прессой и тем породившее понятие «электронные СМИ», и художественно-творческую деятельность, сближающую его с театром и кино. Разумеется, одновременно телевидение использует и семиотическую систему в любой форме эволюционно-творческого текста – знак и символ, сочетаясь в ненавязчивых последовательностях, путем ассоциативной игры параллелизмов и контраста создают мощные, эмо-

ционально активные в зрительском восприятии инвариантные относительно времени и места стереотипические мифы и символы» [4, с. 18].

К сожалению, реформаторские действия на региональном телевидении России в 90-е годы совершались без оглядки на достижения предшественников, которые считались идеологическим хламом, уже не нужным новой России. Поэтому 387 экранных произведений студии «Дальтелефильм», созданных в период с 1960 по 1995 год, для систематизации требуют типологического подхода, который позволил бы соединить производственные, с одной стороны, с другой – авторские, творческие и жанровые характеристики описываемого массива. Те немногие работы и публикации, которые как-то анализируют деятельность «Дальтелефильма», в большинстве своем носят мемуарный характер, и в силу естественных и личных причин авторы описывают очень разнохарактерный и разноплановый информационный и творческий материал по технологическим и социально-политическим периодам (60-е, 70-е, 80-е, 90-е) или по персоналиям (режиссеры, редакторы, операторы, руководители студии) [7, с. 98].

Между тем, очевидно, что подобная систематизация необходима: хотя бы потому, что срез времени тех лет студия отразила творчески масштабно и заметно, несмотря на все идеологические и цензурные ограничения, иначе бы возвращения уже следующего поколения к этому материалу в совершенно иных коммуникационных условиях не происходило бы. Более того, материал «Дальтелефильма» переосмысливается, попадает в новейшие экранные произведения, жанров которых в момент создания источников-оригиналов не существовало в принципе – музыкальные клипы, видовые коллажи для интернет-распространения, авторские документальные фильмы-расследования.

В частности, в 2016 году популярный приморский исполнитель Иван Панфилов через сеть видеохостинга Youtube опубликовал свой шлягер «Приморская романтика», в котором наравне с современными съемками создателей клипа используются и фрагменты фильма студии «Дальтелефильм» «Полтора часа до объятий» (1969, реж. О. Канищев) [5]. Пользователи сети в интерактивных комментариях пишут: «Картинка и

текст нашли друг друга», даже не задумываясь, что в этом экранном произведении сведены художественные идеи разных веков.

Это лишь один из многих примеров того, как образы и художественные решения, найденные документалистами Владивостока более полувека назад, продолжают сохраняться в культурном пространстве Приморья, существуют и как элемент социальной самоидентификации живущих здесь людей, и как культурное наследие.

Другой пример. Телевизионный фильм «Тайна трех океанов» (производство «Единая Медиагруппа», Москва, 2014, режиссер Э. Тухарели), который был показан для федерального эфира на телеканале «Россия-1», включает в себя цитату из фильма «Помни войну» («Дальтелефильм», 1985, реж. О. Канищев). Однако фильм «Помни войну» создавался как военно-патриотическая лента к 40-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне и с художественной точки зрения задумывался авторами как пафосное высказывание о взаимосвязи поколений российских военных моряков на Тихом океане (название фильма «Помни войну» – это афоризм адмирала С. О. Макарова, погибшего в 1904 году во время русско-японской войны). Фильм «Тайна трех океанов» тоже имел привязку показа к дате – дню моряка-подводника, который отмечается 19 марта, но художественно стал антитезой пафосу работы «Дальтелефильма» авторы сосредоточились на деталях и подробностях военной кругосветки подводной лодки ТОФ С-56 во время ее перехода на Северный флот. И в том, и в другом фильме те же герои, те же события, но разность высказываний очевидна. Причем авторы решали внешне схожую задачу – рассказать о командире лодки Г. И. Щедрина и его экипаже – абсолютно противоположными с кинематографической точки зрения методами. В фильме «Помни войну» ни одного слова закадрового текста, только рассказы самого Щедрина (в 1985 году уже в звании вице-адмирала) и его сослуживцев, их воспоминания не детализированы, окутаны романтикой военной молодости, герои говорят о подвиге народа, не персонифицируя себя, иногда штампами советской пропаганды. В «Тайне трех океанов», напротив, сделаны попытки реконструировать в подробностях обстоятельства перехода С-56: в какие порты заходила, какая

была погода, что записано в вахтенном журнале о пролетавшем самолете, что одевали, выходя в тропиках на берег. В фильм включены костюмированные сцены с привлечением современных актеров – командира лодки Щедрина сыграл Алексей Барабаш, ставший популярным после художественного фильма Ф. Бондарчука «Сталинград». Аннотация к «Тайне трех океанов» тоже адресована зрителю, ищущему в кинематографе авантюрную, а не патриотическую стилистику: «Безумные идея и приказ Сталина отправили команду подлодки в кругосветное плавание, в течение которого моряки попадали в самые необычные приключения и сложнейшие смертельно опасные бои, находясь за тысячи миль от родины и героически решив поставленную задачу» [3].

Без сомнения, работа «Дальтелефильма» из далекого 1985 года воздействовала на творческий поиск московских документалистов в 2010 году, когда задумывалась «Тайна трех океанов» и формировался продюсерский заказ. Но каким было это воздействие? Антагонистическим? С постулатом «мы расскажем о том, что не захотели или не смогли сказать живые герои, заменив их актерами». Или дополняющим? «Мы добавим к истории, которую рассказали сами герои, то, что они считали табу». И тот, и другой вариант влияния одного произведения экранного искусства на другое, безусловно, является частью социокультурного процесса, отражающего общественную эволюцию. Не передача документа/сообщения в неизменном виде или с внесенной редакцией социального или политического толка, а трансформация художественная, имеющая эстетическое значение, формирующая модели социального поведения.

И здесь возникает проблема источников. Если «Тайну трех океанов», благодаря индустриализации доставки этого произведения экранного искусства к зрителю, можно посмотреть на нескольких видеохостингах Интернета, то «Помни войну» отсутствует не то, что в современной коммуникационной среде, но даже в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД).

Поэтому систематизация сохранившегося наследия студии «Дальтелефильма» представляется способом показать, насколько глубоко и значительно заложены взаимосвязи культурно-коммуни-

кативного процесса, несмотря на кажущиеся неактуальными, ненужными, отжившими технологически, идеологически и художественно единицы фильмографии студии.

Типологизация наследия «Дальтелефильма» усложнена еще и тем обстоятельством, что далеко не все работы в доступном для зрителей и исследователей виде и качестве сохранены. Многолетний руководитель Приморского комитета по телевидению и радиовещанию В. А. Ткачев после закрытия «Дальтелефильма» вспоминал в книге своих очерков: «В условиях прямого эфира и «натурального хозяйства» (у телеорганизаций отсутствовал обмен программами) в 60-е годы телефильм был, пожалуй, единственным видом творчества, по характеру которого судили об уровне работы тележурналистов того или иного телерадиокомитета. Фильм создавался на долговечной основе и нес своеобразную печать времени» [7, с. 91]. Кстати, в этом замечании Ткачева звучит извечное противоречие и указание на конфликт медийной и «поточно-конвейерной» характеристиками деятельности телеорганизаций с творческими и художественными задачами, которые неизбежно, несмотря на врожденный конфликт, необходимо было решать. И это противоречие было заложено изначально, на заре создания первых экранных произведений в Приморском крае. На тех же страницах Ткачев проговаривает момент, который подталкивает к необходимости именно типологического подхода в систематизации «дальтелефильмовского» наследия: «Что и говорить, были фильмы обзорные, из разряда официозов. Но ведь технология телевизионного кинопроизводства, независимо от того, шедевр ли создается или очередная передовая статья, иллюстрируемая кинокадрами, оставалась технологией» [7, с. 96].

Полвека назад первопроходцы телевидения и кинодокументалистики во Владивостоке, конечно, понимали, что сделано для отчета на партийной конференции, а что – для зрителя. В 1980 году главный редактор «Дальтелефильма» Павел Шварц в машинописном сборнике с грифом «для внутреннего пользования» в Приморском телерадиокомитете писал: «Документальные фильмы живут сравнительно недолго. И это понятно: наше стремительное время насыщено яркими событиями, и то, что было инте-

ресно и актуально год назад, сегодня уже меньше волнует зрителей. И все же картины, сделанные творчески, публицистично, на высоком профессиональном уровне, имеют долгую экранную жизнь. К ним следует отнести, в первую очередь, “Полтора часа до объятий” – поэтический волнующий рассказ о наших китобоях, “Арктика не кончается” – о судах ледокольного флота Дальневосточного пароходства, “Город у восхода” – о Владивостоке и многие другие» [8, с. 119].

Тем не менее типологизация «дальтелефильмовского» материала так до сих пор и не проведена. Вместе с тем теоретически проблематика типологии экранных произведений в отечественных исследованиях документального кинематографа и телевидения проработана достаточно досконально. Впервые типология жанров была представлена в форме их классификации Р. А. Борецким четверть века назад [2, с. 118]. В дальнейшем типологическая структура развития жанров и их гибридов на телевидении представлена в работах Э. Г. Багирова [1, с. 172]. Согласно Багирову, основными классификационными признаками жанровой типологии могут служить три определителя-детерминанта: *тематика* (содержательность), *функциональная направленность и степень условности*. То есть иными словами: **что** показывается на экране, **зачем** показывается (для чего) и **как**. «Важным моментом для характеристики телевизионных передач является их подразделение на документальные и художественные (точнее, игровые), ведь одно и то же можно показать по-разному, в форме демонстрации документа или при помощи творческого создания художественного образа» [4, с. 7]. А ведь в деятельности студии «Дальтелефильм» были и прямые попытки создания художественных фильмов, и, безусловно, в большинстве чисто документальных, публицистических работ визуальные находки, поиски метафор присутствуют. Их поиск и описание и создаст точную классификацию экранных достижений первой киностудии Дальнего Востока.

Контент-анализ тематической, функциональной и условной направленности работ студии «Дальтелефильм» дает следующее типизированное распределение:

Тематика: производственная – 126, видовая (природная) – 117, идеологическая – 56, патрио-

тическая – 41, очерковая – 32, музыкальная – 8, художественная – 3, спортивная – 1, экспериментальная – 3.

Функции: информационная – 224, идеологическая – 97, познавательная – 59, развлекательная – 7.

Условность: репортажная – 207, самовысказывание героев – 96, без закадрового текста – 74, театральная – 5, музыкальная – 5.

Даже такое грубое распределение по контенту дает совершенно иную картину, нежели та, что звучит в мемуарных работах сотрудников и руководителей «Дальтелефильма» как идеологический заказ того времени. Первоначальный опыт типологии фильмов студии показывает, что в первую очередь студия работала на информационные и технологические потребности сообществ людей, которые жили в то время на Дальнем Востоке. В эту типологическую схему можно вносить и дополнительные переменные: географические данные («Дальтелефильм» снимал свои работы и в Арктике, и на Камчатке, и на Курилах, и в Японии, и в Хабаровском крае), авторские характеристики (сценаристами в разное время были и партийные работники, и до сих пор современные писатели-публицисты), и временной фактор (можно ввести переменную – в какое десятилетие какие фильмы какого типологического качества были преобладающими).

Таким образом, согласно задачам нашего исследования типологизирующие схемы дают неоднозначные результаты: они, если и опровергают самооценку своего наследия самими работниками студии «Дальтелефильм», но в то же время не дают нам возможности оценить долговечность художественных идей, внесенных на «Дальтелефильм» и до сих пор используемых в медиaprостранстве Дальнего Востока, в связи с малодоступностью самих материалов.

В 2018 году студии «Дальтелефильм» исполняется 50 лет. Хотя в 1968 году редакция производства программ на киноплёнке Приморского телерадиокомитета была реорганизована в региональную студию по производству документальных фильмов и получила название «Дальтелефильм», которое продолжает сохраняться в культурном пространстве Приморского края и Дальнего Востока, однако заслуги студии до настоящего времени не получили научной оценки.

Литература

1. Багиров Э. Г. Очерки теории телевидения. – М.: Искусство, 1978. – 152 с.
2. Борецкий Р. А. Информационные жанры телевидения. – М.: Искусство, 1960. – 174 с.
3. Брилев С. Тайна трех океанов. Доступно на официальном сервере Всероссийской государственной телерадиокомпании (ВГТРК) и телеканала «Россия1» [Электронный ресурс]. – URL: https://russia.tv/brand/show/brand_id/57677 (дата обращения: 20.01.2018).
4. Вакурова Н. И., Московкин Л. И. Типология жанров современной экранной продукции. – М.: Ин-т современного искусства, 1997. – 66 с.
5. Панфилов И. Приморская романтика. Доступно на видеохостинге [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=_COPSupx350 (дата обращения: 20.02.2018).
6. Патрушев В. Г. Трунька о себе, о своих попутчиках и славном «Дальтефильме». – Владивосток: Дальиздат, 2014. – 347 с.
7. Ткачев В. А. Синяя птица... Полет продолжается? – Владивосток: Дюма, 2001. – 134 с.
8. Материалы по истории Приморского краевого комитета по телевидению и радиовещанию. – Владивосток, 1980 // Архив Приморского краеведческого музея имени В. К. Арсеньева, ед. хр. «Рукописи»; машинописный сб. ст. сотрудников Приморского краевого телерадиокомитета. – С. 119.

References

1. Bagirov E.G. *Ocherki teorii televideniya [Sketches of the theory television]*. Moscow, Art Publ., 1978. 152 p. (In Russ.).
2. Boretskiy R.A. *Informatsionnye zhanry televideniya [Information genres of television]*. Moscow, Art Publ., 1960. 174 p. (In Russ.).
3. Brilev S. *Tayna trekh okeanov [Mystery of three oceans]*. (In Russ.). Available at: https://russia.tv/brand/show/brand_id/57677 (accessed 20.01.2018).
4. Vakurova N.I., Moskovkin L.I. *Tipologiya zhanrov sovremennoy ekrannoy produktsii [Tipology of genres modern screen production]*. Moscow, Institute of modern art Publ., 1997. 66 p. (In Russ.).
5. Panfilov I. *Primorskaya romantika [Seaside romanticism]*. (In Russ.). Available at: https://www.youtube.com/watch?v=_COPSupx350 (accessed 20.02.2018).
6. Patrushev V.G. *Trun'ka o sebe, o svoikh poputchikakh i slavnom "Dal'telefil'me" [About Trunka, about the travelers and Dal'telefilm studio]*. Vladivostok, Dalizdat Publ., 2014. 347 p. (In Russ.).
7. Tkachev V.A. *Sinyaya ptitsa... Polet prodolzhaetsya? [Bluebird of happiness ... Flight continues?]*. Vladivostok, Dumas Publ., 2001. 134 p. (In Russ.).
8. Materialy po istorii Primorskogo kraevogo komiteta po televideniyu i radioveshchaniyu [History materials of seaside regional committee of television and broadcasting]. *Arkhiv Primorskogo kraevedcheskogo muzeya imeni V.K. Arsen'eva, ed. khr. "Rukopisi"; mashinopisnyy sbornik statey sotrudnikov Primorskogo kraevogo teleraudiokomiteta. [Archive of V.K. Arsenyev museum, "Manuscripts"; typewritten articles collection of seaside regional television and broadcasting committee]*. Vladivostok. 1980, p. 119. (In Russ., unpublished).

УДК 1

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ТЕАТР КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Штейнмиллер Илья Олегович, аспирант, кафедра философии и истории науки, Белгородский государственный институт искусств и культуры (г. Белгород, РФ). E-mail: shteynmillerx@yandex.ru

В данной статье автором предпринимается попытка выработки механизмов пропаганды и популяризации периферийного театра как интегратора социокультурной целостности российского общества, обосновывается его место и роль в качестве актуального ресурса, содействующего общенациональной консолидации, укреплению духовной безопасности России. Одновременно осуществляется рефлекс-

сия театра и театрального творчества как «сцены гражданского диспута», как востребованной обществом исторической культурной практики, формирующей эстетические парадигмы конкретной эпохи, общества и индивидуума. Объясняется, что в таком ракурсе феномен театра и театрального искусства гармонично «вписывается» в определенный культурный горизонт общества и человека. Автором рассматривается путь поиска ценностных ориентиров человека, восходящих к истории культуры, которые выполняют свою консолидирующую миссию по сохранению духовного стержня людей. Театр рассматривается как вид искусства, Храм и вид культурной практики. Раскрывается суть профессионального театра, который призван стать «зеркалом русской действительности», отражением изменений, происходящих в мировоззрении общества. В статье перечислены задачи по концептуальному обоснованию и репрезентации «периферийного театра» не просто как творческой городской, региональной и пр. коммуникации, а в качестве универсального фактора формирования культурно-эстетического сознания, затрагивающего эмоциональную сферу любого человека-зрителя, способствующего повсеместной культурной образованности россиян и формирующего чувство сопричастности к великой русской культуре.

Ключевые слова: культура, искусство, периферийный театр, социокультурная целостность, российское общество, духовная сфера, механизмы популяризации, культурные практики.

PERIPHERAL THEATRE AS A STRATEGIC RESOURCE OF NATIONAL CONSOLIDATION

Steynmiller Ilya Olegovich, Postgraduate, Department of Philosophy and History of Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture (Belgorod, Russian Federation). E-mail: shteynmillerx@yandex.ru

In this article, the author attempts to develop mechanisms of propaganda and popularization of the peripheral theater as an integrator of the socio-cultural integrity of the Russian society, substantiates its place and role as an actual resource that contributes to the national consolidation and strengthening of the spiritual security of Russia. At the same time, the reflection of theater and theatrical creativity as a “stage of civil dispute,” as a popular society of historical cultural practice, forming the aesthetic paradigms of a particular era, society and the individual. It is explained that in such a perspective the phenomenon of theater and theatrical art harmoniously “fits” into a certain cultural horizon of society and a person. The author considers a way of search of the valuable reference points of the person ascending to the history of culture which carry out the consolidating mission on preservation of a spiritual core of people. The theater is regarded as an art form and the theater as a “Temple,” as a kind of cultural. For this purpose, it is planned to carry out the following types of work: study of the main historical and cultural approaches to the phenomenon of peripheral theater, as a part of Russian history and culture; analysis of Genesis, evolution, forms of peripheral theater in the Russian cultural space; justification of the nature and importance of this type of theater in the history of Russian culture and Russian society; study of the dynamics of its demand; determination of the potential of the peripheral theater as a generator and battery of spirituality of Russian society in the formation of a single national cultural space.

Keywords: culture, art, theatre, peripheral cultural integrity, Russian society, spiritual sphere, mechanisms of promotion, cultural practices.

Сегодня мы с большим сожалением вынуждены констатировать ставшие вполне очевидными вещи, которые, так или иначе, находятся в «полях притяжения» феномена духовности (или ее антипода – бездуховности). Так, многие авторы, рефлектирующие над современным системным кризисом, охватившем мировое и российское культурное пространство, с тревогой пишут о том,

что современная эпоха характеризуется бездуховностью, противоречивостью, разобщенностью ценностных установок и ориентаций. И развивая этот тезис, «заземляя» его на собственно российскую культурную сферу, отмечают, что основная сегодняшняя специфика развития российского общества заключается в обстоятельстве его ценностной дезориентации, а с другой сторо-

ны, на первый план выступили вполне ясные черты потребности и ценности частной человеческой жизни и экзистенциальной безопасности.

Иными словами, мы имеем некоторый парадокс, в границах которого сосуществуют, казалось бы, столь разные феномены нашего бытия: духовный вакуум, ниша, которую непонятно какими смыслами и идеалами можно заполнить «здесь и сейчас», и активизация смысло-жизненных приоритетов. Таких, которые мотивируют и задают вектор устремления человека на жизненно важные, ценностно наполненные проблемы. В их ряду на первом плане – вопросы личного выбора и личной ответственности наших современников (особенно молодых людей) за траекторию своих мыслей, поведения и действия.

Одновременно нам приходит четкое осознание того, что путь поиска ценностных ориентиров – это не легкая прогулка по уголкам своей души, но «колоссальная духовная работа нахождения истины, требующая от думающего и разумного человека труда души и напряжения ума и воли. Обобщенно можно сказать и так: это «попытки приблизиться к совершенному в земной жизни человека» [4]. При том, что, как известно из истории культуры, искание смысла собственной жизни зачастую сопряжено с трагическим признанием несоответствия реального мира и идеальной его конструкции в нашем человеческом сознании, которое, по образному выражению Мураба Мамардашвили, «мыслит парадоксально» [3].

Для себя мы не находим достаточных резонов, чтобы оспаривать точку зрения ученых по части того, что «вопрос о духовном всегда являлся вопросом о приоритете, о некотором положительном пути, который выбирает человек в процессе осознания им смысла жизни» [4]. Добавим, однако, в развитие предыдущей мысли следующее: «В непростых культурных реалиях третьего тысячелетия мир меняется буквально у нас на глазах, претерпевают изменения формы и модели, образцы и парадигмы его существования. В этой ситуации крайне важно, чтобы процессы изменения мира не опережали духовно-нравственное созревание человечества, чтобы не усугублялись процессы, связанные с дефицитом «менталитета добра», вбирающего в себя все ценности толерантного единения» [2]. В таком контексте и при таком раздвоении бытия современного человека следует поискать те безусловные ориентиры, вос-

ходящие к истории нашей культуры, которые и сегодня продолжают выполнять свою консолидирующую миссию по сохранению духовного стержня наших сограждан. Мы имеем в виду театр как вид искусства и театр как Храм, как вид культурной практики.

Как отмечает В. В. Баева, «в истории российской художественной культуры, в истории духовной жизни русского общества театру принадлежит исключительно важное место. Профессиональный театр появился в стране в середине XVIII века, но этому моменту предшествовала многовековая предыстория: обряды, ритуалы, игрища, устная народная драма, литургическая драма, школьный театр и т. д., то есть театрализация пронизывала все сферы духовной жизни русского народа. Сформировавшись, профессиональный театр становится «зеркалом русской действительности», отражением изменений, происходящих в мировоззрении общества, «университетом, кафедрой и храмом» для зрителей, что отмечают неоднократно российские деятели культуры» [1]. Характеризуя феномен театра, описывая его как важный социокультурный институт, исследователи, специалисты по теории и истории театра, оценивают значение театра и театрального искусства очень высоко. Они подчеркивают, что «театр воплощает в себе «сцену гражданского диспута», является носителем социокультурных и личностных позиций конкретного общества, формирующего театр. Театр «вписывается» в определенный интеллектуальный, духовно-нравственный и эстетический сектор социокультурного спектра города, региона, страны [1].

Строго говоря, если рассматривать театр под углом зрения его бытия в культуре, во времени и пространстве, то он может быть описан как определенная модель (модель театра), представленная в художественной практике и философском понимании. Это, в свою очередь, предполагает соотношение понимания феномена театра с широким и многоликим контекстом культуры, интеллектуальным климатом, «дыханием» конкретно-исторической эпохи, в лоне которой данный феномен рождается и эволюционирует на всех стадиях своего формообразования.

Поскольку автор статьи профессионально связан с театральной сценой (актер БГДАТ имени М. С. Щепкина), то рассматриваемая в статье проблема приобретает свою «субъективно-лич-

ностную» дополнительную авторскую актуализацию. Выступая на сценических площадках и играя спектакли для театрального зрителя Белгородского региона, автор статьи как никто иной понимает – насколько нуждается периферийный театр в стратегии, направленной на повышение его статуса, престижа, медийного имиджа в обществе, на расширение театральной аудитории. Ведь, в первую очередь, популяризация (можно говорить о пропаганде) театра позволит оптимизировать его роль и значение для процессов приобщения различных слоев населения российского общества к культурным и духовным ценностям, что имеет неоспоримое значение для реализации общенациональной задачи по формированию единого культурного пространства.

В этих условиях особые надежды мы возлагаем на институт периферийного театра и его потенциал, по той причине, что театр транслирует в обществе отечественные традиционные ценности, великий потенциал русской культуры, который должен быть взят за основание в процессах духовного возрождения России. По нашему глубокому убеждению, именно театры российской периферии способны взять на себя миссию по многотрудной работе духовного возрождения России, оказать содействие (и активно участвовать) в росте культурного уровня всех слоев населения. А, предельно широко – в укреплении ее государственной безопасности. При этом миссия провинциального театра в решении этой задачи видится нам как интегрирующая, консолидирующая (на фоне общих разрушительных и разрушающих процессов) и имеющая общенациональное значение, в связи с чем особую актуальность имеет выработка эффективного механизма достойной представленности периферийного театра в обществе, его пропагандирования и популяризации как Храма искусства и ресурса духовности.

Мы, со своей стороны, намерены предложить некоторую, кажущуюся нам вполне приемлемой в рамках «отдельно взятого театра», траекторию решения поставленной задачи, касающейся оптимальных механизмов пропаганды и популяризации периферийного театра. С той оговоркой, что данные механизмы могут оказаться полезными и оправдать себя во всероссийских масштабах и культурных практиках.

На первом этапе работы по выработке механизмов популяризации нами предполагается опре-

деленный (подготовительный) концептуально-теоретический этап. Он включает в себя решение ряда задач по концептуальному обоснованию и репрезентации «периферийного театра» не просто как творческой городской, региональной и пр. коммуникации, а в качестве универсального фактора формирования культурно-эстетического сознания. Причем не имеющего возрастных ограничений и затрагивающего эмоциональную сферу любого человека-зрителя, способствующего повсеместной культурной образованности россиян и формирующего чувство сопричастности к великой русской культуре. (В наиболее чистом и уникально-самобытном своем виде ее образцы сконцентрированы и сохранились не в центральных, а преимущественно в периферийных, отдаленных от столичных магистралей, территориальных уголках России).

Это, в свою очередь, предполагает такие виды работы, как:

- изучение основных историко-культурных подходов к феномену периферийного театра как части российской истории и культуры в современной гуманитаристике, в том числе в искусствознании, искусствоведении;
- анализ генезиса, эволюции, форм представленности периферийного театра в отечественном культурном пространстве (включая формы коммуникации и духовного производства);
- обоснование сущности и значения периферийного театра в истории русской культуры и российского общества и выявление динамики его востребованности в реалиях сегодняшних общероссийских социокультурных трансформаций;
- определение потенциала периферийного театра как генератора и аккумулятора духовности российского общества для процессов общенациональной консолидации, формирования единого национального культурного пространства.

Представляется, что совокупная реализация данных задач позволит, во-первых, концептуализировать феномен театра вообще и раскрыть миссию периферийно-театрального ресурса в особенности, в качестве эффективного социального и культурного фактора сохранения «духовного здоровья» российского общества. (Как это в принципе было на протяжении всей истории русской культуры). И, во-вторых, исходя из этого, обосновать необходимость оптимизации го-

сударственного использования данного ресурса в сегодняшних кризисных российских реалиях, доказать целесообразность усиления популяризации периферийного театра в обществе. Именно для этого нужен действенный механизм, который бы включал в себя комплекс продуманных технологий и культурных практик (от известных культурно-просветительских и агитационно-пропагандистских до современных медийных). Данный механизм призван способствовать имиджевой «раскрутке» театра, повышению его привлекательности для всех слоев населения, укреплению в обществе «спроса» и «запроса» на театр со стороны зрителя.

Далее нами предполагается практический этап, который включает несколько стадий, в ряду которых особое место нами отводится разработке широкоэшелонного механизма, поднимающего социальный статус и медийный имидж периферийного театра до уровня хорошо раскрученного, престижного «бренда». Это возможно осуществить посредством сети агитационно-просветительских, культурно-пропагандистских мер и мероприятий (включая медийные структуры, средства и рычаги). Предполагается, что данный механизм будет способствовать массовой популяризации периферийных театральных антреприз, укреплению имиджа выездных актерских трупп, и тем самым формировать общественное мнение о театре российских регионов не как о провинциальном (что стереотипно означает некую «второсортность», «невысокое качество», даже ущербность – в сравнении с государственными академическими театрами), а о периферийном

театре как о театре, имеющем общенациональное значение для формирования единого культурного пространства и приобщения всех возрастных групп и различных слоев населения нашей страны к ее культурным ценностям.

Таким образом, в процессе философской рефлексии по заявленной теме, мы приходим к выводу о том, что популяризация театра может способствовать противодействию негативных явлений массового экспорта второсортной культурной и духовной продукции в пространство отечественной культуры. Тем самым проблема, которую мы постарались отразить, сопрягается с крайне актуальной проблемой – с сохранением исторической памяти и богатейшего историко-культурного наследия как необходимым условием становления гражданственности и патриотизма.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что потеря духовности, падение культурного уровня населения нашей страны – это скрытый «подрывной механизм», неуклонно работающий на разрушение российской государственности, на ассимиляцию в чужой культуре. А по большому счету – на вытеснение России на обочину мировой цивилизации. На таком фоне общенациональный потенциал театра российской периферии вполне может (и должен) использоваться в самом широком диапазоне – от специализированной образовательно-воспитательной площадки страны до сферы межкультурных коммуникаций современного российского общества. В этом смысле периферийный театр – это стратегически важный ресурс российской духовности.

Литература

1. Баева В. В. Феномен периферийного театра Восточного Забайкалья в российской культуре (к постановке проблемы) // Гуманитар. вектор. – 2009. – № 1. – С. 100–103.
2. Калинина Г. Н., Штейнмиллер И. О. Коммуникативное измерение мира и человека // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – Вып. 1 (13). – С. 110–116.
3. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1980. – 368 с.
4. Хачецуков З. М. Феномен духовности в развитии российского общества: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов н/Д., 2007. – 21 с.

References

1. Baeva V.V. Fenomen periferiynogo teatra Vostochnogo Zabaykal'ya v rossiyskoy kul'ture (k postanovke problemy) [The phenomenon of peripheral theatre of East Transbaikalia in Russian culture (to problems)]. *Gumanitarnyy vektor [Humanities]*, 2009, no. 1, pp. 100-103. (In Russ.).
2. Kalinina G.N, Shteynmiller I.O. Kommunikativnoe izmerenie mira i cheloveka [Acting Communicative dimension of peace and the human]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura [Science. Art. Culture]*. Belgorod, 2017, iss. 1 (13), pp. 110-116. (In Russ.).

3. Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu [How I understand philosophy]*. Moscow, Progress Publ., 1980. 368 p. (In Russ.).
4. Hachecukov Z.M. *Fenomen dukhovnosti v razvitií rossiyskogo obshchestva: avtoref. dis. kand. fil. nauk: 09.00.11 [Phenomenon of spirituality in the development of Russian society. The author's abstract Diss. PhD Philosophy: 09.00.11]*. Rostov-on-Don, 2007. (In Russ.).

УДК 008

КРАСНОЯРСКАЯ ГАЗЕТА «СУСАНИН» В 1907–1914 ГОДАХ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА МОНАРХИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Звягин Сергей Павлович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: whitesiberia@narod.ru

На основе конкретно-исторического материала в статье показаны особенности политического и культурного медиавлияния регионального средства массовой информации правомонархического направления в определённый хронологический отрезок времени. Существование издания рассматривается в контексте конфликтной политической культуры, выразившейся в постоянной борьбе «Сусанина» с либеральным и социалистическим влиянием. Авторы пришли к выводу об отождествлении в издании этих направлений с жидомасонским воздействием. Отсюда непримиримый антисемитизм и юдофобия на страницах «Сусанина» с одновременной постановкой во главу угла русского национализма как основы политической культуры издания. В этом отношении рассматриваемое СМИ являлось частью всего российского монархического культурного медиапространства.

В то же время призывы газеты к участию в выборах центральных и муниципальных органов власти, а также в самостоятельных организациях экономического, благотворительного и культурно-просветительного характера способствовали становлению гражданского общества и формированию гражданской и политической культуры. Политическое влияние «Сусанина» в постреволюционный период характеризуется ослаблением экстремизма и усилением толерантности, хотя бы по отношению к либерально-монархическим элементам. Спад революционного движения неизбежно вёл к ослаблению в массовом и индивидуальном сознании медиавлияний, связанных с радикальной медиакультурой правых монархистов. Неуклонно уменьшалось и влияние «Сусанина» как печатного органа одной из организаций праворадикальной монархической партии и носителя конфликтной политической культуры.

Ключевые слова: монархизм, политическое медиавлияние, политическая культура, гражданская культура, культурно-просветительные общества, антисемитизм, средства массовой информации.

KRASNOYARSK GAZETTE “SUSANIN” IN 1907-1914: POLITICAL AND CIVIL CULTURE OF THE MONARCHICAL EDITION

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Russian History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Zvyagin Sergey Pavlovich, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Russian History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: whitesiberia@narod.ru

On the basis of concrete historical material, the article shows the features of the political and cultural media influence of the regional mass media of the right-monarchist trend in a certain chronological period of time. The existence of the publication is considered in the context of a conflicting political culture, expressed in the constant struggle of “Susanin” with liberal and socialist influence. The authors came to a conclusion about the identification in the publication of these directions with the Masonic influence. Hence the irreconcilable antisemitism on the pages of “Susanin,” with the simultaneous staging of Russian nationalism as the basis of the political culture of the publication. In this respect, the media in question was part of the entire Russian monarchical cultural media space.

At the same time, the newspaper’s appeals for participation in the elections of central and municipal authorities, as well as in self-supporting organizations of an economic, charitable and cultural-educational nature, contributed to the formation of civil society and the formation of civil and political culture. The political influence of “Susanin” in the post-revolutionary period is characterized by a weakening of extremism and an increase in tolerance, at least in relation to liberal-monarchical elements. The decline of the revolutionary movement inevitably led to a weakening in the mass and individual consciousness of media influences related to the radical media culture of right-wing monarchists. The influence of “Susanin,” as the printing organ of one of the organizations of the right-radical monarchist party and the bearer of the conflicting political culture, also steadily decreased.

Keywords: monarchism, political media influence, political culture, civic culture, cultural-educational societies, antisemitism, mass media.

Средства массовой информации (СМИ) всегда играли одну из ведущих ролей в формировании политической культуры и социализации личности. Однако теоретическое осмысление феномена политического медиавлияния делает только первые шаги [1]. В указанной монографии автор обращает внимание на двумерную природу медиавлияний. С одной стороны рассматривается характеристика медиавоздействий, с другой – качество массового и индивидуального сознания принимающего или отрицающего эти медиавоздействия. Данное положение должен учитывать исследователь, на конкретно-историческом материале изучающий любой тип политического воздействия, в том числе правомонархическое, для которого характерно существование в контексте конфликтной политической культуры [23]. Методологической основой изучения конкретного СМИ служат также теоретические работы об особенностях функции социальной коммуникации СМИ [38], роли СМИ в формировании политической культуры и гражданского общества [7], значении СМИ как фактора формирования гражданской культуры [24].

В статье И. В. Малыгиной справедливо указано на актуализацию в культурологии и историографии «регионального фактора в социокультурной динамике», всё большую регионализацию культурной среды и культурного

пространства [16]. В сфере изучаемой нами проблематики это выразилось в недавнем появлении обширного обобщающего труда Г. А. Корнеевой о правомонархическом политическом движении в Сибири [11]. Следует также отметить её статью об образовании монархических организаций в Восточной Сибири в 1905–1907 годах [10]. В последние 5 лет вышли работы Д. И. Попова о борьбе правомонархических партий за массы в Сибири в условиях поляризации партийно-политических сил в 1907–1917 годах [22], А. С. Шилиной о деятельности Красноярского и Иркутского отделов Союза русского народа в годы Первой мировой войны [39], а тезисы А. А. Гурьевой и Ю. С. Вавиловой о черносотенном движении в Енисейской губернии в 1906–1910 годах написаны по материалам красноярской монархической газеты «Сусанин» [3].

Не потеряли актуальности монографические и диссертационные работы более раннего периода, исследующие деятельность правомонархических организаций и их влияние на общественно-политическую и культурную жизнь регионов Сибири. В монографии А. А. Штырбула рассматривается политическая культура Сибири в сфере опыта провинциальной многопартийности. Наряду с политическими образованиями либерального и социалистического характера в ней уделяется внимание правомонархическим силам, в том

числе их влиянию на общественно-политические и культурные процессы посредством медиапропаганды [40]. Омскому исследователю А. П. Толочко принадлежит обобщающая работа о черносотенцах Сибири в 1905–1917 годах, в которой значительное внимание уделено становлению Красноярского отдела Союза русского народа (КОСРН) и его издательской деятельности [35]. В его же монографии об общественном движении в Сибири в годы нового революционного подъёма в 1910–1914 годах выделен раздел о партийно-политической работе черносотенцев и их тщетных усилиях по сохранению сибирской монархической прессы, включая «Сусанина» [37]. На уровне диссертации черносотенные организации Сибири исследовал Е. Л. Бузмаков [2].

В монографиях, посвящённых отдельным аспектам общественно-политической и культурной жизни Сибири, участию монархистов также уделяется определённое внимание. Монография О. В. Ищенко о студенческой и учащейся молодёжи как факторе общественной и культурной жизни Сибири имеет раздел «Черносотенно-монархические организации в среде студенческой и учащейся молодёжи» [9]. В монографии Д. И. Попова о культурно-просветительных обществах в Сибири также специально выделен раздел «Культурно-просветительные общества и черносотенно-монархическое движение в крае» [21]. Монография А. П. Толочко [36] и диссертация А. С. Полинского [20] посвящены историографическим проблемам партийно-политического движения в Сибири.

Появились научные изыскания, предметом которых стала Красноярская, в том числе монархическая пресса и конкретная газета «Сусанин». Это касается диссертации А. П. Миханева [18], сборника материалов по истории СМИ Красноярска [13], а также статей А. В. Давыденко [5] и С. В. Макаруча [15]. Сведения о «Сусанине» имеются также в указателе газет и журналов Сибири за вторую половину XIX – февраль 1917 года [19].

Однако, несмотря на неоднократное упоминание о «Сусанине» в различных научных работах, цитирования отдельных его статей и материалов, до сих пор отсутствует комплексный, обобщающий труд, полностью охватывающий содержание издания на протяжении всех лет его

выхода. Необходим культурологический анализ материалов газеты на предмет общей политической культуры издания и издательской культуры. Это требует специального выделения из содержания газеты вопросов общественно-политической и культурной жизни, а также особенностей их интерпретации.

Включённость правомонархических элементов в общественно-политические процессы резко возросла в период революции 1905–1907 годов. Черносотенцы выступили против революции и революционеров в защиту монархии. Экстремизм их политической культуры выразился в участии в погромах, крупнейший из которых состоялся в Томске 20 октября 1905 года, а на следующий день в результате налёта черносотенцев на митинг в народном доме Красноярска было убито 11 и ранено до 40 человек [35, с. 88]. Направленные против революционеров и либералов погромы носили стихийный характер, но они способствовали институциональному оформлению правомонархических организаций на местах, во главе которых стояла всероссийская организация – Союз русского народа (СРН). По данным А. А. Штырбула, первым в Сибири оформился в ноябре 1906 года Красноярский отдел СРН (КОСРН), а всего к середине 1907 года в Сибири существовало 15 организаций черносотенцев с количеством членов до 10 тыс. человек [40, с. 57–58].

Первым председателем КОСРН стал А. Г. Смирнов, но вскоре его сменил священник Варсанофий Захаров, с именем которого связана вся деятельность организации, в том числе выход с 9 февраля 1907 года по 14 сентября 1914 года её печатного органа – газеты «Сусанин» [10, с. 196]. Прекращение существования КОСРН и выхода газеты историки связывают с отъездом протоирея отца В. Захарова из Красноярска в конце 1914 года [39]. Всё это время именно он являлся организатором и идейным вдохновителем выхода газеты, редакторы которой часто менялись: последовательно ими становились И. С. Зеленок, И. Н. Разночинцев, П. Н. Боровков, Н. С. Ковалёв, М. Ф. Косов, Н. А. Щагин, И. С. Егоров [19, с. 43].

«Сусанин» высоко оценивал деятельность В. Захарова на посту председателя КОСРН, а также его вклад в политическую, гражданскую, культурную жизнь края. В номере за 30 сентября 1912 года помещена подробная биография свя-

щенника, который прибыл в Красноярск в 1887 году по окончании курса духовной академии и сразу занял должность инспектора классов Епархиального женского училища. Вскоре он открывает первую в Красноярске церковно-приходскую школу, а затем воскресную женскую школу, руководит созданием приходских попечительств в Покровской и Благовещенской церквях, целью которых является снабжение детей бедных прихожан книгами и одеждой. Биография напоминает, что отец Варсанофий является гласным Красноярской городской думы [33, 30 сент.].

В. Захаров участвовал во всероссийском монархическом движении и партийном строительстве в Красноярске. Печатный орган КОСРН за 14 апреля 1907 года официально сообщал, что «Председатель Красноярского отдела СРН отец Варсанофий Захаров выбыл в Москву на Всероссийский съезд монархистов, передав председательство в отделе товарищу Председателя – Чуевскому» [28, 14 апр.]. Газета информировала о содействии Захарова в открытии отдела СРН в Минусинске, Енисейской губернии [29, 14 сент.]. Не без участия В. Захарова в Красноярске 20 июня 1909 года создаётся параллельная КОСРН право-монархическая организация – Красноярский отдел Русского народного союза имени Михаила Архангела (КОРСН). КОСРН и КОРСН иногда проводили совместные заседания. На одном из них 2 февраля 1910 года председательствовал протоиерей В. Захаров. Он же выступил с речью, посвящённой постановке на местной сцене оперы М. Глинки «Жизнь за царя» [31, 7 февр.]. О близости позиций обеих монархических организаций говорит описанный в «Сусанине» факт выдвижения на одном из партсобраний КОСРН предложения о начале переговоров с КОРСН о создании объединённой организации [32, 9 окт.].

О появлении элементов толерантности в партийно-политической культуре правых монархистов говорит и их стремление к сотрудничеству с леволиберальной частью монархического движения. Во втором номере «Сусанина» сообщается об общем собрании КОСРН, на котором присутствовали члены местной организации Союза 17 октября. Рассматривался вопрос о совместном участии в выборах во 2-ю Государственную думу. Газета резюмирует: «Что касается октябристов, обещающих нам свою поддержку, то сочувствие

их должно быть принято с глубокой благодарностью, – и поддержка эта особенно ценна потому, что она предложена, так сказать, бескорыстно, – без требования каких-либо жертв со стороны «Союза русского народа»» [29, 11 февр.].

В свою очередь «Сусанин» выражал сочувствие октябристам Томска, где «эта партия вымирает не на шутку». Газета сожалеет, что в Томске перед думскими выборами не сложился союз левых монархистов с правыми: «В Томске есть и по сие время Союз 17 октября. Он имеет свою газету “Время” – но члены союза убывают – на общем собрании 14 сентября – членов всего около 20 человек... На выборы пойдут одни, ибо “русское Народное Общество за Веру, Царя и Отечество” их к себе не приняло, а с кадетами они спеться не могли» [28, 29 сент.].

На протяжении всего времени своего выхода «Сусанин» выполнял культурно-политическую роль издания, являющегося органом организации политической партии. Газета публиковала материалы о состоянии монархических организаций и проблемах партийного строительства не только в Красноярске, но и в Енисейской губернии, в Сибири. Номер газеты за 7 июня 1908 года большое внимание уделил состоянию отдела СРН в Томске. Сообщалось об успехах его деятельности, а также подотделов, которые «имеются почти во всех уездных городах». По статье можно судить о внутреннем устройстве отдела, его руководстве и социальном составе: «... почётным председателем состоит Архиепископ Томский Макарий. Действительным председателем купец 1 гильдии Д. Г. Мальшев. Товарищем председателя – ключарь кафедрального собора протоиерей И. Беневолевский. Вторым товарищем председателя – иеромонах Игнатий, преподаватель Томской духовной семинарии» [29, 7 июня]. В одном из номеров представлен Владивостокский отдел Союза Михаила Архангела, председателем которого являлся протоиерей В. Островидов [28, 12 дек.]. Другой номер газеты сообщал о собрании Омского отдела РНС им. Михаила Архангела, которое должно состояться 21 ноября 1910 года [28, 19 дек.].

Особое внимание уделялось отчетам с общих собраний КОСРН. Так, к примеру, описывается собрание состоявшееся 14 мая 1910 года: «В качестве гостей присутствовали члены РНС

им. Михаила Архангела во главе с председателем А. Ф. Молочковым. На собрании присутствовало до десятка прозелитов, то есть лиц, не принадлежавших к организации, но пожелавших присутствовать на собрании» [31, 19 мая]. 27 июня 1908 года газета сообщала о собрании красноярских черносотенцев с участием представителей Новониколаевского и Барнаульского отделов Союза русского народа [29, 27 июня]. 12 сентября 1910 года в Красноярске состоялось общее собрание КОСРН. На собрании намечено создать на территории Енисейской губернии помимо действующих ещё 12 отделов Союза русского народа [31, 14 сент.]. 13 сентября 1912 года 160 человек присутствовали на совместном партийном собрании отделов СРН и РНС в Красноярске, где обсуждались проблемы действий монархистов в избирательной кампании в 4-ю Государственную думу [33, 9 сент.].

С 26 июля по 4 августа 1910 года в Иркутске проходило совещание правомонархических организаций Сибири с участием делегатов от Иркутска, Омска, Томска, Новониколаевска, Читы, Владивостока [17, с. 56]. Красноярские депутаты не присутствовали на совещании, но 5 декабря «Сусанин» опубликовал на своих страницах отчёт о ходе мероприятия, в котором приняли участие, кроме сибирских делегаций, представители от Санкт-Петербурга – действительный статский советник В. М. Скворубов и от Москвы – протоиерей отец И. Восторгов. Вынесены постановления собрания: «О распространении национальной печати в Сибири», «О русской школе» и об объединении монархических организаций [31, 5 дек.].

Под «национальной печатью» понималась исключительно монархическая печать. Либеральная кадетская пресса Сибири характеризовалась «Сусаниным» как «жидо-кадетская». В одной из статей номера за 20 июня 1910 года читаем: «Возьмите нашу Сибирь. В Томске пресловутую “Сибирскую жизнь” издаёт жидовский кагал, нанимающий... усердных лакеев жидовства! В Омске царит жид Познер, издающий “Омский телеграф”, в Барнауле – жид Шпунтович издаёт “Алтайскую газету”, в Красноярске жид Кохановский издавал “газету” “Красноярский хроникёр”, в Иркутске... да разве всех жидов издателей перечислишь» [31, 20 июня].

По мнению «Сусанина», именно под влиянием издающейся еврейми левой прессы интеллигенция лишается русской культурно-политической идентичности: «Русский интеллигент лишён национального самосознания, ему чуждо русское национальное чувство... Если есть в России в настоящее время такое, что заслуживало бы самого глубокого презрения, беспощадного осуждения, так это без сомнения, так называемая русская интеллигенция и тянущаяся за ней полуинтеллигенция... Русский интеллигент, как заведённая шарманка, “что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет...” А перед ним ежедневно – лист грязной жидо-кадетской газеты» (статья «Холопы мысли») [31, 20 янв.].

Монархистам из «Сусанина» вся Сибирь казалась наводнённой не только либеральной, но и «красной», революционной печатью. Приведём выдержку из статьи «Интеллигентские мечтания»: «Но нигде быть может в Российской великой империи красный гнёт левой печати не сказывается с такой силою, как в Сибири. Вся Сибирь от Челябинска до Владивостока отдана во власть красной революционной печати» [31, 12 февр.].

Активно противостоять либеральной и революционной печати в Сибири должна была сеть национальной монархической печати. К этому призывало и общесибирское совещание монархистов в Иркутске. Однако монархисты не располагали широкой издательской сетью в Сибири. Кроме «Сусанина» здесь с 1908 по 1915 год выходила газета «Сибирская правда» – орган Томского губернского совета СРН. Местный отдел РНС им. Мих. Архангела издавал в 1909–1911 годах газету «Голос Сибири» [15, с. 33]. В 1912 году под ред. Н. С. Ковалёва вышло 5 номеров юмористического журнала КОСРН «Оглобля», а после завершения издания «Сусанина» Красноярскому отделу СРН удалось выпустить 15 марта 1915 года под редакцией Н. Н. Яковлева единственный номер газеты «Сусанин XX века» [19, с. 41, 43].

По мнению исследователей монархической периодической печати Сибири, главной идейной основой её агитационно-пропагандистской культуры являлся русский национализм [12; 15; 35]. Хотя в идейном арсенале правомонархических изданий были призывы к ограждению прав русского народа от посягательств со стороны разных «инородцев» и «иноверцев». Но несомненное

первенство в этом вопросе всё же принадлежит антисемитизму. Он стал перманентной системой пропаганды сибирских монархических газет, часто приобретаая гипертрофированную, оскорбительную форму юдофобии. Этому содействовали программные партийные документы монархистов и их центральная периодическая печать.

Политическая программа Союза русского народа – «Русскому народу» заявляла, что русская народность «есть народность державная; прочие народности в России пользуются правами гражданского равенства, за исключением евреев». Глава программы «Еврейский вопрос» приписывала евреям «непримиримую ненависть к России и ко всему русскому, заявляя следующее: «Переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России... – всё это дело рук почти исключительно евреев и ведётся на еврейские деньги» [26, с. 17–30].

Центральный печатный орган СРН газета «Русское знамя» предупреждала о грядущем «жидовском полновластии» в России и об «еврейском всемирном владычестве» [35, 15 янв.; 26 нояб.]. А в одном из номеров за 1909 год сообщалось о решении жидомасонских главарей «охватить всю Россию революционным кольцом» состоящим из общественных и культурно-просветительных организаций – и во главе всех этих обществ должны стоять евреи [25, 17 дек.]. Рупором антисемитизма являлись все центральные издания СРН и РНС им. М. Архангела – газеты «Гроза», «Прямой путь», «Земщина», «Вестник СРН».

Не отставала от центральных изданий и местная периодическая печать правых монархистов, тесно связывающая антисемитизм с социалистическим движением. В одной из передовиц «Сибирской правды» читаем, что социалистическому учению «мы всецело обязаны жидам Лассалю, Бебелю, Энгельсу, Марксу и прочим лицемерным обманщикам и утопистам» [27, 26 окт.]. Социалистические партии России назывались в газете не иначе как «социал-разбойники» (с-р, социалисты-революционеры) и «социал-дьяволы» (с-д., социал-демократы). Деятельность социалистических партий тесно связывалась с «еврейским вопросом» в статьях: «Томское жидовство», «Жиды одолевают», «Еврейская работа», «Жидовский гешефт с христианством», «Жидовские налоги и засилье» [14, с. 80].

Антисемитизм стал одним из главных направлений «Сусанина». С 1-го по 30-й номер, по подсчётам А. П. Миханева, было помещено более 10 публикаций, изображающих евреев в негативном свете, возбуждающим к ним вражду и ненависть. В одном из первых военных номеров «Сусанина» от 25 июля 1914 года вышло сразу несколько антисемитских заметок – «Формуляр», «Паки и паки», «Тридцатилетний юбилей», «Благоденствующий Хаим», «Мнение великих людей об Иудеях» [39]. Для всех статей характерен грубый язык, оскорбительные эпитеты, что дало основание известному столичному журналу «Книжный вестник» назвать «Сусанина» – «погромным листком» [18, с. 70]. В этом проявился экстремизм политической культуры издания, хотя прямых призывов к еврейским погромам на его страницах не наблюдалось.

Газета не признавала никакой толерантности по отношению к революционерам и социалистам. Она призывала к борьбе с ними легальными, парламентскими средствами, обращая внимание на экстремизм политической культуры социалистов. «Сусанин» характеризовал социал-демократов как «эксплуататоров народного невежества и темноты» [28, 14 апр.]. Обращаясь к избирателям в Государственную думу и органы местного самоуправления, газета предостерегала: «Граждане! Если не хотите убийств, грабежей, насилий, кровопролития, бомб, – не давайте ни одного голоса социалистам! Подальше от этих людей, не знающих Бога, отрицающих Царя» [28, 29 сент.].

В статье «Социал-демократический рай» газета уточняет национальную принадлежность «этих людей», считая, что «в действительности же еврейство стремится поработить мир, ставши во главе социал-демократических организаций» [29, 7 июня]. Статья «Социал-демократия и евреи», указывая на засилье евреев в социал-демократическом движении, делала вывод о том, что социал-демократия может быть «только средством, но отнюдь не целью». Средством для раздоров и смуты, которыми обязательно воспользуется еврейство [32, 1 февр.]. Статья «Большевики и меньшевики», даже не пытаясь разобраться в той «неразберихе», которая творится во фракциях социал-демократов, просто опускается до банальных оскорблений, утверждая, что социал-демократия – это «картина ещё более тяжёлая и

отвратительная, чем та, которая была описана Достоевским в «Бесах», какая-то социальная клоака, где переплелись дегенераты и психопаты, – люди с природной склонностью к «запаху крови», слабоумные теоретики и заурядные грабители. Это уже даже не «бесы», а шуты, одержимые манией разрушения» [33, 11 марта].

Статья «Наши социал-психопаты» называет социалистов «Браунинг-Динамитовичами» [31, 24 февр.], а в статье «Готовьтесь», говоря о приближении второй революции, газета впервые срывается к призыву к экстремистским действиям: «Вооружённого врага встречают во всеоружии. Готовьтесь! Готовьтесь русские люди к вооружённому отпору и помните, что чем скорее вы будете готовы, тем лучше. Враги приближаются...» [31, 28 марта].

Однако в целом экстремистские призывы к вооружённому отпору не были характерны для «Сусанина». Политическая и гражданская культура издания заключалась в мирной пропаганде идей монархизма и агитации за своих представителей в законодательные органы власти и местного самоуправления. Газета начала выходить в связи с необходимостью усиления монархистской агитационно-пропагандистской работы в разгар избирательной кампании во 2-ю Государственную думу. Первые номера газеты почти целиком посвящены выборам. В это время «Сусанин» выходит ежедневно, а после завершения выборов периодичность его выхода уменьшается до двух раз в неделю и, наконец, до одного раза по субботам.

№ 1 газеты объясняет избирателям значение и смысл монархии как способа государственного управления: «Государство как единый цельный организм нуждается в таком верховном органе, который воплощал бы в себе и выражал единство его воли и мощи. В монархии таковым и является монарх. Он по своему положению и по закону выситя над всеми классами населения, партиями и органами государства. В этом сила и самый глубокий смысл монархии» [28, 9 февр.]. В этом же номере монархисты пытаются доказать избирателям неприменимость парламентаризма и многопартийности для России: «Действительно, парламентаризм менее всего применим в России. При громадности её территории, при разнородности населяющих её и между собою враждующих племён, при искусственно разжигаемой ныне вражде

классов, окруженная с востока и запада могучими империями, Россия более чем когда-либо, именно теперь нуждается в крепкой и независимой власти. Парламентаризм же – есть передача власти партиям. Последние могут предъявлять претензию на соуправление с монархом, если они представляют собою действительную волю народа, хорошо организовать и уметь ставить благо отечества превыше всего и особенно своих личных интересов и соображений. Таких партий у нас нет и надолго ещё быть не может...» [28, 9 февр.].

«Сусанин» освещает ход избирательной кампании, подводит её итоги. В Красноярске, с сожалением отмечает газета, в выборщики в Государственную думу прошли социал-демократы: Никитин – 790 голосов избирателей и Юдин – 899 голосов. Лидер монархистов В. Захаров оказался на 3-м месте, набрав 628 голосов [28, 15 февр.]. Но после исключения из списка выборщиков Ф. М. Никитина, вместо него был включён В. Захаров. В конечном результате во II Государственную думу от Енисейской губернии прошли эсер А. И. Бриллиантов и социал-демократ – меньшевик И. К. Юдин [6, с. 121]. Газета «Сусанин» так характеризовала последнего: Юдин – приказчик «составивший себе в глазах полуграмотных галантерейщиков репутацию политического деятеля тем, что ни один раз был организатором приказчичьих забастовок и антиправительственных демонстраций» [28, 15 февр.].

Газета осудила участие в Государственной думе революционных, нелегальных партий: «Участие в Думе представителей нелегализованных партий есть аномалия, которая много уже вносила и на будущее время внесёт ещё больше разных нестроений в наше законодательное учреждение. Так или иначе население и правительство должны с ним бороться, как с величайшей опасностью, угрожающей нашему обществу новыми потрясениями» [28, 22 сент.]. Газета обвиняет правительство в чрезмерном либерализме в связи с открытым допуском революционной пропаганды: «А революционная – широкая пропаганда? Разве это не дурман, беспрепятственно прививаемый народной душе на почве понятых ложно свобод, благодаря попустительству не в меру либерального правительства, далёкого от должного понимания народной души и истинного настроения народных масс» [28, 14 апр.].

Черносотенец В. Захаров был избран выборщиком от Красноярска и при выборах в III Государственную думу [17, с. 52]. Орган местных монархистов резко критиковал её работу, обвиняя даже своих союзников – октябристов в «революционном перерождении»: «Дума третьего созыва, благодаря октябристам, упорно уклоняется от настоящей работы по улучшению быта населения в государстве и сильно увлекается «краснотой» [32, 13 февр.]. Революционеры всех мастей обвиняются газетой в пособничестве падению культуры и нравов. В статье «Революция и порнография» читаем: «Напрасно революционеры открещиваются от порнографии. Думаем, мы достаточно ясно показали, что падение нравов неразлучно с революцией. Революция – сила не созидательная, а разрушительная» [30, 4 марта]. «Сусанин» выражает открытую радость по поводу поражения революции: «Русская революция, будучи не национальной, инородческой по происхождению, бессмысленно кровожадной и грабительской по духу и сущности, теперь умерла» [30, 9 янв.].

В связи с выборами в IV Государственную думу, «Сусанин» призвал выставить выборщиками от г. Красноярска Захарова Варсанофия Емельяновича – протоиерея, настоятеля красноярской Благовещенской церкви и Терских Льва Павловича – старшего нотариуса городской думы Красноярска [33, 26 сент.]. В предвыборной агитации черносотенцы и их печатный орган стали уделять большое внимание рабочим. В статье «Рабочие должны подавать свои голоса за правых» газета ставит вопрос: «Но могут ли левые партии вообще по самой своей сути облегчить участие рабочих? Все мы знаем, что левых партий бесконечное количество и что спеться и организовать в нечто стройное и единое они не могут. Не даром же эсдеки говорят, что они и эсеры огонь и вода... И если теперь у левых есть что-либо связующее, так только ненависть к Самодержавию и Православию» [33, 25 июля]. В газете появилась «Рабочая трибуна» и статьи за подписью «Старый рабочий» с призывом голосовать за правых [33, 26 сент.].

Правомонархисты Красноярска принимали участие не только в избирательных кампаниях общегосударственного значения, но и в выборах органов местного самоуправления. Их печатный орган приветствовал зарождение на местах

институтов гражданского общества и развитие гражданской культуры: «Да, общественная самодеятельность – великое дело, важное, неоспоримое» [30, 4 нояб.]. Газета сообщала о появлении в Красноярске в связи с перевыборами городской думы самодеятельной внепартийной организации – общества избирателей и обывателей: «Ну что же? Хорошее дело – общественная самодеятельность, и не мы будем спорить против самой идеи устройства подобных обществ. Необходимо гражданам великой России просыпаться и активно приниматься за работу, которая в данный момент сводится к борьбе с инородческим засильем, с господством лево-интеллигентских течений, к борьбе за священные права в России русского народа, его тысячелетней веры и его великой государственности» [30, 4 нояб.].

Но, вопреки ожиданиям монархистов, Красноярское общество избирателей и обывателей оказалось «малолюдное и по составу чисто кадетское» [30, 21 нояб.]. КОСРН развернул с ним предвыборную борьбу. В результате городских выборов правые вместе с умеренными получили 73,6 % голосов, а прогрессивные партии – 26,4 %. «Это не так страшно, – заключал “Сусанин”, – во всяком случае, победа правых и поражение левых – несомненны» [30, 9 дек.]. В последующих номерах газета продолжает злорадствовать по поводу поражения «красной сотни» на городских выборах: «В действительности же, конечно, ничего худого не произошло, и лишь только интеллигенты левые “чистой воды” получили должное и по заслугам: выброшены за борт городского самоуправления, как негодный хлам, тормозивший всякие хорошие начинания» [30, 15 янв.]. В одном из номеров «Сусанин» подводит итог деятельности обществ избирателей и обывателей по всей Сибири: «По многим городам Сибири инициаторы и учредители “общества и обыв. и избир.” так и остались без избирателей и обывателей, одни – сами собою, своим малым, замкнутым красносотенным кружком» [31, 17 февр.].

В то же время газета отмечала успехи общества избирателей и обывателей и кадетов Барнаула. С 1906 года здесь городским головой был член СРН, купец И. И. Поляков [8, с. 107]. Однако в 1910 году создаётся Барнаульское общество избирателей и обывателей, состоящее из «левых партий» и проводящее предвыборные собрания [32,

23 марта]. В результате городским головой Барнаула был избран кадет Г. Переломов [33, 26 авг.].

Наряду с участием в организациях общественно-политического характера, правые монархисты признавали важность работы в неполитических самодеятельных институтах гражданского общества. Особое значение придавалось «организованной культурно-просветительной работе» [21, с. 485]. «Сусанин» на своих страницах призывал: «Итак, не будем думать, что с окончанием предвыборной кампании члены Союза русского народа могут успокоиться, отдохнуть; нет ни при полной победе, ни тем более после поражения союз не должен ослаблять степени напряжённости и энергии своей культурной деятельности» [28, 25 февр.]. В резолюции прошедшего осенью 1910 года собрания КОСРН ставилась задача «устройства народных чтений и бесед на религиозно-нравственные темы и по отечественной истории» [31, 24 окт.]. «Заводите свои клубы, свои собрания, устраивайте читальни и библиотеки...» – призывал «Сусанин» [28, 1 апр.].

Газета постоянно публиковала отчёты о культурно-просветительных мероприятиях, проводимых монархистами. В 1908 году КОСРН выступил инициатором открытия народной начальной школы в Красноярске [29, 26 июня]. 17 марта 1909 года красноярские монархисты устроили в городском театре духовный концерт, в котором участвовали хоры архиерейских певчих [30, 21 марта]. 16 января 1911 года состоялась организованная Красноярским отделом СРН «чтение-беседа» на темы религиозно-нравственного и национально-патриотического содержания» [32, 21 янв.]. Красноярские монархисты проводили агитацию в читальне общества трезвости [31, 12 февр.]. 8 марта 1913 года черносотенцы организовали «Праздник трезвости» в Красноярске [34, 10 марта]. В газете освещалась культурно-просветительная работа монархистов в городах губернии. В номере за 14 января 1909 года помещено объявление: «Каннский отдел СРН. сим объявляет, что в г. Канске открыта чайная с читальней и заезжим двором, цель коих обслуживать интересы бедного православного русского люда» [30, 14 янв.].

Монархисты стремились использовать в целях культурно-просветительной и партийной пропаганды такие далёкие от политики организации, как добровольно-пожарные и кредитные коопе-

ративные сообщества. «Сусанин» писал: «Теперь особенно благовременно образовывать вольные пожарные дружины, – вступая в ряды патриотических союзов и организаций, чтобы предупредить революционные поджоги, производимые преступными воззваниями, тушить пожары распространением противореволюционных изданий, разъясняющих всю ложь, всю преступность и бессмысленность революционных затей, их неосуществимость и зловерность» [28, 11 авг.]. Газета опубликовала отчёт Красноярского вольно-пожарного общества за 1909 год [31, 12 нояб.].

В газете за 19 февраля описывалось открытие клуба вольно-пожарного общества на станции Иланская, где состоялся молебен, отслуженный членом общества священником Д. Е. Евтихиевым [32, 19 февр.]. Газету возмущал тот факт, что добровольная пожарная дружина с. Тисуль «почти поголовно состоит из жидов» – «Нужно удивляться, почему до сих пор жид Гринштейн состоит дружинником, когда членам кокардоносцам хорошо известно, что сия сионская глыба позволил себе словами оскорбить Их Величества» [33, 4 марта]. Газета сообщала об открытии в том же Тисуле Товарищества мелкого кредита, характеризуя его руководителей Оглава и Гринштейна: «Тёплая компания с ярко красной подбивкой... удивляемся неужели эти лица допущены без наведения справок о их прошлом и политической благонадёжности?» [33, 29 февр.].

«Сусанин» сообщал о размахе кредитно-кооперативного движения в Сибири, где на 1 января 1911 года насчитывалось 326 кредитных коопераций – из них 169 кредитных товариществ и 157 ссудно-сберегательных касс. Всего же в Империи число кредитных коопераций достигло 8,504 [32, 9 нояб.]. Однако правомонархические элементы, как показывают материалы съезда городов Енисейской губернии 15 июня 1915 года, не имели влияния в руководстве как кредитной, так и потребительской кооперации губернии [4, л. 1–4].

Призывы газеты к гражданскому участию в выборах центральных и муниципальных органов власти, а также в самодеятельных организациях экономического, благотворительного и культурно-просветительного характера способствовали становлению гражданского общества и формированию гражданской и политической культуры населения. Политическое медиавлияние

«Сусанина» в постреволюционный период характеризуется ослаблением экстремизма и усилением толерантности в отношении к близким по духу либерально-монархическим силам. В то же время в отношении леволлибералов и тем более социалистов присутствовала явная политическая враждебность и непримиримость, хотя и без открытых призывов к насилию и погромам.

Центральным элементом политической культуры издания следует признать русский национализм, приписывающий революционные потрясения переживаемые Россией исключительно инородческим элементам, прежде всего, евреям. Антисемитизм и юдофобия стали неотъемлемой

частью политической медиакультуры издания. В этом отношении «Сусанин» являлся частью всего монархического культурного медиаполя и активно выполнял культурно-политическую роль издания – органа ведущей правомонархической партии – Союза русского народа.

Спад революционного движения неизбежно вёл к ослаблению в массовом и индивидуальном сознании медиавлияний, связанных с конфликтной политической культурой правых монархистов. Неуклонно уменьшалось и влияние «Сусанина» – вплоть до его полного закрытия из-за отсутствия подписчиков и денежных средств на продолжение издания.

Литература

1. Алексеев Д. Политические медиавлияния: опыт изучения. – М.: Культур. революция, 2014. – 252 с.
2. Бузмаков Е. Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917 годы: дис. ... канд. ист. наук. – Томск: ТГУ, 2000. – 243 с.
3. Вавилова Ю. С., Гурьева А. А. Черносотенное движение в Енисейской губернии в 1906–1910 годах (по материалам газ. «Сусанин») // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории. VII краевед. чтения. – Красноярск, 2012. – С. 103–108.
4. Государственный архив Красноярского края. – Ф. 132. – Оп. 1. – Д. 2.
5. Давыденко А. В. Расцвет и закат черносотенной печати (1900–1917) // 300 лет отечественной журналистики. Актуальные проблемы истории, теории и современной практики. – Иркутск, 2002. – С. 31–40.
6. Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: Рус. энцикл., 1998. – 735 с.
7. Зимин В. А. Роль СМИ в формировании политической культуры и развитии институтов гражданского общества в России // Изв. Саратов. гос. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2012. – Т. 12, вып. 1. – С. 91–94.
8. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск: Сова, 2006. – 352 с.
9. Ищенко О. В. Студенческая и учащая молодёжь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начала XX века). – Омск: ОмГУ, 2010. – 498 с.
10. Корнеева Г. А. Образование монархических организаций в Восточной Сибири в 1905–1907 годах // Российская наука теории и истории государства и права в начале XXI века. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 172–202.
11. Корнеева Г. А. Правомонархическое политическое движение: Сибир. регион. – СПб.: Алетейя, 2016. – 427 с.
12. Косых Е. Н. Периодическая печать Сибири от первой ко второй российской революции // Пятые Макушинские чтения. – Новосибирск, 2000. – С. 88–90.
13. Красноярская пресса, XX век: сб. мат-лов по истории СМИ Красноярского края. – Красноярск: Буква, 2002. – 351 с.
14. Макачук С. В. Пропаганда русской национальной идеи и политический традиционализм в Сибири в начале XX века // Рус. идея: Тез. докл. Всерос. науч. конф. – Хабаровск, 1995. – С. 79–82.
15. Макачук С. В. Монархическая периодическая печать Сибири о евреях (1907–1915) // История общин Сибири и Дальнего Востока: сб. мат-лов II регион. науч.-практ. конф. / под ред. Я. М. Кофмана. – Красноярск: Кларетианум, 2011. – С. 32–35.
16. Малыгина И. В. Региональное измерение российской идентичности: между культурой и экономикой // Вестн. Кемеров. гос. ин-та культуры. – 2018. – № 42. – С. 110–118.
17. Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 годах. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. – 143 с.
18. Миханев А. П. Периодическая печать Красноярска в общественно-политической жизни Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 1998. – 181 с.
19. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 года): указатель газ. и журн. – Томск: ТГУ, 2001. – 92 с.

20. Полынский А. С. Современная отечественная историография политических партий в Сибири в 1905–1914 годах: дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2007. – 172 с.
21. Попов Д. И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начала XX века. – Омск: ОмГУ, 2006. – 511 с.
22. Попов Д. И. Борьба правомонархических партий за влияние на массы в условиях поляризации партийно-политических сил в Сибири в 1907–1917 годах // Вестн. Омск. гос. ун-та. Сер. Ист науки. – 2014. – № 3. – С. 25–36.
23. Портнягина М. А. СМИ России в контексте конфликтной политической культуры [Электронный ресурс]. – URL: <http://mediascope.ru/node/825> (дата обращения: 04.04.2018).
24. Портнягина М. А. СМИ как фактор формирования гражданской культуры в России: проблемы и перспективы [Электронный ресурс.]. – URL: <http://mediascope.ru/node/770> (дата обращения: 04.04.2018).
25. Русское знамя. – 1909.
26. Русскому народу // Сб. программ полит. партий в России / под ред. В. В. Водовозова. – СПб., 1906. – С. 17–30.
27. Сибирская правда. – 1908.
28. Сусанин. – 1907.
29. Сусанин. – 1908.
30. Сусанин. – 1909.
31. Сусанин. – 1910.
32. Сусанин. – 1911.
33. Сусанин. – 1912.
34. Сусанин. – 1913.
35. Толочко А. П. Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 года). – Омск: ОмГУ, 1999. – 123 с.
36. Толочко А. П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX века. – Омск: ОмГУ, 2001. – 140 с.
37. Толочко А. П. Общественное движение в Сибири в годы нового революционного подъёма (1910–1914). – Омск: ОмГУ, 2012. – 259 с.
38. Чепкасов А. В. Об особенностях функции социальной коммуникации СМИ // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 167–171.
39. Шилина А. С. Деятельность Красноярского и Иркутского отделов Союза русского народа в годы Первой Мировой войны [Электронный ресурс.]. – URL: <http://history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/VMNSHK2016/019-Shilina.pdf> (дата обращения: 04.04.2018).
40. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая четверть XX века). Часть 1. Конец XIX века – февраль 1917 года. – Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 2003. – 244 с.

References

1. Alekseev D. *Politicheskie mediavliyaniya: opyt izucheniya [Political media effects: the experience of studying]*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2014. 252 p. (In Russ.).
2. Buzmakov E.L. *Chernosotennyye organizatsii v Sibiri. 1905-1917: dis. kand. ist. nauk [Blackhundred organizations in Siberia. 1905-1917. Dis. PhD History]*. Tomsk, TSU Publ., 2000. 243 p. (In Russ.).
3. Vavilova Yu.S., Guryeva A.A. *Chernosotennoe dvizhenie v Eniseyskoy gubernii v 1906-1910 godakh (po materialam gazety «Susanin») [Blackhundred movement in the Yenisei province in 1906-1910 (based on the newspaper "Susanin")]*. *Eniseyskaya guberniya – Krasnoyarskiy kray: 190 let istorii. VII kraevedcheskie chteniya [Yenisei Province – Krasnoyarsk Territory: 190 years of history. VII local lore readings]*. Krasnoyarsk, 2012, pp. 103-108. (In Russ.).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]*. F. 132. Op. 1. D. 2. (In Russ.).
5. Davydenko A.V. *Rastsvet i zakat chernosotennoy pechati (1900-1917) [Blossoming and decline of the Blackhundred print (1900-1917)]. 300 let otechestvennoy zhurnalistiki. Aktual'nye problemy istorii, teorii i sovremennoy praktiki [300 years domestic journalism. Actual problems of history, theory and modern practice]*. Irkutsk, 2002, pp. 31-40. (In Russ.).
6. *Eniseyskiy entsiklopedicheskiy slovar [Enisey encyclopedic dictionary]*. Krasnoyarsk, Russkaya entsiklopediya Publ., 1998. 735 p. (In Russ.).
7. Zimin V.A. *Rol SMI v formirovanii politicheskoy kul'tury i razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii [The role of mass media in the formation of political culture and the development of institutions civil society*

- in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Sotsiologiya. Politologiya* [Proceedings of the Saratov State University. Series. Sociology. Political science], 2012, vol. 12, iss. 1, pp. 91-94. (In Russ.).
8. *Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The history of public self-government in Siberia in the second half of the XIX - the beginning of XX Century]. Novosibirsk, Sova Publ., 2006. 352 p. (In Russ.).
 9. Ishchenko O.V. *Studencheskaya i uchashchayasya molodozh' kak faktor obshchestvennogo dvizheniya i kul'turnoy zhizni Sibiri (konets XIX - nachala XX veka)* [Student and student youth as a factor of social movement and cultural life of Siberia (late XIX - early XX centuries)]. Omsk, OmSU Publ., 2010. 498 p. (In Russ.).
 10. Korneeva G.A. *Obrazovanie monarkhicheskikh organizatsiy v Vostochnoy Sibiri 1905-1907* [The formation of monarchist organizations in Eastern Siberia in the 1905-1907]. *Rossiyskaya nauka teorii i istorii gosudarstva i prava v nachale XXI veka* [Russian science of theory and history of state and law at the beginning of the XXI century]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2010, pp. 172-202. (In Russ.).
 11. Korneeva G.A. *Pravomonarkhicheskoe politicheskoe dvizhenie: Sibirskiy region* [The right-monarchical political movement: the Siberian region]. St. Petersburg, Aletya Publ., 2016. 427 p. (In Russ.).
 12. Kosykh E.N. *Periodicheskaya pechat' Sibiri ot pervoy ko vtoroy rossiyskoy revolyutsii* [Periodic seal of Siberia from the First to the Second Russian Revolution]. *Pyatye Makushinskie chteniya* [Fifth Makushinsky readings]. Novosibirsk, 2000, pp. 88-90. (In Russ.).
 13. *Krasnoyarskaya pressa, XX vek: sbornik materialov po istorii SMI Krasnoyarskogo kraya* [The Krasnoyarsk press, XX century: collection of materials on the history of SMI of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, Bukva Publ., 2002. 351 p. (In Russ.).
 14. Makarchuk S.V. *Propaganda russkoy natsional'noy idei i politicheskoy traditsionalizm v Sibiri v nachale XX veka* [Propaganda of the Russian National Idea and Political Traditionalism in Siberia in the early XX century]. *Russkaya ideya. Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Russian Idea. Abstracts of All-Russian scientific conference], Khabarovsk, 1995, pp. 79-82. (In Russ.).
 15. Makarchuk S.V. *Monarkhicheskaya periodicheskaya pechat' Sibiri o evreyakh (1907-1915)* [Monarchical Periodic Form of Siberia and the Jews (1907-1915)] *Istoriya soobshchestva Sibiri i Dal'nego Vostoka: sbornik materialov 2 regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [History of the Communities of Siberia and the Far East: collection of materials 2 regional scientific and practical conferences]. Krasnoyarsk, Klaretianum Publ., 2011, pp. 32-35. (In Russ.).
 16. Malygina I.V. *Regional'noye izmerenie rossiyskoy identichnosti: mezhdru kul'turoy ekonomikoy* [The regional dimension of Russian identity: between culture and economy]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the Kemerovo state institute of culture], 2018, no. 42, pp. 110-118. (In Russ.).
 17. *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895-1917 godakh* [Materials to the chronicle of the social movement in Siberia in 1895-1917]. Tomsk, Izd-vo Tomsk. un-ta Publ., 1994. 143 p. (In Russ.).
 18. Mikhanev A.P. *Periodicheskaya pechat' Krasnoyarska v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Eniseyskoy gubernii vtoroy poloviny XIX - nachala XX veka: dis. kand. ist. nauk* [Periodic printing of Krasnoyarsk in social and political life Yenisei province of the second half of the XIX – early XX centuries. Diss. PhD History]. Krasnoyarsk, 1998. 181 p. (In Russ.).
 19. *Periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 goda): ukazatel' gazet i zhurnalov* [Periodic printing of Siberia (second half of the XIX century – February 1917). Pointer newspapers and magazines]. Tomsk, TSU Publ., 2001. 92 p. (In Russ.).
 20. Polynskiy A.S. *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya politicheskikh partiy v Sibiri v 1905-1914 godakh: dis. kand. ist. nauk* [The modern domestic historiography of political parties in Siberia in the years 1905-1914. Diss. PhD History]. Omsk, 2007. 172 p. (In Russ.).
 21. Popov D.I. *Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachala XX veka* [Cultural and educational societies in Siberia in the late XIX – early XX centuries]. Omsk, OmGU Publ., 2006. 511 p. (In Russ.).
 22. Popov D.I. *Bor'ba pravomonarkhicheskikh partiy za vliyaniye na massy v usloviyakh polyarizatsii partiynopoliticheskikh sil v Sibiri v 1907-1917 godakh* [The struggle of right-monarchist parties for influence on the masses in conditions polarization of party political forces in Siberia in 1907-1917]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoricheskiye nauki* [Bulletin of Omsk State University. Series Historical Sciences], 2014, no. 3, pp. 25-36. (In Russ.).
 23. Portnyagina M.A. *SMI Rossii v kontekste konfliktnoy politicheskoy kul'tury* [Russia's Media in the context of conflict political culture]. (In Russ.). Available at: <http://mediascope.ru/node/825> (accessed 04.04.2018).

24. Portnyagina M.A. *SMI kak faktor formirovaniya grazhdanskoy kul'tury v Rossii: problemy i perspektivy* [Mass media as a factor in the formation of civil culture in Russia: problems and prospects]. (In Russ.). Available at: <http://mediascope.ru/node/770> (accessed 04.04.2018).
25. *Russkoye znamya* [The Russian banner], 1909. (In Russ.).
26. Russkomu narodu [Russian people]. *Sbornik programm politicheskikh partiy v Rossii* [Collection programs of political parties in Russia]. St. Petersburg, 1906. (In Russ.).
27. *Sibirskaya Pravda* [Siberian truth], 1908. (In Russ.).
28. *Susanin* [Susanin], 1907. (In Russ.).
29. *Susanin* [Susanin], 1908. (In Russ.).
30. *Susanin* [Susanin], 1909. (In Russ.).
31. *Susanin* [Susanin], 1910. (In Russ.).
32. *Susanin* [Susanin], 1911. (In Russ.).
33. *Susanin* [Susanin], 1912. (In Russ.).
34. *Susanin* [Susanin], 1913. (In Russ.).
35. Tolochko A.P. *Chernosotentsy v Sibiri (1905 – fevral' 1917 goda)* [Blackhundreds in Siberia (1905 - February 1917)]. Omsk, OmGU Publ., 1999. 123 p. (In Russ.).
36. Tolochko A.P. *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya partiynno-politicheskogo dvizheniya v Sibiri v nachale XX veka* [Modern domestic historiography of party political movement in Siberia in the early XX century]. Omsk, OmGU Publ., 2001. 140 p. (In Russ.).
37. Tolochko A.P. *Obshchestvennoe dvizhenie v Sibiri v gody novogo revolyutsionnogo pod'ema (1910–1914)* [The social movement in Siberia in the years of a new revolutionary the rise (1910-1914)]. Omsk, OmGU Publ., 2012. 259 p. (In Russ.).
38. Chepkasov A.V. Ob osobennostyakh funktsii sotsial'noy kommunikatsii SMI [On the features of the function of social media communication]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2010, no. 4, pp. 167-171. (In Russ.).
39. Shilina A.S. *Deyatel'nost' Krasnoyarskogo i Irkutskogo otdelov Soyuza russkogo naroda v gody Pervoy Mirovoy voyny* [The activities of the Krasnoyarsk and Irkutsk divisions of the Union of Russian people during the First World War]. (In Russ.). Available at: <http://history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/VMNSHK2016/019-Shilina.pdf>
40. Shtyrbul A.A. *Politicheskaya kul'tura Sibiri: opyt provintsial'noy mnogopartiynosti (konets XIX – pervaya chetvert' XX veka). Chast' 1. Konets XIX veka – fevral' 1917 goda* [Political culture of Siberia: the experience of the provincial multi-party system (the end of XIX – the first quarter of XX centuries). Part I. The end of XIX century – february 1917]. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2003. 244 p. (In Russ.).

УДК 39

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ, ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ КАЗАКОВ КАК ИСТОЧНИК ПОИСКА НОВЫХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПОСТАНОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАЛЕТМЕЙСТЕРОВ ЛЮБИТЕЛЬСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ

Палилей Александр Васильевич, кандидат педагогических наук, профессор, декан факультета хореографии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: palileyav@mail.ru

Бочкарёва Наталья Ивановна, доцент кафедры народного танца, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: nati-10@ru

В статье рассматриваются вопросы о воспитании в молодом поколении интереса к истории своей родины, культуре, традициям и обычаям, к их идеалам и ценностям. Обращение к казачеству как

к феномену истории и культуры в аспекте методологии обосновывает значимость казачьей идеи как источника развития национального самосознания подрастающего поколения. Сегодня в отечественном образовании активно осмысливается и находит конкретное воплощение в педагогической практике аксиологический вектор, в котором методология направлена на обретение человеком личностных смыслов, идеалов, ценностей, ментальных стереотипов в соответствующей культурно-исторической среде. Это в свою очередь актуализирует поиск традиционных культурных моделей и создание педагогических концепций, основывающихся на преемственной передаче социально-культурного опыта в рамках национальной традиции в российской образовательной системе. С возрождением казачества России, его исторических и культурных традиций закономерно встал вопрос о работе над выразительными средствами в постановочной деятельности балетмейстеров в любительских коллективах, поиске новых тем, идей, танцевальных форм и жанров в современных условиях.

Народное танцевальное искусство, основанное на подлинных казачьих традициях, способствует развитию духовной культуры, творческих способностей, влияет на формирование мировоззрения, способствует гармоничному развитию личности, формированию гражданско-патриотической позиции.

Ключевые слова: культура, культурные традиции, обряды, обычаи казаков, отечественное образование, педагогические концепции.

FOLK FESTIVALS, CUSTOMS AND CEREMONIES OF THE COSSACKS AS A SOURCE OF SEARCH FOR NEW AMATEUR GROUPS THAT ARE EXPRESSIVE IN THE PRODUCTION ACTIVITY OF CHOREOGRAPHERS

Paliley Aleksander Vasilyevich, PhD in Pedagogy, Professor, Dean of Faculty of Choreography, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: palileyav@mail.ru

Bochkareva Natalya Ivanovna, Associate Professor of Department of Folk Dance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nati-10@ru

The article deals with the education of young people in the history of their homeland, culture, traditions and customs, their ideals and values. The appeal to the Cossacks as a phenomenon of history and culture in the aspect of methodology justifies the significance of the Cossack idea as a source of development of national consciousness of younger generation. Today in the domestic education, the axiological vector is actively understood and finds concrete embodiment in pedagogical practice, in which the methodology is aimed at the acquisition of personal meanings, ideals, values, mental stereotypes in the relevant cultural and historical environment. This, in turn, actualizes the search for traditional cultural models and the creation of pedagogical concepts based on the successive transfer of socio-cultural experience within the national tradition in the Russian educational system. With the revival of the Cossacks of Russia, its historical and cultural traditions, the question naturally arose of working on the expressive means in the directing work of choreographers in amateur collectives, search for new themes, ideas, dance forms and genres in modern conditions.

The professional and creative activity of the choreographer in ensembles of folk dance, creative collectives of the song and dance direction, regional folklore groups, including ensembles whose repertoire is based on the traditions of Cossack culture, provides for compulsory knowledge in the field of ethno-choreography, folk ritual and festive culture of peoples living in Russia and abroad in order to authentically embody in the choreographic rooms the historically established dance traditions, is based on folk festivals and ceremonies.

Folk dance art, based on genuine Cossack culture, promotes the development of spiritual culture, creative abilities, influences the formation of the world view, promotes the harmonious development of an individual, the formation of a civil-patriotic position.

Keywords: cultures, cultural traditions, ceremonies, customs of Cossacks, home education, pedagogical conceptions.

Российское образование в области народной танцевальной культуры ориентирует нас на изучение музыкальных, вокальных, танцевальных образцов духовной культуры народов, проживающих в Российской Федерации. Не является исключением для современного образования и культура российского казачества. Современная праздничная культура казачества, опирающаяся на исторические традиции, призвана способствовать развитию национального самосознания подрастающего поколения, что является актуальной проблемой современного социокультурного пространства.

Анализ концертных программ казачьих профессиональных и любительских хореографических коллективов показывает, что танцевальная культура казаков, населяющих Россию – волжских, уральских, сибирских, забайкальских, кроме донских и кубанских казаков, – похожа друг на друга. Тематика танцевальных композиций, их построение, пластический язык схожи между собой: это проводы на службу юношей, где сегодня нет вариативности, зависящей от локальной традиции, статуса казака, его семейного положения и др., далее ожидание их девушками со службы, и обязательно везде присутствует казачья вольница с демонстрацией ловкости работы шашкой или нагайкой. Отсутствует самобытная танцевальная культура, которая складывалась веками: традиционные военные игры, свадебные обряды, гостеприимство казаков, их христианские заповеди, поверья, обереги, былинные легенды и т. д., следовательно, самобытность казачества не следует понимать, как простое воспроизводство прошлого, она основывается на глубинной российской традиционности.

Казаки (козаки) – субэтническая группа преимущественно восточных славян, проживающая в южных степях Восточной Европы, в частности, России и Казахстана, а ранее – и Украины. Слово имеет тюркское происхождение и в переводе с древнетюркского слово «казак» переводится как «свободные», «вольные», «отделившиеся люди», «храбрые, свободолюбивые люди», «удалые воины», «разбойники». Массовое распространение термин получил в XV веке [10, с. 60].

Казачество выработало свой особый жизненный уклад, своё мировоззрение и культурную самобытность на протяжении многовековой истории, то есть исторически казачество было одной

из наиболее передовых частей русского народа. Казачество как особое этнокультурное образование и сегодня продолжает сохранять и развивать исторически сложившиеся семейно-бытовые традиции, праздники и обряды. Л. Н. Толстой писал, что казачество внесло огромный вклад в укрепление развития России как сильной и могущественной державы, «казаками построена Россия» [12, с. 123], и с этим трудно не согласиться.

В одном из своих выступлений на телеканале «Краснодар» 19 декабря 2013 года В. В. Путин дал высокую оценку казачеству, как феномену российской культуры: «История казачества связана с верным служением Родине. Казак всегда был государственным человеком, тружеником, воином, защищающим интересы Отечества. За последние годы много сделано для возрождения казачества, его вековых традиций и самобытной культуры. Уже сегодня можно уверенно констатировать, что российское казачество возродилось, сформировалось как движение, способное решать серьезные и значимые для страны задачи. Российское казачество, сочетая исторические, традиционные формы самоуправления с современными демократическими нормами, с особым укладом жизни и своими обычаями, вносит весомый вклад в строительство новой России» (цит. по [15, с. 3]).

Цель данной статьи – систематизировать теоретический материал по бытовым обрядам, культурным традициям казаков, населяющих Россию, их отличительным особенностям для дальнейшего применения его в педагогической системе обучения и воспитания специалистов-хореографов в период практической работы по подготовке хореографических номеров обучающимися на материале танцевального творчества казачества.

Проблемы использования культуры российского казачества в современном образовании систематически обсуждаются на научно-практических конференциях от Всероссийского до местного уровня, публикуются научные статьи в сборниках, создаются учебно-методические комплексы по хореографии, разрабатываются программы по изучению и освоению танцевальной культуры казачества с целью обучения детей и молодежи в образовательных учреждениях культуры.

Изучению истории развития казачества, его обрядовой и праздничной культуры в России в целом и по регионам в частности, а также новых

подходов использования традиций танцевальной культуры в профессиональной подготовке хореографов в системе профессионального образования посвящены многочисленные исторические работы (Кашина Н., Смирнов А., Гордеев А., Кашкаров А.), книги о казачьих обрядах, традициях, культуре (Емельянов А. Г., Стороженко А. В., Дахно В.), педагогические труды (Костко О., Крашенинников И., Шарыпов Н.), материалы интернет-журнала «Казачья воля» и др.

Представленные работы легли в основу анализа казачьих обычаев, семейно-бытовых обрядов, традиций танцевальной культуры, которые могут использоваться в педагогической и практической деятельности обучения студентов при создании хореографических номеров.

Существуют разные теоретические обоснования в литературных источниках происхождения казаков в России. Одни утверждают, что в низовьях рек Дона и Днепра к концу XIV века образовались две крупные группы, к которым впоследствии периодически переселялся народ из восточных славян Московского и Литовского княжеств.

В XIX веке образовались группы, которые преобразовывались в крупные вольные войска: запорожские, терские, забайкальские, кубанские, донские со своей историей, традициями. Но главное, что объединяло их – это воинственность, то есть казак – это воин. Поэтому для балетмейстера, воплощающего историческую тему, важно отразить в танце объективную действительность казачества в условной форме. Главным выразительным средством является здесь пластика человеческого тела, обобщенная до символа. Исходя из того, что казак – это воин, танцевальные движения должны быть основаны на резких, быстрых и энергичных шагах, взмахах рук, ног, виртуозном мастерстве владения оружием: саблей, пашкой. Также необходимо, чтобы музыкальный материал, выбранный балетмейстером для народного танца, способствовал организации движения во времени и пространстве.

Следовательно, народный танец, как один из древнейших видов народного творчества, не только повествует о реальных исторических событиях, конкретных предметах, воплощенных балетмейстером в хореографических образах, но и отражает внутренний мир человека, его эмоциональное состояние, настроения, чувства, мысли.

Профессиональная деятельность балетмейстера в ансамбле народного танца предусматривает обязательные знания в области этнохореографии, обрядовой и праздничной культуры народов, проживающих в России и за рубежом для того, чтобы достоверно воплотить в хореографических номерах темы, идеи, основанные на народных традициях, в частности традициях казачьей культуры. Каждый народ имеет свои определенные обычаи, обряды и праздники. Рассмотрим наиболее типичные обычаи и обряды казаков, которые могут лечь в основу хореографических постановок:

- семейно-бытовые;
- традиции военной службы;
- календарные праздники;
- танцевальные традиции.

Приведенные ниже описания обычаев и обрядов, традиций и праздников казаков в некоторой степени могут оказать помощь балетмейстерам в исследовательско-практической работе по внедрению их в хореографические номера.

Семейно-бытовые обычаи, обряды и поверья являлись жизненно-бытовой необходимостью каждой казачьей семьи в казачьей среде. Несоблюдение их отрицательно сказывалось на взаимоотношениях с жителями станицы или хутора. Соблюдение «домашних законов», таких как уважительное отношение к старшим, безмерное почитание гостя, уважение к женщине (матери, сестре, жене), и на сегодняшний день остается непоколебимым.

Ответственность перед родителями, их почитание – это не просто обычай, а проявление внутренней потребности заботы о них сына и дочери.

Непочитание отца с матерью сказывалось на решении вопросов молодой семьи, так как родители принимали самое непосредственное участие в ее создании.

Особое место в семейно-бытовых обычаях занимает процедура встречи гостей, дальних родственников, которые нуждались в приюте, отдыхе и опеке. Этот обычай сохранился до наших дней (приютить гостя, накормить его и его коня). Эпизод встречи гостя, с точки зрения художественного осмысления, находит отражение в хореографических постановках творческих коллективов

Любили казаки праздничное застолье, которое сопровождалось застольными песнями, веселыми плясками.

В семейно-бытовых традициях важное значение и свои специфические особенности имел свадебный обряд казаков. В проведении этапов свадебного обряда принимали участие только замужние женщины и женатые мужчины. Молодежь до свадьбы собиралась отдельно в доме жениха или невесты, где проводились увеселительные вечеринки с хороводами, играми, песнями. В период свадебного застолья соблюдались приличия, ведущий пресекал непристойности.

Необходимо отметить, что свадьба проходила по общепринятому сценарию, но имелись свои специфические обычаи. Например, у терских и отчасти у кубанских казаков был принят обычай: перед засылкой сватов жених кидал свою папаху во двор невесты. У яицких казаков отец невесты не справлял приданое, а уплачивал за него только деньги, так называемую «кладку», отцу жениха. За день или за два до свадьбы во всех станицах пекли свадебный обрядовый хлеб – каравай у невесты, у жениха – лежень. Пекли также витушки и круглый калач. Каравай украшали шишками и птичками из теста, калиной, но главным его украшением была ветка или верхушка дерева. Веточку, украшавшую каравай, называли сосной, или квиткой, или просто веткой. Свадебное деревце украшали лентами, это был символ, выражающий начало, расцвет новой жизни, супружество, мировое дерево, которое соединяет землю с небом.

Свадьбе казаки придавали большое значение, и проводилась она в основном накануне великих праздников: постов, Святков, в течение Сырной недели или Пасхальной седмицы.

Обряд казачьей свадьбы сформировался в начале XIX века и состоял из нескольких отдельных частей: смотрины в доме жениха, сватовство, пропой – выкуп невесты, посиделки (мальчишник-девичник), вечеринка, на свадьбе – выкуп косы, венчание, празднование у невесты, и жениха.

Традиции военной службы казаков рассматривались как основа их жизненного уклада и включали в себя: подготовку снаряжения, проводы, прием присяги, богослужение. Каждый этап имел свои специфические особенности, которые в художественной трактовке могут быть использованы в практической деятельности балетмейстеров при создании хореографического номера. Например, проводы казака на службу близки к русским рекрутским обрядам, однако в казачьей культуре имеется и ряд существенных отличий,

в зависимости от локальной традиции, статуса казака, семейного положения и др.

Приведенные ниже описания процессов подготовки молодого казака к службе, проводов и т. д. представляют большой интерес для разработки определенного сценария-программы, а также подбора музыкального материала для создания хореографических полотен.

В своей работе «Обряды социализации и подготовки воина в донской казачьей традиции» Рыблова М. А. приводит интересный, на наш взгляд, пример проводов на службу молодого казака: «За некоторое время до ухода на службу молодой казак освобождался от ежедневной работы по хозяйству и был занят подготовкой снаряжения. Примерно за день до назначенной даты проводов, утром, казаки съезжались на своих лошадях в центр станицы к храму. Возле храма проводился молебен, на котором присутствовало большинство жителей станицы, родители и родственники новобранцев, атаман и станичное правление... Уже во время молебна “примечали”, какая судьба ждет казака – если конь стоит, опустив голову, во время церковной службы – казак домой не вернется. После церковной службы станичный атаман, почетные старики, напуществовали новобранцев и желали скорого и благополучного возвращения...

Часто на проводы не приглашали, люди приходили сами. В других случаях новобранец сам лично ходил по станице и приглашал станичников. С собой гости приносили подарки: мыло, рубашки, бритвы, продукты. В качестве подарка могли выступать деньги... В некоторых станицах новобранец, если был не женат, вечером шел приглашать молодежь... Молодые девушки и парни в доме казака пели, танцевали, играли, а затем все садились за стол. Уже за столом крестная мать перевязывала новобранца крест-накрест рушником. Перевязать полотенцами могли и так: один раз крестный, один раз родной отец. Девушки прикалывали булавками платочки, цветы к черкеске на груди казака либо перевязывали ему правую руку. При этом платочек, цветок повязывала или прикалывала невеста новобранца, дарила ему вышитый кисет для табака. Замужние женщины также могли повязать, но не платочки, а полотенца. На головной убор – папаху – прикалывали бумажный цветок или красную ленту. После угощения молодежь расходилась, а за столом оставались взрослые» [11, с. 152–153].

Становление местных традиций осуществлялось в единстве индивидуального и коллективного творчества. Например, собираясь на ночные застолья, гости вспоминали свои заслуги, поминали друзей, отдавших свою жизнь за Родину. Часто застолья сопровождались песнями, иногда танцами. В сюжетном отношении песенный репертуар был разнообразным, состоял из военных, лирических песен. Большая часть текстов сюжетно была связана с тяготами казачьей службы, разлукой с семьей, военными темами [5; 12]. Поутру население часто сходилось во дворе новобранца. После завтрака родители благословляли сына на военную службу с иконой и хлебом с солью. Опустившись на колени, новобранец стоял перед родителями на шубе, вывернутой мехом вверх, чтобы было не голо служить. Все желали ему счастливого возвращения домой. Поцеловав икону, хлеб и руки родителей казак поднимался с колен, затем ему одевали крестик или медальон и трижды произносили: «Господи благослови».

Нужно отметить, что в этом обряде важным было принято считать выход со двора юноши через ворота, которые, украшали рушником. Процессия проводов на службу имела свою структуру. Первым выходил казак, затем родители, жена, гости. У кубанцев перед выездом из дома на войну коня казаку подводила жена, держа повод в подоле платья. По старому обычаю она передавала повод, приговаривая, чтобы муж только на этом коне возвращался домой с победой. Неженатому казаку коня могли выводить родственники. На четыре стороны поворачивался казак и кланялся всему народу. К сожалению, этот интересный обычай не нашёл отклика в сочинениях балетмейстеров при постановке хореографических номеров на казачью тематику. Женатый казак накидывал на плечи супруги, сидя в седле, черную шаль – «печальник». Это головное убранство женщина носила на протяжении всего периода службы мужа в праздничные дни. Запрет был наложен на ношение в случае гибели мужа. Нередко неженатого казака на площадь приводили подруги, сопровождая проводы весёлыми песнями с приплясом. Женатый сидел на коне, которого до места сбора под уздцы вела жена.

Иногда на площади проводили прощальный молебен. Он проходил на таком месте в станице, которое было исторически связано с поводами казаков на службу.

Знаком надёжности жизни считался в казачестве оберег. В качестве него, как обычно на Руси, использовали землю, которую казак брал на границе станицы и засыпал ее себе за воротник, так как, по преданию, родная земля могла сохранить от гибели и привести живым обратно туда, откуда была взята. Такой элемент обряда проводов на службу сохранился и сегодня.

В календарных праздниках и обрядах казаков наибольший интерес, с точки зрения художественного воплощения хореографических номеров, представляет использование коня как друга и брата, которому доверяют самое сокровенное. Например, на масленицу жгли среди улиц костры и молодые казаки прыгали через них верхом на коне, под крики и смех казачек. А в дни проведения свадьбы запрягали тройку лошадей и в сопровождении друзей жених и невеста разъезжали по станице, извещая её жителей о радостном событии. По условиям обряда запряжённая тройка, разогнавшись, должна была перепрыгнуть через костер, а затем дружка останавливал их у ворот дома.

Особое значение в жизни молодого казака имела джигитовка, которая включала в себя различные воинские упражнения. Наиболее характерные из них: управление конем и телом, а также оружием. Казаки делали прыжки, вертушку, поднимали платочки с земли, показывали рубку лозы, фланкировку и уколы пикой в шар и предмет, лежащий на земле. Тренировались в вывозе раненого с поля боя. При быстрой скачке стреляли из-за седел. По окончании скачек наступало общее веселье. В знак успеха исполнялись богатырские казачьи песни, девицы водили лирические хороводы и весело отплясывали. Парни и девушки, симпатизировавшие друг другу, часто здесь же и определяли свою судьбу.

При работе хореографов над осуществлением постановок необходимо учитывать региональные и этнографические особенности проживания казаков в России. Так, сохранение и развитие традиций казачества Южного Урала проходило под воздействием местных географических, социальных, социобиологических и хозяйственных факторов.

Сплав культур, этнокультурная общность породили на Южном Урале особую казачью культуру. Одной из старых традиций, сохранившихся

на Южном Урале, является подготовка юношей к воинской службе в форме проведения военных игр. Теоретическая часть нижеизложенного обязательно должна найти свое применение в практике хореографов. На Урале существовали особые традиции военных соревнований. Молодёжь из тридцати станиц прибывала в лагерь, разбитый среди долины, с положенным оружием. Молодые казаки разделялись на отряды и тренировались в разных видах скачек, стрельбе по мишени. Участники игр демонстрировали умение владеть шашкой и ружьем на полном скаку. Верховом мастерства считалось поднятие предмета с земли, когда конь с седоком стремительно идет вскачь. Устраивались поединки между отдельными казаками на владение нагайкой. Молодые казаки показывали свое умение на конях, во всем воинском снаряжении, переплывать реку. Соревновались, кто быстрее достигнет берега. По вечерам проходили кулачные бои. Юноши вступали в рукопашную схватку, демонстрируя выносливость, смелость, силу, ловкость, умение постоять за себя и товарищей. Победа в кулачных боях-соревнованиях ценилась высоко. Войсковой атаман подводил итоги военных игр. Отличившихся всегда награждали оружием или снаряжением для коня.

Праздничные традиции Святки, которые были распространены среди казачества, не менее интересны. Они заслуживают особого внимания хореографов. Одно из любимых игровых занятий на святки как детей, так и взрослых – это всеобщее катание на санях. Дети спускались с горок на ледянках – хозяйственных корзинах, облитых водой на морозе. Популярностью пользовались каталки – зимняя карусель. Устройство их было простым: в лед вмораживали кол, на него надевали колесо от телеги, а к нему прикрепляли жердь и салазки. Среди молодежи были популярны катания на тройках, игры в кучу-малу, соревнования в скачках наперегонки и стрельбе на ходу в пучки соломы.

На Масленицу весельем были охвачены все. Каждый участник праздника чувствовал себя членом единой казачьей семьи.

Еще более многочисленные и длительные увеселения устраивались на Пасху – самый яркий праздник весеннего цикла. В пасхальных приготовлениях к празднику принимало участие всё население станиц. Обрядовой еде уделялось осо-

бое внимание – куличам, сырной пасхе и «писанкам» – красиво расписанным натуральным или сделанным их сахара яйцам. Древнейшие элементы весенней славянской обрядности просматриваются в многочисленных играх с крашеными яйцами домашней птицы.

Танцевальные традиции казаков разных регионов Росси представляют особый интерес для хореографов. Как отмечает Н. И. Заикин, «танцевальное искусство русского казачества Юга России характеризуется синтезом разнообразных танцевальных движений, вобравших в себя пластические мотивы танцев разных народов: украинцев, русских и горцев, привносящих боевой дух и элементы гимнастики. Здесь лихие скачки, рубки в клинках, высокие движения на полу мужчин перебиваются замысловатой дробью, степенностью, необычайной лёгкостью поступи и движениями рук у женщин. Стойкость, смелость и мужество казаков сочетаются с задушевной грустью проводов или ожидания казачки любимого из похода» [1, с. 452].

Исследуя историю возникновения **некрасовских казаков**, потомков атамана Игната Некрасова, их самобытную культуру, знакомясь с обширными научными публикациями о жизни и культуре казаков, следует отметить главное: в обрядовых действиях казаков-некрасовцев совершенно отсутствовал дух скоморошества, обычаи ряжения, пения текстов комического содержания, игрища и т. п. Специфика их обрядности – в неразрывной связи с церковью. Обрядовые действия и праздники могли совпадать и не совпадать с земледельческими природными циклами, но они, как правило, были приурочены к датам христианского календаря и обязательно сопровождались благословением и молитвой. В исследованиях мы не обнаруживаем танцевального творчества казаков-некрасовцев. Жили они обособленно от турков, на островах, избегали всяческих с ними контактов. Можно с сомнением отнести к постановке танца «Некрасовских казаков» в XXI веке в Государственном кубанском хоре, но мы находим одно объяснение – с развитием их музыкального искусства, модой на восточные танцы женщин, где играют бёдра и руки, балетмейстеры стали проявлять свою фантазию и сегодня почти узаконили этот жанр.

Известно, что в середине XVI века значительную часть лесостепей Западной Сибири охва-

тивало Сибирское ханство, правителями которого были представители местной татарской династии. В 1581 году отряд волжско-камских казаков под предводительством Ермака перевалил через Урал-камень, чем открыл эпоху освоения Сибири и присоединения ее к России, сыграв большую роль в её заселении. К концу XVII века в Сибири образовалось **Сибирское казачье войско**, которое в основном охраняло границы южной части Западной Сибири. Казаки составляли большую часть русского населения этого края, поэтому оказывали немалое влияние на весь уклад, быт и культуру старожилов.

Приход русских (казаков) был событием, определившим всю последующую историю аборигенов Сибири. Осознание этого факта фигурирует в фольклоре в виде деления исторического времени на период до прихода русских и после [7].

Анализируя фактологический материал, можно сделать вывод об огромной и уникальной роли казачества в истории Сибири, её традиционной культуре, да и всей России. Русский народ выделил из своего состава свободолюбивых, энергичных, смелых и инициативных людей, которые, не мирясь с установленными в стране порядками, жесткой государственной политикой, развитием крепостничества, уходили на окраины Руси и становились вольными людьми – казаками. В Сибири они определили для себя трудную миссию охраны русских рубежей от южных соседей – воинственных кочевников. Правительство, быстро рассмотрев все преимущества казачества как военной и колонизационной силы, использовало ее для войны с внешними врагами и для освоения новых территорий, прежде всего в Сибири и на ее границах. Постепенно подчинив казачьи войска Дона и Яика, государство по их подобию стало создавать и реформировать служилое казачество Сибири [2].

К концу XIX века всюду в России: на Дону и Северском Кавказе, на Урале и на юге Западной Сибири, на Алтае и Забайкалье, на Амуре и Уссури – казачьи войска составляли оборонный пояс страны. Легкие на подъем, неприхотливые в быту, хорошие кавалеристы, фехтовальщики и стрелки, прекрасные следопыты, великолепно ориентировавшиеся на местности, казаки представляли собой отличную пограничную стражу. Покорив Сибирь и присоединив ее к России, они стали на-

дежным щитом русских владений, раскинувшихся от Урала до Тихого океана.

В Сибири в течение многих десятилетий формировалось своеобразное и интересное по манере исполнения, стилю и характеру песенное и танцевальное творчество казаков, основанное на трансформации старинных хороводов и плясок, забав и игр, завезённых сюда переселенцами из разных областей Европейской части России. Но богатые истоки танцевальной культуры переселенцев в новых природных, бытовых условиях значительно изменились.

Приведенный анализ традиций, обычаев и обрядов, в том числе танцевальных традиций, русского казачества представляет богатейший, интересный материал с точки зрения художественного воплощения на сценических площадках. Поэтому его необходимо исследовать, изучать, методически грамотно обрабатывать и использовать в учебном процессе в высших учебных заведениях культуры.

Деятельность любого народа в области культуры, в том числе и казачества, всегда рассматривается и определяется в диалектическом единстве процессов опредмечивания и распредмечивания. Механизм «социальной наследственности» предполагает, что каждое новое поколение людей усваивает и реализует достигнутые предшественниками знания умения, навыки, ценности. Таким образом, происходит приобщение новых поколений людей к достигнутому уровню развития культуры. Этот основополагающий факт должен стать «компасом» для современных балетмейстеров, работающих в области сочинения казачьих танцев.

К сожалению, сегодня, в силу утраты народных танцевальных истоков, всё больше хореографических коллективов не придают значения формированию своего репертуара. Многие коллективы народного направления танцуют в общей казачьей манере. Красота, привлекательность, целомудрие заменяются на сцене всевозможными акробатическими трюками, причудливыми головными уборами, стилизованным пластическим языком и т. д.

Все меньше значения придаётся различию мужской и женской плясок. Самобытная культура русского танца, его пластическая природа, художественные образы и приёмы, композиционные формы систематически извращаются. Основа

подлинной народной казачьей пляски уходит на второй план, уступая место фантазии балетмейстера. Подлинный фольклор заменяется балетной «школой».

Последствия такой стилизации мы ощущаем сегодня. Прерываются традиции. Казачий танец, отторгнутый от традиционных истоков, теряет самобытность.

В последнее десятилетие техника сценического танца постоянно усложняется. Но, совершенствуя её, хореографы и педагоги порой переходят границу, отделяющую собственно танец от цирка и спорта. Они ориентируют своих воспитанников на внешнюю эффективность приёмов, на силовое трюкачество, оставляя без внимания пластическую кантиленность движений, их этническую узнаваемость, – всё то, из чего складывается казачья танцевальная образность и чем всегда отличалась подлинно народная исполнительская школа. Из казачьего народного танца постепенно уходит жизнь национального духа. Танец всё более становится не выражением души и сердца, а обыкновённой демонстрацией физических и технических возможностей исполнителей.

Не следует забывать, что профессиональное искусство и любительское творчество принципиально отличаются друг от друга и призваны выполнять в обществе разные социальные функции. Если главным назначением профессионального искусства является создание сценических хореографических произведений, то любительское творчество призвано воспитывать через постижение сути хореографических произведений, через воспроизведение многовековых традиций народного самостоятельного творчества. Из этого следуют разные направления и методы работы, разные способы её выполнения, разный конечный результат.

Сочинение русского танца, где будет присутствовать идея, форма, жанр, стиль и талант, обеспечивает ему долгую и прекрасную сценическую жизнь.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях необходимо найти формы воссоздания народного казачьего танца, коренным образом изменить своё отношение к традициям подлинно народной танцевальной культуры. А для этого должны быть решены следующие проблемы:

Первая группа проблем – отсутствие региональных (областных) особенностей исполнения казачьего танцевального творчества. Отдельные коллективы показывают в своих выступлениях танцевальные опусы, не имеющие конкретной этнографической прописки.

Вторая группа проблем – осознание того, что любой казачий народный танец имеет ярко выраженную хореографическую форму. Формы слагались столетиями и задачи нынешних поколений хореографов заключаются в том, чтобы, познавая, не разрушать, а продолжать их дальнейшее совершенствование.

Третья группа проблем – отсутствие в танцах новых идей, жанрового многообразия (в настоящее время мы редко встречаем на сцене такие виды танца, как: хоровод, перепляс, парный танец, кадрили).

Четвертая группа проблем – в учебном процессе в балетмейстерско-педагогической практике необходимо использовать подлинные образцы казачьей танцевальной культуры, основанные на региональных особенностях исполнения: Сибири, Урала, Кубани, Дона и т. д.

В книгах о народной хореографии каждый автор даёт свое толкование форм, жанров, видов плясок, переплясов, кадрилей и т. д. Основное место в этой классификации должно принадлежать формам русского танца, именно форма даёт возможность отличить один танец от другого [8].

И, тем не менее, наряду со всеми проблемами создания хореографических номеров на основе традиционной танцевальной культуры казачества, постоянно возникает что-то новое в художественном и танцевальном творчестве России и отдельно в Сибири. Хореографы, используя фольклорный материал, придают танцам разнообразие и законченность, сохраняя манеру исполнения и образ сибирского казачьего танца. Большую работу по популяризации казачьего танца ведут профессиональные ансамбли танца, танцевальные группы русских народных хоров Сибирского региона: ансамбль танца Сибири им. М. Годенко, «Сибирский калейдоскоп» (г. Кемерово), государственный Омский русский народный хор, Сибирский русский народный хор, Ансамбль песни и пляски Забайкальских казаков, «Молодой Кузбасс» КемГИК, а также любительские хореографические коллективы России.

Литература

1. Заикин Н. И. Областные особенности русского народного танца: учеб. пособие. – Орел: Орлов. гос. ин-т искусств и культуры. – 1999. – Ч. 1. – 452 с.
2. Зверев В. А., Зуев А. С., Кузнецов Ф. С. История Сибири. Сибирь в составе Российской империи. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 1989. – Ч. 2. – 376 с.
3. Зуев А. С. Сибирь: вехи истории (XVI–XIX века): учеб. пособ. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 1998. – 368 с.: ил.
4. История Сибири: учеб. пособие / под ред. З. Я. Бояршинова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. – 472 с.
5. Казачьи песни Кемеровской области : сб. мат-лов фольклор. экспедиций / под. ред. Н. В. Тиунова. – Кемерово: Кемеров. гос. акад. культуры и искусств, 2002. – 72 с.
6. Казаринова Т. А. Хороводы и кадрили Пермской области: учеб. пособие. – Пермь: ИПК Звезда, 2002. – 112 с.
7. Казачья воля [Электронный ресурс]. – URL: <http://comobzor.ru/registers/media/617-kazachya-volya>.
8. Кузнецова Ф. С. История Сибири: учеб. пособие. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 1997. – Ч. 1. – 255 с.
9. Мурашко М. П. Кризис ансамблей русского танца // Балет. – М.: Ред. журн. «Балет». – 2011. – № 2. – 68 с.
10. Народное музыкальное творчество: учеб. пособие / под. ред. О. А. Пашина. – СПб.: Композитор, 2007. – 336 с.
11. Рыблова М. А. Обряды социализации и подготовки воина в донской казачьей традиции // Стрежень: науч. ежегод. – Волгоград: Издатель, 2009. – Вып. 7. – 280 с.
12. Садохин А. П. Этнология: учеб. слов.: учеб. пособие. – М.: Гандарики, 2002. – С. 60.
13. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.: Гослитиздат, 1952. – Т. 42. – 123 с.
14. Ты взойди, солнце красное: Русские народные песни / сост. Г. И. Ганзбург. – Ростов н/Д.: Феникс; Харьков: Фолио, 2007. – 288 с.
15. Шевчук С. Б., Коровина А. С. Духовно-нравственные и культурно-исторические ценности российского казачества как средство воспитания, развития и социализации, учащихся кадетских казачьих классов МБОУ «СОШ № 4» г. Нефтеюганска. – Нефтеюганск. – 2017. – С. 66.

References

1. Zaikin N.I. *Oblastnye osobennosti russkogo narodnogo tantsa [Regional features of Russian folk dance]*. Orel, Orlovskiy gos. in-t iskusstv i kul'tury Publ., 1999, part 1. 452 p. (In Russ.).
2. Zverev V.A., Zuev A.S., Kuznetsov F.S. *Istoriya Sibiri. Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii [History of Siberia. Siberia in the Russian Empire]*. Novosibirsk, Infolio-press Publ., 1989, part 2. 379 p. (In Russ.).
3. Zuev A.S. *Sibir': vekhi istorii (XVI-XIX veka) [Siberia: milestones of history (XVI-XIX centuries)]*. Novosibirsk, Infolio-press Publ., 1998. 368 p. (In Russ.).
4. *Istoriya Sibiri [History of Siberia]*. Tomsk, Tomsk University Publ., 1987. 472 p. (In Russ.).
5. *Kazach'i pesni Kemerovskoy oblasti: sbornik materialov fol'klornykh ekspeditsiy [Cossack songs of the Kemerovo region: a collection of materials of folklore expeditions]*. Kemerovo, Kemerovo State Academy of Culture and Arts Publ., 2002. 72 p. (In Russ.).
6. Kazarinova T.A. *Khorovody i kadrili Permskoy oblasti [Horovody and quadrilles of the Perm region]*. Perm, IPK Zvezda Publ., 2002. 112 p. (In Russ.).
7. *Kazach'ya volya [Cossack will]*. (In Russ.). Available at: <http://comobzor.ru/registers/media/617-kazachya-volya>.
8. Kuznetsova F.S. *Istoriya Sibiri [History of Siberia]*. Novosibirsk, Infolio-Press Publ., 1997, part 1. 255 p. (In Russ.).
9. Murashko M.P. *Krizis ansambley russkogo tantsa [The crisis of the ensembles of Russian dance]*. *Balet [Ballet]*. Moscow, Red. zhurn. «Balet» Publ., 2011, no. 2. 68 p. (In Russ.).
10. *Narodnoe muzykal'noe tvorchestvo [Folk musical creativity]*. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2007. 336 p. (In Russ.).
11. Ryblova M.A. *Obyady sotsializatsii i podgotovki voina v donskey kazach'ey traditsii [Rites of socialization and training of the warrior in the don Cossack traditions]*. *Strezen': Nauchnyy ezhegodnik [The Core. Scientific Yearbook]*. Volgograd, Izdatel', 2009, vol. 7. 280 p. (In Russ.).
12. Sadokhin A.P. *Etnologiya: uchebnyy slovar' [Ethnology, the educational dictionary]*. Moscow, Gandariki Publ., 2002, p. 60. (In Russ.).
13. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t [Complete works. In 90 tons]*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1952, vol. 42. 123 p. (In Russ.).
14. *Ty vzoydi, solntse krasnoe: Russkie narodnye pesni [Ascend, the sun is red. Russian folk songs]*. Rostov-on-Don, Feniks Publ.; Kharkiv, Folio Publ., 2007. 288 p. (In Russ.).

15. Shevchuk S.B., Korovina A.S. *Dukhovno-nravstvennye i kul'turno-istoricheskie tsennosti rossiyskogo kazachestva kak sredstvo vospitaniya, razvitiya i sotsializatsii, uchaschikhsya kadetskikh kazach'ikh klassov MBOU «SOSh № 4» g. Neftuganska [Spiritually-moral and cultural-historical values of the Russian Cossacks as a means of education, development and socialization, students of the cadet Cossack classes of the MBUU "School No. 4", Neftugansk].* Neftugansk, 2017, p. 66. (In Russ.).

УДК 008

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ: СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО¹

Диская Наталья Ивановна, директор Челябинской областной универсальной научной библиотеки (г. Челябинск, РФ). E-mail: diskayan@mail.ru

Зубанова Людмила Борисовна, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии и социологии, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: milazubanova@gmail.com

Предметом рассмотрения данной статьи является фиксация проблем и перспектив развития библиотеки в региональном социокультурном пространстве, обозначение ключевых направлений модернизации ее работы в контексте построения модели будущего. Несмотря на уникальность «жизненного пути» региональной библиотеки, эти проблемы и перспективы зачастую носят универсальный характер, а потому открывают возможность для фиксации общезначимых аспектов развития библиотечной сферы. Авторы обращаются к обобщению результатов деловой игры, реализованной на базе Челябинской областной универсальной научной библиотеки, и предполагающей моделирование (в игровом пространстве) реальных оснований преобразования деятельности библиотеки. Для построения концептуальной модели авторам представляется целесообразным взять за основу рассмотрение специфики библиотеки в контексте тенденции интеллектуализации общества. Формулируется миссия библиотеки как Ресурсного центра развития интеллектуально-креативного потенциала региона, анализируются различные направления и стратегии достижения указанной идеи.

В статье делается вывод о том, что региональная библиотека является мощным ресурсом поддержания и развития культурного разнообразия в современном социокультурном пространстве, который может и должен не только сохраниться, но и получить новые импульсы инвестирования идей и проектов в будущее.

Ключевые слова: библиотека, региональная культура, концепции развития библиотек, модель будущего, культурная политика.

CONCEPTUAL BASES OF REGIONAL LIBRARY DEVELOPMENT: SCENARIOS OF THE FUTURE²

Diskaya Natalya Ivanovna, Director of Chelyabinsk Regional Universal Scientific Library (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: diskayan@mail.ru

Zubanova Lyudmila Borisovna, Dr of Culturology, Professor, Department Chair of Culturology and Sociology, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: milazubanova@gmail.com

¹ Исследование осуществлено в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

² Research are conducted within the program of grants of the President of the Russian Federation for the state support of the leading schools of sciences of the Russian Federation (Competition NSh-2018), the project "Culture as a basis of valuable and spiritual consolidation: capacity of cultural heritage and images of the future".

Subject of consideration of this article is fixing the problems and the prospects of development of library in regional sociocultural space, designation of the key directions of modernization of its work in the context of model of the future creation. Despite uniqueness of “course of life” of a regional library, these problems and prospects often have universal character and therefore open an opportunity for fixing the valid aspects of library sphere development.

The authors address generalization of results of the business game realized on the basis of the Chelyabinsk Regional Universal Scientific Library, and assuming modeling (in game space) the real bases of transformation of activity of library. For creation of conceptual model, it is advisable to authors to take as a basis consideration of specifics of library in the context of a tendency of society intellectualization. The mission of library as a resource center of development of intellectual and creative capacity of the region is formulated, various directions and the strategy of achievement of the specified idea are analyzed. In the article, the conclusion that the regional library is a powerful resource of maintenance and development of cultural diversity in modern sociocultural space which can and has to not only remain is drawn, but also receive new impulses of investment of the ideas and projects in the future. In the article, the attention is focused on perception of the Chelyabinsk Regional Universal Scientific Library by real and potential audience of its visitors, the question is put: whether the regional library carries out the cultural aligning function, directing and organizing various cultural flows.

Keywords: library, regional culture, concepts of development of libraries, future model, cultural policy.

Усиление динамики современной жизни, развитие технических средств коммуникации, хранения и передачи информации, повышение мобильности населения требуют от учреждений культуры, в частности, крупных региональных библиотек актуализировать свою деятельность в части влияния на социальные процессы: не просто удовлетворять существующий спрос на информацию, но и формировать собственное предложение, максимально отражающее систему самореализационных ожиданий различных типологических групп пользователей.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года ведущая роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний, отводится культуре, что предполагает переход к качественно новому развитию отраслей культуры и искусства, в том числе и библиотечного дела. Сфера библиотечного обслуживания на сегодняшний день признана важным фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого информационного и культурного пространства. При этом, несмотря на объективно высокие показатели развития библиотечной сферы, в актуальных социокультурных условиях невозможно игнорировать и ряд проблем:

I. Отставание многих региональных библиотек во внедрении информационных технологий:

частичная автоматизация библиотечных процессов, недостаточное использование интернет-технологий в организации обслуживания читателей и удаленных пользователей, устаревший парк ПК, отсутствие необходимых специализированных структурных подразделений. Все это препятствует эффективному и мобильному реагированию на информационные потребности и запросы современного поколения пользователей постиндустриальной (информационной) культуры.

II. Проблемы состояния фондов: недостаточное финансирование. Это приводит к значительному сокращению поступления новых изданий, трудностям в сохранности, консервации и оцифровке.

III. Уменьшение доли квалифицированных кадров: увеличение процента работников библиотек пенсионного возраста, незначительный приток молодых специалистов (что связано с высокой интенсивностью библиотечного труда, непрестижностью профессии, все усложняющимися профессиональными требованиями при низком уровне оплаты). Все это ставит задачи сохранения преемственности между старым и новым поколением специалистов, актуализирует потребность профессионализации библиотечных кадров, отвечающих требованиям времени и высоким стандартам качества работы в современных учреждениях культуры.

VI. Вызовы глобализации: активное развитие глобализационных процессов. Это создает пред-

посылки потери национальной идентичности и культурной самобытности, в связи с чем усиливается ответственность библиотек за создание регионального контента в сети Интернет и формирование ресурсов, содержащих региональную информацию (а также за распространение ее в формах, адекватных времени и особенностям восприятия различных поколений). Именно в условиях глобализации библиотека должна активизировать информационную поддержку природно-ресурсного, культурно-исторического, социально-экономического развития региона, исследовательскую и просветительскую деятельность в области краеведения, способствовать воспитанию чувства принадлежности к своей «малой Родине», интереса к ее прошлому, настоящему и будущему.

Обозначенные проблемы (безусловно, не исчерпывающие всего многообразия существующих трудностей и противоречий) в современных социокультурных условиях требуют от библиотек мониторинга и анализа собственных целей и задач, оперативного реагирования на ситуативные вызовы, ориентации собственной деятельности на динамично развивающиеся потребности аудитории. Оговоримся сразу, что сама по себе традиция обращенности к читателю, потенциальной и реальной аудитории библиотек вряд ли может рассматриваться как изобретение сегодняшнего дня. Еще в концепциях классиков библиотечно-го дела Н. А. Рубакина [12; 13], А. М. Ловягина [8], М. Н. Куфаева [7], П. Отле [10] и других уделялось особое внимание методам прикладной социологии и психологии (библиопсихология, библиосоциология), воссоздающим социально-психологический портрет читателя. Позднее научно-исследовательские изыскания, направленные на выявление мотивации чтения, типологию читательских интересов и запросов продолжились в работах П. Б. Бирюкова [2], С. Н. Плотникова [11], И. А. Бутенко [3; 4], Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина [5; 6]; институционализировались в специальных исследовательских организациях, осуществляющих мониторинг читательских предпочтений (Межвузовский центр исследования чтения и информационной культуры, Фонд чтения им. Н. А. Рубакина и др.); позволили говорить об осознанной необходимости создания комплексной дисциплины «Читателеведение» [1].

И, тем не менее, особенность ориентации на пользователя заключается именно в постоянно возобновляющихся (по принципу мониторинга), а потому и устойчиво актуальных практиках фиксации запросов и предпочтений различных социально-демографических групп населения.

Не сомневаясь в объективной значимости обращенности к пользователю как выразителю запросов сегодняшнего дня (реалий настоящего), укажем на эвристический потенциал практик *моделирования будущего* – технологий, направленных на идеологию *опережающего отражения*. В этой связи мы выходим непосредственно к концептуальным основаниям культурной политики, трактуемой как «целенаправленная, перспективная (долгосрочно) ориентированная деятельность, обеспечивающая развитие общества (его части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей» [14, с. 73].

В настоящей статье мы обратимся к результатам деловой игры, реализованной на базе Челябинской областной универсальной научной библиотеки и предполагающей моделирование (в игровом пространстве) реальных оснований преобразования деятельности учреждения через построения концептуальной модели его будущего. Рассмотрение личности культурного политика как игротехника-модератора содержательно полно раскрыто в теориях социального проектирования Г. П. Щедровицкого, Ю. Л. Котляревского, Г. М. Бирженюка и др. Основная задача *культурного преобразователя* определяется в содействии процессам аксиогенеза – формирование новых или регенерация и принятие переосмысленных старых ценностей и установок [9, с. 90]. Это осуществление запуска аксиогенеза в искусственно-игровых условиях с последующим моделированием, развертыванием заданной программы в естественных условиях. Приведение объекта к нужному знаменателю осуществляется исходя из субъективных мировоззренческих установок участников игры, берущих на себя определение миссии конструирования будущего (образов будущего) библиотеки.

Анализ теории и практики развития современных библиотек указывает на контекстуальность существования учреждения, четкую зависимость от общекультурного, социального кон-

текста. Поэтому для построения концептуальной модели представляется целесообразным взять за основу рассмотрение специфики библиотеки в контексте тенденции интеллектуализации общества³.

В этой связи принцип построения деятельности библиотеки может быть обозначен как принцип информационного менеджмента, основанного на интенсификации интеллектуально-креативной составляющей процесса развития библиотеки.

Оптимальной моделью, отвечающей требованиям и запросам современного общества, является модель библиотеки как Ресурсного центра развития интеллектуально-креативного потенциала региона, предполагающего разработку и реализацию эффективных стратегий и методов поиска, структурирования и предоставления знания, порождения оригинальных идей и методов их реализации. Стратегической целью становится укрепление роли библиотеки как центра стимулирования интеллектуальной активности различных групп населения и аккумуляции интеллектуально-творческих инициатив и проектов региона, что позволяет:

1) обеспечить выход на новый уровень накопления информации;

2) способствовать системному внедрению в общественную практику современных информационных технологий и необходимых навыков поиска, освоения, оценки и переработки документированного знания как фундамента интеллектуального развития общества;

3) организовать и поддерживать эффективный процесс социальной коммуникации в части генерации идей и обмена идеями в реальном и виртуальном пространствах.

Объективными основаниями для данной концептуальной идеи развития могут рассматриваться следующие аспекты функционирования библиотеки:

- *универсализация посылы*: доступность для всех категорий и групп граждан, обеспечение их права на доступ к знаниям, информации и культуре;

³ Термин «интеллектуализация общества» использован в обобщенном виде. Имеются в виду сложные разноуровневые процессы: от реформирования систем образования всех уровней до создания искусственного интеллекта.

- *демократизация и коммуникативная открытость*: устранение информационного неравенства, создание условий для реализации интеллектуальной свободы, сохранения демократических ценностей и всеобщих гражданских прав, улучшения качества жизни;

- *оптимизация выражения локальной самобытности*: региональная библиотека вносит важный вклад в повседневную жизнь и социально-экономическое развитие местного сообщества, способствует всестороннему развитию территории с ее уникальными особенностями и местной спецификой (функция хранения «культурной памяти» региона);

- *инновационная чуткость и нацеленность на интегративные стратегии партнерства*: активное сотрудничество с органами местной власти, взаимодействие с отраслевыми партнерами, с общественными движениями и организациями, средствами массовой информации, развитие деловых и творческих связей с деятелями культуры, искусства, представителями бизнеса.

Достижение заявленной концептуальной идеи, в ходе деловой игры с коллективом Челябинской областной универсальной научной библиотеки, было осуществлено через конкретизацию следующих приоритетных направлений развития учреждения:

1. Информатизация библиотеки и создание собственных информационных ресурсов («библиотека нового поколения – часть цифровой экономики»): переход на качественно новый уровень использования информационно-телекоммуникационных технологий, рассмотрение библиотеки как единой, открытой и доступной информационно-образовательной системы.

2. Совершенствование системы обслуживания читателей и модернизация библиотечной среды: создание благоприятной среды для получения новых знаний, формирования у населения потребностей в чтении, реализации возможностей культурного и профессионального роста, межличностного взаимодействия и интеллектуально-творческого диалога, совершенствование форм привлечения читателей (интерактивная работа, выставочная деятельность, культурно-массовые мероприятия библиотеки, призванные способствовать просвещению и интеллектуализации аудитории).

Реализация данного направления предполагает дифференцированный подход к различным сегментам аудитории и конкретизируется в следующих моделях обслуживания населения:

- «Библиотека как центр интеллектуального развития»: площадка для публичных лекций и круглых столов, конференций и семинаров, публичной защиты научных работ, проведения исследований.

- «Библиотека как центр бизнес-информации»: площадка для информационной поддержки малого и среднего бизнеса.

- «Библиотека как коуч-центр»: посредник в образовательном процессе индивида, в работе по профориентации молодежи; место популяризации знаний, создания и продвижения инноваций (коворкинги, интеллект-игры, площадка для презентации стартапов);

- «Библиотека как центр сообщества»: социализация различных групп населения: лиц с ограниченными возможностями здоровья, пенсионеров, многодетных семей, правонарушителей, мигрантов и др.; предоставляет персонализированное обслуживание клиентам, которые не способны посетить сайт библиотеки или получить доступ к мобильной библиотеке (служба домашней библиотеки).

- «Библиотека как этнодом для национальных сообществ»: центр межнациональной коммуникации сообществ, проживающих в Челябинской области (программа «Южный Урал многонациональный: единство через культуру»), ориентация на сохранение основ национальной культуры и знакомства с культурой других народов.

3. Комплексное развитие, формирование, использование и обеспечение безопасности фонда: качественное увеличение видового разнообразия и тематического репертуара фонда, контроль его сохранности.

4. Формирование культурно-исторического сознания местного сообщества, прежде всего в процессе краеведческой деятельности: сохранение и актуализация документного достояния области, обеспечение доступа к краеведческой информации. Функциональное предназначение библиотеки как «хранителя региональной памяти» выступает необходимым условием развития интеллектуально-креативного потенциала региона, обеспечивает органичное вхождение в буду-

щее за счет сохранения баланса между прошлым и будущим, глобальным и локальным, общероссийским и региональным контекстами.

5. Формирование библиотечного методико-консультационного кластера как механизма стимулирования научной и методической работы ее структурных подразделений и корпоративного взаимодействия с муниципальными библиотеками региона.

6. Сохранение кадрового ресурса, формирование системы привлечения и закрепления высококвалифицированных специалистов: изменение характера и содержания труда, основанного на использовании современных информационных технологий, возрастающие требования к качеству обслуживания пользователей. Все это вызывает объективную необходимость постоянной актуализации знаний и регулярного повышения компетенции библиотечных специалистов.

7. Укрепление материально-технической базы и модернизация библиотечной среды: необходимость соответствия современным условиям развития информационной культуры, что требует обновления парка персональных компьютеров и закупки оборудования для внедрения новых технологий в библиотечные процессы.

Таким образом, можно говорить о том, что в современных социокультурных условиях традиционной библиотеке в лице ее специалистов необходимо создавать новые концептуальные основания своей деятельности, обеспечивающие устойчивое положение в будущем. Данная работа, с одной стороны, должна опираться на лучшие мировые практики и достижения современной науки; с другой – концепция может быть качественно разработана и эффективно реализована только самим субъектом деятельности, в данном случае – коллективом (группой ведущих специалистов) библиотеки. Актуальное понимание миссии библиотеки требует поиска инновационных подходов к её деятельности, использования новых методов и средств в научном поиске, широкой информатизации основных направлений библиотечной работы, обеспечивающих устойчивый интерес аудитории. В 2016–2017 годах силами Челябинской областной универсальной научной библиотеки было проведено авторское исследование, направленное на комплексный анализ актуального статуса библиотеки как учреждения

культуры, её места и роли в культурном пространстве современного города и жизни отдельного человека (в опросе приняли участие 337 человек). По результатам исследования можно констатировать существование проблемного участка востребованности функционала библиотеки, сводимого, нередко, к единично-вынужденному обращению к её услугам в том случае, если посетитель не может найти альтернативных источников реализации возникших информационных потребностей. Библиотека далеко не всегда воспринимается респондентами как центр реализации их интересов и духовных запросов. И такая ситуация, как нам видится, нуждается в серьёзной коррекции, если сами библиотеки связывают стратегию своего развития не с выживанием и работой с локально-лояльной аудиторией, а с системным и всесторонним включением в актуальную культурную среду и переходом на качественно иной уровень функционирования в современных условиях культурного разнообразия.

Подчеркнем еще раз, современная действительность существенно трансформирует условия функционирования региональных библиотек, что наиболее ярко проявляется на уровне осмысления социального предназначения библиотечных учреждений, в частности, в идее их многофункциональности. В настоящее время эта установка

провоцирует активное появление и закрепление за библиотеками видов деятельности, напрямую не связанных с их традиционным предназначением и преследующих цель расширения «библиотечной территории» как места разнообразных досуговых действий не книжного характера. Зарубежные и отечественные библиотеки, в стремлении сохранить свой социальный статус, прибегают к активному заимствованию форм и средств других культурно-досуговых учреждений для привлечения пользователей. Отношение специалистов к происходящему – неоднозначное: от негативного («понижение социального статуса библиотек») до позитивного («библиотека была и остается полифункциональным центром»). Однако при этом сама идея – формирование библиотеки как учреждения комплексных широко понимаемых информационных услуг – остается стабильно актуальной. В ситуации объективного падения спроса на традиционные библиотечные услуги, создавая для населения нестандартные поводы для посещения библиотеки, ее сотрудники реализуют современное международное понимание роли библиотеки как «общественного места», где создается возможность для людей вступать в неформальные контакты, обеспечивается их комфортное общение, и воплощают присущую современной действительности *установку на разнообразие*.

Литература

1. Аскарова В. Я. Динамика концепции российского читателя: Конец Х – начало XXI века: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2004. – 438 с.
2. Бирюков П. Б. Чтение в жизни современных студентов: опыт культурол. исслед. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 103 с.
3. Бутенко И. А., Бирюков Б. В. Чтение 90-х годов: предмет раздумий, предмет исследований // Homo legens: Памяти С. Н. Плотникова (1929–1995). – М.: Дом интеллект. кн., 1990. – С. 183–201.
4. Бутенко И. А. Подростки: чтение и использование компьютера // Социол. исслед. – 2001. – № 12. – С. 84–91.
5. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт. – М.: Нов. лит. обозрение, 1994. – 352 с.
6. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литературная культура: процесс и рацион // Дружба народов. – 1998. – № 2. – С. 168–180.
7. Куфаев М. Н. Избр. – М.: Книга, 1981. – 223 с.
8. Ловягин А. М. Основы книговедения. – Л.: Начатки знаний, 1926. – 165 с.
9. Макаревич В. Н. Групповая работа как метод конструктивной социологии // Социс. – 1993. – № 11. – С. 90–94.
10. Отле П. Библиотека, библиография, документация: Избр. тр. пионера информатики. – М.: ФАИР-Пресс: Пашков Дом, 2004. – 350 с.
11. Плотников С. Н. Читательская культура в России: Социологический очерк // Homo legens: Памяти С. Н. Плотникова (1929–1995). – М.: Дом интеллект. кн., 1999. – С. 17–62.
12. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. – М.: Кн., 1977. – 264 с.
13. Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике // Рубакин Н. А. Избр.: в 2 т. – М., 1975. – Т. I. – С. 35–106.
14. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего. – Челябинск: Энцикл., 2011. – 288 с.

References

1. Askarova V.Ya. *Dinamika kontseptsii rossiyskogo chitatelya: Konets X – nachalo XXI veka: dis. dokt. filol. nauk [Dynamics of the concept of the Russian reader: The end of the X – the beginning of the XXI centuries. Dr. philol. sci. diss.]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 438 p. (In Russ.).
2. Biryukov P.B. *Chtenie v zhizni sovremennykh studentov: opyt kul'turologicheskogo issledovaniya [Reading in the life of modern students: the experience of cultural studies]*. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1999. 103 p. (In Russ.).
3. Butenko I.A., Biryukov B.V. Chtenie 90-kh godov: predmet razdumiy, predmet issledovaniy [Reading of the 90s: a subject of reflection, subject of research]. *Homo legens: Pamyati S.N. Plotnikova (1929-1995) [Homo legens: in memory of S.N. Plotnikov (1929-1995)]*. Moscow, House of intellectual books Publ., 1999, pp. 183-201. (In Russ.).
4. Butenko I.A. Podrostki: chtenie i ispol'zovanie komp'yutera [Teens: reading and using a computer]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2001, no. 12, pp. 84-91. (In Russ.).
5. Gudkov L.D., Dubin B.V. *Literatura kak sotsial'nyy institute [Literature as a social institution]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1994. 352 p. (In Russ.).
6. Gudkov L.D., Dubin B.V. Literaturnaya kul'tura: protsess i ratsion [Literary culture: process and diet]. *Druzhba narodov [Friendship of Peoples]*, 1998, no. 2, pp. 168-180. (In Russ.).
7. Kufaev M.N. *Izbrannoe [My Favorites]*. Moscow, Kniga Publ., 1981. 223 p. (In Russ.).
8. Lovyagin A.M. *Osnovy knigovedeniya [Fundamentals of Bibliology]*. Leningrad, Nachatki znaniy Publ., 1926. 165 p. (In Russ.).
9. Makarevich V.N. Gruppovaya rabota kak metod konstruktivnoy sotsiologii [Group work as a method of constructive sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 1993, no. 11, pp. 90-94. (In Russ.).
10. Otle P. *Biblioteka, bibliografiya, dokumentatsiya: Izbrannye trudy pionera informatiki [Library, bibliography, documentation: Selected works of the pioneer of computer science]*. Moscow, FAIR-Press, Pashkov Dom Kniga Publ., 2004. 350 p. (In Russ.).
11. Plotnikov S.N. Chitatel'skaya kul'tura v Rossii: Sotsiologicheskii ocherk [Reader culture in Russia: Sociological essay]. *Homo legens: Pamyati S.N. Plotnikova (1929-1995) [Homo legens: in memory of S.N. Plotnikov (1929-1995)]*. Moscow, House of intellectual books Publ., 1999, pp. 17-62. (In Russ.).
12. Rubakin N.A. *Psikhologiya chitatelya i knigi [Psychology of the reader and books]*. Moscow, Kniga Publ., 1977. 264 p.
13. Rubakin N.A. *Izbrannoe. Etyudy o russkoy chitayushchey publike [Favorites. Etudes about the Russian reading public]*, 1975, vol. 1, pp. 35-106. (In Russ.).
14. Sinetskiy S.B. *Kul'turnaya politika XXI veka: ot pretsedenta Istorii k proektu Budushchego [Cultural policy of the XXI century: from the precedent of History to the project of the Future]*. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2011. 288 p.

УДК 008

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ (ИНФОРМАЦИОННЫЙ РАКУРС)

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, академик АН Молдавии, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра глобальных исследований, факультет глобальных процессов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ). E-mail: ursulad@mail.ru

В статье развивается информационная концепция культуры, которая, по мнению автора, в наибольшей степени выражает природу социальной ступени эволюции. Информация рассматривается как всеобщее свойство материи, «ответственное» за эволюционные процессы и реализующее различные формы и способы хранения и движения на различных ступенях развёртывания глобальной эволюции. Формулируется социокультурный принцип экзогенного накопления, передачи и преобразования инфор-

мации, предполагающий, что в отличие от предыдущих ступеней эволюции материи человечество начинает расширять сферу своего распространения сначала на Земле, а затем и за её пределами. Культура в наиболее общем виде трактуется как внегенетический и внеорганизменный информационный процесс, использующий преимущественно экзогенные (экстракорпоральные) способы накопления, передачи и преобразования информации в контексте дальнейшего роста информационного содержания материальных систем на супермагистрали глобально-универсальной эволюции. Для того чтобы продолжить эту супермагистраль, необходимо было сформировать новый способ накопления и движения информации в социальной ступени, кардинальным образом отличающийся от биолого-генетических механизмов информационных процессов. Исследование феномена культуры как внегенетического информационного процесса, характеризующего социальную ступень эволюции, а также использование информационных методов в исследовании социокультурных процессов и систем рассматривается в качестве предметного поля и подхода становления и развития нового направления – информационной культурологии.

Ключевые слова: глобальная эволюция, информация, информационная культурология, информационный критерий развития, информационный подход, культура, культурогенез, культурология, разнообразие, цивилизация.

CULTURAL PHENOMENON IN A GLOBAL EVOLUTION (INFORMATION VIEW)

Ursul Arkadiy Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Academician of the Academy of Sciences of Moldova, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Director of the Center for Global Studies, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ursul-ad@mail.ru

The article develops the information concept of culture, which, in the author's opinion, mostly expresses the nature of the social stage of evolution. Information is viewed as a universal property of matter, "responsible" for evolutionary processes and realizing various forms and ways of storage and movement at various stages of development of global evolution. It formulates the socio-cultural principle, exogenous stockpiling, transfer and transformation of information, suggesting that unlike the previous stages of the evolution of matter, the humanity is beginning to expand its distribution on Earth first and then beyond. Culture in the most general form is interpreted as an extragenetic information process, using mostly exogenous (extracorporal) ways of accumulating, transmitting and transforming information in the context of further growth of information content of material systems on the superhighway of global-universal evolution. In order to continue this superhighway, it was necessary to form a new way of accumulating and moving information in the social stage, radically different from the biological-genetic mechanisms of information processes. The study of the phenomenon of culture as an extragenetic information process that characterizes the social stage of evolution, as well as the use of information methods in the study of socio-cultural processes and systems is considered as a subject field and an approach to the formation and development of a new direction: Information Culturology.

Keywords: global evolution, information, information culture, information culturology, information criterion of development, information approach, culture, cultural genesis, diversity, civilization.

В последнее время происходит активное осмысление феномена культуры, причём высказываются весьма различные и нередко взаимоисключающие точки зрения. Среди основных подходов к исследованию культуры и культурогенеза можно упомянуть антропологический, социоло-

гический, гуманитарный, деятельностный, аксиологический, семиотический, нормативный, исторический, этнографический, технологический и ряд других. Некоторые концепции и понятия культуры взаимодействуют, дополняя друг друга, однако, наличие различных подходов к пониманию

культуры ещё не означает, что уже выявленный комплекс исследовательских подходов позволяет понять сущность этого феномена.

Научный поиск довольно редко идёт по интегративному пути расширения и обобщения понятия и концепции культуры. Подавляющее число работ посвящено тем или иным фрагментам культуры, акцент делается на культурное многообразие, исторически сложившиеся различия между народами, что ведёт, даже против желания их авторов, к зауженному видению этого понятия. Чаще всего это происходит, чтобы приспособить понятие культуры к утилитарному пониманию соответствующих официальных учреждений культуры. К узким относится то понятие культуры, которое используется, например, в ведомствах культуры нашей страны. «“Культура” – совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)», – так формулируется определение этого понятия в принятых в 2014 году «Основах государственной культурной политики» [7, с. 7]. Это определение подверглось критике в более позднем официальном документе – «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (утверждённой Правительством в феврале 2016 года), где отмечается, что это узковедомственный подход к культуре, а также отчасти утилитарное понимание культуры как сферы услуг, что порождает более низкий общественный статус культуры [9, с. 17].

Совершенно очевидно, что при утилитарной трактовке культуры невозможно выявить природу культуры, как, впрочем, и при других узких подходах к познанию культуры, поскольку они дают характеристику лишь определённой части этого, в принципе гораздо более широкого и многостороннего феномена (объекта). Узкие понятия культуры дают больше возможностей использовать их в тех или иных сферах «культурной деятельности» (при этом реально сужая эту сферу), но вряд ли проливают свет на сущность и роль культуры в мироздании. Поэтому для того, чтобы выявить природу культуры, выделить её наиболее важные

черты (признаки понятия), которые связаны с сущностью культуры, необходимо расширять как понятие культуры, так и концепцию культурогенеза, видеть их в качестве части более широких процессов и систем, участвующих в эволюционных процессах во Вселенной.

Такую возможность, на взгляд автора, открывает информационный подход к трактовке культуры и глобальный (универсальный) эволюционизм. Информация в её идеальной и материальной формах в совместно с технологиями и способами социально-культурной деятельности представляется основой и главным «субстратом» феномена культуры. Развитие информационной концепции культуры уже стало предметной областью нового направления исследований культуры – информационной культурологии. Это направление делает акцент на информационной трактовке культуры и использовании информационных методов и подходов в исследовании социокультурных процессов и систем [11].

Информация и культура. До сих пор нет общепринятого понимания информации как фундаментальной категории современной науки [1; 2; 13–15]. В быденном сознании под информацией понимают любые сведения, передаваемые людьми друг другу. Однако в более широком смысле под информацией понимается сторона такого атрибута всей материи, как отражение. И хотя в философии стали меньше использовать понятие «отражение», тем не менее оно достаточно адекватно характеризует информационные процессы. Особенность информации как части отражения заключается в том, что она может объективироваться, опредмечиваться, передаваться и вообще участвовать в других формах движения, которые реализуются как в природе и обществе, так и в информационно-кибернетической технике, в частности в ЭВМ.

Информация представляет собой лишь такую часть отражения (в частности образа, возникающего в голове человека), которая может опредмечиваться в ходе передачи. Это его (отражения) инвариантная часть, не зависящая от материального носителя и форм представления. Само отражение существенно связано со своим материальным носителем и, кроме информации, характеризует-

ся такими параметрами, как пространственные, энергетические и т. д. От материального носителя можно отделить лишь ту его часть, которая может транслироваться, опредмечиваться, порождая отражение (образ) в ином предмете. Образ, который формируется в сознании одного человека под влиянием передачи информации другим человеком, никогда точно не совпадает с образом передающего, ибо у каждого есть свои индивидуальные отличия. Общее же между ними – в переданной от одного человека к другому информации в результате коммуникативного процесса и действия.

В ходе исследований информационно-отражательных процессов обнаружено, что передача информации осуществляется с помощью разнообразия или различия, на что в свое время обратил внимание один из основоположников кибернетики У. Р. Эшби [18]. Элементарная единица информации связывается с различием двух элементов (или состояний), то есть с разнообразием. В ЭВМ это «0» и «1», которые могут передаваться по каналам связи или храниться в памяти компьютера. Разнообразие двух состояний – это вместе с тем и элементарная единица измерения количества информации, называемая битом или двоичным разрядом. Такое представление информации в разнообразии последовательности нулей и единиц обусловлено конструктивными особенностями ЭВМ, так как их электронные элементы (а в фотонных компьютерах – оптические элементы) могут находиться в двух состояниях: включено (единица) и выключено (нуль). Таким образом, в компьютерах объективно реализуется концепция информации как той стороны отражения, которая тождественна разнообразию.

В научной литературе нет единого мнения о том, является ли информация свойством всей материи или же она характеризует лишь две высшие ее ступени развития (биологическую и социальную). Более перспективна первая точка зрения (представляющая информацию в качестве атрибута мироздания), тем более что эксперименты с переносом сверхмалых концентраций вещества в жидкостях, передача генетических признаков по небиологическим каналам связи, развитие синергетики и других наук о неживой природе дают новые аргументы в пользу существования информации в неживой природе.

Да и само развитие микропроцессорной техники, реализующей идею наличия структурной информации в используемых кристаллах (чипах), также свидетельствует не только о перспективности признания информации не просто свойством высших форм организации материи, но и о наличии информации в самом фундаменте бытия как стороны процессов взаимодействия и отражения. Развитие науки приносит новые доказательства в пользу того, что информация играет гораздо более существенную (полагаю, что наиболее важную) роль в эволюции в природе и обществе, чем представляется сейчас.

В отечественной литературе информационный подход к культуре в советское время развивал Ю. М. Лотман, который дал определение понятия человеческой культуры как «совокупности всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» [6, с. 146]. Возможность создания, накопления и передачи негенетическим путем разнообразной информации другим индивидам и потомкам принципиально отличает человека от его диких родственников. Социальная ступень эволюции характеризуется особой индивидуальной, системой средств накопления, хранения, переработки и передачи информации от поколения к поколению, что важно для коллективного объединения входящих в общество индивидов.

Среди множества концепций культуры и соответствующих им представлений культурогенеза выше нами упоминался и символический подход к культуре. Этот подход и соответствующая концепция была предложена ещё немецким философом и культурологом Э. Кассирером, который полагал, что сущностью культуры является символическая деятельность [3]. Человек, по Кассиреру, это символическое животное, вышедшее из природного мира благодаря созданию искусственного мира символов, способности к систематической и массовой символизации, сформировавшее коллективный интеллект и коллективную память, именуемую культурой. Символы и знаки являются основными видами социальной информации, благодаря которым культура кодирует и накапливает всё большее количество информации.

В какой-то мере к этому направлению можно отнести и «социокодовый» подход В. С. Стё-

пина, который полагает, что культура – это «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [8, с. 60].

Появление надбиологических механизмов, то есть программ, кодов, алгоритмов и т. д. не только выделяет общество из биологической ступени, но фактически выражает глубинную информационную сущность социальной ступени (многие важные тенденции социального развития можно объяснить, исходя из того, что природа социального заключена именно в культуре). Но это свойство имманентно связано с сознанием, одно без другого в обществе не существует, причем именно сознание наделяет смыслом артефакты-знаки, которые в дальнейшем активно участвуют в формировании сознания как индивидов, так и коллективного интеллекта. Сознание человека в формировании культуры играет роль важнейшего опережающего фактора, без которого вряд ли появился бы такой внегенетический социально-информационный процесс как культурогенез и культура.

Такого рода способ интерпретации культуры можно считать не просто семиотическим, но и более широким – информационным подходом, представляя эту форму бытия социального как индивидуальный механизм хранения, накопления, переработки и других форм движения информации. Имеет смысл расширить трактовку культуры в самой широкой информационной интерпретации, полагая семиотический, социокодовый и близкие к этим трактовкам подходы в качестве частных случаев и проявлений информационного подхода. Причём такой информационный подход требует широкого понимания информации, которая предстаёт не только в качестве идеального феномена, но и материального, что соответствует выделению двух аналогичных форм культуры. Такой подход позволяет включить материальную и духовную деятельность во всех формах их проявления в информационную трактовку культуры.

В связи с этим возникает ряд вопросов, которые имеют отношение к различным концепциям

природы информации. Очевидно, что, например, семиотическое представление культуры выделяет лишь знаковые средства, с помощью которых кодируется социальная информация, расшифровываются тексты и другие носители информации. Вместе с тем ряд ученых не считает, что культура состоит только из объектов, которые обозначают другие объекты. В этом случае культура также может представляться в качестве информационного феномена, но не в семиотическом понимании информации, а в более широкой – атрибутивной трактовке.

На уровне становления и развития общества происходит «вынос» ряда информационных процессов (накопления, хранения, преобразования и т. п. информации) за пределы структурного элемента ступени. Это специфическая и сущностная характеристика социальной ступени эволюции, выражающая ее принципиальное отличие от предыдущей – биологической ступени. Накопление информации начинает происходить не только в структурной единице соответствующей ступени, сужая возможности её дальнейшего увеличения, а главным образом вне ее, что требует более интенсивного освоения внешнего окружающего пространства и преобразования находящихся в нем объектов для превращения их в артефакты.

Иногда высказывается мнение, что «свой генезис культура ведет от самых простейших форм групповой биологической жизни на Земле и представляет собой определенный этап исторической эволюции этих форм. Культура, понимаемая как продукт трансформации форм социального поведения животных в нормы социального поведения человека, не имела какого-то видимого начала» [17, с. 6]. Поскольку в этом социально-коммуникативном подходе предполагается, что «культура – это особое проявление природы человека, специфическая форма реализации его генетически унаследованной социальности» [17, с. 28], то акцент делается лишь на некоторых внешне сходных чертах социальности животных и людей. Между тем в характеристике культуры, а тем более в общей дефиниции понятия культуры важнее выделить то, что отличает человека и животных, а не то что делает их внешне похожими. Социобиологическое видение культуры не

дает ответа на этот вопрос и лишь «распространяет» информационно-генетические механизмы на новую ступень глобальной эволюции.

Культуру имеет смысл интерпретировать в качестве особой информационной системы, характеризующей сущность новой по сравнению с биологической ступенью – социальной ступени эволюции, в том числе и на её цивилизационной стадии. Культурогенез предшествует появлению цивилизационного этапа социальной эволюции, поскольку цивилизация – это достаточно поздний этап эволюции этой ступени, который появляется лишь в ходе свершения агонеолитической революции, на финальном этапе которой сейчас находится современное человечество. Культура как информационная система цивилизации обеспечивает саморегуляцию всей социальной ступени, ее самовоспроизведение и поступательное развитие, реализуя различные функции, направленные на выживание и существование человечества.

Причем, если понятие цивилизации «тяготеет» к материальной, вещественно-энергетической, экономической и технико-технологической трактовкам, представляя в то же время целостную социальную ступень эволюции, то понятие культуры акцентирует внимание, главным образом, на ее духовно-информационной составляющей, выражающей глубинную сущность социальной ступени эволюции (что абсолютизирует приведенное выше «ведомственное» определение понятия культуры). Материально-вещественные объекты цивилизации выступают как феномены культуры только в том случае, если они рассматриваются в информационном ракурсе и чаще всего – в качестве систем такой информационной «суперсистемы», как семиосфера. Эти системы способны хранить и передавать созданные человеком знаки, имеющие не только ценность, но и, прежде всего, значение (смысл) и регулирующие деятельность человека и социума.

Тем самым культура представляет собой лишь те информационные процессы и системы, которые, будучи артефактами либо естественными объектами и процессами, оказались в ходе освоения мира вместе с тем и знаками, которые человек наделил смыслом и ценностью. Культура выступает в форме социально-информационных, и прежде всего в качестве информационно-семиотических процессов, в отличие от инфор-

мационно-генетических процессов в мире живой природы.

Информация, заключенная в культуре, имеет двойственный характер: в артефактах часть информации не зависит от человека и человечества, а другая часть, благодаря интеллектуально-духовной деятельности человека, наделена смыслом. Кроме того, сознание человека может наделять смыслом не только артефакты, но и естественные феномены, что сплошь и рядом имеет место в естественных науках.

Таким образом, можно констатировать наличие социокультурного принципа экзогенного накопления, хранения, передачи и преобразования информации в социальном мире, принципиально отличающегося от существующего эндогенно-генетического в биологической ступени эволюции. И это согласуется с принципами синергетики, согласно которой рост информации в эволюционирующей материальной системе происходит за счет окружающей среды, за счет изъятия у нее негэнтропии и иных ресурсов.

Культура, информация, глобальная эволюция. Именно культура играет приоритетную роль в процессах эволюции и особенно в той главной её траектории эволюции, которую именуют глобальной, или универсальной эволюцией. Глобальная эволюция – это перманентная самоорганизация материальных систем в неживой природе, живом веществе и обществе, продолжающаяся далее в социоприродной форме в вещественном фрагменте Вселенной. На основной и наиболее безопасной траектории глобальной эволюции – супермагистрали – реализуется тенденция сужения эволюционного коридора – уменьшения пространства распространения и масс-энергетического объема возникающих все более сложных структур. С одной стороны, происходит рост информационного содержания в каждой более высокой структурной единице, увеличивается многообразие видов и форм существования все более высоких структурных уровней, а, с другой стороны, сужается их общий суммарный объем. Изменение этой тенденции сужения «эволюционного коридора» наступает лишь на социальной ступени эволюции и происходит в процессе освоения все большего как планетарного, так и внеземного пространства.

Рост информационного содержания систем в процессах непрерывно-длительной самоорганизации на супермагистрали универсальной (глобальной) эволюции выражает определенное направление, или вектор, «стрелу» эволюции и т. д. Причем эта направленность глобальной эволюции характерна лишь для информационных параметров эволюционирующих систем, но, как упоминалось, не для масс-энергетических, пространственных и иных известных нам способов физического или атрибутивного описания глобально-эволюционных процессов. Именно поэтому информационный критерий развития оказывается наиболее важным, по сравнению с другими критериями, например, по сравнению с энергетическим критерием эволюции. Информационный критерий оценивает изменение информационного содержания (и связанной с ним негэнтропии) материальных (либо иных) систем в ходе эволюционной самоорганизации либо самодезорганизации [5; 13, с. 50–62; 16, с. 100–109]. Причем на прогрессивной линии эволюции происходит накопление информации в системах, тем самым этот критерий выступает в качестве вектора усложнения эволюционирующих систем.

Поэтому можно считать, что критерий эволюции культуры в принципе существует, но почему-то он длительное время не привлекал пристального внимания исследователей, даже тогда, когда он использовался в некоторых других областях исследования. Поэтому представляется важным исследовать природу культуры на пути наиболее широкого её понимания и её роли в основных процессах эволюции. Необходимо выделить культуру не просто из природы, но также из той магистрали предшествующей глобальной (универсальной) эволюции, продолжением которой она является. «Ответственность» за фундаментальные трансформации на этой эволюционной траектории несёт именно культура, «предложившая» принципиально новый экзогенный способ накопления и движения информации.

Социальная ступень, едва появившись, благодаря развитию культуры начинает расширять сферу своего распространения на Земле, происходит процесс глобального расселения и освоения всё новых территорий планеты. Сейчас мы являемся

свидетелями начала подобного распространения человеческой деятельности за пределы планеты, причём освоение космоса происходит не столько для получения вещественно-энергетических ресурсов, сколько для продолжения своих информационных процессов [12]. Этот феномен расширения социальной ступени, именуемый даже Большим социальным взрывом, принципиально имеет информационную природу, поскольку расширение по пространству планеты и космоса имманентно связано с овладением информацией и негэнтропией окружающей среды.

Пространственное расширение общества (включая глобальное расселение, глобализацию и освоение внеземных пространств) с самого начала его становления имеет информационную природу, выражая и реализуя особую надындивидуальную и внеличностную систему накопления, хранения и преобразования информации, необходимую для организации социальной деятельности и прогрессивного развития. Благодаря свойствам и качествам, имеющим информационную природу, отличающих кардинальным образом культурное от природного, обеспечивающих внеорганизменный характер этой информационной эволюции, человек осуществляет преобразовательную деятельность, расширяя её сферу вначале на планете, а затем и в космосе. Для объяснения этой тенденции в ходе глобальной эволюции была предложена гипотеза в начале второй половины XX века для обоснования выхода человечества в космос с позиций глобального эволюционизма (хотя этот термин тогда не употреблялся) [12]. Речь шла о необходимости выхода человеческой деятельности за пределы планеты с «целью» вписаться в главную магистраль глобальной эволюции.

Планетарно-космическое расширение обусловлено особенностями культурно-информационных процессов в обществе, требующих для своего продолжения надындивидуального накопления, хранения и преобразования информации, в то время как в биологической ступени основные информационные процессы происходят на внутриорганизменном генетическом уровне и носят геоцентрический характер. Однако расширение (увеличение) пространственно-энергетических параметров этого социально-информационного

по своему существу процесса выглядит лишь как внешняя сторона проявления этого глобально-космического феномена [10; 16]. Сказанное выше свидетельствует о том, что культура, на наш взгляд, в принципе возникает как эволюционная необходимость развития этого относительно автономного преимущественно информационного социального процесса для дальнейшего продолжения глобальной эволюции во Вселенной.

Но, согласно информационной трактовке культуры, она возникает тогда, когда и человечество. Её начало установить трудно только в смысле конкретной даты возникновения социальной ступени (здесь нет пока общепринятого мнения), но только в количественном измерении, тогда как в качественном ракурсе, согласно информационной концепции культуры, она возникает вместе с человечеством, когда оно выделяется из животного мира. Культурогенез оказывается вместе с тем началом антропосоциогенеза, представляя

в нём «основное ядро» и средство социальной и социоприродной эволюции.

На последних этапах глобальной эволюции тенденция сужения пространственных и масс-энергетических параметров завершается биологической ступенью и с возникновением социальной ступени, благодаря появлению культуры, начинается масштабное по историческим временам и масштабам расширение социосферы. В отличие от предыдущих ступеней эволюции материи человечество (а возможно, и некоторые предполагаемые внеземные цивилизации) начинает расширять сферу своего распространения сначала на Земле, а затем и в космосе, не только для получения вещественно-энергетических природных ресурсов, сколько для продолжения своих культурно-информационных процессов и накопления информации в расширяющейся по планете и внеземному пространству социосфере, стремящейся превратиться в сферу разума.

Литература

1. Абдеев Р. Ф. *Философия информационной цивилизации*. – М.: Владос, 1994. – 336 с.
2. Адров В. М. *Информация // Глобалистика: энцикл.* – М.: Радуга, 2003. – С. 401–402.
3. Кассирер Э. *Философия символических форм: в 3 т. / пер. с нем. С. А. Ромашко*. – М.; СПб.: Университет. кн. – 2002.
4. Колин К. К., Урсул А. Д. *Информационная культурология. Предмет и задачи нового научного направления*. – Саарбрюккен: Lambert academic publishing. – 2011. – 249 с.
5. Колин К. К., Урсул А. Д. *Культура и информация. Введение в информационную культурологию*. – М.: Стратег. приоритеты, 2015. – 300 с.
6. Лотман Ю. М. *Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля; сост. Р. Г. Григорьева*. – СПб.: Академ. проект. – 2002. – 246 с.
7. *Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]*. – М.: Минкультуры. – 2015. – URL: <http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf> (дата обращения: 22.04.2018).
8. Степин В. С. *Культура // Новая философская энцикл.* – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 60–62.
9. *Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]*. – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45830.html> (дата обращения: 22.05.2018).
10. Урсул А. Д. *Информационный вектор эволюции: от цефализации к культурогенезу // Науч.-техн. информация. Сер. 2. Информ. процессы и системы*. – 2017. – № 9. – С. 1–8.
11. Урсул А. Д. *Культура как информационный феномен // Филос. мысль*. – 2013. – № 8. – С. 295–355.
12. Урсул А. Д. *Освоение космоса (Филос.-методол. и социол. проблемы)*. – М.: Мысль, 1967. – 278 с.
13. Урсул А. Д. *Отражение и информация*. – М.: Мысль, 1973. – 238 с.
14. Урсул А. Д. *Природа информации: филос. очерк*. – М.: Политиздат, 1968. – 268 с.
15. Урсул А. Д. *Проблема информации в современной науке: филос. очерки*. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
16. Урсул А. Д., Урсул Т. А. *Информационный критерий развития и эволюция культуры // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств*. – 2011. – № 1. – С. 50–62.
17. Флиер А. Я. *Происхождение культуры: новая концепция культурогенеза [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение*. – 2012. – № 4. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture (дата обращения: 22.05.2018).
18. Эшби У. Р. *Введение в кибернетику*. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с.

References

1. Abdeev R.F. *Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii [Philosophy of information civilization]*. Moscow, Vlados Publ., 1994. 336 p. (In Russ.).
2. Adrov V.M. Informatsiya [Information]. *Globalistika: entsiklopediya [Globalistics. Encyclopedia]*. Moscow, Raduga Publ., 2003, pp. 401-402. (In Russ.).
3. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form: v 3 t [Philosophy of symbolic forms. In 3 vol.]*. Translated. S.A. Romashko. Moscow; St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2002. (In Russ.).
4. Kolin K.K., Ursul A.D. *Informatsionnaya kul'turologiya. Predmet i zadachi novogo nauchnogo napravleniya [Information cultural studies. Subject and tasks of a new scientific direction]*. Saarbryukken, Lambert Academic Publ., 2011. 249 p. (In Russ.).
5. Kolin K.K., Ursul A.D. *Kul'tura i informatsiya. Vvedenie v informatsionnyuyu kul'turologiyu [Culture and information. Introduction to information cultural studies]*. Moscow, Strategicheskie priorityty Publ., 2015. 300 p. (In Russ.).
6. Lotman Yu.M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on semiotics of culture and art]*. Foreword by S.M. Daniel, Compiler R. G. Grigoreva. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 246 p. (In Russ.).
7. *Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki [Foundations of state cultural policy]*. Moscow, Minkultury Publ., 2015. (In Russ.). Available at: <http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf> (accessed 22.04.2018).
8. Stepin V.S. Kul'tura [Culture]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya [New philosophical encyclopedia]*. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. 2, pp. 60-62. (In Russ.).
9. *Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda [Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030]*. (In Russ.). Available at: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45830.html> (accessed 22.04.2018).
10. Ursul A.D. Informatsionnyy vektor evolyutsii: ot tsefalizatsii k kul'turogenezu [Information vector of evolution: from cephalization to cultural genesis]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy [Scientific and technical information. Series 2. Information processes and systems]*, 2017, no. 9, pp. 1-8. (In Russ.).
11. Ursul A.D. Kultura kak informatsionnyy fenomen [Culture as an information phenomenon]. *Filosofskaya mysl' [Philosophical thought]*, 2013, no. 8, pp. 295-355. (In Russ.).
12. Ursul A.D. *Osvoenie kosmosa (Filosofsko-metodologicheskie i sotsiologicheskie problemy) [Space exploration (Philosophical, methodological and sociological problems)]*. Moscow, Mysl' Publ., 1967. 278 p. (In Russ.).
13. Ursul A.D. *Otrazhenie i informatsiya [Reflection and information]*. Moscow, Myisl' Publ., 1973. 238 p. (In Russ.).
14. Ursul A.D. *Priroda informatsii: filosofskiy ocherk [Nature of information: Philosophical essays]*. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 268 p. (In Russ.).
15. Ursul A.D. *Problema informatsii v sovremennoy nauke: filosofskie ocherki [The problem of information in modern science. Philosophical essays]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 288 p. (In Russ.).
16. Ursul A.D., Ursul T.A. Informatsionnyy kriteriy razvitiya i evolyutsiya kul'tury [Information criterion for the development and evolution of culture]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv [Bulletin of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]*, 2011, no. 1, pp. 50-62. (In Russ.).
17. Flier A.Ya. Proiskhozhdenie kultury: novaya kontseptsiya kul'turogeneza [Origin of culture: a new concept of cultural Genesis] *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2012, no. 4. (In Russ.). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/ (accessed 22.04.2018).
18. Eshbi U.R. *Vvedenie v kibernetiku [Introduction to cybernetics]*. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1959. 32 p. (In Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ART HISTORY

УДК 781

ЗВУКОВОЙ ЛАНДШАФТ МУЗЫКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Демешко Галина Андреевна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: demeshkoga@mail.ru

Изменение природы звучания, включение в звуковой континуум незвуковых компонентов, тенденция «синтезировать» музыкальное искусство с новыми информационными технологиями – далеко не факультативные моменты современного композиторского творчества. За ними стоит иной акустический и мировоззренческий строй постиндустриальной эпохи.

В статье отмечается, что наполнять пространство звуками – одна из древнейших человеческих интенций, а смена музыкальных фоноландшафтов всегда сопровождает смену культурных парадигм. Однако нынешние эксперименты авангардистов в области музыкального материала, активное использование ими шумовых, незвуковых, перформативных средств становятся своеобразным испытанием на прочность традиционного для музыки звукового концепта. Автор указывает на зыбкость границы между музыкой и *не-музыкой* на рубеже XX–XXI веков. Не ограничиваясь постановкой проблемы, статья обозначает общее направление её решения, связанное не с составом, а *со смысловой нагрузкой и художественной результативностью музыкального материала*.

Рассматривая соотношение технического прогресса и достижений в области искусства, автор подчёркивает, что глобализация и пространство кибер-культуры, скорее, оппонируют, нежели согласуются с законами музыкального искусства. Приводится оценка перспективы их взаимодействия в западной и отечественной науке. Отмечается, что на Западе преобладает *цивилизационный, технократический* подход, конституирующий создание нового универсального креативного пространства, сплавляющего технические достижения с искусством и трансформирующего звук в некий «комплексный акустический феномен». В оценках отечественных учёных – иной, *культурегуманитарный* подход, исключающий возможность роботизации творчества и уподобления музыки модели «американского котла», растворяющего в себе живое звукоинтонационное «тело» музыки.

Анализ первой волны музыкального авангарда показал способность к взаимодействию новых систем (додекафония) с традиционными основами музыки. Неожиданным оказалось и встречное движение последней к звуковым инновациям XX века («урбанистический звуковой ландшафт» в произведениях А. Онеггера, А. Мосолова и т. д.). Осторожный прогноз, по-видимому, возможен и относительно ситуации в Новейшей музыке.

Резюме: звук (как и жанр) – не эстетический абсолют, а исторический релятив. Привнесённые в звуковое пространство музыки новые компоненты (фонетические, миметические, технические и т. д.) возможны. Но итогом этого процесса должна быть не гомогенизация музыки, науки и техники, а органическое вхождение незвукового материала в общий контекст интонационно осмысленного развёртывания, главным режиссёром которого остаётся Музыка.

Ключевые слова: звук, звуковое пространство, фоноландшафт, глобализация, технический прогресс, незвуковые компоненты, музыкальный материал, кибер-культура.

THE SOUNDSCAPE OF MUSIC IN POST-INDUSTRIAL CULTURE

Demeshko Galina Andreevna, Dr of Art History, Professor of the Department of Music Theory, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: demeshkoga@mail.ru

Changes in the nature of sound and a tendency to “synthesize” music art with new technologies are typical signs of modern art, and spirit of the post-industrial era.

Filling an environment with sounds has long been one of the most ancient human intentions, and the change of cultural paradigms has always been accompanied by changes in musical phonoscape. However, modern experiments of avant-gardists have become a challenge for traditional sound concept. The author shows how subtle is the line between music and *non-music* at the turn of the 21st century. The article outlines a general solution, which is related to *the meaning and artistic efficiency of the musical material*.

The article underlines that globalization and cyberculture tend to oppose the laws of music art and evaluates their interaction in Western and Russian science. It also notes that a *civilized* approach prevails in the West that determines a new creative environment, which combines technological progress with arts and transforms sound into a complex acoustic phenomenon. The estimates provided by the Russian scientists employ another – *cultural and humanitarian* – approach that prevents music from developing like an “American cauldron,” which dissolves the living “body” of the music formed by sounds and intonations.

An analysis of the first wave of music avant-garde shows that the new system can interact with traditional principles of music with the latter moving towards sound innovations of the 20th century (urban soundscape in works of A. Honegger, A. Mosolov, etc.). We might also be able to make a rough estimate of the situation in the newest music.

Summary: the sound is a historically relative concept rather than an aesthetic absolute. The soundscape of music allows introduction of new components. However, the process should lead to natural introduction of non-sound material into common context of intonational and meaningful development, with the Music being its principal director.

Keywords: sound, sound environment, phonoscape, globalization, technological progress, non-sound components, musical material, cyberculture.

*XX век кончился успением Культуры
и зарождением начального
электронно-виртуального этапа
вселенской Цивилизации*
В. Бычков

Смена парадигм в музыкальном искусстве XX–XXI веков рассматривалась и продолжает рассматриваться исследователями с самых различных ракурсов. Но, пожалуй, наименее изученный из них – феномен звучания как отражение новейших культурных процессов. Это направление музыкальной науки только начинает складываться и во главу угла ставит проблему взаимосвязи между изменяющимся звуковым ландшафтом музыкального искусства и эпохой. Уяснение такого рода связи предполагает вдумчивую аналитику музыкального материала, за изменением которого можно рассмотреть основы современного композиторского мышления.

Заметим, что нынешняя ситуация смены звукового ландшафта в чем-то особенная: ведь именно сегодня балансирование искусства на грани *музыкального-немзыкального* стоит как никогда остро. Во-первых, в силу нового этапа синтеза искусств; во-вторых – в результате иного взаимоотношения искусства с новыми информационными технологиями, жизненными реалиями, природой; в-третьих – из-за отказа от традиционных способов организации звукового пространства. Вследствие этого звук как базовая основа музыкального континуума и как эстетический феномен вытесняется на периферию ряда современных музыкальных опусов. Все это в своём наиболее обнажённом виде демонстрируют практические эксперименты представителей западноевропейского авангарда.

Наполнять пространство звуками – одна из древнейших человеческих интенций. Истоки музыки коренятся в глубине архаических обрядов,

для отправления которых нередко использовались «всякого рода завывания, звукоподражания и вообще разнообразные попытки производить звуки “не своим голосом”» [6, с. 85]. Переход от язычества к христианству ознаменован утверждением иных форм звучания, включённых в контекст синкретического богослужебного действия и всецело ему подчиненных.

Смена звукового концепта в пределах профессионального искусства знаменовала собой рубежные этапы в истории музыки. Первый из них – доинструментальный, второй – инструментальный, связанный с опусной, академической традицией композиторского творчества. Симптоматично, что в пределах каждого из них происходит постепенное расширение объёма музыкально-акустических потоков: переход от монодического, плоскостного звучания – к ансамблевому и акапельно-хоровому; от компактных инструментальных составов эпохи барокко – к массивным оркестровым составам в творчестве романтиков и русских композиторов.

Послевоенный этап ознаменован не только дальнейшим расширением фонопотока, но и его стилистическим расслоением. Он включил в себя «джаз и эстраду, поп и рок, современную “экологическую” и техномузыку. И теперь уже монолитное симфоническое звучание теряется в бесконечном разнообразии современного фоновландшафта: от конкретной музыки и звучания экзотических народных инструментов – до музыки кино, теле- и радиоэфира, разнообразных синтезированных звучаний. Разделились и вкусовые фонопристрастия слушателей, составив серьёзную конкуренцию приверженцам академической музыки» [1, с. 13]. Наконец, рубеж XX–XXI веков (**Новейшая музыка**) отмечен активным внедрением шумового и незвукового материала, использованием нетоновых и перформативных средств в творчестве представителей современного авангарда.

Но, пожалуй, с точки зрения «отзеркаливания» культурных процессов искусством важнее не столько количественная составляющая звучания (ныне этот спектр простирается от минималистских до сверхзвуковых опусов), сколько изменение его качественных характеристик. Так, императив кульгово-христианских постулатов определял такие характеристики звучания, как подчинение звука сакральному слову, его тембро-динамическую нейтральность, без-

обертоновость... и т. д. В том же функциональном ключе выдержана символика древнейших храмовых ансамблей музыкальных инструментов.

Переход к культуре инструментария знаменовал собой эмоционально окрашенное, гедонистическое восприятие звучания. При этом выразительная палитра инструментов симфонического оркестра XIX – начала XX века резко отличается от своих барочных предшественников значительной *гуманизацией* звучания, способностью многогранно воздействовать на состояние человеческой души. «Европейский оркестр, – отмечает Л. Порфирьева, – являет собой звуковой образ мира, потенциально ориентированный на равновесие мировых функций. При сохранении определённых аспектов инструментального символизма он сильно “гуманизирован”. Это означает, что этос – онтологический “характер” инструмента – приобретает здесь черты характера в его типическом, драматическом понимании» [6, с. 87].

Во второй половине XX – начале XXI века происходит резкий качественный скачок в структуре звучания и музыкального материала в целом. Общую тенденцию такого скачка можно определить как «технократизацию» звукового пространства, в том числе – за счет привнесения в музыку извне комплекса средств, имманентно ей не свойственных. В одних случаях заполнение пространства новым синтезированным звучанием придает музыке современный колорит, в других – отчуждает слух от привычных, нагруженных определённым этосом звучаний. Все это делает закономерным вопрос: «А музыка ли это?»¹.

Но зададимся встречным вопросом: ***а всё ли то музыка***, что сегодня звучит и фонит, включая всевозможные саунтреки, заставки к телепередачам и т. д.? Всё то, что следует за нами по пятам, но при этом остается в привычной для слуха тоновой и временной системе организации? И ***все ли так уж однозначно не-музыка то***, что не укладывается в эти привычные рамки, демонстрируя новые звуковые, перформативные и т. п. средства?

¹ К подобной постановке вопроса подталкивают, прежде всего, эксперименты наиболее радикально настроенных представителей музыкального авангарда, призывающих к разрыву с традицией, отказу от конвенциональных форм музыкального моделирования и организации звукового пространства, стиранию грани между искусством и внешним миром.

По-видимому, зыбкую границу между музыкой – не-музыкой нужно искать не в том, из чего «соткан» музыкальный материал, а *какие смыслы он несет и каков его эстетический результат*. Своеобразный парадокс, на наш взгляд, заключается в том, что, к примеру, традиционное темброво-звуковое решение современного опуса в духе инструментальных жанров столетней давности сегодня вряд ли было бы убедительным. И, напротив: барочные опусы в простом переложении для синтезатора, а тем паче – в иной звуковой и исполнительской плоскости – звучат удивительно свежо².

Но любопытно и другое: в 20-е годы XX века стремительное развитие научно-технического прогресса нашло своё претворение в интереснейших образцах урбанистического «звукового ландшафта» («Пасифик 231» А. Онеггера, «Стальной скок» С. Прокофьева, «Завод» А. Мосолова и др.), решённого без применения каких-либо технических средств. То есть традиционных оркестровых возможностей названным художникам оказалось достаточно для радикальных звуковых инноваций и перевода музыки в индустриально-звуковую «веру» XX века...

В дальнейшем такое решение оказывается уже недостаточным. Представители современного авангарда пытаются перевести в «музыкальный формат» далекие от музыки средства, используя в своем творчестве звукозаписи, технические средства, акустику и т. д. в качестве музыкального материала для своих композиций³. И эта трансплантация, на наш взгляд, куда более спорна.

² В свое время автору этих строк довелось услышать Гольдберг-вариации Баха в переложении для синтезатора. При этом барочную принадлежность названного произведения удалось распознать не сразу. Другой пример – «Мессия» Генделя как основа для джаз-рокового проекта «Handel's Messiah a soulful celebration», созданного на студии Glen meadows at masterfonics.

³ Ярким представителем итальянского авангарда, работающим в направлении создания и внедрения в музыку новых звукотехнических средств, является Луиджи Руссоло – первооткрыватель звукошумового ландшафта. Убежденность в том, что разрыв между техникой и искусством на сегодня потерял свою актуальность, высказывает Вилем Флюссер, ссылаясь на множество примеров искусства на основе компьютерных технологий и т. д.

Следует признать, что инновации в области содержания и структуры музыкального материала новейших композиций так или иначе предопределены современным культурным ландшафтом. Он-то и формирует новую ситуацию, в рамках которой рождаются эти композиции. Но результаты этих обновлений на «выходе» остаются различными. Их несходство, «скорее всего, носит качественный характер и определяется семантически – сохранением смысловой природы развертывания, в одних случаях, и ее исчезновением, – в других» [1, с. 2].

Ещё одна из инноваций, зафиксированная исследователями, – *мультифонизм, комплексный характер музыкального материала*, в корне отличный от традиционных способов синтеза музыки с другими видами искусства.

Истоки этого явления восходят к началу XX века, когда в обществе впервые наметились тенденции к преодолению культурного монополизма образца Старой Европы. Еще в 1906 году Георг Капеллан выдвинул концепцию «Всемирной музыки», толкающую на поиски новых, более объемных выразительных возможностей музыки, не замкнутых европейской мелодикой, тональностью, ритмикой. Она стала своеобразной вывеской процессов деевропеизации, плюрализации, сближения западной и восточной культур. И если в первой половине XX века (первая волна авангарда) эти процессы еще не носят системного характера, то с середины XX (вторая волна авангарда) – начала XXI века мир окончательно вступает в эпоху глобализации, технического прогресса, многоплановых культурных контактов и пересечений.

Чтобы понять, как резонируют обозначенные нами процессы в сфере «новой музыки», необходимо отметить следующее:

- судьба искусства в эпоху глобализации и технического прогресса чревата не только обретениями, но и цепью рискованных, а порой – и тупиковых для искусства решений;

- эти процессы по-разному обсуждаются и оцениваются в западной и отечественной литературе;

- различаются и сами тенденции «отзеркаливания» этих явлений в музыкальных опусах представителей западноевропейского авангарда и наших соотечественников.

Как известно, у искусства и науки разные способы и аспекты познания мира. В основе развития научного знания лежит прогресс. Поэтому тенденции эпохи созвучны стремительному взлёту этой сферы познания, которая опирается на качественно иной, всё более технически усовершенствованный инструментарий. Иная ситуация в искусстве, *нанейшие достижения которого не могут быть измерены линейкой технического прогресса*. Пространство кибер-культуры, скорее, оппонирует, нежели согласуется с законами искусства. И, прежде всего, – искусства музыкального, за которым всегда стоит «дух» субъекта (человека, нации, народа...). Впрочем, такой точки зрения придерживаются далеко не все.

В поиске моментов соответствия музыкального материала произведений конца XX – начала XXI века реалиям эпохи технического прогресса зарубежное и отечественное музыкознание идут различными путями. На Западе доминирует, скорее, *цивилизационный, технократический* подход, готовность априори признать легитимным комплекс средств, в том числе – вступающих в конфликт с имманентными законами музыкального искусства, наконец, – вера в возможность связать «узлами законного брака» музыку (звуковое искусство) и современные компьютерные технологии.

Череда трансмедийных фестивалей современной музыки в странах Западной Европы демонстрирует особое внимание, которое за последние 10–15 лет уделяется тематике «Звуковое искусство на базе компьютерных технологий». Эти фестивали, отмечает, в частности, Л. Лейпсон, «объединяют представителей искусства и естественных наук... неординарно мыслящих людей любого направления; они представляют экспериментальную платформу для создания нового универсального креативного пространства и генерирования идей будущего» [5, с. 23]. Ряд брендовых проектов такого рода фестивалей «сигнализируют о новом витке процесса гомогенизации искусства, науки и техники, и тем самым отражают новую картину мира и человека в нем» [5, с. 23].

Однако такой подход подспудно даёт добро на техническое конструирование и «препарирование» музыки вплоть до полного устранения из этого процесса человека-творца. Его логи-

ческим пределом становится компьютеризация творчества (музыка роботов), замена «кровных» музыкально-выразительных средств суррогатными «запчастями». Эту ситуацию, на наш взгляд, можно сравнить с ещё одним направлением современной научной самоидентификации. Оно связано с идеей тотальной замены стареющих органов и нервной ткани Homo sapiens на кибернетические устройства. Но где та грань, за которой объект совершенствования в результате подобных манипуляций перестанет быть собственно человеком, способным осознавать себя как личность, чувствовать, любить? Наука на этот вопрос ответа пока не знает.

Теперь о нынешних тенденциях отражения глобализации в музыке. Не секрет, что периоды максимальной универсализации музыкального языка в истории музыки были и ранее. Но никогда при этом не стоял вопрос о «тупиковости» в развитии музыкального искусства. В конце XX – начале XXI века ситуация несколько иная: феномен глобализации нередко ассоциируется здесь с моделью «американского котла», где всё миксируется, гомогенизируется, сплавляется в некое новое *транскультурное пространство*, растворяющее в себе живое звукоинтонационное тело музыки.

Напомним, что еще А. Шенберг – основоположник первой волны авангарда, – характеризуя собственное изобретение, произнес сакраментальную фразу: «из двуполости мажоро-минора рождается сверхпол (12-тоновая система)». Разумеется, это выражение композитора – всего лишь метафора. В то же время, не первый ли это отзвук современной нам эпохи глобализации, с её тенденцией к универсализации, «перемешиванию» культур, стиранию малейших признаков «субъектности» в искусстве, в решении проблем национальной, гендерной (трансгендерность, однополые браки, феномен «беременного человека») и т. п. идентификации. В современных исследованиях, в частности, подчеркивается, что «кризис гендерной культуры подразумевает экспансию западных ценностей *как следствие глобализации* (курсив наш – Г. Д.), инверсию маскулинных и фемининных идеалов и стратегий, десемантизацию основополагающих образов и понятий российской гендерной культуры» [3, с. 52].

Мотивы транскультурных тенденций рубежа XX–XXI веков исследователи усматривают

не только в научно-техническом, но и геополитическом факторе, и прежде всего – в судьбах многих крупных художников-эмигрантов, связанных с их транскультурным прошлым. Следствием этого становится «выход музыкального творчества... за рамки некогда сложившихся национальных школ... освоение и сосуществование различных культурных традиций в одном композиторском стиле... формирование более широкого транскультурного звукового пространства... сознательная установка на интернационализацию музыкального языка» [5, с. 11–12].

Дух обсуждаемой нами эпохи и в самом деле стимулирует расширение понятия «звукового пространства», включая и сам музыкальный звук. Зачастую это уже не тон, а «комплексный акустический феномен» (термин Л. Лейпсон). Соответственно и новейший музыкальный континуум оказывается соткан из целого комплекса (в том числе и незвуковых) средств, что потенциально раздвигает коммуникативное поле восприятия и превращает его из слухового – в мультисенсорное.

Пафос наших рассуждений заключается не в отрицательном вердикте такого рода инновациям. Время оценок еще впереди, но ясно одно: нет априори плохой техники, плохого музыкального материала (например, из-за его удаленности от привычного звукового ландшафта). Они – лишь инструмент в руках настоящего мастера. Большой художник, улавливая флюиды эпохи, способен трансформировать их в новое качество звучания, оставаясь при этом на территории Музыки как вида искусства.

Эта позиция наиболее очевидна в оценках отечественных ученых, где сохраняется *культур-гуманитарный подход*. Согласно последнему, полное нивелирование «субъектного» обертона: национального, культурного, индивидуального – чревато непредсказуемыми последствиями и в конечном итоге губительно для искусства. «Общую парадигму взаимоотношений глобального и национального, – справедливо отмечает А. Козаренко, – можно охарактеризовать шпенглеровской формулой “поглощения культуры цивилизацией”». Взаимозаменяемость понятий культуры как национального и цивилизации как глобального имеет своим основанием имманентную природу

культуры (всегда тяготеющей к специфическому, ярко индивидуальному, уникальному) и цивилизации (тяготеющей к унифицированному, универсальному, усредненно общедоступному). Следовательно: глобализация, как основная тенденция развития современной “постиндустриальной” информационной цивилизации становится и формой культурного империализма (неоколониализма), когда предметом экспансии становится уже не национальная территория, государственность или богатство, а сам *Volksgeist* (дух народа, по Гердеру). Более того, борьба за сохранение национального становится борьбой за выживание самой культуры, средством преодоления специфических кризисов художественного сознания, так часто потрясаемого в XX веке катаклизмами эстетик и главенствующих творческих методов» [4, с. 37–38].

Иными словами, культуры (а музыки в первую очередь!) нет там, где за ней не стоит «дух» субъекта (человека, нации и т. д.). И хотя новейшая музыка несет на себе печать постиндустриальной эпохи, её самосохранение напрямую связано со способностью переплавлять любые тенденции, стирающие в ней субъектное начало (разрыв с традицией, гомогенность и мультифонизм музыкального материала, его унификация и выход за пределы «порога слышимости») – в качественные характеристики этого вида искусства – его способность к звукоинтонационному развертыванию мыслительного процесса.

Венцом второй волны авангарда становится отказ от привычных, конвенциональных для академической музыки принципов *фоноцентризма*. Сюда можно отнести (не говоря уже о качественной вариативности самого звучания) тенденцию к комплексной компоновке музыкального материала с использованием всевозможных фонетических, миметических, пластических и т. п. выразительных средств. Особое значение приобретает феномен включения в контекст произведений различных по продолжительности *моментов незвучания*. Что это? «Плохая», разрушающая музыку как вид искусства технология или адекватная новой эстетической ситуации стратегия?

Анализируя способы адаптации этих необычных, а порой шокирующих средств в кон-

тексте новейших музыкальных произведений, нельзя не вспомнить предшествующий радикальный опыт обновления музыки в эпоху первой волны авангарда. Напомним, насколько остро в своё время обсуждался и вопрос художественно-эстетических возможностей додекафонии. Примечательны, к примеру, высказывания Э. Денисова, вступающего в дискуссию с её негативными оценками, имевшими место в советской музыковедческой литературе еще в середине XX века. Прежде всего, он протестует против попыток привязать додекафонию к двум-трём доступным ей выразительным сферам (ужаса, страдания, прострации), справедливо утверждая, что она оказывается плодотворной и для выражения различного типа философских, лирических и т. п. настроений. Не менее очевидна и её связь с традициями австрийской музыки в творчестве «нововенцев», с национальными традициями в произведениях итальянцев Л. Ноно и Л. Даллапиккола, французов П. Булеза и Ж. Ами, немцев Г. Гейнце и Д. Шенбаха, японцев Е. Мацудайра и К. Фукушима. «*Додекафонная техника*, – резюмирует автор, – *может быть подчинена любой эстетике*. Как и всякая другая техника, додекафония является лишь инструментом в руках художника, и только от намерений художника зависит, каким целям она будет служить» [2, с. 520].

И действительно: как показала практика, дальнейшая судьба шенберговского детища оказалась неоднозначной. Одно направление его последователей, нацеленное на сохранение и создание некоего музыкального «эсперанто», в каком-то смысле оказалась тупиковым⁴. Другое, – нередко жертвывая «стерильностью» собственной техники, – обнаружило скрытые ресурсы взаимодействия традиционными (тонально-тематическими, интонационными) основами музыки и оказалось достаточно жизнеспособным.

⁴ В наибольшей степени это направление связывалось с представителями так называемой «дармштадской школы», которые, по словам А. Козаренко, «с маниакальной последовательностью продолжали разрушать естественные основы музыки, не замечая кардинальных перемен общегуманитарного дискурса, прораставших уже в 60-е годы XX века и очерченных в наиболее общих чертах понятием постмодернизм» [4, с. 38].

Но вернемся к нынешней ситуации обновления музыкального фоноландшафта и попытаемся взглянуть на неё сквозь призму происходящих на рубеже XX–XXI веков культурно-психологических процессов, коммуникативных запросов и общего состояния слушательской среды. «Всеядность» нынешней культуры, её многополярная, коммуникативно открытая природа в каком-то смысле определяют и главную «вывеску» такого обновления: *высочайшую степень взаимопроницаемости звукового и незвукового компонентов музыкальной материала*. В ряде случаев это оборачивается характерной для Новейшей музыки «провокационной природой», ставя её на грань антиискусства.

Итак, доминирующие интенции нынешней духовной жизни «постулируют в музыке новые, актуальные смыслы, предписывают академическому искусству находить изоморфные этим смыслам устойчивые комплексы выразительных средств и тем самым быть историчным...» [1, с. 11]. Один из таких комплексов связан с «*формированием широкого креативного поля-контекста, в котором выбор материала осуществляется из почти всех областей социальной действительности*» [5, с. 23].

Флюиды нового культурного сознания производны, на наш взгляд, и от таких фундаментальных «событий» начала столетия, как **кино, психоанализ и теория относительности**. Это те три «кита культуры» XX века, которые пришли на смену предшествующей Картине мира с её оппозицией бытия и сознания. «Если рассматривать Картину мира XX века динамически, – рассуждает В. П. Руднев, – то наиболее важным в этой динамике, как кажется, будет проблема поиска границ между текстом и реальностью... изменилось по сравнению с XIX веком и понятие о пространстве, времени, событии. Всё это интериоризовалось... стало неотъемлемой частью неразрывного единства наблюдателя и наблюдаемого...» [7, с. 129].

Действительно, наиболее популярное из искусств – кино, с одной стороны, отдает музыке свою артификационную составляющую, а с другой, – демонстрирует образцы художественного претворения так называемого *серийного мыш-*

ления, сыгравшего большую роль в культуре XX века⁵. Если продолжать проводить далее эти условные параллели, то теория относительности А. Эйнштейна отозвалась мощным потоком центробежных тенденций в музыке, *дегравитацией*, *детемперацией*, *децентрализацией* её различных составляющих, новым многомерным ощущением пространства. Наконец, психоанализ Зигмунда Фрейда, в начале XX века перевернувший сознание современников, – оказал огромное влияние и на музыкальное искусство, на сам способ эмоционального *со-общения* со слушателем, возможность суггестивного, даже магического воздействия на него. В разворачивании музыкального материала акцентируется момент диффузии рации и сенсуса. Мерой же проявления личностного начала становится *конфронтация-гармонизация сознательного и бессознательного начала человеческой психики*.

К. Х. Штамер, немецкий социолог и композитор, отмечает, что восприятие произведения ему видится «теперь не столько актом рационального освоения, сколько ритуальным событием», понимая под «ритуалом» в том числе и некое иное качество звучания, которое может быть использовано и в компьютерной, и в электронной музыке.

Примеров ритуального воздействия трансформированной звуко-ударно-фонетически-шумовой... субстанции на современного слушателя можно привести великое множество. Напомним, что еще Пьер Булез во время своих концертов в Москве и Ленинграде продемонстрировал компьютерную технику IRCAM. При этом его собст-

⁵ К серийному мышлению независимо друг от друга и почти одновременно обратились два великих реформатора эпохи: глава нововенской школы Арнольд Шёнберг и английский философ Джон Уильям Данн. Серийную концепцию последнего лучше всего демонстрирует фрагмент под названием «Художник и картина» из его книги «Серийное мироздание» (1930). В литературе и, особенно, в кино оно представлено в виде риторических построений под названием «текст в тексте». При этом сюжетом романа становится его написание или комментирование, сюжетом же фильма – съёмка этого фильма. В музыке феномен «текста в тексте», комментирование «чужого» слова, начиная с эпохи постмодерна, становится едва ли не дежурным приёмом.

венная пьеса, в которой композитор использует преобразования и перемещения звука в круговом пространстве, очень напоминает ритуальное действо. Один из последних образцов модернизированного звучания, упомянутый Л. Лейпсон, – мультимедийный перформанс берлинского ансамбля «StratoFyzika», ставший кульминационной точкой в музыкальном проекте «будущее роботов в электронной музыке» М. С. Гайста. «Направленный на создание атмосферы гипнагогии (пограничного состояния между сном и бодрствованием), он соединил в себе звуковой, танцевальный, визуальный, технологический и подсознательный аспекты» [5, с. 23].

Предельной точкой этих трансформаций стал музыкальный звук, звучание в их конвенциональных для этого искусства формах. Динамика этих процессов продолжается, но ясно одно: звук, как и жанр, – *не эстетический абсолютом, а исторический релятив*. Где пролегает граница между Музыкой и не-Музыкой, покажет время. Но идея гомогенизации музыки, науки и техники, равно как и практические эксперименты по их «перемешиванию» в некий суммарный субстат нам представляются малоперспективными.

Сохранение смысловой природы музыки – залог её выживания. «Смыслонесущим» потенциалом, с одной стороны, наделён лишь такой современный опус, который развёрнут на слушателя, сформировавшегося в условиях новой культуры со своей шкалой ценностей и предпочтений. Таковы многие образцы фонетических композиций, при всей своей радикальности не утратившие главного: *пассионарности* и моментов экспрессивного воздействия на слушателя. С другой – все привнесенные в такой опус компоненты (фонетические, миметические, пластические, технические и т. д.) должны быть не перемешаны в однородную массу, а *втянуты* в общий контекст звукового развёртывания, главным режиссёром которого остаётся Музыка.

Жанр и музыкальный материал при этом являются элементами одной системы, где жанр артикулирует себя не столько как «способ бытования произведения» или типовой состав исполнителей, сколько как *способ бытования звучания, коммуникативно означенное интонирование, как язык общения* в целом.

Литература

1. Демешко Г. А. О формировании коммуникативных стереотипов в искусстве «постгомофонной» традиции // Сиб. музык. альм. 2000. – Новосибирск, 2001. – С. 9–14.
2. Денисов Э. Додекафония и проблемы современной композиторской техники // Музыка и современность. – М.: Музыка, 1969. – Вып. 6. – С. 478–525.
3. Клименко Н. С., Зберовский А. В. Гендерная идентичность и национальная идентичность в современной духовной культуре России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 39. – С. 49–53.
4. Козаренко А. Феномен национального в музыке эпохи глобализации // Музыкальное искусство сегодня. Новые взгляды и наблюдения. – М.: Композитор, 2004. – С. 37–43.
5. Лейпсон Л. В. Музыкальный материал в творчестве представителей западноевропейского авангарда второй половины XX – начала XXI века: от фонетической композиции к перформативности: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2017. – 25 с.
6. Порфирьева А. Л. Магия – игра – организация (К вопросу об основаниях музыкальной коммуникации) // Музыкальная коммуникация. – СПб., 1996. – С. 82–96. – Сер. «Проблемы музыкознания»; вып. 8.
7. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1998. – 382 с.

References

1. Demeshko G.A. O formirovaniy kommunikativnykh stereotipov v iskusstve “postgomofonnoy” traditsii [On Creation of Communication Stereotypes in the Art of Post-Homophonic Tradition]. *Sibirskiy muzykal'nyy al'manakh 2000 [Siberian Music Almanac 2000]*. Novosibirsk, 2001, pp. 9-14. (In Russ.).
2. Denisov E. Dodekafoniya i problemy sovremennoy kompozitorskoy tekhniki [Dodecaphony and Problems of Modern Composition Techniques]. *Muzyka i sovremennost' [Music in Modern Times]*, Moscow, Muzyka Publ., 1969, iss. 6, pp. 478-525. (In Russ.).
3. Klimentko N.S., Zberovskiy A.V. Gendernaya identichnost' i natsional'naya identichnost' v sovremennoy dukhovnoy kul'ture Rossii [Gender Identity and National Identity in the Modern Spiritual Culture of Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2017, no. 39, pp. 49-53. (In Russ.).
4. Kozarenko A. Fenomen natsional'nogo v muzyke epokhi globalizatsii [The Phenomenon of Nationality in Music in the Era of Globalisation]. *Muzykal'noye iskusstvo segodnya. Novye vzglyady i nablyudeniya [Music Art Today. New Visions and Observations]*. Moscow, Composer Publ., 2004, pp. 37-43. (In Russ.).
5. Leypson L.V. *Muzykal'nyy material v tvorchestve predstaviteley zapadnoevropeyskogo avangarda vtoroy poloviny – nachala XXI vekov: ot foneticheskoy kompozitsii k performativnosti: avtoref. kand. dis. iskusstvovedeniya [Musical Material in Works of West European Avant-Garde in the Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Centuries: from Phonetic Composition to Performativity. Author's abstract of diss. PhD in Art History]*. Novosibirsk, 2017. 25 p. (In Russ.).
6. Porphyryeva A.L. Magiya – igra – organizatsiya (K voprosu ob osnovaniyakh muzykal'noy kommunikatsii) [Magic – Game – Organisation (Revisiting the Basis of Musical Communication)]. *Muzykal'naya kommunikatsiya. Problemy muzykoznaneya [Musical Communication. Problems of Musicology]*, St. Petersburg, 1996, iss. 8, pp. 82-96. (In Russ.).
7. Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka [The Dictionary of Culture of the 20th Century]*. Moscow, Agraph Publ., 1998. 382 p. (In Russ.).

УДК 78.07

**«ВОЛОГОДСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВОЛОГДЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Долгушина Марина Геннадьевна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов, Вологодский государственный университет (г. Вологда, РФ). E-mail: mgd63@mail.ru

В статье анализируются материалы газеты «Вологодские губернские ведомости», отражающие события музыкальной жизни Вологды с 1838 года до конца XIX века. «Ведомости» – первая и, долгое время, единственная газета в губернии. В связи с незначительным количеством архивных документов и почти полным отсутствием упоминаний о музыке в письмах и мемуарах современников, она является основным источником сведений о музыкальной жизни города того времени. Попытка целостного анализа всей имеющейся в выпусках газеты информации предпринята впервые, что предопределяет научную новизну исследования. Актуальность работы состоит в необходимости включения материалов, посвященных музыкальной жизни Вологды, в общее русло музыкально-краеведческих исследований, которые ведутся в настоящее время во многих городах России. Методы исследования – источниковедческий, музыкально-исторический.

Основными сферами музыкальной жизни Вологды во второй половине XIX века были музыкальный театр, гастрольные концерты профессиональных музыкантов, концерты местных музыкантов и любителей музыки, музыкальное образование. Информация о них представлена в различных типах публикаций: отзывах-рецензиях, анонсах, кратких информационных сообщениях, обзорах, объявлениях, упоминаниях в списках приехавших и выехавших. С точки зрения интенсивности отражения газетой событий музыкальной жизни выделены три периода: с 1838 до середины 1860-х годов, вторая половина 1860-х – 1870-е, 1880–1890-е годы. Показаны отличия в стилистике музыкальных материалов газеты в середине и в конце столетия, связанные с изменением историко-культурной ситуации. Материалы 1850-х – начала 1860-х годов эмоционально окрашены, характеризуют прозвучавшие произведения, отмечены использованием специальной терминологии; материалы конца века в основном информируют о самом событии, его благотворительных целях и присутствующих на нем лицах. Приведены неизвестные ранее сведения о гастролях в Вологде сестер Погожевых – первого в России профессионального фортепианного дуэта, скрипача Н. Я. Афанасьева, концертах вологодских любителей музыки. Обсуждается проблема концертного репертуара в середине и в конце столетия, определены его особенности. В заключении сделан вывод о том, что материалы «Вологодских губернских ведомостей» являются достоверным историческим источником, соответствуют существующим представлениям о развитии культуры Вологды во второй половине XIX века и значительно расширяют представления о ней.

Ключевые слова: «Вологодские губернские ведомости», газета, статья, музыкальная жизнь, концерт, музыкант, репертуар, объявление, XIX век.

“VOLOGDA PROVINCIAL GAZETTE” AS THE SOURCE OF DATA ABOUT THE MUSICAL LIFE IN VOLOGDA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Dolgushina Marina Gennadyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Department Chair of Theory and History of Music and Musical Instruments, Vologda State University (Vologda, Russian Federation).
E-mail: mgd63@mail.ru

This publication analyses the content published by the “Vologda Provincial Gazette” about the events of the musical life in Vologda from 1838 and until the end of the XIX century. This publication describes the first attempt of the holistic analysis of all information available in the newspapers of the second half of the XIX century. This publication is relevant due to the need for incorporating information about the musical life into the overall regional musical research, which is currently carried out in many Russian cities and towns.

The newspaper’s articles confirm that the key areas of the Vologda musical life were the musical theatre, concert tours of professional musicians, concerts by local musicians and music lovers, as well as musical education. Information about those areas is presented in various types of newspaper content such as reviews, announcements, brief news stories, overviews, advertisements and mentions in lists of arriving and departing persons. This research has identified three periods with varied intensity of newspaper publications about musical

life. The content published in the 1850s and beginning of 1860s is emotional and includes characteristics of the music played, as well as special terminology. The content published in the end of the century mostly informs about the event, its charitable purposes and people attending it. This study includes earlier unpublished information about the Vologda tour of the first professional Russian piano duet – Pogozhev sisters – as well as violinist Afanasyev, and concerts for local music lovers. Concert repertoire is discussed, as well as its particularities. This publication concludes that the articles published by the “Vologda Provincial Gazette” are a reliable source of historical data, confirms the current knowledge about the development of arts in Vologda in the second half of the XIX century, as well as expands this knowledge.

Keywords: “Vologda Provincial Gazette,” newspaper, article, musical life, concert, musician, repertoire, announcement, XIX century.

Материалы периодической печати являются, как известно, важнейшим источником изучения истории и культуры Нового времени. При обращении к музыкальной жизни Вологды XIX столетия данный источник представляется одним из основных. Архивных документов, способных пролить свет на художественную сферу быта вологжан того времени, сохранилось крайне мало. То же можно сказать об упоминаниях «музыкальных» событий в эпистолярной и мемуаристике. Именно поэтому, несмотря на наличие отдельных свидетельств, касающихся музыки в Вологде первой трети века, более или менее полную картину музыкальной жизни города можно составить лишь после 1838 года, когда в губернской столице стала выходить первая газета – «Вологодские губернские ведомости».

Цель настоящей статьи – актуализация материалов «Ведомостей» как важнейшего источника сведений о музыкальной культуре Вологды второй половины XIX века. Впервые предпринята попытка целостного анализа и обобщения информационной составляющей газетных публикаций о музыке с момента появления издания до конца столетия¹, позволившая реконструировать основные сферы музыкальной культуры провинциального города. Поставлена задача выявления и характеристики основных типов связанных с музыкой публикаций, а также оценки изменений в характере преподнесения информации о музыкальной жизни Вологды с учетом редакционной политики и временного контекста.

¹ С 1 декабря 1898 года, после учреждения в Ярославле газеты «Северный Край», распространявшейся также в близлежащих губерниях, «Ведомости» перестали быть единственным в Вологде периодическим изданием политического, общественного и литературного характера.

В процессе исследования были изучены все сохранившиеся номера «Вологодских губернских ведомостей» за указанный период. В качестве материала для сравнительного анализа привлекались отдельные выпуски газеты «Вологодский листок» и Санкт-Петербургских газет «Северная пчела» и «Новое время». Работа велась в фондах Государственного архива Вологодской области, Вологодской областной библиотеке имени И. В. Бабушкина, отделе газет Российской Национальной Библиотеки в Санкт-Петербурге. В процессе работы учитывались объективные сложности, касающиеся личностного и социально-политического факторов при оценке событий и явлений в периодической печати, возможных ошибок и опечаток в фамилиях исполнителей и названиях музыкальных произведений.

Первый номер «Вологодских губернских ведомостей» увидел свет 1 января 1838 года². Появление газеты связано с подписанным в 1830 году императором Николаем I указом об учреждении в крупных городах России информационных бюллетеней «Губернские ведомости», реализованным после выхода 3 июня 1837 года «Положения о порядке производства дел в Губернских Правлениях». Данное положение, в числе прочего, обязывало местные власти выпускать собственные газеты. В 1838 году «Ведомости» появились в сорока двух губерниях Российской Империи, в том числе – в Вологодской. Газета делилась на две части: официальную, которая позиционировалась в качестве «удобнейшего средства получать в надлежащее время сведения о постановлениях и распоряжениях губернского начальства» (цит. по [23]) и неофициальную – в ней публиковались материалы, посвященные внутренней жизни губернии, сведения по ее истории, географии, про-

² Все даты приводятся по старому стилю.

мышленности и торговле, отчеты организаций, объявления частных лиц и многое другое. «Вологодские губернские ведомости» выходили преимущественно один (с 1874 по 1892) – два раза в неделю. Первым редактором неофициальной части газеты стал сосланный в Вологду литератор В. И. Соколовский [22].

К сожалению, имена авторов музыкальных публикаций «Вологодских губернских ведомостей» XIX века, в большинстве случаев, неизвестны. Статьи подписывались крайне редко, в основном – не подписывались вовсе, либо выставлялись инициалы. Судя по характеру публикаций, принадлежали они как штатным сотрудникам газеты, так и любителям искусства, напрямую с газетой не связанным, своего рода «внештатным корреспондентам».

Следует также отметить, что события музыкальной жизни в разное время освещались в «Ведомостях» с большей или меньшей степенью интенсивности. В 1840-е годы материалы о музыке публиковались редко. В 1850-е их количество возросло, что связано либо с оживлением музыкальной жизни, либо с усилившимся интересом к художественной проблематике со стороны редакции.

В эти годы город сохранял свойственные до реформенному периоду традиции русской дворянской культуры, и посвященные музыкальной жизни публикации «Вологодских губернских ведомостей» особенно разнообразны. В разделах «Смесь», «Местные известия» и «Вологодский театр» неофициальной части газеты размещались как краткие информационные сообщения, так и развернутые статьи – анонсы либо рецензии на концерты и музыкальные спектакли. Последние могли приобретать черты критико-биографических очерков, особенно, если были посвящены приехавшим на гастроль известным артистам. Они знакомили читателей не только с ходом вологодских концертов приезжих музыкантов, но и с фактами их биографий и особенностями исполнительского стиля.

Например, читателям сообщалось об известном педагоге пианисток Веры и Натальи Погожевых, прибывших в Вологду в январе 1851 года, а также об их предшествующих достижениях: «Воспитанницы Лейпцигской консерватории, ученицы знаменитого Мошелеса, увенчанные успехом в музыкальных городах Германии

и в обеих наших столицах, Погожевы явились в Вологду с правом на полное внимание публики...» [3]. Рецензия на состоявшиеся в декабре 1850 – январе 1851 года концерты петербургского скрипача Н. Я. Афанасьева содержит раздел, посвященный исполнительской технике музыканта: «Главная сила игры г. Афанасьева состоит в пассажах двойных и тройных нот, в аккордах, в переменах тонов на всех четырех струнах... Пассажи не только октавами, но и децимами он выполняет с необыкновенной отчетливостью. Арпеджио и стаккато превосходны... флажолеты во всех местах струны украшают его игру... а употребляемое ныне с таким успехом *pizzicato* левой рукой у г. Афанасьева перестает быть игрушкой и приобретает самое приятное разнообразие» [2].

Достаточно подробно освещена в «Ведомостях» деятельность местных музыкантов. Судя по публикациям газеты, в конце 1850-х – начале 1860-х годов она заметно активизировалась. В это время в губернской столице существовало «Общество благородных любителей музыки». Организованные им концерты преследовали благотворительные цели: сбор от них направлялся в пользу «недостаточных» жителей города и губернии, лицам, пострадавшим в сражениях и от стихийных бедствий, на поддержание деятельности учебных и богоугодных заведений.

Посвященные музыкальному искусству газетные публикации этих лет, как правило, глубоко эмоциональны и имеют ярко выраженный личный оттенок. Хорошо ощущается, что рецензент газеты и его читатели – люди одного круга. Характерен отзыв Ю. Волкова, который сообщает о «благородных спектаклях», в антракте между которыми «музыкантша дилетантка, одна из девиц, которыми гордится Вологда», В. П. П...ая³, исполнила на фортепиано, с аккомпанементом оркестра помещика Д. Ф. Резанова, фантазию Ф. Калькбреннера «Le Réve»⁴: «...Что-то сильно шевельнулось и горячо отозвалось в нашем сердце, в ответ на те стройные, полные, так сказать, сверкающие звуки, которые из-под быстрых ру-

³ Идентифицировать имя исполнительницы не удалось.

⁴ Большая фантазия для фортепиано с оркестром «Le Réve» («Грёза») Ф. Калькбреннера (op. 113, посвящена К. Черни) – виртуозное концертное произведение, требующее от исполнителя высокого уровня инструментальной подготовки.

чек лились со сцены театра на массу слушателей, увлеченных и очарованных превосходным исполнением блистательного *Le Révé...*» [4].

Несмотря на доминирование восторженного тона и положительных откликов, в «Ведомостях» публиковались и критические материалы. Таков, например, отзыв корреспондента, скрывшего имя за псевдонимом Эн-ков, на пение актрисы Смирновой: «Многие аплодируют г. Смирновой, когда она играет оперные драматические роли, вроде Майко; но столь же многие находят, что пение г. Смирновой вовсе не слышно из-за музыки, а раздается только какое-то мяуканье, что драматизм ее игры ограничивается плаксивым говором, судорожными подергиваниями и поднесением платка к лицу...» [10].

В ряде статей, посвященных концертам, полностью публиковались программы. Это позволяет составить представление о репертуаре гастролирующих артистов и музыкантов-любителей тех лет. Так, сестры Погожевы исполняли в Вологде сочинения К. М. Вебера, Л. Бетховена, Ф. Мендельсона, Ф. Листа, Ф. Шопена, а также И. Мошелеса, И. Н. Гуммеля, С. Тальберга, А. Гензельта и К. Черни [3]. Н. Я. Афанасьев играл скрипичные концерты А. Вьётана, вариации Т. Гаумана и А. Контского на темы из популярных опер, а также этюды собственного сочинения [2]. В концерте любителей, состоявшемся 28 февраля 1963 года, прозвучали переложение увертюры Дж. Россини из оперы «Вильгельм Телль», фортепианный концерт Ф. Мендельсона, фантазия С. Тальберга на темы из оперы Дж. Мейербера «Роберт-Дьявол», концерт А. Герца, арии из опер Дж. Россини и Г. Доницетти. В заключение концерта «господа аматёры» исполнили «три цыганские песни с хором: «Любовь цыганки», «Песнь цыганки» и «Вдоль по улице метелица метет»⁵ [8].

По опубликованным в газете отзывам можно хотя бы отчасти судить о художественных предпочтениях вологодской публики. Так, на упомянутом выше концерте Погожевых наиболее сильное впечатление на слушателей произвели «Буря» Гуммеля и «Птичка» Гензельта в исполнении старшей из сестер – Веры Васильевны. Первую из названных композиций идентифици-

⁵ В силу распространенного заблуждения цыганской песней назван популярный романс А. Е. Варламова.

ровать не удалось⁶. Под «Птичкой», вероятно, имелся в виду знаменитый этюд Гензельта *Fis-dur «Si Oiseau j'étais»* («Если б я птичкой был, я бы летел к тебе») – № 6 из цикла «12 этюдов для фортепиано», ор. 2. В этом произведении на фоне технически сложных арпеджированных пассажей двойными нотами звучит обаятельная песенная мелодия, по предположению О. А. Скорбященской, – вариант знаменитой польской песни «Если б я солнышком на небе блистала», известной в обработке Ф. Шопена и Ф. Листа [21, с. 162].

С середины 1860-х годов в стиле и направленности «Вологодских губернских ведомостей» произошли серьезные изменения. Газета заметно политизировалась и в течение полутора десятилетий содержала крайне мало статей, касающихся культуры, истории, этнографии края, концентрируя внимание на официальных сообщениях – государственных и губернских.

Посвященные музыке публикации немногочисленны, лаконичны и, в основном, выполняют функцию рекламных объявлений. Так, проезд в Вологду столь известного исполнителя, как Д. А. Агреньев-Славянский, отражен лишь в одной небольшой заметке. Ее автор, скрывший имя за литерой «Р...», сообщает о грядущем «вокально-музыкальном вечере», который будет дан «с участием уже известных любителей в зале Дворянского Собрания», сетует на то, что «давно уже Вологда не слышала даровитых певцов», констатирует «замечательный артистический талант» Славянского и выражает надежду, что в случае успеха концерта «он не останется без сердечной и материальной благодарности» [13].

«Вологодские губернские ведомости» никак не отозвались на такое важное, даже уникальное для музыкальной истории Вологды событие, как гастроли итальянской оперной труппы. Она посетила город дважды – в 1870 и 1871 годах и представила оперы «Риголетто» Дж. Верди и «Фауст» Ш. Гуно. Информация о приезде итальянских артистов сохранилась благодаря двум развернутым публикациям в Санкт-Петербургской газете «Новое время».

⁶ Напомним, однако, что успех фортепианных сочинений Гуммеля на концертной эстраде во многом определяло свойственное им соединение технической виртуозности с сентиментально-романтическим тоном и изяществом мелодики.

Как редкое исключение воспринимается статья, посвященная состоявшемуся 6 марта 1877 года, по инициативе вологодского вице-губернатора, виолончелиста-и пианиста-любителя М. М. Кониара (Коньяра)⁷, благотворительному концерту в пользу «предполагаемого приюта для малолетних преступников». Стилистически она близка публикациям 1850-х годов. Однако и само ее появление, и место, на котором она размещена (статья открывает неофициальную часть газеты), связаны не столько с интересом к музыке, сколько с персонами, выступившими в качестве исполнителей – самим вице-губернатором, его сестрой Е. М. Коньяр, а также представителями родовитых вологодских семей – Ф. А. Межаковой, В. П. Лихаревой, А. А. и Е. А. Суворовыми, С. А. Волконским.

Неудивительно, что преимущественного внимания корреспондента газеты удостоился сам М. М. Коньяр: «Из входящих в программу концерта пьес первое место по искусству исполнения занимало Adagio Шуберта⁸, исполненное на виолончели М. М. Кониар, под фортепианный аккомпанемент Е. М. Кониар... В игре М. М. Кониар, живо напомилавшей нам игру первоклассных музыкальных талантов нашей столицы, слышалась не только безупречная верность нот, но она проникнута была тем чувством, которое так обаятельно действует на душу, потрясая нервы слушателя так, что кажется, что под смычком дрожат не мертвые струны инструмента, а нервы самого слушателя, как будто они сами издают мелодию, несущуюся со сцены...» [16].

В конце столетия ситуация вновь изменилась: события музыкальной жизни стали объектом более пристального внимания «Ведомостей» после организации в 1879 году вологодского «Общества любителей музыкального и драматического искусства». Судя по количеству и характеру публикаций, в 1880–1890-е годы, одной стороны, активизировалась музыкальная жизнь города,

с другой – с «Ведомостями» сотрудничали некоторые из членов «Общества». Например, один из инициаторов его создания И. К. Степановский (1850–1932) некоторое время был редактором неофициальной части газеты.

Размещенный в «Ведомостях» отчет о деятельности общества за первый год существования позволяет судить о работе его музыкального отдела, объединившего более 100 исполнителей. В Вологде открылась Воскресная школа хорового пения, был составлен любительский оркестр, сформированы квартеты и трио (виолончель, скрипка и фортепиано). В число членов общества вошли исполнители-солисты – инструменталисты и певцы [17]. Однако, несмотря на успешное начало, общество любителей музыки спустя несколько лет прекратило свое существование и возродилось в обновленном виде только в 1895 году [20, с. 116]. Наиболее активными его членами стали П. Ю. Гефле, взявший на себя руководство оркестром, М. М. Зубов – организатор вокального кружка, певцы-солисты В. А. Бантле, С. А. Згоржельская, Л. М. Котлярова, С. А. Лихарева, пианистка В. К. Миллер-Хорошевская.

В 1880–1890-е годы город редко посещали с гастролями столичные музыканты: информации о них на страницах газеты крайне мало. По-видимому, это объясняется тем, что Вологда долгое время находилась в стороне от магистральных торговых путей, и ее мало коснулись социально-экономические преобразования, обусловленные реформами 1860–1880-х годов и приведшие к превращению ряда губернских городов в крупные индустриальные центры. В конце XIX столетия она оставалась небольшим провинциальным городом. Отделения императорского русского музыкального общества в Вологде не было, а первые музыкальные классы – пения и «музыки на фортепиано» – открылись лишь в 1891 году [19]. Судя по материалам газеты, определяющую роль в музыкальной жизни города играла деятельность местных любителей. Значительное число публикаций этих лет посвящено музыкальным и музыкально-литературным вечерам, организованным силами учащихся Мужской классической гимназии, Женской Мариинской гимназии, Александровского реального училища.

Большая часть «музыкальных» газетных публикаций конца XIX столетия имела характер не-

⁷ Модест Маврикиевич Коньяр, действительный статский советник, вице-губернатор Вологды с 1 января 1865 по 19 мая 1880 года, в 1850-е годы вращался в кругу столичной музыкально-театральной элиты. Он был знаком с М. И. Глинкой, К. А. Булгаковым, В. Г. Каприотто-Скандербеком, С. И. Штуцманом.

⁸ Возможно, речь идет о II части Сонаты «Арпеджионе» Ф. Шуберта a-moll.

больших информационных сообщений. Поскольку в основном речь шла об ученических вечерах и любительских концертах, имевших благотворительный характер, акцент (особенно в освещении последних) делался на собранных денежных суммах: многие корреспонденции завершались небольшими финансовыми отчетами.

В эти годы стал иным и характер преподнесения информации. Если в середине века наиболее распространенным типом музыкальных публикаций были рецензии, содержащие впечатления о прозвучавших музыкальных произведениях и их эмоционально-эстетическую оценку, то в конце века, по-видимому, учитывая изменившуюся аудиторию газеты, в «музыкальных» сообщениях начинают доминировать немусикальные факторы. О самих исполняемых произведениях корреспонденты газеты либо вообще не писали, либо писали мало. Вместо этого обязательным компонентом статьи стал список присутствовавших на мероприятии почетных гостей. Например, на музыкально-литературном вечере 29 ноября 1887 года, посвященном 50-летию юбилею церкви при Вологодской классической гимназии, «желающих быть... оказалось так много, что, по недостатку места в зале, приходилось отказывать; посетителей собралось до 200 человек... Удостоили своим посещением этот вечер супруга Начальника губернии А. Н. Кормилицына (сам Г. Губернатор не присутствовал по нездоровью) с семейством, Вице-Губернатор с супругою, губернский и уездный предводители дворянства с семействами, начальники отдельных учреждений, преподаватели гимназии, реального училища и женской гимназии, родители и родственники учеников, 10 учениц женской гимназии с их классною дамою и 10 учеников реального училища» [18].

Приведенные в газете сведения о концертном репертуаре свидетельствуют о понижении, по сравнению с 1850–1860-ми годами, общего уровня музыкальной подготовки вологодских любителей. Сведений об исполнении ими технически сложной инструментальной и вокальной музыки не обнаружено. Доминировали камерные вокальные сочинения и нетрудные фрагменты из опер. Например, в репертуар В. А. Бантле входили легенда «Вечный жид» М. Горшкова, «Два вели-

кана» и «Новгород» О. И. Дютша, ария из оперы А. Г. Рубинштейна «Демон» («Я тот, которому внимала»); Л. М. Котлярова исполняла романсы, колыбельную из оперы «Гарольд» Э. Ф. Направника, колыбельную из оперы «Жоселен» Б. Годара.

Картину музыкальной жизни Вологды помогает дополнить существующий с первых лет издания «Ведомостей» раздел «Объявления». Среди огромного их разнообразия присутствуют извещения о продаже и обслуживании музыкальных инструментов, а также предложения о преподавании музыки.

Среди первых доминируют объявления о фортепиано и роялях, которые могли как продаваться, так и отдаваться во временное пользование. Стоимость фортепиано в середине столетия составляла около пятидесяти рублей серебром. Этой суммы могло хватить на покупку деревянного дома на окраине Вологды. Одно из объявлений информирует о продаже по случаю отъезда из города сразу двух фортепиано. Возможно, их хозяйка, госпожа Озембловская, давала уроки музыки [12]. В 1849 году «фортепианный и других инструментов мастер» А. Н. Косью-Демьянский «с полною готовностью» предлагал «свои услуги по сему предмету» [1]. В 1858 Вильгельм Бухмейр, фортепианный мастер из Санкт-Петербурга, объявлял высокопочтеннейшему дворянству и почтеннейшей публике, что он «привез несколько пиано самого новейшего устройства и ноты разных сочинителей; он принимает также всякого рода починки сих инструментов, равно и настраивание их, за самые выгодные цены и ручается за аккуратность исполнения» [5]. Известно также, что в числе книг, пожертвованных Общине сестер милосердия, было «Руководство к чтению музыкальных нот или подробное объяснение знаков, терминов и правил, употребляемых при выполнении по нотам как вокальной, так и инструментальной музыки, составленное для начинающих учиться музыке П. Воротниковым» [6], а также то, что в 1870-е годы среди вологжан были подписчики журналов «Нувеллист», «Музыкальный свет» и «Музыкальной газеты»⁹ [15].

⁹ Вероятно, имеется в виду «Всеобщая музыкальная газета» – «Allgemeine Musik-Zeitung» – еженедельное издание на немецком языке, посвященное академической музыке и выходящее с 1874 года.

Вторая группа «музыкальных» объявлений посвящена преподаванию музыки. В 1855 году актер императорских Санкт-Петербургских театров Дмитриев предлагал вологжанам уроки «танцевания и на скрипке», а в 1864 о желании преподавать за умеренные цены французский и немецкий языки, а также музыку и танцы, сообщала не назвавшая себя воспитанница Санкт-Петербургского Николаевского института [11]. Приехавший в Вологду в 1863 году «член филармонического общества в Берлине» г. Литц извещал почтеннейшую публику, что он «желает давать уроки на фортепиано, пения и генерал-бас» [9]. Примеры можно умножить.

Раздел объявлений в «Ведомостях» утратил свое значение после 1890 года, передав свои функции новому специализированному изданию – газете «Вологодский листок объявлений». Однако с точки зрения заявленной темы заслуживает внимания еще один «непрофильный» раздел – «О приехавших и выехавших». Из сухих информационных списков, размещенных в конце газеты, известно, например, что в 1863 году в Вологду прибыл из Ярославля «бывший Прусский подданный, учитель музыки Теодор» [7]. В апреле 1873 года город посетила «артистка С.-Петербургской императорской оперы» А. А. Латышева. Ее имя упоминается в списке прибывших в газете от 28 апреля. Латышева приехала в Вологду из уездного Грязовца, что может свидетельствовать о пока не выявленных контактах известной певицы с вологодским краем [14].

Таким образом, с точки зрения изучения музыкальной истории региона, «Вологодские губернские ведомости» являются ценным и информационно насыщенным источником. Неофициальная часть газеты (в том числе разделы «Объявления» и «О приехавших и выехавших») дает полноценное представление об основных сферах музыкальной жизни города во второй половине XIX века: гастрольно-концертной деятельности, музыкальном театре, музыкальном образовании, отдельных чертах музыкального быта. Опубликованные в «Ведомостях» материалы предоставляют возможность судить не только о репертуаре, исполнителях, реакции публики, но также об организационной стороне музыкально-исполнительской практики – месте и времени проведения концертов и иных музыкальных мероприятий, состоянии театральных и концертных площадок, стоимости билетов.

Как и любой исторический источник, материалы периодической печати требуют критического осмысления, проверки, сопоставления с другими источниками, а также учета социально-исторического контекста. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне объективности газеты в плане отражения событий музыкальной жизни и значительно обогащает существующие представления о развитии культуры Вологды во второй половине XIX века.

Литература

1. Вологодские губернские ведомости. – 1849. – № 50. – 10 дек.
2. Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 1. – 6 янв.
3. Вологодские губернские ведомости. – 1851. – № 5. – 3 февр.
4. Вологодские губернские ведомости. – 1854. – № 14. – 3 апр.
5. Вологодские губернские ведомости. – 1858. – № 36. – 6 сент.
6. Вологодские губернские ведомости. – 1861. – № 25. – 1 июня.
7. Вологодские губернские ведомости. – 1863. – № 2. – 12 янв.
8. Вологодские губернские ведомости. – 1863. – № 10. – 9 марта.
9. Вологодские губернские ведомости. – 1863. – № 13. – 30 марта.
10. Вологодские губернские ведомости. – 1864. – № 7. – 15 февр.
11. Вологодские губернские ведомости. – 1864. – № 24. – 13 июня.
12. Вологодские губернские ведомости. – 1866. – № 18. – 30 апр.
13. Вологодские губернские ведомости. – 1867. – № 2. – 14 янв.

14. Вологодские губернские ведомости. – 1873. – № 17. – 28 апр.
15. Вологодские губернские ведомости. – 1877. – № 6. – 20 янв.
16. Вологодские губернские ведомости. – 1877. – № 20. – 10 марта.
17. Вологодские губернские ведомости. – 1880. – № 53. – 10 июля.
18. Вологодские губернские ведомости. – 1887. – № 50. – 11 дек.
19. Вологодский листок объявлений. – 1891. – № 27. – 4 сент.
20. Долгушина М. Г. Общество любителей музыкального и драматического искусств и его вклад в культурную жизнь Вологды конца XIX века // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2014. – № 2 (55), т. 2. – С. 115–119.
21. Skorbyashchenskaya O. A. У истоков романтической мифологии: фортепианные этюды Адольфа фон Гензельта // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 40. – С. 159–168.
22. Швецов М. Н. Из прошлого [Электронный ресурс]: Ист.-литератур. очерки. – Вологда: Тип. А. А. Галкина, 1913. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/Shve/cov/Is_pr/ (дата обращения: 12.03.2018).
23. Шевцов В. В. Губернские ведомости в законодательстве Николая I [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gubernskie-vedomosti-v-zakonodatelstve-nikolaya-i-1> (дата обращения: 14.03.2018).

References

1. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1849, no. 50, December 10. (In Russ.).
2. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1851, no. 1, January 6. (In Russ.).
3. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1851, no. 5, February 3. (In Russ.).
4. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1854, no. 14, April 3. (In Russ.).
5. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1858, no. 36, September 6. (In Russ.).
6. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1861, no. 25, June 1. (In Russ.).
7. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1863, no. 2, January 12. (In Russ.).
8. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1863, no. 10, March 9. (In Russ.).
9. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1863, no. 13, March 30. (In Russ.).
10. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1864, no. 7, February 15. (In Russ.).
11. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1864, no. 24, June 13. (In Russ.).
12. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1866, no. 18, April, 30. (In Russ.).
13. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1867, no. 2, January 14. (In Russ.).
14. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1873, no. 17, April 28. (In Russ.).
15. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1877, no. 6, January 20. (In Russ.).
16. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1877, no. 20, March 10. (In Russ.).
17. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1880, no. 53, July 10. (In Russ.).
18. *Vologodskiy gubernskiy yedomosti [Vologda Provincial Gazette]*, 1887, no. 50, December 11. (In Russ.).
19. *Vologodskiy listok obyavleniy [Vologda Newspaper of Announcements]*, 1891, no. 27, September 4. (In Russ.).
20. Dolgushina M.G. Obshchestvo lyubiteley muzykalnogo i dramaticheskogo iskusstv i ego vklad v kulturnuyu zhizn Vologdy kontsa XIX veka [The Society of lovers of music and dramatic arts and his contribution to cultural life of Vologda at the end of the 19th century]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Cherepovets State University]*, 2014, no. 2 (55), vol. 2, pp. 159-168. (In Russ.).
21. Skorbyashchenskaya O.A. U istokov romanticheskoy mifologii: fortepiannyye etyudy Adolfa fon Genzelta [At the Origins of Romantic Mythology: Piano Etudfs of Adolph Von Henselt]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo state University of culture and arts]*, 2017, no. 40, pp. 159-168. (In Russ.).
22. Shvetsov M.N. *Iz proshlogo: istoriko-literaturnyye ocherki [From Past. Historical and literary essays]*. Vologda, A.A. Galkin Publ., 1913. (In Russ.). Available at: https://www.booksite.ru/fulltext/Shve/cov/Is_pr/ (accessed 12.03.2018).
23. Shevtsov V.V. *Gubernskie yedomosti v zakonodatelstve Nikolaya I [Provincial Gazette in the legislation of Nicholas I]*. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/gubernskie-vedomosti-v-zakonodatelstve-nikolaya-i-1> (accessed 14.03.2018).

УДК 784.3

«РУСАЛКА» КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА В РУССКОМ РОМАНСЕ

Верба Наталья Ивановна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: verba.natalia@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению камерно-вокальных сочинений на стихотворение Константина Бальмонта «Русалка» – романсов Владимира Бюцова, Михаила Остроглазова и Рейнгольда Глиэра. В современной исполнительской практике широкую известность приобрел романс Глиэра, в то время как сочинения Бюцова и Остроглазова практически неизвестны широкой аудитории.

Внимание уделяется архетипическому образу морской девы и особенностям его воплощения в поэтическом произведении Бальмонта. Довольно краткое стихотворение поэта емко запечатлевает в себе самые важные черты русалочьего облика и дает мощный импульс к созданию музыкальных версий, во многом «наследующих» чувственный «градус» поэтического первоисточника.

В статье подробно анализируются средства воплощения в музыке романсов волшебного и изменчивого образа русалки, а именно: интонационные, ладовые, метроритмические, фактурные особенности, формообразующие принципы и т. д. Три романса, являющие собою яркое воплощение различий в авторской стилистике, в то же время демонстрируют удивительно схожие способы претворения образа русалки. Соотнесение характеристик бальмонтовской русалки в разных романсах русских авторов позволяет сделать вывод, во-первых, об удивительной схожести созданных музыкальных образов и, во-вторых, об обусловленности этого феномена самим архетипическим образом, будто подсказывающим творцам способы своего запечатления.

Ключевые слова: архетип, архетипический образ морской девы, способы реализации архетипического образа в музыке, интертекстуальные связи между произведениями, реализующими схожие образы.

“RUSSALKA” BY KONSTANTIN BALMONT IN THE RUSSIAN ROMANCE

Verba Natalya Ivanovna, PhD in Art History, Associate Professor of Musical Education and Study Department, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: verba.natalia@yandex.ru

One of the favorite themes in culture of the 19-20th centuries is the mermaid one. This theme is realized in the various kinds of art. There are a lot of operas, chamber-vocal works, poetry, ballads, stories and novels by different authors in the romantic epoch and at the turn of the 19-20th centuries. The great popularity of mermaid theme causes the ways of realization the image of sea maiden and determines many expressive means, which help composers, writers and poets embody these images in the art.

The article discusses the archetypal image of the mermaid in the romances of Vladimir Butsov, Mikhail Ostroglazov and Reingold Glier on the text by Konstantin Balmont. The attention is paid to a lot of aspects: dramaturgy, melodic, modal and textural features, general compositional principles and intertextual relations between romances and other works about the mermaid theme.

The ambivalence of the image of the sea maiden is particularly emphasized. This makes different composers to turn to similar ways of the embodiment of the image in their works on the mermaid theme. The musical characteristics of mermaid created by Butsov, Ostroglazov and Glier are correlated with the context of other imprints of these images in the musical art.

It is emphasized in the article that the ways of a description of the heroine which were found by Butsov, Ostroglazov and Glier in their romances were correlated with those resorted to by other authors. This allows to make a conclusion that a lot of intertextual relations are conditioned of archetypal image of the sea maiden.

Keywords: archetype, archetypal images of the sea maiden, methods of implementing the archetypal image in music, intertextual links between works that imitate similar images.

Стихотворение «Русалка» («Если можешь, пойми...») Константина Бальмонта было создано в 1903 году. В творчестве поэта есть и другие примеры запечатления волшебного русалочьего облика – это стихотворения «Русалочка» («Русалка с звонким хохотком...»), «Русалка» («В лазоревой воде, в жемчужных берегах...»), «Русалки» («Мы знаем страсть, но страсти не подвластны...»), «Она как русалка, воздушна и странно-бледна»¹. Внимание к чудесному персонажу, впрочем, весьма устойчивому и жизнеспособному во многих культурах, объясняется несколькими причинами. Русалка – один из популярных образов художественного творчества, коль скоро последнее тесно взаимодействует с мифологией, фольклором. Наибольшую востребованность русалка в качестве героини того или иного произведения обретает в романтическом XIX веке, о чем свидетельствуют многочисленные посвященные ей описания в разных жанрах и разных же искусствах [7]. Особое внимание к русалке обуславливается удивительным созвучием этого образа и всего связанного с нею сюжета с мировоззренческими константами эпохи романтизма [4]; разумеется, и символистском поэтическом континууме России рубежа XIX–XX и начала XX веков она также занимает подобающее ей место. Общая символистская направленность лирики Бальмонта естественно

¹ Помимо прямо адресованных русалке стихотворений в наследии Бальмонта также существуют и некие «сколы» русалочьего сюжета, «русалочьи мотивы», во многом объясняющие образы произведений. Например, одно из стихотворений поэтического сборника «Будем как Солнце!», отдающего дань поклонения стихиям, называется «С морского дна». Здесь также в центре образ морской девы; образ, ярко воссоздающий имманентные для него семы – волшебную красоту, призрачно-хрустальный мир, в котором обитает героиня, невозможность такого желанного для нее счастья... Своеобразная русалочья «сага» в творчестве Бальмонта характеризует образ с разных сторон; впоследствии она дополняется и созданной на ее основе музыкальной коллекцией русалочьих романсов разных авторов.

объемлет этот образ – амбивалентный, чарующий своей красотой и в то же время грозный гибелью всякому, кому выпадет с ним повстречаться [8].

*Если хочешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты один мне понравился между людьми.
До тебя я была холодна и бледна
Я с глубокого, темного, тихого дна...
Нет, помедли. Сейчас загорится для нас
Молодая луна. Вот, ты видишь, – зажглась.
Дышит мрак голубой. Ну, целуй же, ты мой?
Здесь, и здесь. Так, и здесь.
Ах! Как сладко с тобой!*

Процитированное стихотворение, несмотря на лаконичность, можно рассматривать как средоточие основных черт русалочьего образа. Здесь и указание на подводное «отечество» русалок («я с глубокого, темного, тихого дна»²), и обрисовка причин трансформации героини при ее взаимодействии с человеком («до тебя я была холодна и бледна...»), и подчеркнутая чувственность («ну, целуй же... Ах! Как сладко с тобой!»), буквально разлитая во всем последнем пассаже стихотворения – чувственность, впрочем, имеющая оборотную грозную сторону, поскольку поцелуй русалки, очевидно, влечет за собой трагические последствия («ты мой!»). Важно подчеркнуть, что само стихотворение отчетливо «распадается» на две различные по эмоциональному градусу части. В первой героиня действительно предстает робкой и нежной морской девой, «холодной и бледной», то есть такой, какую она была до встречи с человеком. Во второй налицо – иная русалка, способная опьянить, увлечь, околдовать своим

² Отдельно обозначим интертекстуальные связи между цитируемым стихотворением Бальмонта и его же «Я ласкал ее долго, ласкал до утра...». *Мы – с глубокого дна, и у той глубины / Много дев, много раковин нежных («Я ласкал ее долго, ласкал до утра...») // До тебя я была холодна и бледна / Я с глубокого, темного, тихого дна... («Русалка»).*

страстным, совсем не «инаковым», но вполне человеческим, горячим порывом.

Этой же энергетикой – эротичной, сладострастной – напоены и романсы на текст Бальмонта. Поскольку образ русалки – архетипический, то и средства его воплощения в романсах разных авторов неизбежно будут коррелировать между собой и с теми, какими морская дева отображалась в оперном творчестве и камерно-вокальных, инструментальных произведениях XIX века. Это особый тип фактуры, живописующий стихию воды; интонационные решения, симптоматично сходным образом напоминающие круг, кольцо, которые столь имманентны заманивающему образу; детально «прорисованные» динамика и нюансировка, усиливающие выразительность круговых интонаций т. д. Одним из важных векторов раскрытия русалочьего образа в музыкальном искусстве выступает акцентуация разными авторами, независимо друг от друга *амбивалентности этого персонажа* и, отсюда, подчеркивание его полярных ипостасей – безжизненной холодности и граничащей со страстностью горячности, «инаковости» и полнокровной человечности, волшебной, в прямом смысле этого слова – «*неземной*» – красоты и грозной опасности [2; 3; 5; 6; 9].

Как же облекалась в музыкальную плоть бальмонтская русалка? Вслед за выходом стихотворения в свет в разные годы начала XX века создаются несколько романсов на бальмонтский текст. Это «Русалки» В. Бюцова, М. Остроглазова и Р. Глиэра.

«Русалка» В. Бюцова³ ор. 1 № 6 [1] – удивительно красивая, тончайшая, кружевная музы-

³ Бюцов Владимир Евгеньевич (1887–?) – русский музыкант, композитор, автор романсов, представитель русской эмиграции в Париже. Выходец из семьи потомственных дипломатов. Его отец – Евгений Карлович Бюцов – служил в дипломатических должностях в Китае, Японии, Иране. Собранная Е. К. Бюцовым коллекция предметов китайского искусства была впоследствии выкуплена петербургским коллекционером А. А. Половцевым и в настоящее время представлена в китайской коллекции Эрмитажа [11]. Владимир Евгеньевич был широко известен в эмигрантской среде Парижа как первоклассный аккомпаниатор. Согласно воспоминаниям Н. А. Кривошеиной, это был «чудесный музыкант с несноснейшим характером, но безупречным музыкальным вкусом» [12, с. 98].

кальная версия бальмонтского стихотворения. Фортепианное вступление, окунающее слушателя в водную стихию, позволяет физически ощутить и ее глубину (выдержанный бас), и неспешное (*Moderato*) колыхание волшебной, живой, движущейся, дышащей водной субстанции, и поблескивание «искорок» на поверхности (см. Приложение, пример 1).

H-dur – основная тональность романса. Однако уже во фортепианной прелюдии секундовые тоны придают некую неустойчивость трезвучию: буквально в первых же тактах основные ступени будто «смешиваются» с квинтсекстаккордом шестой ступени (см. Приложение, пример 1); и далее те же секундовые наслоения придают зыбкий, вот-вот готовый разрешиться характер трезвучию *Gis-dur*, так и не приходящему в свою «тонику». Эллиптические обороты в самом начале романса придают оттенок импрессионистичности этой звуковой живописи и сразу же погружают слушателя в созерцание-вчувствование живого, изменчивого, переливающегося разными красками водного образа.

Следует отметить ладовую «мобильность» музыкальной ткани романса в целом – композитор все время подчеркивает смену оттенков в облике русалки и родной ее стихии при помощи тональных «бликов». Основной *H-dur* все время перекрашивается то в более темный *gis-moll* в начальных фразах речи русалки (см. Приложение, пример 2), то сменяется приглушенными и действительно холодными, безжизненными *dis-moll* и *Cis-dur* на словах «до тебя я была холодна и бледна». Обе тональные краски «обогащаются» секундовыми тонами, что, вкупе с нюансировкой *p*, придает музыкальной ткани налет ирреальности, буквально заставляющий воспринимать это звуковое полотно как «марево», как некий вот-вот готовый рассеяться «мираж» (см. Приложение, пример 3).

Имеет смысл отметить и еще один выразительный момент, свидетельствующий о тончайшей проработке композитором поэтического текста Бальмонта: тоника *H-dur* (как и ранее, окрашенная секундовыми тонами) возвращается на словах русалки «Я с глубокого, тихого, тем-

наго дна⁴» – здесь она действительно воспринимается как некий символ «родины» для героини, синоним ее чудесного подводного «отечества». Первая часть романа, таким образом, обрамлена основной тональностью, в которой выдержана и замыкающая первый раздел фортепианная интерлюдия.

Отмеченная ладовая мобильность подчеркивается также в первой части романа и постоянной сменой размера – 3/4, 12/8, 3/8, 9/8, 6/8 и т. д.: сдвиг метрической «точки опоры» также производит необходимое «зыбкое» впечатление и направляет восприятие этого волшебного образа в нужное русло.

Вторая часть романа (со слов «Нет, помедли») производит поистине разящее впечатление своей тончайшей импрессионистической звучностью: в этой живой, мерцающей «материи» присутствуют и буквальные иллюстрации восхода луны, и точное попадание в «дух» слов. Средства воплощения столь живописного образа следующие: очередная смена лада (*D-dur*), размера (9/8), фактурное «колыхание», регистровые краски, круговое, замкнутое строение мелодики, возвращающейся к исходной точке и выразительные паузы в речи русалки, совпадающие с въевшимся ощущаемым «восходом» луны (см. Приложение, пример 4).

Небольшой по размерам второй раздел романа «модулирует» в репризу, о чем свидетельствует возврат мелодического материала из первой части, в основной тональности, но на сей раз в субдоминантовой «краске», почти сразу же приобретающей иные колористические нюансы благодаря альтерированной *f*: уже сама тоника таким образом «расшатывается», буквально – «расплывается» в «дышащем голубом мраке» и приобретает отнюдь не устойчивые очертания (см. Приложение, пример 5). Обращает внимание «перекрашивание» гармонии в сумрачную последовательность *gis-moll – dis-moll* на словах «здесь, и здесь» (см. Приложение, пример 5, такты 5–6): темные оттенки будто предвосхищают, фактически, гибель героя, вкусившего поцелуй русалки и, очевидно, уснувшего в ее смертельных объятиях.

⁴ Здесь и далее в примерах сохранены особенности орфографии времени издания романа.

Отметим исключительную выразительность вокальной строчки: искусное использование пауз, повышение тесситуры на самых важных словах придают мелодике отчетливое сходство с обольстительным шепотом, в котором «придыхания», замедления, тонко выписанная агогика подчеркивают глубоко чувственный смысл, удивительно отличающийся от эмоционального строя первой части романа⁵.

Что же говорить о кульминации, представляющей как своего рода «триумф» русалки?! Разлив чувства, в котором отчетливо слышна даже пульсация теперь уже отнюдь не холодного русалочьего сердца, напоенного живой человеческой любовью – вот, пожалуй, очевидный смысл этого откровенного фрагмента, мастерски претворенного соответствующими музыкальными средствами. Отметим выразительные, тягучие секундовые гармонические ходы, трепетность бьющейся аккордики, присутствие замыкающего кругового «росчерка» в мелодии (см. Приложение, пример 6).

И что же? Будто смыкая круги воды над прозошедшим, композитор выписывает чарующее «послесловие», в буквальном смысле «окунающее в Лету» и саму русалку, и ее несчастного (счастливого?) возлюбленного. Сколь тонко и призрачно это звуковое волшебство, как причудливо затихают последние всплески над краткой историей морской девы и человека, как неизбежно возвращается все «на круги своя», будто случившееся было маревом, мечтой, виденьем – растаявшим бесследно, словно непойманное воспоминание... И как удивительно искусен композитор в решении этой непростой, поистине символистской задачи, сколь «говоряща» круговая (вновь подчеркнем эту магическую выразительность круга!) последовательность *gis-moll, dis-moll, cis-moll* и замыкающего *gis-moll* и как красноречиво возвращение «чистого», незамутненного *H-dur* (см. Приложение, пример 7), венчающего собой финал этой красивой сказки.

⁵ Несмотря на наличие вопросительного знака в реплике «Ты мой?» в поэтическом первоисточнике, Бюцов окрашивает этот фрагмент романа утвердительно. Русалка будто констатирует: «Ты мой!».

Еще одна романсовая версия бальмонтовского текста – «Русалка» [13] М. А. Остроглазова⁶. Сколь различны эти две русалки и в то же время – сколь похожи! Русалка Остроглазова многим проще, понятнее, предсказуемее и даже приземленнее, чем в романсе Бюцова. По-видимому, различие это определяется разницей художественных натур и творческих устремлений авторов: в романсе Остроглазова ощутим композитор, много сил и времени отдавший духовному музыкальному творчеству, отсюда ладовая определенность, ясность модуляций, выверенность, строгость линий в подчеркнуто лаконичном, без особых изысков, фортепианном аккомпанементе – именно аккомпанементе, поскольку фортепиано здесь выполняет функцию гармонической и иллюстративной поддержки, впрочем, довольно безыскусной.

Вместе с тем средства, которыми Остроглазов реализует в своем романсе русалочий образ, удивительно схожи с теми, к которым прибегал и Бюцов. Здесь можно услышать и круговые мотивы в мелодике, и разные варианты фактурных, а также ладовых решений, живописующих состояния стихии воды и подчеркивающих смену настроений в самих речах русалки, и даже формообразующие принципы, обусловившие сходное строение опусов и Бюцова, и Остроглазова.

Несмотря на простоту этого вокального опуса Остроглазова, все же сам образ обусловил наличие в нем определенных фактурных особенностей, свидетельствующих о желании автора претворить в музыкальной ткани стихию воды. Это разного рода пассажи-«струйки», буквально «расплескивающиеся» и обнимающие собой все регистровые краски. Уже самые первые такты романса вводят в чувственное осязание водного образа, чему способствует начальное «невесомое» (в верхнем регистре и нюансе *pp*) арпеджио по ступеням седьмого септаккорда (см. Приложение, пример 8).

⁶ Михаил Андреевич Остроглазов – русский композитор, автор духовных хоровых сочинений (как для церковной службы, так и вне ее), опер, камерно-вокальных опусов, большинство которых опубликовано в издательстве П. Юргенсона. Фонды РГБ и РНБ располагают внушительным числом изданных произведений М. А. Остроглазова.

В дальнейшем обозначенное арпеджио будет играть в романсе не только красочно-иллюстративную, но и формообразующую функцию, знаменуя начало нового раздела.

В числе средств, способных воплотить в музыке волшебный и изменчивый русалочий облик, мы также отметили игру тональностями – эффективный способ претворить непостоянство как имманентную черту этого архетипического образа. В романсе Остроглазова мы не найдем красочных и чувственных сопоставлений, выразительных эллиптических оборотов, как у Бюцова, однако все же довольно мобильный тональный план выказывает стремление автора показать разными красками нюансы стихотворного текста, оттенки в настроении героини. Так, в первой части романса обозначим следующую логику, не выбивающуюся, впрочем, за рамки первой степени родства: *As-dur-c-moll-As-dur-b-moll-f-moll-Es-dur*.

При всей кажущейся простоте, все же стоит подчеркнуть, что композитор следует тексту тонко, вдохновенно, пытаясь тонально окрасить речи русалки. Так, *c-moll* подчеркивает текст «Ты один мне понравился между людьми», что звучит как своего рода мрачноватое предвестие будущей судьбы адресата обольстительной песни героини. Далее, фрагмент «До тебя я была холодна и бледна» выделен, соответственно, «холодными» в контексте *As-dur* тональностями *b-moll* – *f-moll*. Еще один красноречивый момент – музыкальное обрамление слов «Я с глубокого, тихаго, темнаго дна»: мелодия здесь в буквальном смысле «скачивается» с вершины в «глубину»; это русалочье «отечество» окрашивается в светлые тона доминанты *Es-dur* (см. Приложение, пример 9).

Призрачная, ирреальная вторая часть стихотворения, целиком построенная на роскошных пассажах, объемлющих собой все регистры и жидящаяся на различных вариантах уменьшенной гармонии, начинается с выразительного и в то же время простого «перекрашивания» заявленного в самом начале арпеджированного комплекса (см. Приложение, пример 10).

Особо акцентируем следующий важный момент: в среднем разделе, живописующем лунный восход, русалка также предстает перед слушателем в несколько ином эмоциональном плане:

разностороннему показу образа, подчеркиванию его амбивалентности способствуют и смена фактуры в аккомпанементе, и едва слышимая звучность (разные градации *p*), и щемяще-тревожная терпкость уменьшенной гармонии. Кроме того, именно в среднем разделе становится очевидной тенденция к замкнутости мотивов, общему закругленному (читаем – заманивающему) строению мелодики, плетущей чарующие «кольца» вокруг слушателя (см. Приложение, пример 11).

Кульминационная часть стихотворения в музыкальной версии Остроглазова, с одной стороны, непритязательна и проста. С другой, предельный лаконизм фортепианного аккомпанемента объясняется, по-видимому, стремлением подчеркнуть рельефность *слова*, этой чудесной, млеющей русалочьей песни. Искупая строгость сопровождения, вокальная партия звучит здесь особенно выразительно и чувственно (см. Приложение, пример 12).

«Русалка» Р. Глиэра⁷ – еще один удивительно чувственный романс на текст Бальмонта. Здесь налицо – все те выразительные средства, к которым прибегали и Бюцов, и Остроглазов, живописующие *своих* русалок. Это, разумеется, и соответствующие фактурные решения, претворяющие живую, пульсирующую, мерцающую водную «материю», и особое строение мелодики, будто сотканной из множества «кругов», «колец», и мастерское владение тональными красками, и акцентуация амбивалентной сущности героини – холодной и в то же время по-человечески страстной.

Вместе с тем романс Глиэра демонстрирует и множество собственных, обусловленных стилистикой автора черт. Отсюда и удивительно тонкая, поистине акварельная звучность, и множество важных штрихов, дополнений, существенных акцентов, облакающих бальмонтовское стихотворение в подобающие ему звуковые «одеяния».

В первую очередь отметим особую выразительность вокальной партии: здесь композитор довольно свободно обращается со стихотворным

текстом, прибегая к повторам строк, и использует разнообразные колоратурные вокализы. Последние являются, по-видимому, неотъемлемой чертой волшебного русалочьего образа, инсталляцией такой его семы, как чудесное пение; они также чрезвычайно роднят героиню Глиэра с Волховой Римского-Корсакова (см. Приложение, ср. примеры 13 и 14).

Однако в сравнении с Волховой (и с героиней Бюцова и Остроглазова) Русалка Глиэра – существо гораздо более опасное. Обращают на себя внимание почти зловещие, нежно-холодные перебивы ее смеха: они будто заранее пророчат судьбу каждому, кто услышит эти волшебные звуки. Вокализ – чарующий, *кольцеобразный* – обладает и структурообразующими функциями, поскольку, фактически, разделяет части романса и, словно виньетка, обрамляет его: подобный повтор этих русалочьих распевов на уровне формы еще больше усиливает выразительность и завлекающий, опутывающий, лишаящий воли смысл этого кругового русалочьего символа.

Повторность музыкального материала – один из имманентных образу способов подчеркнуть его манящую сущность. Повтор будто символизирует движение по кругу, словно является слагаемым этой манящей спирали. В романсе Глиэра названное средство углубляет колдовскую суть русалочьего облика: дважды повторенные фразы «Нет, помедли. Сейчас загорится для нас молодая луна», «Вот, ты видишь, зажглась», «Ну, целуй же! Ты мой?» с многократной акцентуацией вопроса «Ты мой?»⁸ и сама сцена поцелуя «Здесь. И здесь. Так, и здесь» – все это словно закручивает вокруг возлюбленного героини мощный чувственный водоворот, из которого невозможно выбраться (см. Приложение, пример 15).

Отметим также тесситурные сдвиги: здесь не просто повтор, но повтор чуть выше (или чуть ниже), что воочию создает впечатление движения по спирали, опутывающей возлюбленного героини чувственными кольцами сладострастных речей.

⁷ Романс написан в 1910 году и посвящен Антонине Васильевне Неждановой, ставшей первой исполнительницей этого произведения.

⁸ В отличие от Бюцова и Остроглазова, Глиэр точно следует смысловой пунктуации бальмонтовского текста, сохраняя интонацию вопроса на словах «Ты мой?».

Подобный же прием повтора с тесситурными сдвигами, а, значит, соответствующими ладовыми решениями будет характерен и для других фраз. В сравнении с героинями Бюцова и Остроглазова, глиэровская русалка более настойчива: об этом свидетельствуют широкие, усиленные пунктиром и динамикой ходы на повелительном возгласе «Ну, целуй же!», сообщающие требовательный характер этому приказанию. Обращает также внимание исключительная выразительность вопроса русалки «Ты мой?», оканчивающегося круговым росчерком: благодаря возврату изначального интонационного символа в заданном вопросе этом как будто бы и заключен разумеющийся – роковой! – ответ (см. Приложение, пример 16).

Круговая основа мелодики ощутима не только лишь в вокализе – ею буквально напоены все речи глиэровской героини. Из множества примеров именно такого кольцеобразного строения мелодики, усиленного соответствующей волновой микродинамикой, приведем лишь несколько (см. Приложение, пример 17) и в очередной раз подчеркнем их заманивающий, будто опутывающий сладострастным «дурманом» смысл.

С круговым строением мелодики, уже отмеченной повторностью сопряжены и ладовые особенности. В музыкальной ткани романа Глиэра (как и в версии Бюцова) ощутимо либо избегание разрешений в устои, либо некое «расшатывание» тоники альтерированными ступенями – уже даже первые такты произведения, сам круговой русалочий вокализ демонстрируют нам *иную* окраску *Es-dur* (см. Приложение, пример 13). Кольца и круги в мелодике, выразительные секундовые «сдвиги» обуславливают наличие красочных тональных сопоставлений, эллиптических оборотов, использование преимущественно субдоминантовой сферы и септаккордов различных ступеней – опять-таки, с выразительными альтерациями. Подобная ладовая мобильность романа Глиэра (как и опусов Бюцова, Остроглазова и, в целом, – других произведений, посвященных русалочьей теме⁹) объясняется стремлением различных авторов претворить в музыке неустойчивость, зыбкость как самой водной стихии, так и ее порождения – русалки.

⁹ Подобный же прием используется разными авторами и в романах на тексты Лермонтова («Песня рыбки», «Русалка плыла по реке голубой»).

Важным контекстом для понимания образа русалки в этом романе Глиэра служит его же симфоническая поэма «Сирены», работа над которой продолжалась в течение 1904–1908 годов¹⁰. Образ морской девы – обольстительной, опасной – выступает центральным для обоих опусов, несмотря на очевидную их разницу в масштабах и творческих задачах. Актуальными для обоих произведений выступают строки из «Одиссеи» Гомера, взятые Глиэром в качестве эпиграфа к «Сиренам»: «Прежде всего ты увидишь Сирен; неизбежную чарой / Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных...». Общий для романа и симфонической поэмы образ обусловил и использование чрезвычайно похожих выразительных средств – ладового разнообразия, фактурных, тембровых, интонационных решений.

Резюмируя, подчеркнем, что претворение волшебного русалочьего образа бальмонтского стихотворения в романах Бюцова, Остроглазова и Глиэра сопряжено с использованием удивительно схожих средств выразительности, в числе которых кольцеобразные, замкнутые мотивы, особые решения, связанные с тяготением к повторности музыкального материала, тенденция фактура, «рисующая» струящуюся и переливающуюся, колыхающуюся водную субстанцию... Единый «вектор» прочтения самого стихотворения композиторами объясняет акцентирование ими, независимо друг от друга, амбивалентной сущности героини. Все это обуславливает существование многообразных интертекстуальных связей между романами на бальмонтский текст – связей, наличие которых определяется одним образом.

Своим существованием столь родственные в музыкальном отношении романы обязаны, очевидно, самому архетипическому образу водной девы, который словно определяет выбор композиторами соответствующей звуковой «оболочки» и порождает, «подсказывает» во многом аналогичные решения.

¹⁰ Как известно, Глиэр начал работу над этим опусом под впечатлением от пребывания в Лидо, на побережье Адриатического моря. Еще одним важным импульсом послужил соответствующий фрагмент из «Одиссеи» Гомера, повествующий о волшебных морских девах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пример 1 [1, с. 2]

Moderato

p con pedale

Пример 2 [1, с. 2]

Ес-ли хо-чешь, пой - ми. _____ Ес-ли хо-чешь, возьми _____

Пример 3 [1, с. 3]

p

До те-бя я бы-ла _____ хо-лод-на и бледна _____

p

poco rit.

Сей-час за-го-рит-ся для нас мо-ло-да-я лу-

p
una corda

colla voce

на Вот, ты ви-дишь, зажеглась.

p

poco rit.

Пример 5 [1, с. 4–5]

Ды - шит мрак го - лу - бой... Ну, це-луй же,

ты мой! Ты мой! _____ Здесь, и — здесь —

f molto pp *p*

moltorit. *pp* *una corda*

Пример 6 [1, с. 5]

Ах! _____ как сладко с то-бой! _____

Пример 7 [1, с. 5]

p *pp*

Пример 8 [13, с. 2]

Ес-ли-мо-жешь пойми, ес-ли хочешь, возь-ми

pp *p*

Пример 9 [13, с. 3]

Я с глу - бо - ка - го, ти - ха - го, тем - на - го дна.

f *p* *rall.*

Detailed description: This musical score consists of three staves. The top staff is a vocal line in a treble clef, starting with a forte (*f*) dynamic and ending with a piano (*p*) dynamic. The lyrics are "Я с глу - бо - ка - го, ти - ха - го, тем - на - го дна." The middle and bottom staves are piano accompaniment. The middle staff is in a treble clef, and the bottom staff is in a bass clef. The piano part features complex textures with arpeggiated chords and melodic lines. A *rall.* (rallentando) marking is present in the piano part.

Привет 10 [13, с. 9]

Нет, по - мед - ли.

pp *pp*

Detailed description: This musical score consists of three staves. The top staff is a vocal line in a treble clef, starting with a pianissimo (*pp*) dynamic. The lyrics are "Нет, по - мед - ли." The middle and bottom staves are piano accompaniment. The middle staff is in a treble clef, and the bottom staff is in a bass clef. The piano part features complex textures with arpeggiated chords and melodic lines. A *pp* (pianissimo) marking is present in the piano part.

Пример 11 [13, с. 4]

мо - ло - да - - - я лу - на Ды - шит мрак — го - лу - бой.

rall.

Пример 12 [13, с. 5]

Здесь. И здесь. Так. И здесь. Ах, — как

cresc. *p*

p cresc. *f*

p *pp*

сла - дко — с то - бой!

Пример 13 [10, с. 97]

mf
A.....
хаха-хахаха!
6

Пример 14 [14, с. 80–84]

3
A
3
A

Пример 15 [10, с. 100–101]

piu mosso
mf
Нет, - по-медли. Сей - час за-го - рит-ся для нас__ мо-ло - да - я лу - на. ____
mf
Нет, - по-мед-ли. Сей - час__ за-го - рит-ся для нас__ мо-ло - да - я лу - на. ____

animando poco a poco

f

Ну, — це - луй же! Ты мой? 6 Мой? 6

cresc.

f *p*

Ну, — це - луй же! Ты мой? 6 Мой? 6

Ты о - дин мне пон - ра - вил - ся ме - жду людь - ми

Я с глу - бо - ка - го, ти - хо - го, тем - но - го дна. Ды - шит мрак го - лу - бой... —

Литература

1. Бюцов В. Е. Русалка. – М.; Лейпциг: Изд-во П. Юргенсона, [1904]. – 5 с.
2. Верба Н. И. Архетипические образы «Ундины» А. Ф. Львова в «русалочьем» музыкальном контексте XIX века // Музыкаведение. – 2015. – № 6. – С. 25–42.
3. Верба Н. И. Волхова и Морская дева: специфика претворения архетипичного образа в опере «Садко» Н. А. Римского-Корсакова // Музыкальное образование в современном мире. Диалог времен: сб. ст. по мат-лам VI Междунар. науч.-практ. конф. (4–6 дек. 2013 года): в 2 ч. / ред.-сост. М. В. Воротной, науч. ред. Р. Г. Шитикова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. – Ч. 2. – С. 17–39.
4. Верба Н. И. К проблеме пересечения архетипов сюжетов о морских девах с мировоззренческими константами эпохи романтизма // Общество. Среда. Развитие: науч. журн. – 2012. – № 2. – С. 124–128.
5. Верба Н. И. Образы «Майской ночи» Н. А. Римского-Корсакова в контексте проблем архетипичного и интертекстуального // Общество. Среда. Развитие: науч. журн. – СПб., 2014. – № 2. – С. 117–124.
6. Верба Н. И. Русалочья тематика в кантатном и камерно-вокальном жанрах творчества Н. А. Римского-Корсакова: аспекты интертекстуальности и архетипичности // Обсерватория культуры. – 2014. – № 3. – С. 71–77.
7. Верба Н. И. Сюжет о морской деве в музыкальной культуре XIX века // Музыкальная культура в теоретическом и прикладном измерении: сб. науч. тр. – Кемерово: КемГУКИ, 2017. – С. 47–53.
8. Верба Н. И. Сюжеты о морских девах в культуре романтизма: к проблеме архетипов // Музыкальная культура глазами молодых ученых. – СПб.: Астерион, 2010. – Вып. 5. – С. 32–49.
9. Верба Н. И. «Ундина»: от Фуке к Гофману. Опыт анализа феномена «архетип» (на примере образа главной героини) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22/2. – С. 124–138.

10. Глиэр Р. М. Русалка: романс // Арии, романсы и песни из репертуара А. В. Неждановой / сост. В. Абрамович. – М.: Музыка, 1973. – С. 97–104.
11. Евгений Карлович Бюцов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/bwcv-ek.html> (дата обращения: 23.02.2018).
12. Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни / посл. И. А. Кривошеина. – Paris: YMCA-Press, 1984. – 282 с.
13. Остроглазов М. А. Русалка: романс на слова К. Бальмонта. – М.; Лейпциг: Изд-во П. Юргенсона, [1904]. – 5 с.
14. Римский-Корсаков Н. А. Садко: Опера-былина в семи картинах: Клавір. – М.: Гос. музык. изд-во, 1962. – 421 с.

References

1. Byutsov V.E. *Rusalka [The Mermaid]*. Moscow; Leipzig, Izdatel'stvo P. Yurgensona Publ., [1904]. 5 p. (In Russ.).
2. Verba N.I. Arkhetipicheskie obrazy “Undiny” A.F. Lvova v “rusaloch'em” muzykal'nom kontekste XIX veka [Archetypal images of the “Undine” A.F. Lvov in the “mermaid” musical context of the XIX century]. *Muzykovedenie [Musicology]*, 2015, no. 6, pp. 25-42. (In Russ.).
3. Verba N.I. Volkhova i Morskaya deva: spetsifika pretvoreniya arkhetipichnogo obraza v opere “Sadko” N.A. Rimskogo-Korsakova [Volhova and the Virgin of the Sea: the specifics of translating an archetypal image in the Opera “Sadko” by N.A. Rimsky-Korsakov]. *Muzikal'noe obrazovanie v sovremennom mire. Dialog vremen: sbornik statey po materialam VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (4-6 dekabrya 2013 goda): v 2 ch. [Musical education in the modern world. Dialogue of times: collection of articles based on the VI international scientific-practical conference (4-6 December 2013): in 2 parts]*. St. Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2014, part 2, pp. 17-39. (In Russ.).
4. Verba N.I. K probleme persecheniya arkhetipov syuzhetov o morskikh devakh s mirovozzrencheskimi konstantami epokhi romantizma [To the problem of archetypes crossing of the plots about the sea maidens with the ideological constants of the romantic era]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie [Society. Environment. Development]*, 2012, no. 2, pp. 124-128. (In Russ.).
5. Verba N.I. Obrazy “Mayskoy nochi” N.A. Rimskogo-Korsakova v kontekste problem arkhetipichnogo i intertekstual'nogo [The images of N.A. Rimsky-Korsakov's “May Night” in the context of the archetyp and the intertext]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie [Society. Environment. Development]*, 2014, no. 2, no. 117-124. (In Russ.).
6. Verba N.I. Rusaloch'ya tematika v kantatnom i kamerno-vokal'nom zhanrakh tvorchestva N.A. Rimskogo-Korsakova: aspekty intertekstual'nosti i arkhetipichnosti [The mermaid theme in the cantata and the chamber-vocal genre of N.A. Rimsky-Korsakov's creativity: aspects of intertextuality and archetypes]. *Observatoriya kul'tury [The Observatory of the culture]*, 2014, no. 3, pp. 71-77. (In Russ.).
7. Verba N.I. Syuzhet o morskoy deve v muzykal'noy kul'ture XIX veka [The plot of the Sea Virgo in the musical culture of the XIX century]. *Muzikal'naya kul'tura v teoreticheskoy i prikladnoy izmerenii: sbornik nauchnykh trudov [Musical culture in theoretical and applied dimension: Collection of scientific papers]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2017, pp. 47-53. (In Russ.).
8. Verba N.I. Syuzhety o morskikh devakh v kul'ture romantizma: k probleme arkhetipov [The stories about sea maidens in the romantic culture: to the problem about archetypes]. *Muzikal'naya kul'tura glazami molodykh uchenykh: sbornik nauchnykh trudov [Music culture through the eyes of young scholars: Collected papers]*. St. Petersburg, Asterion Publ., 2010, vol. 5, pp. 32-49. (In Russ.).
9. Verba N.I. “Undina”: ot Fuke k Gofmanu. Opyt analiza fenomena “arkhetip” (na primere obraza glavnoy geroini) [“Undine”: from Fouquet to Hoffmann. The experience of the analysis of the phenomenon of “archetype” (based on the image of the main heroine)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 22 (2), pp. 124-138. (In Russ.).
10. Glier R.M. Rusalka: Romans [Mermaid: Romance]. *Arii, romansy i pesni iz repertuara A.V. Nezhdanovoy [Arias, romances and songs from the repertoire of A.V. Nezhdanova]*. Moscow, Muzyka Publ., 1973, pp. 97-104. (In Russ.).
11. *Yevgeny Karlovich Byutsov*. (In Russ.). Available at: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/bwcv-ek.html> (accessed 23.02.2018).
12. Krivosheina N.A. *Chetyre tret'i nashey zhizni [Four thirds of our lives]*. Paris, YMCA-Press Publ., 1984. 282 p. (In Russ.).
13. Ostroglazov M.A. *Rusalka: romans na slova K. Balmonta [Rusalka: romance to the words of K. Balmont]*. Moscow; Leipzig, Izdatel'stvo P. Yurgensona Publ., 1904. 5 p. (In Russ.).
14. Rimskiy-Korsakov N.A. *Sadko: Opera-bylina v semi kartinakh: Klavir [Sadko: Opera-Bylina in seven scenes]*. Moscow, Gosudarstvennoye muzykal'noye izdatel'stvo Publ., 1962. 421 p. (In Russ.).

О РАЗВИТИИ ИСКУССТВА АНСАМБЛЕВОЙ ИГРЫ НА ДВУХ ФОРТЕПИАНО В КИТАЕ

Ху Инсюе, аспирант, кафедра музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: 9261513@qq.com

В настоящей статье в качестве основной темы рассмотрено создание произведений для двух фортепиано и освоение этого вида фортепианного искусства в Китае. В ретроспективе взята история развития игры на двух фортепиано, исследовано состояние этого вида выступлений в настоящее время, а также представлены перспективы его дальнейшего развития. Автор определяет три периода в развитии музыки для двух фортепиано в Китае: этап зарождения (60–70-е годы XX века), этап становления китайской музыки для двух фортепиано (80–90-е годы XX века) и дальнейшее развитие китайской фортепианной музыки для двух инструментов (с 2000 года до наших дней). Каждый этап имеет свои четко выраженные особенности. Кроме того, определены типы произведений для двух фортепиано, созданных в Китае. Предлагается путь к современным решениям вопросов методики преподавания игры на двух инструментах. Основной мыслью автора является убежденность в важном значении для развития китайского фортепианного искусства игры на двух фортепиано и необходимости создания оригинального репертуара для фортепианного ансамбля, не связанного с переложениями известных музыкальных шедевров и с аранжировками народной музыки. Предлагается изучать зарубежный опыт и шире применять его в педагогической практике Китая, что в сочетании с совершенствованием «китайского национального стиля» музыки со временем позволит создать китайскую, особенную, систему обучения игре на двух фортепиано.

Ключевые слова: игра на двух фортепиано, музыкальные композиции, сценическое искусство, фортепианный ансамбль.

ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE ART OF PLAYING TWO PIANOS IN CHINA

Hu Yingxue, Postgraduate, Department of Musical Upbringing and Education, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: 9261513@qq.com

In this article, the main theme is the creation of works for two pianos and mastering this type of piano art in China. In retrospect, the history of the development of playing the two pianos in this country is considered. The state of the style of performances on two pianos at present time is studied, and prospects for its development are considered. The author proposes 3 periods in development of playing the two pianos in China: the stage of beginning (1960^s and 1970^s), period of forming the Chinese music for two pianos (1980^s and 1990^s) and the period of the following development of the Chinese piano music for 2 instruments (2000^s to our days). Each stage has its peculiarities. The author defines the types of the pieces for two pianos, composed in China. The way to the modern solutions in the questions of the methodic moves to the questions of the teaching methods of playing the two instruments. The main thought of the author is her assurance in the importance to develop playing the two pianos in China and creating the special repertoire for this type of piano ensemble. Following the international experience and its use in pedagogical practice of China together with the connection of improvement of the “Chinese style” are proposed to create lately the Chinese special system of teaching to play the two pianos.

Keywords: playing the two pianos, musical compositions, scenic art, piano ensemble.

Игра на двух фортепиано – это игра в ансамбле¹, когда два фортепиано звучат вместе, создавая единую музыкальную композицию. Этот вид ансамблевого исполнения появился в Европе в конце XVI – начале XVII века. В середине XIX века игра на двух фортепиано на европейском континенте уже развилась до сравнительно зрелой формы выступлений и стала одним из важнейших явлений в фортепианном сценическом искусстве, заслужив широкое признание публики. В наши дни многие музыканты специализируются в составе фортепианных ансамблей на двух фортепиано, что еще больше обогащает музыкальное искусство.

Целью написания данной статьи ставится выявление истории и теории развития игры на двух фортепиано в Китае, периодизация его этапов. Предметом исследования является изучение методических и других проблем, существующих в игре на двух фортепиано.

Зарождение и становление игры на двух фортепиано в Китае происходило на протяжении второй половины XX века. В 1964 году Инь Чэнцзун и Чу Ванхуа стали соавторами, сочинив первую изданную в Китае пьесу для двух фортепиано, которая получила название «Новая сельская песня», тем самым они заложили основу для формирования китайской музыки для двух фортепиано.

В 1970-х годах состоялись первые публичные выступления китайских профессионалов-пианистов, играющих на двух фортепиано [7, с. 162]. Этот уникальный для данного периода в истории Китая способ исполнения и сценические эффекты притянули к себе внимание культурной общественности. В частности, нужно отметить профессора Ли Зудэ, бывшего ректора Шэньчжэньской школы искусств, который много сделал для развития китайской музыки, написанной для двух фортепиано. Им была предложена идея проведения конкурса пианистов, играющих на двух фортепиано, которая позже была осуществлена [3, с. 14]. Можно утверждать, что этот вид исполнительства на фортепиано расширил взгляды китайцев на фортепианное искусство и в то же

время заложил интерес к развитию данного вида игры на фортепиано.

Из-за особенностей Китая того времени, историческая эпоха распорядилась так, что путь развития игры на двух фортепиано стал не прямым, а трудным и извилистым. После десятилетия «культурной революции» в Китае отмечался общий спад развития, каждая из сфер искусства была подвергнута разрушению, в том числе и фортепианная музыка. Развитию игры на двух фортепиано также не удалось избежать застоя. Новаторство, заложенное появлением «Новой сельской песни», с ее «китайским» стилем, было приостановлено.

Создание китайской музыки для двух фортепиано в основном разделено на три этапа: зарождение, становление и развитие.

Этап зарождения (60–70-е годы XX века). В эти годы создание китайской фортепианной музыки было связано с событиями эпохи и соответствовало духовности китайского общества. Произведения этого периода основаны обычно на каком-либо простом и жизненном сюжете. Произведения для двух фортепиано не являются исключением. Из печати в этот период вышла только одна «Новая сельская песня», она, несомненно, имеет первостепенное значение для развития фортепианной музыки для двух фортепиано в Китае.

На данном этапе создание фортепианной музыки для двух инструментов было просто «гармонией народной песни», связанной с простотой фольклорного мышления, какова, например, и пьеса «Новая сельская песня». В этом произведении музыкальная связь в фактуре основана на соединении мелодии и аккомпанемента, распределенных по партиям. При этом в аккомпанементе используется простое повторение, но выразительность и взаимодополняемость двух инструментов заставляют почувствовать то, чего невозможно достичь при исполнении на одном фортепиано в четыре руки. После первого исполнения этой пьесы она сразу же получила отклик у слушателей [7, с. 163].

На этапе зарождения фортепианная музыка для двух инструментов испытывала явную нехватку знаний у исполнителей в этой области. Первые опыты осуществлялись достаточно немело. Произведения характеризовались не массовым характером, узкой направленностью, за исключением «Новой сельской песни». Однако все

¹ В российском музыкознании существует своя система в использовании терминов, например, понятие «фортепианный дуэт» употребляется только для обозначения ансамбля пианистов, играющих на одном фортепиано в 4 руки (см. [1]).

же музыка для двух фортепиано сохранила свое существование и продолжала постепенно развиваться в деятельности отдельных фортепианных исполнителей. Тот опыт, который был необходим для становления фортепианной игры на двух инструментах, пришел лишь с открытием Западу Китая.

Период становления китайской фортепианной музыки для двух инструментов (80-е и 90-е годы XX века). После проведения реформ «открытости Китая» в 1978 году постепенно расширился обмен культурой и искусством между Китаем и Западом. При этом художественная форма игры на двух фортепиано стала привлекать внимание китайских музыкантов и педагогов, что послужило толчком к созданию такого рода произведений. В этот период самой важной особенностью игры на двух фортепиано в Китае было то, что она отделилась от первоначальной идеи «гармонии народной песни» и композиторы начали исследовать, как можно проникнуть в народную музыку для того, чтобы сформировать национальный стиль, как найти более богатую гармонию и использовать преимущества двух фортепиано, заключающиеся в выразительности и пластичности их совместного звучания.

Например, композитор Ван Шу в 1985 году создал замечательное произведение «Дивертисмент», сочетающее в себе методы из арсенала современной музыки и особенности китайского фольклора. В «Дивертисменте» использованы несколько тональностей в расширенной трактовке, при этом композитор добивается максимального эффекта веселья, радостного восприятия мира. В фактуру двухрояльного ансамбля вводится полифония, контрапункт мелодический и ритмический, что усиливает диссонантность звучания.

Другой пример – фортепианная сюита для двух инструментов «Северо-восточная янгэ» (янгэ – народный танец с песнями), автором которой является Цуй Шигуанг. Исходя из названия этого произведения, можно сделать предположение, что здесь воплотились отклики на местные нравы и обычаи. Янгэ настраивает на особый лад и тон, чтобы показать свое очарование и вызвать освежающие чувства.

Еще один пример – пьеса «Весенний расцвет», сочиненная Линь Пиньцинем. Композитору удалось передать народный характер в пьесе,

причем без использования народных напевов. Звукоряд этой пьесы исчерпывается только в конце, в заключительном аккорде. Интересна организация ритма. Начинается все с формулы: один такт – один звук, затем два звука в одном такте, три звука в одном такте, затем устанавливается другая формула: один такт – четыре звука. В конце концов, достигается ситуация, когда в одном такте умещаются восемь звуков. Все эти сложности ритма помогают слушателю услышать как бы стучащие капли все время усиливающегося веселого весеннего дождя.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что в этот период китайские композиторы в фортепианных произведениях для двух инструментов перестали использовать практику обработки народной мелодии. Вместе с тем более изощренное использование изысканного народного тона, а также обращение к местным нравам и обычаям способствовали созданию национального стиля фортепианной музыки для двух фортепиано.

Китайская музыка для двух фортепиано на этапе дальнейшего развития (2000-е и 2010-е годы). С началом XXI столетия, в условиях глобальной политической, экономической и культурной интеграции, внимание к фортепианной музыке становилось все более пристальным. В течение этого периода количество произведений для двух фортепиано резко возросло, а темы и идеи стали еще более разнообразными, что говорит о вступлении в новый этап развития. В первое десятилетие нового века в Китае было опубликовано в общей сложности 32 произведения для двух инструментов [4, с. 26]. В соответствии с их содержанием и формой, можно выделить три основные категории: а) переложения (аранжировки) для двух фортепиано фольклорных произведений и пьес разных жанров, написанных для других средств исполнения; б) оригинальные произведения для двух фортепиано.

Переложения для двух фортепиано. В зарубежных странах переложение музыкальных произведений для исполнения на двух фортепиано (например, оркестровых пьес, симфоний, отрывков из опер) происходит вполне традиционно. Данный способ, то есть аранжировка для фортепианного ансамбля, – один из главных путей создания таких произведений. На новом этапе были написаны четыре главных произведения,

адаптированных для игры на двух фортепиано. Это «Ода красным флагом» (Люй Цимин и другие композиторы), «Угадай», «Сотня птиц в сторону Феникса» (композитор обоих произведений – Ван Цзяньчжун), «Ба Шань Сюань» (композитор Цзэн Чжэнь и другие). Такой тип переложения основан на существующем оригинале, который используется для исполнения на двух фортепиано, добавляя интереса к звучанию произведений, написанных для других средств исполнения. Можно сказать, что оригиналы от такого переложения становятся еще лучше, чем были. Цзэн Чжэнь, один из композиторов в сочинениях «Ода красным флагом» и «Ба Шань Сюань», использовал конкретные методы переложения сольных произведений для фортепианного ансамбля, среди них: а) разбивая на фактурные линии, обнаруживать или вводить скрытый голос; б) преобразовать соединение партий правой и левой руки на одном фортепиано, превращая его в обмен материалом между двумя партиями инструментов. При таком подходе в ансамблевой произведении отражаются черты двухрочальной игры, что становится базовой техникой при переложении музыки, написанной для других средств исполнения.

Произведения в китайском национальном стиле. Для того чтобы интегрировать выразительную и мощную художественную форму игры на двух фортепиано в китайское общество и музыкальную жизнь, композиторы нередко обращались к тому, что носит название «китайского национального стиля», это всегда соответствовало их целям. Основными особенностями таких произведений являются извлечение и переработка китайского фольклорного музыкального материала. Для этих работ нередко становится важным специфическое звучание инструментов, а исполнение музыки тесно связано с древними народными обычаями, мифами и т. д. В двух словах: они имеют сильно выраженные национальные особенности и опираются на локальность происхождения фольклора, использованного в них (в этой связи назовем «Пекинский стиль» Лю Дин, «Песню из четырех сезонов» Су Тин и т. д.). Китайские композиторы создали среди прочего крупные драматичные пьесы для ансамбля двух фортепиано, не являющиеся аранжировками-переложениями (прежде всего, отметим Хэ Миао с его большой пьесой «Граница между днем и ночью», а также Ай Цзунь, автора пьесы «Лето»).

Техники современной музыки и «китайский национальный стиль» в оригинальных произведениях для двух фортепиано. Политическая обстановка изменилась, так что китайское общество постепенно открылось и снова подключилось к внешнему миру. Китайские музыканты получили доступ к различным современным техникам и стилям, существующим в мире, а творческая идея о сочетании китайских и западных элементов стала основным направлением в музыке для двух инструментов. Например, рассмотрим в общих чертах пьесу для двух фортепиано Хэ Миао «Граница между днем и ночью»: всё произведение наполнено импрессионистскими звучаниями, но с точки зрения структуры центральным является непрерывное развитие основной темы, свободная смена видов китайской национальной музыки. Другим примером является пьеса Чжа Гана «Веселая борьба», в ней слушатель наблюдает за борьбой двух исполнителей, за соревнованием между двумя инструментами. Основная тема связана именно с соревнованием, с игрой. Из этого можно сделать вывод, что в данный период времени китайские композиторы преследуют цель воплощения не просто так называемого «китайского национального стиля», а, скорее всего, образа глубоко укоренившегося национально-очарования и духа.

Таким образом, несмотря на то, что количество фортепианных произведений для двух произведений было не таким уж и большим для такой крупной страны, как Китай, процесс развития музыкального искусства игры на двух фортепиано медленно, но верно двигался в положительном направлении. Это направление стало не только более изощренным, с точки зрения музыкальной техники, но, вместе с тем, и более глубоким.

Обзор методики обучения игре на двух фортепиано. В конце XX века выступления на двух фортепиано стали постепенно выходить на большую концертную сцену Китая. Уникальность и новизна этого стиля исполнения сразу после дебюта привлекла внимание многих слушателей и породила значительное количество поклонников. 12 ноября 1997 года в Шэньчжэне прошел «Всеитайский конкурс молодых исполнителей на двух фортепиано – 97» [8, с. 88]. На этот раз успех конкурса дал серьезный толчок развитию и популяризации игры на двух фортепиано, которая стала изучаться во многих музыкальных учреждениях страны.

В 2003 году преподаватель Чжан Оую из Института музыки города Ухань, мотивируемый недостатком фортепианных произведений для двух инструментов в Китае, стал организатором конкурса композиторов, который получил название «Первый конкурс произведений для двух фортепиано в китайском стиле Института музыки Ухань». В 2006 году лучшие произведения, отобранные по результатам конкурса, а также некоторые пьесы Института музыки Ухань, несколько сочинений преподавателей Китайского музыкального института были собраны и опубликованы в «Сборнике китайских произведений для двух фортепиано». Это первый сборник, включающий произведения только китайских композиторов и содержащий пьесы для двух фортепиано именно в китайском национальном стиле. В 2012 году был опубликован сборник «Фортепиано. Два фортепиано». В нем преподаватель Фан Хао из Шанхайского музыкального института, отобрав некоторые произведения иностранных композиторов для двух фортепиано, тщательно представил, выполнив редактирование, не только сами музыкальные композиции, но и добавил истории их создания. В настоящее время этот сборник, имеющий дополнительный подзаголовок – «Все-китайское профессиональное методическое пособие для высшего музыкального образования» – уже получил обозначение как лучший [6, с. 3].

В Китайской академической среде также постепенно стало продвигаться обучение игре на двух фортепиано, были введены общие занятия, уроки в малых группах, созданы специальные аудитории для занятий на двух фортепиано. Если говорить только о настоящем отрезке времени, то в системе высшего музыкального образования доля занятий ансамбля на двух фортепиано относительно низкая, кроме того, значительное число уроков лишь предлагаются студентам «по выбору». Учебных пособий такого вида сравнительно мало, кроме этого, методика преподавания не системна; с объективной точки зрения, реальная обстановка препятствует тому, чтобы игра на двух фортепиано перешла на следующий этап своего развития.

Сольная игра на фортепиано – это искусство одного исполнителя, свободная игра, а игра на двух фортепиано – это союз двух разных исполнителей, их общее понимание произведения,

их совместная интерпретация музыки. Для этого требуется как чувствительный слух, сильный контроль ритма, так и хорошее взаимопонимание, а также навыки свободного общения [5, с. 214]. Это один из видов самостоятельного искусства. Образцом может служить состояние методики обучения игре на двух фортепиано в России, которая занимает в этом вопросе лидирующие позиции в мире. Согласно методике, используемой в Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, уроки игры на двух фортепиано занимают особое место в системе фортепианного музыкального образования (см. [2; 9]). Для этой дисциплины созданы систематизированные учебные пособия и учебные программы, в которых охватываются разные стили, начиная от эпохи барокко, на занятиях по фортепианному ансамблю изучаются различные произведения, от переложений – до современных выдающихся оригинальных произведений [9, с. 8–9].

На базе Союза композиторов Санкт-Петербурга, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена при поддержке Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга, Музыкального фонда Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского объединения фортепианных дуэтов ежегодно проводится Международный детский конкурс фортепианных дуэтов имени Л. А. Брук «Брат и сестра». В конкурсной обязательной программе исполняются оригинальные произведения для двух фортепиано, специально написанные к конкурсу композиторами Санкт-Петербурга, а также играют авторские переложения для двух фортепиано. В марте 2018 года с большим успехом прошел 23-й конкурс фортепианных дуэтов, который призван способствовать повышению интереса к игре на двух фортепиано среди юных исполнителей [2, с. 239].

Тщательный подбор учебных материалов, структура преподавания, совершенствование игры импровизаций и свободы исполнения, а также планирование преподавания и исследований – все это проблемы, которые решены в России, но в Китае их только ещё предстоит осваивать.

Создание музыки. Полувековой процесс развития произведений, сочиненных в китайском национальном стиле для игры на двух фортепиано

но, постепенно притягивал к себе все большее внимание китайских музыкантов и общественности. Тем не менее необходимо признать, что отсутствие обилия музыкальных произведений для двух фортепиано является первостепенным препятствием для развития этого музыкального направления. Есть надежда, что больше людей будут посвящать себя как исследованиям, так и созданию фортепианной музыки для двух инструментов. Выдающиеся, зрелые произведения для двух фортепиано очень важны для процветания перспективного исполнительского направления.

Появляющиеся при игре на двух фортепиано богатая акустика, яркая выразительность и неповторимость исполнения заставляют людей проявлять все больший интерес к этой форме исполнительского искусства. Всевозможные концерты с ансамблевым исполнением на двух инструментах классических и современных произведений один за другим организуются в Китае. Это делает китайское искусство игры на двух фортепиано все более и более популярным, ценным как внутри страны, так и за ее пределами. 25 ноября 2017 года в Шэньчжэне (Китай) завершился XII конкурс «Два фортепиано – четыре руки», в настоящее время он уже стал визитной карточ-

кой Шэньчжэня. В связи с этим можно ожидать, что музыка для двух фортепиано вступит в долгосрочный и стабильный новый период развития. При непрерывном совершенствовании музыкального образования в Китае обучение на двух фортепиано тоже становится более систематизированным и научно обоснованным.

В настоящее время в Китае общий высокий уровень развития фортепианного искусства и распространение игры на двух фортепиано не равномерны и не взаимосвязаны, что находит отражение в аспектах преподавания, количестве учебного материала для игры на двух инструментах, в созданном к настоящему времени оригинальном китайском репертуаре и др. Нам следует больше изучать зарубежный опыт и применять его к нашей конкретной ситуации с музыкальным образованием. Развивая методику обучения, создавая учебные материалы, изучая произведения китайских композиторов, нужно активно разрабатывать китайскую, особенную систему обучения игре на двух фортепиано, в которой красной строкой пройдет заметная дисциплинированность/организованность исполнителей, их стремление найти особые эффекты в ансамблевом двухрояльном исполнении.

Литература

1. Сорокина Е. Г. Фортепианный дуэт. История жанра. – М.: Музыка, 1988. – 319 с.
2. Фортепианный ансамбль в современном музыкальном искусстве и образовании: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. 25 марта 2015 года / под ред. Н. В. Медведевой, С. Д. Верхолат. – СПб.: Композитор, 2016. – 264 с.
3. Ван Юйхэ. Наследие, инновации и национальный характер // Нац. музыка. – 1982. – № 4. – С. 12–18.
4. Су Ся. История и современное положение национальной музыкальной гармонии // Музык. исслед. – 1981. – № 3. – С. 26.
5. Тонг Даоджин. Исследование фортепианного искусства: сб. ст. – Пекин: Народная музыка, 2003. – С. 213–216.
6. Фортепиано. Два фортепиано: Всекитайское профессиональное методическое пособие для высшего музыкального образования / под ред. Фан Хао. – Шанхай: Шанхай. музыка, 2012. – 136 с.
7. Чжао Сяошен. Китайское фортепиано // Фортепианное искусство. – 2003. – № 1. – С. 161–164.
8. Чжао Сяошен. Национальный конкурс молодых специалистов «Цветок государства Тутян». – Пекин: Музык. образование, 1997. – С. 88–89.
9. Юй Идanh. Прошлое и будущее – развитие фортепианного дуэта в Китае // Музык. жизнь. – 2014. – № 1. – С. 7–10.

References

1. Sorokina E.G. *Fortepianny duet. Istoriya zhanra [Piano duet. History of the genre]*. Moscow, Muzyka Publ., 1988. 319 p. (In Russ.).
2. *Fortepianny ansambl' v sovremennoy muzykal'noy iskusstve i obrazovanii: sb. st. po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 25 marta 2015 goda [Piano ensemble in contemporary musical art and education: Sat. Art. on the materials of the International Scientific and Practical Conference on March 25, 2015]*. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2016. 264 p. (In Russ.).

3. Van Yuykhe. Nasledie, innovatsii i natsional'nyy kharakter [Heritage, Innovation and National Character]. *Natsional'naya muzyka [National Music]*, 1982, no. 4, pp. 12-18. (In Chin.)
4. Su Sya. Istoriya i sovremennoe polozhenie natsional'noy muzykal'noy garmonii [History and the Present Position of National Musical Harmony]. *Muzykalnye issledovaniya [Musical Studies]*, 1981, no. 3, p. 26. (In Chin.)
5. Tong Daodzhin. *Issledovanie fortepiannogo iskusstva [Study of piano art]*. Beijing, Narodnaya muzyka Publ., 2003, pp. 213-216. (In Chin.)
6. *Fortepiano. Dva fortepiano: Vsekitayskoe professional'noe metodicheskoe posobie dlya vysshego muzykal'nogo obrazovaniya [Piano. Two pianos: the All-China professional methodical manual for higher musical education]*. Shanghai, Shanghayskaya muzyka Publ., 2012. 136 p. (In Chin.)
7. Chzhao Syaoshen. Kitayskoe fortepiano [Chinese piano]. *Fortepiannoe iskusstvo [Piano art]*, 2003, no. 1, pp. 161-164. (In Chin.)
8. Chzhao Syaoshen. *Natsional'nyy konkurs molodykh spetsialistov "Tsvetok gosudarstva Tutyana" [National contest of young specialists "Flower of the State of Tutyans"]*. Beijing, Muzykal'noe obrazovanie Publ., 1997, pp. 88-89. (In Chin.)
9. Yuy Idan'. Proshloe i budushchee - razvitie fortepiannogo dueta v Kitae [The past and the future - the development of the piano duo in China]. *Muzykal'naya zhizn' [Musical Life]*, 2014, no. 1, pp. 7-10. (In Chin.)

УДК 792

ТЕНДЕНЦИИ ЖАНРООБРАЗОВАНИЯ В ЗРЕЛИЩНЫХ ИСКУССТВАХ

Слесарь Евгений Александрович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры зарубежного искусства, Российский государственный институт сценических искусств (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: evgeniy.slesar@gmail.com

Кибардин Артём Александрович, преподаватель, кафедра режиссуры театрализованных представлений и праздников, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: atmosgroup@yandex.ru

Статья посвящена вопросам жанрообразования в зрелищных искусствах и фокусируется на осмыслении существующих жанровых моделей, сложившихся на рубеже XX–XXI веков. В работе выявляются критерии, положенные режиссером в основу жанровой характеристики произведений зрелищных искусств. Рассмотрен художественный статус жанра как постмодернистского конструкта, направленного на предвзвешивание горизонта зрительских ожиданий и разрушение художественных иерархий. В работе рассмотрены маркеры жанра, подвергающиеся в условиях постмодернистского дискурса «радикальной множественности» (В. Вельш) и выявляющие «экспозиционную ценность» представления (В. Беньямин). Цель настоящей статьи – раскрыть принципы, генеральные и периферические элементы, лежащие в основе современной жанровой характеристики театрализованных представлений.

Статья выполнена на материале драматургии современных зрелищных практик и на искусствоведческой литературе, отражающей современную театральную ситуацию.

Важное место отведено в статье праздникам, ставшими каноническими для режиссуры массовых театрализованных форм. Среди них: VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов (1957, режиссер И. М. Туманов), театрализованное спортивное представление на стадионе С. М. Кирова, посвященное 250-летию Ленинграда, «Петербург-Петроград-Ленинград» (1957, режиссер И. М. Туманов) и др. В работе определены не только узловые моменты формирования жанровых конструктов, но и уделяется внимание выделению в отдельную профессиональную режиссерскую подсистему профессии режиссера театрализованных представлений и праздников. Кроме того, рассматривается влияние пространственно-временных топосов, их инициатический характер в связи с термином Д. М. Генкина «праздничная ситуация» (1975).

Методология исследования базируется на культурно-историческом, сравнительном методах, разработанных отечественным театроведением.

В результате исследования выделены основные принципы жанрообразования, элементы, составляющие жанровую модель, их связи и художественно-эстетическое влияние жанровой характеристики на современную зрительскую рецепцию.

Ключевые слова: театр, театрализованное представление, жанр, жанровые модели, зрелищные искусства, технический код.

TRENDS OF GENRE GENESIS IN PERFORMING ARTS

Slesar Evgeniy Aleksandrovich, PhD in Art History, Associate Professor of Department of Foreign Arts, Russian State Institute of Performing Arts (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: evgeniy.slesar@gmail.com

Kibardin Artem Aleksandrovich, Instructor, Department of Production of Theatre Performances and Festivals, St. Petersburg State University of Culture (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: atmosgroup@yandex.ru

The article is concerned with the issues of genre genesis in performing arts and focused on comprehension of present genre models, formed at the turn of XXI century. Director's criteria assumed as a basis of genre characteristics of performing art works are revealed in the article. An artistic status of genre is considered as post-modern construct aimed at anticipation of audience's expectations and destruction of artistic hierarchies. The article touches upon the markers of genre, which within post-modern discourse are subjected to "radical plurality" (W. Welsch) and reveal "exhibition value" of performance (W. Benjamin).

This article is aimed at revealing principles, central and peripheral elements, which underlie the contemporary genre characteristics of theatrical performances. The article is based on drama of contemporary performance practices and art literature representing the present-day theatre situation. The article features festivals which became canonical to the direction of mass theatrical forms. There are the VI World Festival of Youth and Students theatrical sports performance in S.M. Kirov Stadium, dedicated to 250th anniversary of Leningard "St. Petersburg-Petrograd-Leningrad" (1957, directed by I.M. Tumanov), etc. Not only main aspects of genre construct formation are identified, but also the attention is given to forming director of theatrical performances and festivals as standing out in a separate professional director subsystem. Moreover, the influence of space and time topoi and their initiative character in view of D.M. Genkin's term "festive situation" (1975) are considered.

The methodology of this paper is based on cultural and historical, and comparative methods elaborated by the native theatre studies.

As a result, the main principles of genre genesis, elements constituting the genre model, their relations and artistic and aesthetic impact of genre characteristics on the contemporary audience's reception are distinguished.

Keywords: theatre, theatrical performance, genre, genre models, performing arts, technical code.

Проблема формирования жанров в зрелищных искусствах остается одной из острых в современном искусствоведении. На протяжении многих лет определение «жанр» было распространено как наиболее стабильная дефиниция лишь в литературоведении. Но и там остается множество проблемных сфер, так, например, не до конца прояснен вопрос о принадлежности жанра к категории содержания или формы.

Теория жанра часто не способна охватить всю систему жанрообразования, указать место произведения в системе, предлагаемой различными исследователями (от Аристотеля и Г. В. Ф. Гегеля до М. С. Кагана). Терминология, предлагаемая авторами, достаточно условна, порой противоположна одна другой. Так, например, и роман, и поэма, и комедия в современном определении имеют множество вариантов, зачастую взаимоо-

трицающих друг друга. Но для того, чтобы разобратся в вопросе жанровых моделей зрелищных искусств, необходимо обратиться к истокам формирования жанровых критериев.

Аристотель в трактате «Поэтика» предлагает жанровую дифференциацию: «Сочинение эпоса, трагедий, а также комедий и дифирамбов, равно как и большая часть авлетики с кифаристикой, – все это в целом не что иное, как подражания» [1, с. 646], – он лишь задает родовые различия, но самого понятия «жанр» не называет. Стагирит отмечает, что перечисленные выше виды поэтического искусства различаются друг от друга в трех отношениях: «или тем, в чем совершается подражание, или тем, чему подражают, или тем, как подражают». Таким образом, Аристотель задает три критерия: *предмет, средство и способ подражания*. Эти элементы, выстраиваясь в эстетически обусловленную иерархию, в разные исторические периоды и являлись конструктом для жанровой модели, становясь то доминантой данной модели, то оказываясь на ее периферии.

На протяжении практически всего времени существования советского государства, а именно с конца 40-х до середины 80-х годов, отечественная зрелищная культура существовала в рамках установленной идеологической картины мира. По «генеральному плану» осуществлялась и праздничная политика. М. Рольф в работе «Советские массовые праздники» справедливо замечает, что «Советский Союз был не только “пропагандистским государством”, но и “инсценирующей диктатурой”» [6, с. 7]. В послевоенные годы прочно вошло в традицию праздничной культуры театрализованное представление как кульминация многих массовых праздников или центральная их часть. Изначально театрализованное представление было связано со значительными общественными событиями или знаменательными датами. Проводились они, как правило, на эстрадах, площадях, аренах, открытых сценах, стадионах, в аллеях и на прудах парков. Являя собой синтез всех видов искусств, театрализованные представления завоевывают прочное место как самостоятельная и самодостаточная форма, опирающаяся на эстетику театрального искусства. Также развитию театрализованных представлений способствовало развернувшееся в годы пятилеток, начиная с 1930-х годов, масштабное строительство сооружений культуры – открытых театров, стадионов,

парков культуры и отдыха. Так, например, в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха в Москве было организовано множество театрализованных представлений, общей численностью зрителей до 20 000.

Таким образом, зрелищная культура не только институализируется, но и носит тотальный характер.

В 1957 году успешно состоялся VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, главным режиссером которого являлся И. М. Туманов, главным художником – Б. Г. Кноблок. Как отмечает директор и режиссер ЦПКиО им. Горького Б. Н. Глан, «семнадцать праздников [фестиваля] стали каноническими в зрелищной отечественной культуре, определив характер и направление многих театрализованных представлений и праздников на последующие годы» [5, с. 146]. Многонациональный состав участников, его разнородность, большое количество исполнителей, жанровая полифония требовали от постановщиков поиска новых выразительных средств и особых плакатных и монументальных форм воплощения. Одновременно точных и обобщающих. Формирование праздничного канона, институализация праздничной культуры, выраженная не только в появлении новых институций, генерирующих новые зрелищные практики, но и выделение в отдельную профессиональную режиссерскую подсистему профессии режиссера театрализованных представлений и праздников, потребовало и установления новой жанровой системы этих зрелищных практик. Начиная с 1957 года в жанровой системе театрализованных представлений начал формироваться единый канон, всецело отражающий идею тотальной унификации зрелищных форм. Система жанров театрализованных представлений, как форм репрезентации идеологии, не только изымалась из сложившейся художественной традиции театрального искусства, но и переходила из категории поэтики в историко-идеологическое поле. Маркерами в жанровой характеристике стали выступать пространственно-временные топосы (места). В самом жанре заявлялась связь представления с пространственно-временным топосом (местом или отмечаемой датой): парки, улицы, города, стадионы. В работе «Массовые праздники» Д. М. Генкина (1975) данная связь представления с пространственно-временным топосом обозначается как «праздничная ситуация» [4, с. 48].

В основу жанрообразования театрализованного спортивного представления на стадионе С. М. Кирова, посвященного 250-летию Ленинграда, «Петербург-Петроград-Ленинград» (1957) положен принцип обозначения праздничной ситуации. Она и ориентирует зрителя на конкретный пространственно-временной топос, указывающий зрителю предмет подражания. В жанровых характеристиках очень часто встречается слово «посвящение». «Посвящено», «посвящается», «посвященное» – эта структурная единица языка выполняет в жанровой характеристике несколько функций. Во-первых, она служит элементом, через который режиссером декларируется связь историческая и культурная между историческим событием, местом и современностью. Таким образом, в жанре не только заявлялась историческая и культурная преемственность событий прошлого с современной действительностью, но власть таким образом легитимизировала себя в истории, объявляя себя, на символическом уровне, законным владельцем дат, имен и мест. Во-вторых, инициатический характер слова «посвящение» маркирует переход пространственно-временного топоса в новое культурно-историческое измерение. Разумеется, мы видим тут заявленный предмет подражания, ибо очевиден миф, положенный в основу жанровой характеристики, но вместе с тем, самой жанровой характеристикой осуществляется новый обряд инициации этого мифа, в процессе чего через жанр возникает перерождение пространственно-временного топоса, перекодировка места, времени, героя и события.

Таким образом, с начала 60-х годов предмет подражания продолжает доминировать. Наряду с мотивами посвящения в жанрах продолжают маркироваться пространственно-временные топосы, а также индустриализация и успехи советского государства. Временно-пространственный топос в жанре театрализованного представления и праздника представлен в 60-е социальными и научно-техническими достижениями. В 1961 году СССР покорил космос, и на целое десятилетие эта тема прочно вошла в театрализованные представления и празднества. Космос, ставший предметом подражания, отражал в жанровой характеристике предельный, абсолютный пространственно-временной топос. Космическая тотальность, заявлявшаяся в жанре, воплощала идею верховенства

и первенства социалистического государства. Например, театрализованный праздник, посвященный первым победам Страны Советов в освоении космоса, с названием «Космический карнавал» (1964), являлся гимном дерзновенности идей и открытий выдающихся русских ученых Циолковского, Кибальчича, Цандера, самоотверженности и смелости русских людей, воплотивших эти идеи в жизнь. Жанр в данном примере сформулирован по принципу «предмета подражания», где в названии обозначается предмет представления – праздничная ситуация – посвящение первым победам Страны Советов в освоение космоса, а также в самом жанре уже заявлена инициатическая идея первенства, закрепляющая за СССР право первого выхода в новую реальность, за которой последуют и другие победы. В этом же 1964 году представление в Центральном парке им. С. М. Кирова, поставленное режиссером С. Якобсоном, жанрово характеризующееся как «Большое театрализованное представление “К звездам”», так же будет отражать тотальный характер предмета празднования, его имперский размах.

И если тема космоса в празднике – это вертикальный вектор достижений, то социальные успехи советского государства – горизонтальный вектор побед. Все пространственно-временные топосы (горизонтальные и вертикальные) предметно становились элементами жанрового конструкта. К примеру, если государство объявляло и подчеркивало самобытность и самодостаточность советских курортов и здравниц, сразу эта тема, а точнее, уже сформулированная идея, становилась центральной в зрелищной культуре. Набравшее силу движение здравниц и санаториев в 70-е годы рассматривалось наряду с успехами в космосе. Поэтому этот топос тут же входит в жанровые характеристики праздников и представлений. Возникает целая серия представлений и праздников, объединяемая жанром театрализованные представления на курортных карнавалах в Геленджике в 1977 году и в Сочи в 1978 году. Предмет подражания, представленный в жанре через пространственно-временные топосы, превращает явление действительности в базовый элемент жанрового конструкта.

С середины 1960-х по 1970-е годы массовые театрализованные представления с особой силой обнаруживают свое мобилизующее, воспитатель-

ное и организующее воздействие. В жанрах являются основные пропагандистские идеи государства, отображаются политические подтексты, возникают места действия как знаковые места, отображающие статус праздника. Таким образом, советская зрелищная культура генеральным элементом жанровой модели выдвигает предмет подражания, который вошел в обиход практиков как «праздничная ситуация», выраженная в пространственно-временных топосах. Периферическими в иерархии элементов *жанровой модели «праздничная ситуация»* выступают средство и способ подражания, что совершенно логично, потому что способ подражания унифицирован для всех, все одинаковым образом и одинаковыми средствами достигают взаимодействия со зрителем.

Иерархия элементов в жанровой модели в театрализованных представлениях и праздниках изменяется и усложняется после распада СССР.

В 90-е годы рухнувший советский миф отменил и ценностную картину мира. Вследствие чего и идеологема, составляющие основу праздничной культуры, подверглись значительной трансформации. Само понятие праздничного канона было отменено социально-политическим контекстом. Демократизация действительности привела к освобождению от больших нарративов предмета подражания. Можно сказать, что в отборе предмета подражания наступила демократия, то есть он демократизируется, как и сам праздник, и как способы подражания в нем.

Исчезает понятие равнения на праздничный центр, идея унификации праздника перерождается в «радикальную множественность» праздника и жанра. Идеологическая децентрализация создала условия, при которых разные социальные группы начали стремительно изобретать свои новые, свободные от идеологии праздники, среди которых: дни российских фермеров, обилие профессиональных праздников и др. В созданных локальных праздничных субкультурах жанровый канон также расслаивается. Как верно отмечает автор монографии «Театральная режиссура: от шестидесятников к поколению *post*» П. Богданова, «идеологическая функция в современном обществе теперь стала принадлежать внехудожественным институтам» [3, с. 193]. Театр возвращается к самому себе, впервые за очень долгий

период начинает выполнять миссию независимого учреждения культуры и больше не претендует быть в авангарде общественного процесса.

Постмодернистские тенденции, характеризующиеся цитатностью, мозаичностью, фрагментарностью, ризомным характером зрелища в сочетании с демократизацией зрелищной культуры переориентируют жанровую модель театрализованных представлений и праздников. Фокусируясь на коллажности и цитатности, основанной на номерах и уже созданных кем-то фрагментах, театрализованное представление ориентируется на клиповую зрительскую рецепцию и «монтаж аттракционов». Смена культурной парадигмы и стремление зрелищных практик и драматургии к артикуляции собственной автономности превратили жанровую характеристику в элемент, если не рыночной борьбы, то в аттрактант, задачей которого становились артикуляция: уникальности, современности, злободневности, дискуссионности, провокации – всего того, что делает произведение вырвавшимся из художественной нормы.

Апгрейд жанра в театре начался с драматургов, на которых, безусловно, распространилось влияние постмодерна, поскольку в жанровых формулировках мы можем увидеть принципы коллажирования и заимствования из смежных видов искусств: «квартира в двух действиях», «драматическое путешествие во времени», «колониальная драма», «жизнь без антракта», «правдивые зарисовки с природы в городе», «опера первого дня», «альбом» и др. Это в полной мере демонстрирует бессистемный подход к жанрообразованию, разрыв с нормативными теориями жанросложения.

Театральные формы стремятся разрушить границы своего искусства и определить свой художественно-эстетический статус понятиями и категориями из других видов искусств, то есть переназвать себя и намеренно смешаться не только с другим видом искусства, но и стереть границы элитарных и массовых художественных практик.

И подобно тому, как в спектаклях и представлениях происходит синтез всех видов искусств с привлечением внетеатральных форм и практик, так же и в жанровых формулировках все чаще возникают заимствования из других видов искусств. Так, например, представление М. Диденко «Второе видение» (2013) имеет жанровую характеристику «экспозиция на тему картин Н. Гон-

чаровой и М. Ларионова». Такое жанровое определение спектакля отражает сам ход представления – экскурсия. Семь помещений палат в стиле лофт, семь проекционных решений, семь пластических актерских этюдов, семь картин художников Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова – составляют свободный ассоциативный ряд, названный на «контекст» авангарда. В качестве предмета выступает живопись, поэтому композиция будет справедливо заменена словом экспозиция. Как только в канву спектакля вплетается живопись, основой спектакля являются картины, сценарно-режиссерским ходом становится экскурсия. Таким образом, доминирующим принципом, положенным в основу жанровой модели, является способ подражания.

Другое представление этого режиссера «Маленькие Трагедии» (2014) по произведениям А. Пушкина имеет жанровую характеристику «месса-парафраза». Соединение мессы как литургического песнопения и парафраза как переложения чего-то известного на что-то новое, в данном случае – это художественный путь переложения канонического текста А. С. Пушкина на свободное взаимодействие актеров в музыкальном ритме литургического песнопения. Таким образом, сам сценарно-режиссерский прием (способ подражания) становится маркером этого жанра.

В спектакле «Алиса» А. Могучего (2013) жанровая характеристика – это «бег по кругу в двух действиях». Вынесенное в жанровую характеристику режиссерское решение – путешествие во времени и пространстве, бегство по памяти к самому себе – задает способ организации композиции спектакля.

Данные тенденции синтеза жанров различных видов искусств как отражения режиссерского приема прослеживаются во многих работах современных режиссеров. В спектакле «Конармия» (2014) – жанровая формулировка «балет-оратория» указывает одновременно и на основное выразительное средство балетного искусства – пластику, и на музыкальный способ организации спектакля, выстраивая жанровую модель на соединении двух доминирующих элементов – средства и способа подражания. «Война и мир Толстого» (2015) – спектакль В. Рыжакова имеет жанровую характеристику «путеводитель по роману», где в роли «экскурсовода» выступи-

ла народная артистка СССР Алиса Фрейндлих, являющаяся хранительницей памяти о тексте Толстого. Сценарно-режиссерский прием, в большей степени, предполагает размышление над темами романа и сам становится маркером жанра.

Подобные примеры жанровых характеристик в современной зрелищной культуре многочисленны: «небывалое путешествие», «сценическая версия театра», «наивный реализм», «революционный концерт», «история мифа в трех частях», «клоунада-нуар» и др. Все эти жанры вскрывают и предвосхищают внутренний механизм построения спектакля. В данном случае у жанровых характеристик появляются вполне конкретные режиссерские функции, через реализацию которых режиссер вступает в особые драматические отношения со зрителем. Одними маркерами, заявленными в жанре, режиссер не только заключает договор об эстетических принципах спектакля, но и устанавливает этим горизонты зрительских ожиданий от предстоящего спектакля, проясняя жанровой характеристикой их зрительские проекции на увиденное. Другие маркеры очень часто, напротив, дезориентируют зрителя, сознательно играя с горизонтами его ожидания, выполняя провокативно-аттрактивную функцию, запутывая его и ведя с ним постмодернистскую игру. Третьи, являясь лишь продолжением самого названия режиссера, служат ему художественным фоном или комментарием к названию спектакля или представления. Таким образом, жанр в современной зрелищной культуре постмодерна очень часто является самым субъектом творческого акта, системой подвижной и игровой, выстраивающей непосредственно драматические отношения, источником эти отношения порождающим. Необычная жанровая характеристика выступает часто в качестве самоидентификатора художественного произведения и служит характеристикой, не проясняющей эстетику представления, а, напротив, вуалирующей ее, выступая в качестве активного субъекта интриги со зрителем, что прежде было невозможно. Таким образом, разрушение привычной иерархии и влияние эстетики постмодернизма подготовили почву для образования еще одной жанровой модели, использующей маркеры из смежных видов искусств, в соединении которых и реализуется игровой и драматический потенциал жанра. При этом, очевидно, что не меня-

ется набор элементов модели: предмет, средство и способ. Однако, оставаясь неизменными, они сознательно вводятся режиссером в драматические, игровые отношения, которые, объединяясь, делают жанр отдельным творческим высказыванием.

Изменения, происходящие в мире, диктуют новые принципы восприятия окружающей действительности. После технической революции произошли колоссальные перемены во всех сферах деятельности человека, в том числе и в искусстве. С появлением первого прототипа фотографии – дагерротипа Луи Дагера в 1838 году – процесс развития и усовершенствования технологий уже невозможно было остановить. Если ученые добились статичной картинки – зафиксированного куска реальности, им сразу же хотелось осмыслить и зафиксировать движение. Так появляется хронофотография Эдварда Мэйбриджа, который придумал, каким образом соединить камеры сначала для 12-кадровой серии фотографий, затем 24-кадровой, чтобы зафиксировать и осмыслить движение. Постепенное развитие киноиндустрии, телевидения, свободная продажа камер и фотоаппаратов, появление проекционной техники для демонстрации снятого материала ускорили процесс становления цифрового искусства. Оно проникло во все сферы человеческой деятельности, на всем оставило свой отпечаток.

С появлением технологий визуализации любого изображения в плоскости спектакля, технических возможностей работы со светом, возможностей перемещения актеров в цифровое пространство спектакля (без действия реальных актеров на сценической площадке), с появлением 3D-голограмм изменились и принципы жанрообразования современных представлений. Именно цифровое искусство, предъявляя миру новые средства подражания, влияет не только на баланс предмета, способа и средств в жанровой модели, но и на характер их отношений в театрализованных представлениях и праздниках. Художественная гегемония технологий – требование времени, но и оно, предлагая новые средства отражения действительности, выступает уже в качестве того самого аттрактанта. В связи с этим мы видим смену устоявшихся элементов в иерархии жанровых моделей. Выступая в качестве конструктора новой визуальной реальности в зрелищной

культуре, доминирующим становится не предмет, а средство, которое позволяет отразить любой предмет любым способом. Это доказали шоу конца XX – начала XXI века, которые погружаются в море световых, лазерных спецэффектов, видеопроекций, мэппингов и т. д. Содружество зрелищных искусств с техническим прогрессом – это ось движения во времени и пространстве. Достаточно обратиться к списку лауреатов Высшей профессиональной премии «Грани театра масс». Там среди заявленных формулировок за последние 5 лет представлен широкий спектр жанров от «пиротехнического-огненного балета-спектакля» до «балета строительной и коммунальной техники». С каждым годом жанровая модель театрализованного представления или праздника приращивается маркерами технических характеристик, спецэффектов. Среди жанров такие, как: «огненное шоу» и «пиротехника», «пиротехника на льду» и др. Это говорит о том, что техническая эра не стоит на месте, и подобно тому, как быстро развиваются технические спецэффекты, так же быстро расширяются жанровые характеристики театрализованных представлений. Код технических характеристик маркирует наличие тех или иных технических возможностей в представлении, способных оказать на зрителя воздействие. Теперь в качестве доминирующего элемента все чаще выступает «технический код» как некий заявленный набор средств, посредством которого и будет воплощаться новая реальность театрализованного представления. Мультимедийные, световые, лазерные, пиротехнические технологии выполняют теперь функцию аттрактанта жанра. Как мы видим, образуется третья *жанровая модель*, доминирующим элементом которой выступает *технический код* представления, то есть средство подражания.

Обобщая, можно заключить, что жанр как динамическая категория выражает себя не в устойчивости канонов жанрообразования, а в сдвигах и столкновениях жизненного и традиционного. Жанр перестает быть сугубо литературной или сугубо театральной закрытой структурой. Жанр растворяется и становится частью режиссерского замысла, являясь собственно таким же самостоятельным и творческим как само художественное произведение, которое он призван обслуживать.

Литература

1. Аристотель. Соч.: в 4 т. / пер. с др.-греч. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.: 1996.
3. Богданова П. Культурный цикл: театральная режиссура от шестидесятников к поколению post. – М.: Академ. проект, 2017. – 479 с.
4. Генкин Д. М. Массовые праздники. – М.: Просвещение, 1975. – 140 с.
5. Глан Б. Н. Праздник всегда с нами. – М.: СТД, 1988. – 191 с.
6. Рольф М. Советские массовые праздники. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 439 с.

References

1. Aristotel. *Sochineniya: v 4 t. [Compositions: in 4 volumes]*. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4. 830 p. (In Russ.).
2. Benyamin V. *Proizvedeniye iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti [The work of art in the era of its technical reproducibility]*. Moscow, 1996. (In Russ.).
3. Bogdanova P. *Kul'turnyy tsikl: teatral'naya rezhissura ot shestidesyatnikov k pokoleniyu post [Cultural cycle: theatrical direction from the sixties to the generation of post]*. Moscow, Akadem. proekt Publ., 2017. 479 p. (In Russ.).
4. Genkin D.M. *Massovye prazdniki [Mass celebrations]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975. 140 p. (In Russ.).
5. Glan B.N. *Prazdnik vsegda s nami [The holiday is always with us]*. Moscow, STD Publ., 1988. 191 p. (In Russ.).
6. Rolf M. *Sovetskiye massovye prazdniki [Soviet mass holidays]*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN): Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Eltsina Publ., 2009. 439 p. (In Russ.).

УДК 7

**О БРЕХТЕ И ЕГО МЕТОДЕ «ОЧУЖДЕНИЯ»
(СПЕКТАКЛИ-ЭКСПЕРИМЕНТЫ В. Л. КЛИМОВСКОГО
В КЕМЕРОВСКОМ ТЕАТРЕ ДРАМЫ)**

Берсенева Елена Витальевна, старший преподаватель, кафедра театрального искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: Aneegma@mail.ru

Данная статья посвящена актуальным вопросам исследования советского театрального искусства периода 1960-х годов в Кузбасском регионе. Кемеровский драматический театр рассматривается как центр культурной и духовной жизни региона. В связи с этим представляется актуальной работа, направленная на выявление конфликта между властью (идейно-политические мотивы), которая по-прежнему видела в театре массовое искусство, понятное и доступное для всех и новый театр (нравственно-эстетические мотивы), который осознавал себя как искусство авторское, где главное в нем – личностное самовыражение режиссера-художника. В статье рассматривается один из самых ярких периодов жизни Кемеровского драматического театра имени А. Луначарского, связанный с творчеством В. Л. Климовского. Режиссер-новатор, стремившийся в своих экспериментах расширить рамки жизни периферийного театра, и на базе областного драмтеатра создать свою «Таганку». Поиски новых форм общения со зрителем вели к обновлению всей системы художественных средств. Работая над классической пьесой «Ромео и Джульетта» В. Л. Климовский, совместно с художником театра М. Т. Ривинным, поставил спектакль, в котором очевидно просматривался конфликт власти и народа. И, как следствие, неприятие партийным руководством нестандартных вариантов интерпретации классического материала. И в то же время рецензия столичного театрального критика В. Сечина, который поставил спектакль Климовского в один ряд с «Гамлетом» В. Пансо и «Сном в летнюю ночь» М. Туманишвили.

Ключевые слова: драматический театр, театр периода «оттепели», театры Кузбасса, условный театр, метод «очуждения», «Ромео и Джульетта».

**BRECHT AND HIS METHOD OF “ALIENATION”
(V.L. KLIMOVSKY PERFORMANCES-EXPERIMENTS
IN THE KEMEROVO DRAMA THEATRE)**

Berseneva Elena Vitalyevna, Sr. Instructor, Theatrical Art Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Aneegma@mail.ru

This article is devoted to the actual problems of researching the Soviet theater art in the 1960s in Kuzbass. The Kemerovo Drama Theater is regarded as the center of cultural and spiritual life of the region. This article is directed to identify a conflict between the authorities (ideological and political motives), seeing the theater as a mass art that was understandable and accessible to everybody and a new theater (morally-aesthetically motivated), which realized itself as authentic art. One of the brightest periods of life of the Kemerovo Drama Theater, connected with the work of V.L. Klimovsky is considered in the article. The director-innovator tried to expand a framework of life of a peripheral theater in his experiments. He aspired to create the “Taganka” on the basis of the regional drama theater. Searching for new forms of the communication with the audience led to the renewal of the whole system of the artistic means. Working on the classic play “Romeo and Juliet” V.L. Klimovsky together with theater artist M.T. Rivin staged a performance in which the conflict between the authorities and the people was evident. The party leadership did not accept the interpretation of the classical material. But Moscow theater critic V. Sechin wrote a notice about this Klimovsky’s performance comparing it with “Hamlet” by V. Panso and “Midsummer Night’s Dream” by M. Tumanishvili.

Keywords: drama theatre, the theatre of “thaw” period, Kuzbass theatres, conventional theatre, method of “alienation,” “Romeo and Juliet”.

*Житейский опыт учит: чем больше
человек видит, тем больше знает.
А можно сказать и так: чем больше
знает, тем больше он видит.*

В. Л. Климовский

Кемеровский драмтеатр в шестидесятые годы переживал кризис. Были сложности в отношениях актеров и режиссеров, непонимание между дирекцией театра и партийным руководством, которое идеологически курировало театр. Гастроли не давали прибыли, режиссеры сменяли друг друга. Возникла мысль о неправильном формировании труппы. Попробовали набирать актеров по конкурсу, но и этот метод себя не оправдал. Обстановка в театре настолько осложнилась, что стали поговаривать о расформировании труппы и закрытии театра [2]. Проблемы внутритеатральные только усугублялись от пристального внимания партийного руководства, которое всеми силами старалось не допустить проникновения в Кузбасс новых идейных веяний. Режиссер-новатор, имевший несчастье возглавить театр на периферии, не имел труппы “единомышленников”, актеры при малейшем недовольстве деятельностью или просто поведением режиссера переходили на сторону

власти. Подлинным бедствием становился маститый актер, положение которого в труппе было обеспечено званием, партийностью, уважением власти и любовью публики, потому что для такого актера “шестидесятническая” проблематика казалась детской забавой, а режиссер не связывал и не мог связывать с ним своих творческих планов.

В Кемеровском драматическом театре с 1964 по 1967 год работал такой режиссер-новатор – В. Г. Климовский, опирающийся в своем творчестве на эксперимент. За это многие актеры в труппе его недолюбливали, ставили в вину, как тогда модно было говорить, увлечение «формализмом» и не могли простить приверженности Мейерхольду и Брехту. Известный кемеровский актер послевоенного периода П. Г. Князев оставил в рукописи воспоминания о театре в Кузбассе, ныне опубликованные, где подробно рассказал о своем конфликте с молодым режиссером – «шестидесятником» [2, с. 588].

В СССР Брехт стал популярным драматургом с дипломного спектакля учеников Ю. П. Любимова «Добрый человек из Сезуана» в театре на Таганке в 1964 году. С приходом в Кемеровский театр режиссера В. Климовского почти во всех спектаклях стала ощущаться брехтовская теория

«очуждения». В Кемерове опальный режиссер поставил два спектакля-шедевра – «Трехгрошовую оперу» Б. Брехта и «Ромео и Джульетту» В. Шекспира, которые покоряли эстетической неординарностью и стимулировали общественное самоопределение. Спектакль «Ромео и Джульетта» В. Шекспира стал предметом широкой дискуссии (зрительские конференции в театре, полемика в прессе, официальные обсуждения) и имел некоторый общественный резонанс.

В конце 1967 года альманах «Огни Кузбасса» опубликовал большую статью писателя О. П. Павловского, посвященную все тому же феномену Климовского в Кемеровском областном драматическом театре имени А. В. Луначарского. Павловский профессионально описывает спектакль «Ромео и Джульетта», реконструирует замысел, соотносит теорию эпического театра Б. Брехта с режиссурой Климовского, причем не обосновательно, и... приходит к выводу о творческой неудаче режиссера. «Сейчас много, даже слишком много говорят о поисках театра на Таганке, – пишет он. – И хорошо, что у нас есть такой театр, – своеобразный, ищущий, и я бы сказал – “экспериментальный” театр. <...> Но представим, что этот театр, в полном его составе, с его нынешним репертуаром, обосновался бы у нас в Кемерове. Ручаюсь, через год он бы, что называется, “прогорел”. Почему? Не тот зритель? Непонимающий, невоспитанный, невежественный? Да, зритель и верно не тот. Но не невежественный. И воспитан он вполне достаточно, и понимает прекрасно, где правда, а где фальшь либо только внешнее подобие правды» [1, с. 71]. Однако О. Павловский не осмелился все же назвать шекспировский эксперимент Климовского мелкой поделкой. Пусть пародия на Шекспира, но не халтура [1, с. 71], а новое искусство «шестидесятников» в условиях периферийного театра. Были ли у Климовского сторонники? У Павловского об этом написано так: «В. Климовский на двух зрительских конференциях, отбиваясь от нападок зрителей, знающих и любящих Шекспира, и поддерживаемый голосами семнадцатилетних юношей и девушек, которые не по своей, а отчасти и по своей, конечно, вине о Шекспире не имели никакого понятия, а увидели его на сцене впервые в жизни» [1, с. 66–67]. Если не считать московского критика, то некоторые актеры из занятых в спектакле и студенты местных вузов, старшие

школьники – все были на стороне «нового» искусства, которого так не хватало современной молодежи.

Спектакли Климовского – это особая веха в театральном искусстве Кузбасса, это «звездное» время для Кемеровского театра драмы, так как в это время о нем писали в журнале «Театр» (1967, № 5), а статьями подобного рода театр не избалован, именно в это время шекспировский спектакль Климовского назывался критикой в одном ряду с «Гамлетом» В. Пансо и «Сном в летнюю ночь» М. Туманишвили.

Поиски новых форм общения со зрителем вели к обновлению при этом всей системы художественных средств. Стремясь к острому и современному решению конфликта, Климовский обращается (тем не менее) к классике и ставит спектакль по пьесе Шекспира «Ромео и Джульетта». Проблема, с которой столкнулся Кемеровский драмтеатр театр, была, наверное, характерной для большинства периферийных театров. Зрители были смущены нарушением принципа жизнеподобия на сцене, так как оно (жизнеподобие) «приравнялось» тогда многими к системе Станиславского. В спектакле Климовского не было привычной житейской органики, поддержанной подробной бытовой обстановкой. Его спектакль был условно-поэтическим, концептуальным, ориентированным на эстетику Б. Брехта. В нем был расчет перевести на язык сценической метафоры и образного мышления шекспировский материал. Работая над «Ромео и Джульеттой», знаменитой трагедией любви, Климовский не ставил перед собой задачу создать спектакль в жанре трагедии и тем более не предполагал ограничить его проблематикой любви. Спектакль по жанру и не мог быть трагедией, потому что в условном театре, строго говоря, такого жанра нет. Трагедия может сценически состояться только тогда, когда она «переживается» актером и зрителями, в концептуальном же спектакле действительность моделируется вне жанра, с целью аналитической, актеры только обозначают ситуации и мотивы поведения героев. Кемеровские актеры в спектакле учились «не играть» характеры, отвлекаясь от психологического движения ролей. Следует заметить, что сам Шекспир давал и для такого, непсихологического подхода основания, он творил в эпоху, когда сценическое искусство еще не имело особого инструментария для изображения психологии

(отношений). Жанр спектакля можно было бы определить как сценическую притчу, параболу, если воспользоваться брехтовским термином.

Известно, что Брехт, объясняя свое отличие от Станиславского, однажды сказал, что Станиславский, ставя спектакль, подходит к нему с позиции актера, а он, Брехт, – с позиции драматурга [4, с. 198]. И Климовский, по-брехтовски работая над трагедией Шекспира, цель свою видел в создании новой пьесы, имеющей естественные и адекватные связи с текущей современностью.

Модель действительности, сконструированная театром, была реализацией постулата: жизнь – это драка всех и со всеми, драка нескончаемая и беспричинная, драка как форма существования. Однако очевидность обвинений была кажущейся: на деле при многочисленных драках в спектакле не было ни одной абстрактной драки, драки вообще. На всех лежала едва уловимая тень лагерно-блатного мира советской формации. Климовский ставил спектакль в Кузбассе, знаменитом своими лагерями, с большой прилагерной зоной, с «нахаловками» в крупных шахтерских городах. Ставил спектакль, находясь под большим воздействием «Трехгрошовой оперы» Брехта, которой за год до этого открыл в Кемерове серию своих театральных экспериментов. Поэтому в спектакле Верона – это город, в котором живут по блатным законам, все им подчинены, и Ромео с Джульеттой не являются исключением.

Художник М. Т. Ривин предложил оформление, которое своей художественной значительностью примиряло разногласия. Занавеса не было. Сцена как большая пустая площадь, в которую упираются улицы и улочки средневекового города. Здания, казалось, были скопированными с рисунков эпохи Средневековья. «На черном бархате – посеребренные замки» [2, с. 585]. Верона – город «узких улиц и площадей, в которой дома теснятся друг к другу и, кажется, тянутся

вверх совсем не потому, что устремляются “ближе к богу” – просто из-за скученности. Закрадывается подозрение, что и жизнь здесь обужена: тесная жизнь с тесным кругозором» [3, с. 35]. Друзья Ромео и друзья Тибальта были одинаково одеты – они были черно-белые, что и дало основание В. Сечину сделать вывод об их одинаковости. Однако у каждого была своя мера черного и белого. Капулетти все были черными – мать, отец и Тибальт. Самый черный в спектакле – Тибальт, ни одного белого пятнышка. Абсолютно белых в спектакле не было. Максимальной белизны достигал Меркуцио в момент смерти. Черно-белый мир спектакля был дополнен красным цветом, цветом любви и смерти. Был в спектакле еще серый цвет, в нем смесь черного и белого становилась неразложимым сплавом. Серыми в спектакле были представители народной культуры.

Летом на гастролях театра в Херсоне Климовский был снят «за развал театра». Власть видела в театре массовое искусство, понятное всем и доступное для всех. Новый театр 1960-х годов в его условно-концептуальном ответвлении осознавал себя как искусство элитарное, авторское. В непослушании режиссера усматривались мотивы не нравственно-эстетические, какими они и были на самом деле, а мотивы идейно-политические, которых в действительности могло и не быть. Главное – налицо расхождение с общепринятой доктриной. А расхождение возникало естественно, поскольку внутренней свободе художника противостояла жесткая в своей ограниченности идеологическая догма. В поединке с Климовским власть во многом была права, и время подтвердило эту правоту. Беда власти коренилась в неумении распорядиться счастливым случаем: на периферию приехал работать талантливый человек. Его изгнали, и беда превратилась в вину. Вину власти перед талантом.

Литература

1. Павловский О. Театр и зритель. Заметки по поводу одного спектакля // Огни Кузбасса. – 1967. – № 19. – С. 71.
2. Рукопись П. Г. Князева. Из рукописного наследия нашего города // Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово. – Кемерово: Сиб. родник, 1998. – Кн. 2. – 666 с.
3. Сечин В. Трагедия, или Джульетта на шпильках // Театр. – 1967. – № 5. – С. 35.
4. Фрадкин И. М. Бертольд Брехт. Путь и метод. – М.: Наука, 1965. – С. 198.

References

1. Pavlovskiy O. Teatr i zritel'. Zametki po povody odnogo spektaklya [Theater and the viewer. Notes on a single performance]. *Ogni Kuzbassa [Lights of the Kuzbass]*, 1967, no. 19, p. 71. (In Russ.).

2. Rukopis' P.G. Knyazeva. Is rukopisnogo naslediya nashego goroda [Manuscript of PG Knyazev. From the manuscript heritage of our city]. *Kushnikova M., Sergienko V., Togulev V. Stranitsy istorii goroda Kemerova. Kniga vtoraya [Kushnikova M., Sergienko V., Togulev V. Pages of the history of the city of Kemerovo. The second book]*. Kemerovo, Sibirskiy rodnik Publ., 1998. 666 p. (In Russ.).
3. Sechin V. Tragediya, ili Dzhul'etta na shpil'kakh [Tragedy, or Juliet on the stilettos]. *Teatr [Theater]*, 1967, no. 5, p. 35. (In Russ.).
4. Fradkin I.M. *Bertold Brekht. Put' i metod [Berthold Brecht. Way and method]*. Moscow, Nauka Publ., 1965, p. 198. (In Russ.).

УДК 792

«ТЕАТР ЧЕТВЕРТОЙ УЛИЦЫ» ДЭВИДА РОССА В США

Самитов Дмитрий Геннадьевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры продюсерства и менеджмента исполнительских искусств, продюсерский факультет, Российский институт театрального искусства – ГИТИС (г. Москва, РФ). E-mail: goodluck@bk.ru

В статье поднимается тема существования некоммерческих театров в США. Художественный театральный коллектив не может развиваться без творческих идей и одновременно без дополнительных общественных источников финансирования, что является актуальным для современной России. Тип камерного театра является распространенной формой в некоммерческом направлении театральных коллективов в США. Сущность камерной формы отражает развитие театральных коллективов на примере существовавших ранее американских «малых» театров и европейских групп. Творческие и организационные принципы «Театра Четвертой улицы» Дэвида Росса отражают развитие новых принципов некоммерческого движения. Психологическая драма требовала небольшого помещения, минимального пространства между артистами и зрителями, чему полностью соответствовал тип камерного драматического театра. Формируясь вокруг яркой творческой индивидуальности – Дэвида Росса – коллектив старался показать публике результаты своей работы. Долгосрочное планирование репертуара позволило ввести абонементную систему, закрепить своего зрителя и сделать его постоянным. Это дало относительную материальную стабильность для развития и творческого совершенства показа классического репертуара. Д. Россу удалось собрать талантливую труппу, что позволило существенно улучшить, по словам современников, качество представляемых спектаклей. Число некоторых из них даже для сегодняшних драматических театров было рекордным. Неповторимый творческий путь развития театра и репертуарная политика, основанная на пьесах Г. Ибсена и А. Чехова, сделали его уникальным для своего времени.

Ключевые слова: камерный театр, А. Стриндберг, Камерный театр Таирова, Дэвид Росс, Г. Ибсен, «Вишневый сад», «Дядя Ваня», А. Чехов, Театр «Четвертой улицы».

“4TH STREET THEATRE” BY DAVID ROSS IN THE USA

Samitov Dmitriy Gennadyevich, PhD in Sociology, Associate Professor of Department Producing and Management of Performing Arts, Production Faculty, Russian University of Theatre Arts – GITIS (Moscow, Russian Federation). E-mail: goodluck@bk.ru

The article raises the subject of the existence of non-profit theatres in the United States of America. An artistic theatrical ensemble cannot develop either without creative ideas or without additional public sources of financing, which seems to be relevant for Russia nowadays. The type of a chamber theatre is a

common form in the sphere of the nonprofit theatre groups in the United States of America. The nature of the chamber form reflects the development of theatre groups on the example of the previously existing American “little” theatres and European groups. The creative and organizational principles of the “4th Street Theatre” by David Ross reflect the development of new principles of the non-profit movement. Psychological drama required a small room, a minimum space between artists and audience, what completely corresponded to the type of chamber drama theatre. Forming around the bright creative individuality, what David Ross was, the troupe wanted to show the results of its work to the audience. Long-term planning of the repertoire made it possible to introduce a subscription system, consolidate theatre’s spectator and make him permanent. This gave relative financial stability for the development and creative perfection for the run of the classical repertoire. David Ross managed to assemble a talented troupe, what significantly improved, according to the contemporaries, the quality of the performances. The number of some of them, even for today’s dramatic theatres, was a record. The unique creative way of development of the “4th Street Theatre” and the repertoire policy, based on the plays of H. Ibsen and A. Chekhov, made the theatre unique for its time.

Keywords: chamber theatre, A. Strindberg, The Kamerny Theatre by Tairov, David Ross, H. Ibsen, “Cherry Orchard,” “Uncle Vanya,” A. Chekhov, the “4th Street Theatre”.

Рассмотрим наиболее распространенную среди некоммерческих театров организационную модель – камерный театр. Сами условия деятельности некоммерческих коллективов заранее обрекали большинство из них на принадлежность именно к форме камерного театра, потому как договор актерского профсоюза Эквити с Лигой некоммерческих театров ограничивал вместимость зрительного зала 299 местами. Кроме того, их прямые исторические предшественники – «малые театры» 1910–1930-х годов разрабатывали именно эту форму. Американские «малые» театры тех лет создавались под большим влиянием европейских, в том числе таких как театр «Аббатства», Камерный театр М. Рейнгаардта, Интимный театр А. Стриндберга, Театр «Старая голубятня» Ж. Копо. С другой стороны, один из руководителей «Гилда» Л. Лангер подчеркивает, что появление «малых» театров было «реакцией на огромные залы, которые были построены в стране в викторианский период. Деятельность Уинтропа Эймза, результатом которой стало создание небольшого театра в Нью-Йорке, породила тенденцию «измельчания»: американские театры становились все меньше и меньше, пока актеры и актрисы не уселись почти на колени зрителям. Это было по душе актерам-любителям, которые были почти лишены способности игры на большие аудитории» [4, с. 83].

Однако дело было не только в неумении актеров-любителей, но в том, что камерный театр везде и всегда характеризовался стремлением

превратить сцену в место интимной встречи актера и зрителя, большой притягательностью психологических проблем.

В Западной Европе впервые камерные театры получили широкое распространение в начале XX века, вместе с утверждением «новой драмы» и новой манеры игры. По словам А. Стриндберга, камерные театры как бы уже в самом своем названии несут программу: «перенести в драму идею камерной музыки – интимный метод, многозначительный мотив, заботливую обработку» (см. [9, с. 70]).

Новейший психологический реализм в драме и исполнении как раз и требовал небольшого помещения, близости между исполнителями и зрителями, когда видны глаза артиста, тончайшие душевные движения на его лице, актер может говорить, не напрягая голоса. Определяя цели своего интимного театра и камерного спектакля вообще, А. Стриндберг далее писал: «...в драме мы ищем доминирующего значительного мотива, но с известным ограничением. В трактовке мы избегаем подчеркиваний, рассчитанных эффектов, акцентов, вызывающих рукоплескания, блестящих ролей, сольных номеров. Художник не должен быть связан определенной формой, оттого что мотив определяет форму. Отсюда свобода в трактовке, связанной лишь с единством и ощущением стиля концепции» (см. [9, с. 70]).

В камерной атмосфере театра исполнители кажутся доступными публике, эмоционально втянутой в действие спектакля. Вместе с тем ка-

мерный театр является формой, ограничивающей круг затронутых тем, сценических средств выражения, количество актеров и зрителей.

А. Я. Таиров, создавая свой Камерный театр, писал, что он так назвал свое детище не потому, что хотел этим названием связать хоть в чем-то себя или свое творчество. «Ни к камерному репертуару, ни к камерным методам постановки и исполнения мы отнюдь не стремились» [6, с. 96], – объяснял он. Главным для него было другое – отношение аудитории: «Мы хотели работать вне зависимости от рядового зрителя, этого мещанина, крепко засевавшего в театральные залы, мы хотели иметь небольшую камерную аудиторию своих зрителей, таких же неудовлетворенных, беспокойных и ищущих как и мы» [6, с. 96]. Для американских камерных театров эта сторона была чрезвычайно важной, также как и особая направленность творчества.

По сравнению с лабораторными, камерные театры представляли более высокую организационную форму. Они обычно также складывались вокруг какой-нибудь незаурядной творческой личности, но их задачи были другими, чем у лабораторных театров. В творческом плане камерные театры хотя и проводили эксперименты, но главное внимание уделяли не самому процессу поиска и опыта, а задаче показа зрителям результатов своей работы. Обычно такие некоммерческие коллективы арендовали театры на относительно длительный срок или имели собственные помещения, что способствовало их более длительному существованию. Это могли быть переоборудованные под зрительные залы бывшие кинотеатры, дискотеки, склады, кафе и другие здания.

Спектакли проводились согласно заранее спланированному календарному плану. Это позволяло многим камерным театрам продавать абонементы на спектакли и, таким образом, закреплять своего зрителя. Выдержанные в классических традициях, предпринимающие более широкую творческую деятельность по освоению драматургического материала, камерные театры привлекают более широкую зрительскую аудиторию. Это дает им возможность иметь большую материальную независимость, нежели студиям.

В отличие от в основном составленных из любителей, пусть и просвещенных, «малых» теа-

тров раннего периода в камерных театрах после Второй мировой войны труппа преимущественно формировалась из числа молодых, неизвестных, но профессиональных актеров. Репертуар составляли произведения, имеющие высокую драматургическую ценность или близкие по творческим устремлениям. В организационном смысле камерный театр тоже стоял на высшей линии; кроме руководителя-режиссера там почти всегда были руководитель-менеджер, сотрудник литературной части, даже рекламный агент.

В межвоенные годы классической моделью камерного театра был «Провинстаун» (основан в 1915 году), который все пятнадцать лет своего существования принципиально сохранял камерную форму: все время оставался в небольшом театре, старался работать с постоянным коллективом, хранил верность избранному пути экспериментирования в области новой американской драмы.

После Второй мировой войны гораздо труднее найти среди некоммерческих театров такой эталонный коллектив, который столь долгий срок сумел бы сохранить чистоту избранной формы. Пожалуй, ближе всего принципам камерного театра отвечала деятельность «Театра Четвертой улицы» под руководством Дэвида Росса.

Сын богатого бизнесмена, готовивший себя к карьере раввина, Д. Росс, обучаясь теологии в университете, «заболел» театром и затем посвятил ему всю свою недолгую жизнь. Сначала он загорелся желанием стать артистом, но даже занятия с самим Страсбергом не помогли этому. Тогда в 1954 году он организовал на собственные деньги театр в районе Гринвич Вилледж в Нью-Йорке и стал в нем режиссером и руководителем.

Это был камерный театр, где важное значение играли артистический ансамбль и определенная репертуарная политика, Д. Росс предназначал свой театр преимущественно для пьес А. Чехова и Г. Ибсена, хотя поставил также «Гадибук» Анского, «Пасху» Стриндберга и «Месяц в деревне» Тургенева.

Подобно многим другим некоммерческим коллективам театр Росса располагался в помещении, мало подходящем для сценических представлений – это был вытянутый зал размерами 100 на 25 метров. Сооружение привычной для постановок «новой драмы» сцены-коробки было

не по карману. Поэтому Росс решил устроить в центре сцену-арену квадратной формы, которая делила зрительный зал на две равные половины, где размещались 143 зрителя. Впоследствии такой тип сцены получил название центральной сцены или двухсторонней арены.

Хотя сцена-арена для некоммерческих театров не была чем-то новым, но ее использование для постановок пьес Чехова и Ибсена было смелым и неожиданным решением. К судьбе театра Д. Росса можно с полным правом отнести слова У. Макнейла Лоури: «Подлинный театр никогда не начинается со здания, но с неумолимой решимости одного направляющего таланта» (см. [3, с. 98]).

Денег у Росса было очень мало, но он понимал, что его планы будут иметь шансы на успех только при том условии, если в театре появится стабильная актерская группа, объединенная едиными художественными задачами. Несмотря на ограниченные средства, Россу удалось собрать талантливую труппу из молодых актеров, к которым присоединились опытные мастера из закрывшегося театра «Групп», и очень удачно поставить «Три сестры» Чехова. Спектакль получил признание зрителя и прошел 102 раза. Театральный критик Б. Аткинсон, отмечая его достоинства, написал, перефразируя Чехова, слова, которые можно было бы поставить эпиграфом к деятельности Д. Росса: «Этот спектакль дал нам представление о том, какой прекрасной могла быть жизнь, если бы люди научились думать и бороться» [2, с. 20].

Затем Д. Росс обратился к «Вишневому саду». Критика единодушно отмечала, что это действительно был «американский Чехов», и что «Росс лучше, чем кто-либо другой сумел освободить русского автора от ненужной риторики» [2, с. 19].

В 1956 году Д. Росс осуществил свой самый лучший чеховский спектакль – постановку «Дяди Вани», которая явилась одной из значительных работ театра и была показана 257 раз. Немаловажная заслуга в ее успехе принадлежала Ли Страсбергу, который был приглашен Россом в качестве консультанта. Страсберг, как уже отмечалось, был приверженцем и страстным почитателем системы Станиславского, которую он изучал еще в «Американском Лабораторном театре», а затем развивал в театре «Труп» и «Актерской студии».

Страсберг помог усилить труппу Росса своими учениками и последователями и привлек ветеранов театра «Групп» – Фрэнкота Тона, Мориса Карновского, Филлипа Леба.

Осуществляя постановки цикла пьес А. Чехова, Росс пошел по новому для американского театра того времени пути. Он не стремился воссоздать в своих спектаклях специфически русскую атмосферу, а пытался открыть в них близкое сознанию и духовной культуре современных американцев, отразить идеи и мысли своего поколения. В маленьком зале, где не существовало никакой дистанции между публикой и актерами, герои делились со зрителями самыми сокровенными мыслями, раскрывая сложный внутренний мир своих героев.

Учитывая специфику сценического пространства, Д. Росс первым в американском театре отказался от имитации жизни во всех ее подробностях. На крошечной сцене в центре зала невозможно было разместить достоверные декорации. Поэтому место действия решалось режиссером условно, через ряд выразительных деталей. Декорации приносили и уносили во время действия по узким проходам, актеры выходили на сцену из зрительного зала. Условность, театральность приемов не была самоцелью для режиссера, она органично вытекала из природы пьес Чехова. Как отмечают историки, для режиссерского метода Д. Росса были характерны лаконизм, условность, упрощение, экономия средств. Его постановочные приемы были основаны на обостренной выразительности, которую дополнял лиризм игры актеров, и публика быстро приняла предлагаемые обстоятельства, происходящие на сцене-арене.

Слаженный ансамбль представителей разных поколений американских актеров, объединенных общей школой игры, позволил достичь высоких художественных результатов и во второй постановке «Вишневом саду». Когда телекомпания СиБиЭс организовала телепередачу, посвященную К. С. Станиславскому и его системе, то именно актеры «Театра Четвертой улицы» были приглашены, чтобы рассказать о новаторском методе. Артисты не только говорили о своей новой работе над ролями, но и показали сцены из спектакля «Дядя Ваня», шедшего тогда в театре.

«Дядя Ваня» стал одним из первых некоммерческих спектаклей, которые были экранизированы.

ваны. Как подчеркивал Фрэнкот Тон, до недавнего времени «идея экранизации такой пьесы выглядела бы довольно глупым шагом. Рыночные условия не позволили бы идти на финансовый риск» [8, с. 39]. Чтобы избежать возможных материальных потерь, были использованы советы и прогнозы специалистов, которые подтвердили, что при сокращении некоторых эпизодов, фильм окупит расходы. «Дядя Ваня» был снят на киноленту под руководством М. Парсонет с участием только актеров, занятых в оригинальном спектакле. Он был хорошо принят зрителем и принес прибыль. Успех чеховских пьес помог Россу компенсировать те средства, которые он вложил в свой частный театр первоначально и те, которые были потеряны от малой посещаемости ранних спектаклей.

Освоив стилистику Чехова, Д. Росс приступает к ибсеновскому циклу. Он столь же серьезно и основательно готовится к постановке драм Ибсена, видя в его «здоровой морали» нравственный и художественный противовес пессимизму и нигилизму современной драмы. Ибсена на Бродвее не ставили очень долгое время, поэтому деньги на цикл его пьес дали многие представители «интеллигенции Бродвея» и среди них драматурги Артур Лорентс и Уильям Индж, режиссер Джошуа Логан, знаменитые актеры Род Стайгер и Эли Уоллах.

Намечалось поставить пять пьес Ибсена: «Иун Габриэль Боркман», «Привидения», «Кукольный дом», «Гедда Габлер» и «Когда мы мертвые пробуждаемся». Однако планы изменились, когда первый же ибсеновский спектакль – «Гедда Габлер» – стал не просто большим успехом театра, а «смэшем», который каждый театрал должен был посмотреть. Он был признан лучшей пьесой сезона 1960/61 года, в Нью-Йорке. Центральную роль исполнила актриса Энн Мичем, которая была отмечена специальным призом сезона за лучшее исполнение. «Гедда Габлер» имела большой финансовый успех. Постановка приносила 300 долларов прибыли в неделю и выдержала рекордное количество для некоммерческих театров спектаклей – 340 [5, с. 88].

На доходы от «Гедды Габлер» Росс поставил «Привидения» и «Росмерсхольм». Затем в 1963 году он снял театр, где зал был в три раза больше и показал в нем «Вишневый сад» Чехова

и «Месяц в деревне» Тургенева. Хотя спектакли были хорошо встречены публикой и критикой, но прежнего успеха не было. Большой театр требовал больших расходов. Деньги скоро кончились. Росс уехал в путешествие в Англию, затем очень тяжело заболел и умер в 1966 году.

«Театр Четвертой улицы» просуществовал восемь лет, в течение которых была осуществлена постановка одиннадцати пьес, и закрылся, когда его программа была исчерпана. За достаточно короткий период деятельности театра Д. Росс израсходовал 130–150 тысяч долларов, которые в большей степени складывались из полученной театром прибыли за счет продажи билетов, а также авторских прав от кино и телевидения. От Дэвида Росса можно было ждать новых достижений и открытий, но этому помешала его безвременная смерть.

Итак, некоммерческие театры, начиная со второй половины 1940-х годов оменовали появление первых драматических трупп новой генерации. Рассматриваемая выше история развития «Театра Четвертой улицы» показала его художественную и организационную целостность в рамках единого направления. В целом впоследствии театральные формы росли и усложнялись. На этапе возрождения преобладали студии и лабораторные театры, а также камерные. Кульминацией движения некоммерческих театров стали пятидесятые годы, познакомившие зрителей с яркими художественными явлениями и ставшие свидетелями расцвета этого движения. Во время роста и расцвета мы видим постепенное уменьшение количества студий, переход многих из них в тип камерного театра, который и становится самым распространенным, как это было у «Театра Четвертой улицы». Наряду с этим происходит процесс увеличения художественного и организационного разнообразия, появляются такие новые и крупные формы, растет жанровое разнообразие – мюзиклы, варьете.

С другой стороны, как показала практика, успех, популярность, приумножение поступающих средств приближает некоммерческий театр к коммерческой основе деятельности. Они оказываются вынужденными представлять «хиты» – мюзиклы и комедии и часто делают это творчески и с проблеском эксперимента. Кризис движения в особенности показал, что среди некоммерче-

ских театров, желающих оставаться «на плаву», создается так называемый «синдром хитов», в зависимость от которого на практике часто попадает театральный коллектив. Привлечение большого числа зрителей обычно сочетается с отказом от творческих исканий и экспериментов, что в конечном итоге разрушает главную концепцию существования некоммерческого театра. Парадокс камерного театра в том, что он стремится вырасти, но чем более театр укрупняется, тем меньше свободы в его действиях и творческих планах. В конце концов, некоммерческий театр становится жертвой своего успеха, и в результате наступает момент, когда он теряет свои экономические силы, когда он уже не в состоянии не принять поражение. Такой театр либо превращается в коммерческий, либо умирает. Именно поэтому некоторые некоммерческие труппы, боясь потерять свое первоначальное значение, предпочитают

оставаться камерными, сохранив при этом свое творческое своеобразие.

Таким образом, американские камерные театры явились и сегодня являются яркими театральными коллективами. В США во многих городах в условиях дефицита продолжают существовать множество камерных трупп, проповедующих художественные принципы и творческие программы ради своих некоммерческих целей. Для этого они используют средства многочисленных общественных и частных фондов, индивидуальных пожертвований и корпоративных ассигнований. Это дает возможность исключить в доходной части бюджета только участие самого театра (продажа билетов, сопутствующих товаров, авторских прав на постановки и т. п.). Значительная роль разнообразных пожертвований в обеспечении деятельности театрального коллектива стала важным фактором его развития.

Литература

1. Американский театр. Группа театральных коммуникаций. – Нью-Йорк, 2000.
2. Аткинсон Б. «Вишневый сад» Чехова; русская пьеса на сцене Четвертой улицы // Нью-Йорк Таймс. – 1955. – 19 окт.
3. Искусствоведение. Американский театр, 1936–1961. – Гранд Фокс: Университет Северной Дакоты, 1987. – Т. VII.
4. Лангер Л. Волшебный занавес. – Нью-Йорк: И. П. Даттон и К^о, 1951.
5. Литтл С. Офф-Бродвей: Пророческий театр. – Нью-Йорк, 1972.
6. Таиров А. Я. Записки режиссера. Статьи, беседы, речи, письма. – М.: ВТО, 1970.
7. Тёрк Ф. Дж., Галло Р., Стратегии финансового менеджмента для организаций исполнительских искусств. – Нью-Йорк: Американский совет по искусству, 1984.
8. Френкель Л. «Дядя Ваня», с Четвертой улицы к фильму // Театральное искусство. – 1957. – Окт.
9. Хрестоматия по истории западного театра на рубеже XIX–XX веков / под ред. А. А. Гвоздева. – Москва; Ленинград, 1939.

References

1. *Amerikanskiy teatr: Gruppya teatral'nykh kommunikatsiy [American Theatre. Theatre Communications Group]*. New York, 2000. (In Eng.).
2. Atkinson B. "Vishnevyy sad" Chekhova; russkaya p'esa na stsene Chetvertoy ulitsy [Atkinson B. Chekhov's "Cherry Orchard"; Russian Play Offered on 4th Street Stage]. *The New York Times*, October 19, 1955.
3. *Iskusstvovedenie. Amerikanskiy teatr; 1936-1961 [Theatre History Studies. The American Theatre, 1936-1961]*. Grand Forks, Universitet Severnoy Dakoty Publ., 1987, vol. VII. (In Eng.).
4. Langer L. *Volshebnyy zanaves [The Magic Curtain]*. New York, I. P. Datton and K^o Publ., 1951. (In Eng.).
5. Littl S. *Off-Brodvey: Prorocheskiy teatr [Off-Broadway: The Prophetic Theatre]*. New York, 1972. (In Eng.).
6. Tairov A. Ya. *Zapiski rezhissera. Stat'i, besedy, rechi, pis'ma [Director's Notes. Articles, talks, speeches, letters]*. Moscow, VTO Publ., 1970. (In Russ.).
7. Terk F.Dzh., Gallo R. *Strategii finansovogo menedzhmenta dlya organizatsiy ispolnitel'skikh iskusstv [Financial Management Strategies for Arts Organizations]*. New York, Amerikanskiy sovet po iskusstvu Publ., 1984. (In Eng.).
8. Frenkel L. "Dyadya Vanya", s Chetvertoy ulitsy k fil'mu [‘Uncle Vanya’, From Fourth Street to Film]. *Teatral'noe iskusstvo [Theatre Arts]*, October, 1957. (In Eng.).
9. *Khrestomatiya po istorii zapadnogo teatra na rubezhe XIX-XX vekov [Chrestomathy on the Western Theatre History at the turn of the 19th-20th Centuries]*. Moscow; Leningrad, 1939. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 023

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В БИБЛИОТЕКЕ

Туранина Неонила Альфредовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой издательского дела и библиотековедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры (г. Белгород, РФ). E-mail: idb@bgiik.ru.

Сушкова Юлия Николаевна, преподаватель, Белгородский государственный институт искусств и культуры (г. Белгород, РФ). E-mail: barabanova.yulia90@mail.ru

В настоящее время проблема межличностного общения привлекает все больше внимания исследователей как фактор формирования корпоративной культуры организации. В статье раскрываются теоретические и практические аспекты межличностного общения в контексте корпоративной культуры библиотеки. В статье отмечается, что корпоративная культура строится на основе определенных моделей поведения, которые связаны с межличностными отношениями и межличностным общением. В работе представлены результаты мониторинга на предмет определения уровня межличностного общения специалистов библиотек, который включал важные вопросы, связанные с профессиональной деятельностью и, соответственно, влияющие на уровень межличностного общения в коллективе. В исследовании предложены эффективные способы достижения результатов, разработана программа, обоснованы разнообразные приемы формирования межличностного общения в современной библиотеке. Проблема межличностного общения в библиотеке всегда актуальна, так как эффективное общение является залогом достижения результатов в профессиональной деятельности. Эффективное общение – это не только такое, которое позволило достичь результата, но также то, при котором между участниками общения сохранилось равновесие отношений, всё это очень важно для формирования речевого идеала, так как именно на такой результат направлена основная часть коммуникативных усилий.

Ключевые слова: межличностное общение, корпоративная культура, коммуникация, библиотечный коллектив.

INTERPERSONAL COMMUNICATION AND FORMATION OF CORPORATE CULTURE IN LIBRARIES

Turanina Neonila Alfredovna, Dr of Philological Sciences, Professor, Department Chair of Publishing and Library Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture (Belgorod, Russian Federation). E-mail: idb@bgiik.ru.

Sushkova Yuliya Nikolaevna, Instructor, Belgorod State Institute of Arts and Culture (Belgorod, Russian Federation). E-mail: barabanova.yulia90@mail.ru

Now the problem of interpersonal communication draws more and more attention of researchers as a factor of formation of corporate culture of the organization. The article reveals theoretical and practical aspects of interpersonal communication in the context of corporate library culture. In the article, it is noted that the corporate culture is under construction on the basis of certain behavior models which are connected with

the interpersonal relations and interpersonal communication. In this work, the results of monitoring regarding the determination of level of interpersonal communication of library specialists, which included the important questions connected with professional activity, and, respectively, influencing the level of interpersonal communication in collective are presented. In a research, the effective ways of achievement of results are offered, the program is developed, and various methods of formation of interpersonal communication in modern library are proved. The problem of interpersonal communication in library is always relevant as effective communication is the key to achievement of results in professional activity. Effective communication is not only which has allowed to achieve result, but also in which the balance of relations between participants of communication has remained, all this is very important for formation of a speech ideal as the main part of communicative efforts is directed to such result. Monitoring the regional libraries regarding the determination of a level of interpersonal communication has yielded certain results for development of the system of training the specialists in this direction. By means of the questions concerning the professional activity, we have revealed the emotional atmosphere in a collective, the level of corporate culture of librarians and level of interpersonal communication.

Keywords: interpersonal communication, corporate culture, communication, library collective.

На современном этапе развитии общества, перед библиотеками ставятся новые задачи, это оказывает влияние на структуру и содержание работы всех сотрудников. Любая организация является сложной совокупностью большого числа взаимосвязанных элементов: персонал, материально-техническая база, содержание деятельности и т. д. Набор указанных элементов представляет собой организационный потенциал. Как утверждает Ж. А. Мугалова, «считается, что основу организационного потенциала составляет так называемая культура организации – совокупность управленческого персонала, системы ценностей и процедур, комплекс наиболее стабильно и продолжительное время существующих характеристик организации» [1, с. 84–85]. В основе организационного потенциала лежат понятия «корпоративная культура» и «межличностное общение».

Понятие «коммуникация» (от лат. *communicatio* – сообщение, передача) вошло в обиход научной литературы с XIX века, сегодня термин «коммуникация» имеет различные значения, но основой этого понятия является передача информации от одной системы к другой путем общения.

Общение – это не просто действие, а взаимодействие, которое осуществляется между участниками, где каждый является активным партнёром, без общения не может существовать как отдельный человек, так и человеческое общество в целом. Общение для человека – это его среда обитания, без общения невозможно формирование личности человека, его воспитание, интеллектуальное развитие. Общение необходимо людям,

как в процессе совместной трудовой деятельности, так и для поддержания межличностных отношений, отдыха, эмоциональной разгрузки, интеллектуального и художественного творчества. Важной чертой межличностного общения в любом коллективе, а также в библиотеке является общение внутри коллектива [2].

По мнению Н. А. Турапиной, «библиотечный коллектив в своём идеале – это сообщество высокообразованных, эрудированных людей с разнообразными индивидуальными запросами, высоким уровнем философского, нравственного, эстетического развития. Кроме того, библиотечный коллектив – это объединение людей, различных по образованию, возрасту, профессиональному опыту, вкусам и интересам, социальным и профессиональным взглядам. Наиболее характерные особенности такого коллектива отражаются в конкретных нравственно-библиотечных требованиях: создание престижа профессии, служение интересам библиотечного дела, забота о морально-психологическом климате, развитие профессионального мастерства сотрудников библиотеки, поддержание авторитета специалистов и т. д. Эти требования отражают вместе с тем и индивидуальные интересы библиотекаря» [2, с. 57].

В связи с этим возникает вопрос о корпоративной культуре библиотеки, неразрывно связанной с рассматриваемой проблемой. Итак, формирование концепции корпоративной культуры библиотек происходило в рамках формирования общей науки об управлении и связано с историческими этапами развития общества.

Исследователь в области корпоративной культуры библиотеки Е. М. Ястребова дает следующее определение: «Корпоративная культура – гетерогенное и достаточно сложное явление, включающее материальные, духовные и духовно-практические аспекты построения и управления организациями, создающее корпоративистский контекст функционирования и укрепления организации» [4, с. 29–30].

Корпоративная культура строится на основе определенных моделей поведения, приобретенных организацией в процессе адаптации во внешней среде и внутренней интеграции, показавших свою эффективность и разделяемых большинством членов организации.

В целом корпоративную культуру современных библиотек можно охарактеризовать следующим образом:

1. Формирование библиотек как общества людей с межличностными отношениями, следовательно, и межличностным общением;

2. Увеличение заинтересованности, мотивации и стимулирования эффективного труда через развитие различных форм «соучастия» работников в производственно-управленческих процессах, предоставление производственным подразделениям определенной автономности, локальной самостоятельности;

3. Превращение работника в «сохозяина» своего производства, когда он попадает в прямую зависимость от результатов своего труда, качества продукции и роста прибыли производственной деятельности;

4. В результате – формирование нового типа корпоративного поведения: работающий сам заинтересован в совершенствовании производства, собственности и в хозяйском отношении к ним, новаторской работе [2].

При рассмотрении взаимосвязи понятий, возникают следующие вопросы: как создать корпоративную культуру, способствующую результативной деятельности библиотеки и позволяющую занять ей достойное место в обществе? Как повысить эффективность межличностного общения в общей корпоративной культуре библиотеки?

Отвечая на поставленные вопросы, необходимо ещё раз отметить, что одним из главных

компонентов корпоративной культуры библиотеки является межличностное общение. Рассмотрение этого сложного процесса, в котором межличностное общение занимает одно из ведущих мест и рассматривается нами как часть корпоративной культуры, дает нам основание выделить в ее составе два базовых компонента: культура речи и культура общения. Обычно культура речи определяется как владение нормами устного и письменного литературного языка, а речевая культура – как соответствие индивидуальной речи нормам данного языка и умение использовать языковые средства в разных условиях общения. Говоря о культуре межличностного общения, необходимо учитывать не только способность личности к передаче информации посредством речевого общения, но и характер взаимодействия между участниками диалога, взаимовосприятие ими друг друга [3].

Мониторинг библиотек региона на предмет определения уровня межличностного общения дал нам определенные результаты для разработки системы подготовки специалистов в этом направлении. Инструментарием стала анкета, состоящая из закрытых и открытых вопросов с вариантами ответов. При проведении мониторинга нами были поставлены следующие задачи:

- выявить гражданское и общественное положение библиотечного специалиста;

- составить психологическую характеристику и обозначить особые акценты в уровне межличностного общения современного библиотекаря. В этой связи важным было определение коммуникабельности, активной жизненной позиции и профессиональных качеств библиотечного специалиста.

С помощью вопросов, касающихся профессиональной деятельности, мы выявили эмоциональную атмосферу в коллективе, уровень корпоративной культуры библиотекарей и уровень межличностного общения. Отвечая на вопрос: «Каков, на ваш взгляд, статус библиотечной профессии в обществе?», – большинство респондентов отметили понижение социального статуса библиотеки (51 %), повышение выделили всего лишь 14 %, «статус не меняется» – 33 %. Следующий вопрос определял личностные качества: «На ваш взгляд, какими личностными качествами должен обла-

дать современный библиотекарь?». Наибольшее количество голосов получили такие качества, как внимательность к читателю и в коллективе (63 %), коммуникативность, отзывчивость (61 %), межличностные отношения (48 %), социальная компетентность (30 %), скрупулезность (14 %).

Особое место среди вопросов занимали и те, которые выявляли уровень корпоративной культуры и особенности межличностного общения. Сотрудникам задавались следующие вопросы: «Довольны ли вы взаимоотношениями внутри вашего коллектива?», «Знаете ли вы нормы общения по вертикали (руководитель – подчиненный) и горизонтали (сотрудник – сотрудник)?»; «Что такое коммуникативные неудачи и как их избежать?»; «Как вы формируете свою корпоративную культуру?». Ответы на предложенные вопросы показали, что только 20 % из отвечающих задумываются над этим. Огромный интерес вызвал вопрос: «Довольны ли вы уровнем межличностного общения между библиотекарем и читателем, библиотекарем и библиотекарем, библиотекарем и руководителем?». Только 40 % ответили, что они довольны, так как не все библиотечные специалисты знают правила и формы общения.

Анализ результатов мониторинга библиотечных специалистов региона показал, что роль межличностного общения в библиотеке велика, она

влияет на формирование корпоративной культуры и общего морально-психологического климата в коллективе. Однако не все знают и умеют использовать эффективные приемы межличностного общения, и с этой целью нами разработана программа, включающая следующие разделы:

1. Орфоэпия и орфоэпические нормы современного русского языка.

2. Лексикология. Фразеология. Лексикография.

3. Речь и речевая культура специалиста библиотечно-информационной сферы.

В разделе первом специалистам библиотеки предлагаются задания, связанные с культурой речи, нормами современного литературного произношения, изучением динамического характера норм литературного языка, что очень важно в библиотечном общении.

Во втором разделе библиотечным специалистам представлены задания для усвоения лексических особенностей современного литературного языка, изучения фразеологической системы, знакомства со словарями современного языка.

Третий раздел подразумевает освоение норм речевого этикета, правил и приемов общения по горизонтали и вертикали, а также в процессе общения с читателями библиотеки.

Литература

1. Мугалова Ж. А. Корпоративная культура современной организации в условиях меняющегося общества // Вестн. МИЭП. – 2015. – № 3. – С. 79–89.
2. Туралина Н. А. Корпоративная культура библиотеки. – Белгород: БГИИК, 2013. – 110 с.
3. Туралина Н. А. Формирование риторического идеала и его роль в межличностном общении // Вестн. БГТУ им. Шухова. – Белгород, 2014. – № 4. – С. 44–47.
4. Ястребова Е. М. Корпоративная культура библиотеки: теория, история, современные тенденции. – М.: Литера, 2009. – С. 29–30.

References

1. Mugalova Zh.A. Korporativnaya kul'tura sovremennoy organizatsii v usloviyakh menyayushchegosya obshchestva [Corporate culture of the modern organization in the conditions of the changing society]. *Vestnik MIEP [The Messenger MIEP]*, 2015, no. 3, pp. 79-89. (In Russ.).
2. Turanina N.A. *Korporativnaya kul'tura biblioteki [Corporate culture of library]*. Belgorod, BGIK Publ., 2013. 110 p. (In Russ.).
3. Turanina N.A. Formirovanie ritoricheskogo ideala i ego rol' v mezhlchnostnom obshchenii [Formation of a rhetorical ideal and its role in interpersonal communication]. *Vestnik BGTU im. Shukhova [The Messenger of BGTU of Shukhov]*. Belgorod, 2014, no. 4, pp. 44-47. (In Russ.).
4. Yastrebova E.M. *Korporativnaya kul'tura biblioteki: teoriya, istoriya, sovremennye tendentsii [Corporate culture of library: theory, history, current trends]*. Moscow, Litera Publ., 2009, pp. 29-30. (In Russ.).

УДК 37.018+37.06

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Гусев Сергей Иванович, доктор медицинских наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: guss59@mail.ru

Кувшинов Юрий Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: physiolog@mail.ru

Актуальность исследования связана с особенностями актов агрессии в молодежной среде, необходимостью их научного анализа для целевой профилактики. В статье дан анализ причин и особенностей случаев нападения в школах на учащихся и преподавателей в образовательных учреждениях США и России. Указаны основные факторы, играющие роль в подготовке нападений и реализации самих актов агрессии. С точки зрения психологии и педагогики описаны особенности личности нападавших и роль психических отклонений в формировании агрессивного поведения и планируемых актов агрессии. Отражена роль общения нападавших в социальных сетях с публикацией планов, намерений по нападениям, приведена реакция самих нападавших и других лиц. Рассматриваются варианты возможного влияния публикаций, материалов о нападениях в средствах массовой информации, в зависимости от степени и вида подачи публикуемых данных, на частоту нападений и их рецидив. Определены особенности психологической и педагогической профилактики повторения актов агрессии в отношении обучающихся и преподавателей с указанием первоочередных мер, исходя из анализа личности нападавших и критичных ситуаций.

Ключевые слова: безопасность, обучающиеся, акты насилия, агрессия, нападение в школах, охрана школ, профилактика нападений, личность, психические отклонения.

SOCIAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF SAFETY OF TRAINEES AND TEACHERS AT THE EDUCATIONAL INSTITUTION

Gusev Sergey Ivanovich, Dr of Medical Sciences, Professor of Department of Sociocultural Activity, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: guss59@mail.ru

Kuvshinov Yuriy Aleksandrovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Department of Sociocultural Activity, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: physiolog@mail.ru

The relevance of the study is related to the characteristics of acts of aggression in the youth environment, the need for scientific analysis for targeted prevention. The article gives an analysis of the causes and peculiarities of attacks in schools on students and teachers. A comparative analysis of the most known cases of attacks in educational institutions of the United States and Russia was conducted. The main factors that play a role in preparing the attacks and realizing acts of aggression are indicated. From the point of view of psychology and pedagogy, the influence of the personality of the attackers and the role of mental deviations in the formation of aggressive behavior and planned acts of aggression are described. It reflected the alleged communication of attackers in social networks and the publication of plans and intentions for attacks on the attackers themselves and others. Possible variants of the possible impact of publications, materials on attacks in the media, depending on the degree and type of submission of published data on the frequency of attacks and their relapse are considered. Specific features of psychological and pedagogical prevention of the repetition

of acts of aggression against students and teachers, indicating the priority measures based on analysis of the identity of the attackers and critical situations, are determined.

Keywords: security, trainees, acts of violence, aggression, attacks in schools, protection of schools, prevention of attacks, personality, mental deviations.

В последнее время все больше появляется случаев (или они становятся известными) насильственных действий в школах, других образовательных учреждениях, что вызывает большой резонанс в обществе. Достаточно вспомнить, например, случай в США, штат Колорадо, школа «Колумбайн», 1999 год, а также многие другие и последний случай в штате Флорида в 2018 году. В России, по-видимому, отсчет подобных случаев, по крайней мере, ставших известными, следует считать с 2014 года, когда при нападении в школе № 263, г. Москва, был убит учитель, класс захвачен в заложники, а в дальнейшем убит один сотрудник полиции и ранен второй. По этому поводу была масса статей в средствах массовой информации, выступления представителей власти различного уровня. Разумеется, по аналогии с рецидивом подобных случаев в США, следовало бы ожидать повторения подобного и в России [1; 2; 3; 9; 10; 11; 12; 13]. В доступных публикациях не встречается подробного анализа личности преступников, грамотного анализа существующей ситуации и мотивов, способствующих совершению насилия, что и послужило причиной нашего исследования. С точки зрения педагогики и психологии следует проанализировать ряд особенностей и некоторые причины уже произошедших случаев и попытаться разработать ряд практических рекомендаций для адекватной и комплексной профилактики.

Вначале необходимо остановиться на ряде ключевых терминов и определений безопасности, оценке ряда мероприятий по профилактике эпизодов насилия. Пожары, массовые заболевания и отравления учащихся, чрезвычайные ситуации криминального характера, дорожно-транспортные происшествия, бытовые несчастные случаи – все это оборачивается невосполнимыми потерями жизни и здоровья обучающихся и персонала образовательных учреждений, тяжелыми психологическими травмами.

Обратимся к одному из основных определений: «Безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, обще-

ства и государства от внутренних и внешних угроз» (ст. 1 Закона РФ «О безопасности»). Система комплексной безопасности подразумевает состояние защищенности образовательного учреждения от реальных и прогнозируемых угроз социального, техногенного и природного характера, обеспечивающее его безопасное функционирование. Поэтому нет важнее задачи для образовательного учреждения, чем обеспечение безопасных условий проведения учебно-воспитательного процесса, которые предполагают гарантии сохранения жизни и здоровья обучающихся и преподавателей. Под обеспечением безопасности понимают планомерную систематическую работу по всему спектру направлений: организационному, информационному, агитационному, обучающему. С точки зрения практики целесообразно выделить три основных блока по безопасности в учреждении: 1) организация работы по обеспечению безопасности учебно-воспитательного процесса; 2) контроль выполнения требований локальных нормативно-правовых актов по безопасности; 3) взаимодействие межведомственное и внутри различных служб учреждения, оперативная информация по безопасности [1; 3; 4; 8; 11; 13].

И если с пожарной, технической антитеррористической безопасностью, охраной труда все относительно понятно, так как существует множество инструкций, научных, практических материалов, то с обеспечением личной безопасности и профилактикой угроз нападения на обучающихся и преподавателей все значительно сложнее. Это уже угрозы часто не извне, а внутри образовательного учреждения, отличающиеся спецификой мотивов, реализацией самих актов агрессии, что требует новых подходов для их предупреждения и грамотной локализации. Все эти мероприятия можно объединить под термином «социальная безопасность». Существуют различные определения понятия социальной безопасности. Социальная безопасность – состояние социальных взаимодействий и общественных отношений, которые исключают политическое, экономическое, духовное подавление личности и социальных групп,

применение насилия и вооруженных сил по отношению к ним со стороны государства и (или) других социальных субъектов для достижения своих целей. Второе определение больше подходит как рабочее в контексте изучаемой проблемы. Социальная безопасность – государственно-правовой институт, включающий действенный комплекс механизмов и структур по обеспечению и защите основ жизнеустройства, прав и свобод человека, устойчивого социального порядка, по сохранению правовых и нравственных ценностей [1; 3; 4; 8; 9].

Динамика современности требует изменения ряда подходов к обеспечению безопасности учащихся и сотрудников образовательных учреждений. В настоящее время охрана школ и других образовательных учреждений не решает вопросы безопасности обучающихся и преподавателей. Кроме того, охранные подразделения не входят в структуру учреждения, могут часто меняться и не всегда отличаются качеством подготовки сотрудников с учетом специфики образовательных учреждений. Это подтверждается многочисленными случаями нападения как в США, так и появившимися и ставшими известными в России. В некоторых публикациях средств массовой информации предполагается, что частные охранные фирмы, полиция или Росгвардия смогут решить эту проблему. С точки зрения практики и истории в США есть вооруженная полицейская охрана, тем не менее случаи жестоких нападений повторяются. Охрана и повышение ее качественного уровня – только один из компонентов всей системы безопасности. И если раньше основное внимание уделялось профилактике террористических актов, то случаи нападения самих учеников на других учащихся и преподавателей требуют совершенно иного подхода для профилактики.

Исходя из анализа некоторых наиболее известных случаев, можно попытаться найти закономерность и основные причины жестоких актов насилия. Самый известный и постоянно цитируемый случай в СМИ – это нападение в школе «Колумбайн» штата Колорадо. Когда два ученика школы Эрик Харрисон и Дилан Килболд 20.04.1999 (в день рождения А. Гитлера) совершили массовое нападение на школьников, пытались взорвать изготовленные бомбы, а затем расстреливали учеников. Существуют многочисленные материалы, посвященные расследо-

ванию этих событий. В 2015 году американские журналисты провели расследование и выяснили, что за полтора десятка лет «резню» в школе «Колумбайн» пытались повторить в американских школах 74 раза. В нападениях погибли 89 человек и 126 были ранены. В десяти случаях взявшиеся за оружие школьники в своих социальных сетях открыто цитировали убийц из «Колумбайна» или называли их мучениками. Более 14 нападений на школы в Америке были намечены на 20 апреля – годовщину первого «колумбайна». Теперь перед этим днем спецслужбы особенно тщательно мониторят социальные сети и подростков из группы риска. Еще одна характерная деталь: нападения очень избирательны по половому признаку и в 95 процентах случаев напавшие или планировавшие нападение на школы были юноши [2; 7; 16; 20].

Вызывает практический интерес книга «Колумбайн» Дейва Каллена о том, как массовое убийство в американской школе влияет на подростков по всему миру. Одна из цитат полностью относится к средствам массовой информации, когда своими публикациями они создают известность и, в какой-то степени, осуществляют рекламу жестоких актов насилия, описывая все подробности, представляя фото, видео, в том числе и интервью самих убийц. По-видимому, лучше не скажешь: «Их еще называют зрелищными убийствами. Все началось с нападений в школах, но постепенно люди поняли, что эти действия привлекают огромное внимание, становятся вирусными, и массовые нападения теперь происходят и в других местах... Повторяя имя убийцы, мы делаем из него звезду». Следующая цитата еще раз подтверждает вышесказанное: «Да, это распространенное явление. Подражатели учатся друг у друга, они видят в Эрике и Дилане отцов-основателей этого движения. Я был поражен количеством случаев (десять за 2013–2015 годы), когда нападавшие намеренно воссоздавали детали стрельбы в школе “Колумбайн”, цитировали слова Эрика и Дилана, одевались, как они, воспроизводили всю цепочку событий. Эрик и Дилан хотели сначала взорвать бомбы в школе, затем устроить стрельбу по убегающим из школы людям, а потом устроить второй взрыв, уже снаружи». Автор считает, что «существует крупное международное сообщество о массовых убийствах, серийных убийцах и похожих преступлениях. Оно называется ТСС – True Crime Community» [7, с. 20].

По поводу эффективности мер предупреждения. Не вызывает сомнений связь многих актов насилия с психическими расстройствами у большинства нападавших. Так, об этом пишет Дейв Каллен: «Очень важно психическое здоровье. Подавляющее большинство совершивших нападение людей страдали от клинической депрессии... с Эриком все сложнее – он был психопатом. К сожалению, выявить их своевременно невозможно, но среди массовых убийц они составляют всего 1 %, потому что психопаты чаще всего заняты, прежде всего, собой» [7, с. 20]. Исходя из сказанного следует, что инициатором нападения был имевший психические отклонения Э. Харрисон, а второй участник был подчиняем лидеру и выполнял роль «помощника». Данный момент прослеживается и во многих других случаях.

При анализе публикаций по событиям, происходящим в России, можно выделить одно из самых «известных» и жестоких. По имеющимся открытым сведениям это и есть первый случай жестокого нападения в школах России с применением огнестрельного оружия и погибшими людьми. В школе № 263, в районе Отрадное города Москвы, 3 февраля 2014 года десятиклассник Сергей Гордеев, вооружённый карабином и винтовкой, застрелил учителя географии, захватил в заложники своих одноклассников, а затем открыл огонь по прибывшим на место происшествия полицейским, убив сотрудника вневедомственной охраны и тяжело ранив патрульного. После переговоров, в которых участвовал отец преступника, подросток отпустил заложников и был задержан. По признаниям нападавшего, которые он высказал в ходе допросов, на совершение преступления его подтолкнуло желание доказать одноклассникам теорию «солипсизма», а затем покончить с собой. Якобы ещё в возрасте 10 лет он задумался о том, что «жизнь не имеет смысла, что мир – это иллюзия, сон» [15]. Эксперты Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского признали школьника С. Гордеева невменяемым и поставили ему диагноз «параноидная шизофрения». Решением суда он направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. В дальнейшем факт наличия психического заболевания не оспаривался. Однако адвокат потерпевших и родственники высказывали сомнения в невменяемости С. Гордеева, так как он «тщательно

спланировал и сознательно совершил нападение и убийства» [15].

Выступая 3 февраля 2014 года на заседании президентского Совета по культуре и искусству, Президент Российской Федерации Владимир Путин отреагировал на инцидент, назвав произошедшее трагедией, и призвал больше внимания уделять воспитанию подрастающего поколения. По мнению президента, трагедия могла бы не произойти, если бы должным образом было воспитано новое поколение зрителей с хорошим художественным вкусом, умеющих понимать и ценить театральное, драматическое, музыкальное искусство [15]. Также бывший министр образования России Дмитрий Ливанов заявил, что Министерство образования примет дополнительные меры безопасности после произошедшего. По его словам, в министерстве займутся анализом причины трагедии и будут стремиться к достижению абсолютной безопасности в школах [15]. Бывший в тот период Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка Павел Астахов призвал проверить безопасность во всех детских учреждениях [15]. Он заявил: «Считаю необходимым организовать с участием контрольно-надзорных и правоохранительных органов проверки состояния антитеррористической и антикриминальной безопасности во всех образовательных и детских организациях, обеспеченности их надлежащей охраной и видеонаблюдением, укомплектованности штатов детскими и подростковыми психологами, наличия и эффективности работы служб разрешения конфликтов, школьных инспекторов полиции» [15]. Все это происходило в 2014 году. В настоящее время отмечено повторение ряда случаев нападений в школах, с многочисленными пострадавшими. Пока мы не достигли размаха в США, но у них это началось в 1999, у нас только в 2014 году и, как показало время, случаи стали повторяться.

Конечно, следует тщательно проанализировать все подобные случаи, опыт профилактики в США и других странах. Практический опыт и история, публикации в СМИ говорят, что в образовательных учреждениях со стороны учащихся продолжают агрессивные и насильственные действия, угрозы различного характера в отношении других обучающихся и преподавателей. Следовательно, возможно повторение трагических событий.

Представляют практический интерес для анализа причин, мотивов и особенностей ситуаций нападения несколько публикаций в СМИ. Например, статья в газете «Московский комсомолец» – «Кровавое безумие» [5]. В ней высказывают свою точку зрения два наиболее известных ученых: заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии МГУ им. Ломоносова, профессор, доктор психологических наук Александр Тхостов и заведующий судебно-психологической лабораторией Московского областного центра судебно-психиатрической экспертизы, доктор психологических наук Виктор Гульдан: «Реальное усиление охраны не остановит подростковых убийц... профессионально пригодных психологов – 10 процентов... Дети очень жестоки. Они более жестоки, чем взрослые, потому что дети не понимают и не соразмеряют, какие следствия возникнут от их поступков... Сейчас в моду входит инклюзивное обучение. Это такая гуманная идея, что все дети (какие бы проблемы у них ни были) должны учиться вместе. Прежде ребенок с умственной отсталостью, с психопатическим поведением, агрессивностью, повышенной возбудимостью, нарушением внимания обучался отдельно. А теперь генеральная линия – всех учить вместе. Это очень гуманно, но благими намерениями вымощен путь в ад» [5]. Вне всякого сомнения, подростки с психическими нарушениями уже есть в школах, а если представить, что дети с нарушениями психики, обучающиеся в коррекционных школах, пойдут в общеобразовательные, то новый всплеск насилия неизбежен, а учебный процесс имеет шансы очень сильно измениться не в лучшую сторону.

В следующей статье «Московского комсомольца» – «Кровавое безумие 2» – приводится продолжение беседы с В. Гульдманом и А. Тхостовым. По их мнению, в школах «увеличивается число детей с раздражительностью, плохой памятью, быстрой утомляемостью и число, не способных адаптироваться в классе в силу психических отклонений. Эти дети требуют специального медико-психологического сопровождения. В современных условиях отсутствуют реальные инструменты для дифференцированного обучения детей с выраженной агрессией и нарушениями поведения... Инструмента воздействия нет,

чтобы выгнать какого-то агрессивного, который каждый день лупит детей, срывает уроки. Его обязаны обучать. Но как это сделать?» [6].

Один из самых спорных вопросов – способ подачи информации о случаях насилия, крайней жестокости, убийствах и т. д. в СМИ. Вызывает большие сомнения уже сам заголовок: «Резня в школах будет продолжаться» [6]. Этот подзаголовок статьи в «Московском комсомольце» можно расценивать, с точки зрения читателей-подростков, как призыв к повторению актов насилия. То же можно сказать по поводу заголовка публикации А. Ореха «Эпидемия резни», который пишет: «Сумасшедшие будут всегда. И на сто процентов ни от террористов, ни от маньяков, ни от придурков вы себя не обезопасите... Именно сейчас телевидение ведёт себя как преступная организация <...> Телевидение становится соучастником поножовщины и своим молчанием способствует будущим нападениям» [10]. Да, телевидение, Интернет и СМИ становятся участниками (вольными или невольными) этих событий. Только все подается по-разному. Разумеется, знать надо, но надо ли сообщать об этом с ужасными подробностями, с показом самих преступников, постоянно упоминая их имена, привычки, а иногда и цитируя их прямую речь?.. Это действительно преступно. По существу, с точки зрения психологии, СМИ в данном случае практически тиражируют негативный эффект, волну страха и способствуют реализации планов преступника, который хочет стать известным любыми путями. Если бы не было прямой или косвенной рекламы актов насилия и такого «внимания» к личности преступника или преступников, их «мировой известности», то вряд ли бы часть актов нападения состоялась.

Доктора психологических наук В. Гульдан и А. Тхостов считают, что «многократные показы резни, серийных убийц, рассказы про людоедство, педофилов и т. п. приводят: во-первых, к банализации зла, во-вторых, дают образцы поведения – особенно детям и подросткам, склонным к подражанию» [6]. Следовательно, многократный показ и обильная информация с фото- и видеосодержанием формирует все новых последователей для нападения, поэтому безусловна негативная роль информационной подачи актов насилия в СМИ с фактической «рекламой», тиражированием известности самого преступника.

Вне всякого сомнения феномен подражания известен в истории, в ряде криминальных событий и действий. Так, существует «героизация» преступников, стремление найти оправдательные мотивы в их действиях, «стокгольмский синдром» и повторение деталей различных преступлений с подражанием самим преступникам. К сожалению, в современных условиях этот эффект многократно усилен тиражированием информации в СМИ и сети Интернет. Это описано и на примере акта нападения в школе «Колумбайн» и на примере последних событий в России. Совершившие нападение в Перми подростки были подписаны в ВК на группы о Колумбайне, в Улан-Удэ их сверстник носил футболку с логотипом той же рок-группы, что носили «убийцы-колумбайнеры». Возможный ключ к пониманию происходящего дает анализ контента социальных сетей и создание групп определенной направленности: это и любимая подростками социальная сеть «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук» и другие, в том числе закрытые группы. Создавались так называемые «группы смерти», «сообщества А. У. Е.». В Сети существуют и создаются группы, посвященные «Колумбайну», с частым одобрением осуществленного нападения и убийств. Всего на тему американской трагедии «ВКонтакте» можно найти больше тридцати групп. Часть из них – открытые, другие – элитарные. Часть подростков приходит в такие сообщества за «мемами» на тему массового убийства и воспринимает содержимое групп исключительно как черный юмор. Часть – за документальной или псевдодокументальной информацией. Но есть и те, для кого «Дилан и Эрик – герои», которые «отомстили за всех нас» [2; 4; 6; 7; 14; 15; 17].

Часто в Сети и СМИ агрессоры оправдываются, выставляются, как якобы «невинные жертвы притеснения» со стороны учителей и сверстников. Однако всегда поражает несоизмеримость жестокости и позиционируемых, часто весьма спорных так называемых причин для нападений и убийств. Отсутствует реальный анализ причин и мотивов совершенных преступлений, нет акцентов на различных отклонениях личности и особенности поведения преступников. Например, учительница, ставшая жертвой нападения, пишет: «Я ставила ему двойки, но не только ему. А так

он троешником был. Получил оценку “неудовлетворительно” в конце четверти, в конце декабря. Теперь понимаю, что он целился в меня. Но если мстил мне, зачем начал рубить детей топором!?» [7; 12; 17; 19]. Как можно все это оправдать? И как об этом пишут СМИ – просто поражает!

Следует констатировать, что в дальнейших публикациях нет ни упоминания о негативных последствиях для нападавших, ни четкой квалификации последствий этих событий. Резонанс существует только при подаче самого акта насилия, «жареных фактов», «выискивается вина педагогов», «общества», в то время как глубокий анализ личности преступника, часто имеющего психические отклонения, аморальные и асоциальные поступки, взгляды – для журналистов малоинтересен. В отдельных публикациях упоминается, что «реальные правовые инструменты, ограждающие от агрессивных сверстников, отсутствуют» [7; 19].

В существующем законодательстве есть большие пробелы, наличие которых ставит под удар всех без исключения детей, преподавателей. А в практике применения законодательства в отношении подростков-преступников трудно найти прецеденты своевременного и адекватного наказания за совершаемые правонарушения и преступления. Возрастной ценз уголовной ответственности с 14 лет, с точки зрения уголовной практики, спланированных жестоких убийств и насилия, требует неотложного пересмотра в сторону уменьшения. Это, исходя из ранней социализации личности, возможности планировать, осознавать акты насилия и, следовательно, отвечать за свои действия, в большинстве случаев будет способствовать сокращению эпизодов насилия. Ранняя реальная ответственность, своевременное и адекватное наказание позволит задуматься и корректировать поведение подростков. «Я могу еще четыре года так чудить. И меня никто в тюрьму не посадит!» – сказал оперативникам десятилетний ребенок из российской глубинки, убивший своего отчима консервным ножом. И это не единичный эпизод. Он абсолютно прав. Статья 20 УК РФ устанавливает уголовную ответственность подростков с 16, а за наиболее тяжкие и особо тяжкие преступления – с 14 лет [4; 13; 14; 19].

«Наши партнеры», как называет президент РФ В. В. Путин США, в этом плане продвинулись

значительно вперед в реформах законодательства и правовых решениях в подобных случаях. Так, одиннадцатилетний житель штата Пенсильвания Джордан Браун, который застрелил беременную невесту своего отца, получил пожизненный срок без права досрочного освобождения. Аналогичный приговор вынесли в отношении двенадцатилетнего Кристиана Фернандеса (штат Флорида), убившего своего двухлетнего брата. Жесткость судебного решения продиктована стремлением защитить людей от юного убийцы. Вне всякого сомнения, возрастные границы современного подростка резко меняются и, следовательно, должна меняться административная и уголовная практика. Уже в раннем возрасте подросток осознает противоправность, частую жестокость своих действий, но отсутствие адекватных ответных мер не формируют рамки ограничения и ответственности, а в дальнейшем это приводит к эскалации насилия и отсутствию уважения, желания соблюдать закон и морально-этические принципы [18; 19].

В заключение следует еще раз определить приоритеты безопасности обучающихся, преподавателей, всего персонала образовательных учреждений, что требует совершенно иных подходов в современных условиях. С точки зрения практики это, конечно, личная ответственность самих подростков: в этом возрасте они уже вполне достигли социальной зрелости, осознания жесткости и неправомерности своих планируемых или реализуемых актов насилия. И возлагать основную ответственность на родителей, школу, других лиц совершенно неправильно. Необходимо знание контингента обучающихся, их неформальных увлечений, социально-психологических особенностей личности. Сравнительный анализ случаев нападения на учеников и преподавателей в школах, других образовательных учреждениях показывает, что их можно разделить на преступления корыстного и насильственного характера. С корыстными преступлениями все проще – это кражи, мошенничество и другие эпизоды, в которых основным мотивом выступает приобретение материальных ценностей или денег. С насильственными преступлениями гораздо сложнее, они имеют различные мотивы причинения жертве телесных, психических травм или лишения ее жиз-

ни. Отмечается особая жестокость в молодежной среде и среди лиц с психическими нарушениями. Когда сочетаются оба фактора – отклонения личности, нарушения поведения с критической ситуацией – и присоединяется третий – «пусковой фактор» (или по типу «последней капли», или оправдание своих поступков с псевдогероизацией в сети Интернет), происходит переход от планов к реализации насилия. Личный контакт с учащимися, их родителями, постоянный мониторинг социального статуса обучающегося, анализ социальной активности в Сети, посещаемые группы, позволяют своевременно реагировать на планируемые акты насилия. Культура, мораль, нравственность в воспитании и искусстве как альтернатива насилию – это направление должно существовать как неотъемлемая часть учебного процесса. Необходимо обратить основное внимание на две крайние категории подростков: это или агрессивные лидеры, или лица, подвергающиеся нападкам сверстников, выступающие практически в роли «жертвы». И те, и другие представляют опасность в совершении агрессивных поступков только по разным мотивам и разными способами. Необходимо выделение группы риска среди обучающихся с поведенческими нарушениями в прошлом, склонных к временным срывам и неустойчивым психологическим состояниям, с моральными, социально-психологическими кризисами, с эпизодами употребления алкоголя и психоактивных веществ, подростков, отличающихся асоциальной активностью, склонностью к агрессии и провоцирующим формам поведения в социальных сетях. Следует знать и помнить о различных датах и символических актах в различные периоды, к которым и приурочиваются акты агрессии. Это, например, день рождения Гитлера, лично значимые даты для подростка, даты, в которые уже совершались нападения на школы. Главное – обмен информацией и ее анализ. Это сведения от преподавателей, учащихся, других источников об изменениях поведения, асоциальных поступках. Требуется срочно решать вопросы с психологической подготовкой учителей и подготовкой профессионально грамотных школьных психологов со знанием клинической психологии личности и методик профилактики нарушений развития и отклоняющегося поведения у обучающихся.

Вызывает огромный интерес и поддержку следующая цитата. *«Единственный доступный метод минимизации подобных асоциальных проявлений жестокости – это умение выявлять подобные девиации у детей и подростков. Всей системе нужно прекратить изображать деятельность, а надо ей заняться. Сделать так, чтобы работа педагога состояла не только из написания бесконечных бумаг, в страхе остаться без стимулирующей части зарплаты из-за плохих показателей»* (Николай Шабуневич, учитель, Екатеринбург, 20.01.18).

Выводы

1. Необходимо изменить законодательные акты: понизить возраст административной и уголовной ответственности за угрозы и насилие для подростков, в том числе и в учебных заведениях; снизить возраст уголовной ответственности для подростков за тяжкие и особо тяжкие преступления; рассматривать такие дела в индивидуальном порядке с комплексной экспертизой, с решением вопросов о возможности осознавать свои действия и руководить ими.

2. Внедрить в практику современные методики социального и психологического изучения личности учащихся и сотрудников с анализом психологических рисков и нарушений поведения с реализацией на практике индивидуального подхода. Выделить критерии группы риска сре-

ди обучающихся и обеспечить своевременную и адекватную правовую, психологическую и медицинскую помощь потенциальным правонарушителям с введением программ специальной психологической подготовки педагогов и клинических психологов в образовательных учреждениях.

3. Обеспечить своевременное реагирование на полученную информацию об угрозах безопасности, постоянный мониторинг информации среди учащихся и сотрудников с анализом доступной информации в социальных сетях, своевременной реакцией на угрозы и планы актов насилия.

4. Изучить причины, мотивы и все обстоятельства ранее происходивших случаев нападений и насилия с профессорско-преподавательским составом для целевой профилактики, информирования, предупреждения и правильных действий при возникновении угроз насилия и нападений.

5. Улучшить качество подготовки сотрудников службы безопасности с проведением занятий по профилактике не только террористической опасности, но и с изучением особенностей профилактики случаев нападения учеников, с анализом конкретных примеров и специфики действий службы безопасности в каждом конкретном случае. Провести психологическую подготовку сотрудников с изучением основ профайлинга и особенностей психологии личности правонарушителей.

Литература

1. Анатолий Выборный: «Резня в Перми доказала – стандарты безопасности для школ должны быть внедрены по всей России» [Электронный ресурс]: интервью // Парламент. газ.: электрон. период. изд. – URL: <https://www.pnp.ru/social/anatoliy-vybornyuy-reznya-v-permi-dokazala-standarty-bezopasnosti-dlya-shkol-dolzhen-byt-vnedreny-po-vsey-rossii.html> (дата обращения: 26.02.2018).
2. Горбаткова О. И. Проблема насилия в школах в зеркале современных российских медиа // Медиаобразование=MediaEducation. – 2017. – № 4. – С. 189–205.
3. Иванченко Р. Б., Соловьев В. С. Современные подходы к определению и классификации школьного насилия // Вестн. ВИ МВД России. – 2014. – № 3. – С. 128–132.
4. Как остановить насилие в школах [Электронный ресурс] // Парламент. газ.: электрон. период. изд. – URL: <https://www.pnp.ru/social/kak-ostanovit-nasilie-v-shkolakh.html> (дата обращения: 26.02.2018).
5. Минкин А. Кровавое безумие [Электронный ресурс] // МК.ru: электрон. период. изд. – URL: <http://www.mk.ru/social/2018/01/21/krovavoe-bezumie.html> (дата обращения: 26.02.2018).
6. Минкин А. Кровавое безумие-2 [Электронный ресурс] // МК.ru: электрон. период. изд. – URL: <http://www.mk.ru/social/2018/01/23/krovavoe-bezumie2.html> (дата обращения: 26.02.2018).
7. Нисифоров Д., Иванов А. Нападение на школу в Бурятии: подросток, устроивший бойню в бурятской школе, в соцсетях назвался именем фашиста [Электронный ресурс] // Комсомольская правда в Иркутске: электрон. период. изд. – URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/26784.5/3818411> (дата обращения: 26.02.2018).
8. О безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Консультант Плюс: справ.-прав. сист. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 26.02.2018).

9. Одиноцова М. А. Насилие в школах и колледжах столицы // Мониторинг общественного мнения: экон. и соц. перемены. – 2015. – № 2 (125). – С. 181–190.
10. Орех А. Эпидемия резни [Электронный ресурс] // Радиостанция «Эхо Москвы»: сайт. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/oreh/2132170-echo/> (дата обращения: 26.02.2018).
11. Особенности буллинга и моббинга в России / О. А. Морозов [и др.] // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2010. – № 6. – С. 262–263.
12. Петросьянц В. Р. Проблема буллинга в современной образовательной среде // Вестн. ТГПУ. – 2011. – Вып. 6. – С. 151–154.
13. Предотвращение насилия в образовательных организациях: информ.-метод. пособие для рук. и пед. раб. общеобразоват. организаций / под ред. Л. А. Глазыриной. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2016. – 136 с.
14. Серков Д., Холмогорова В. Подростковая угроза: с чем связана серия нападений в российских школах [Электронный ресурс] // РБК: информ. агентство. – URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2018/5a620f959a79475dfd56b4b0> (дата обращения: 26.02.2018).
15. Стрельба в школе № 263 [Электронный ресурс] // Википедия: свобод. энцикл. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Стрельба_в_школе_№_263 (дата обращения: 26.02.2018).
16. «Тупо колумбайнер». Как группы смерти сменились группами убийств и при чем здесь нападения на школы [Электронный ресурс] // 66.ru: сайт. – URL: <https://66.ru/news/society/207372/> (дата обращения: 26.02.2018).
17. Уроки насилия: о том, можно ли побороть вспышки насилия у подростков [Электронный ресурс] // Газета.Ру: электрон. период. изд. – URL: https://www.gazeta.ru/comments/2018/01/19_e_11618534.shtml (дата обращения: 26.02.2018).
18. Школа насилия: антибуллинговые программы приоткроют дверь в тайную жизнь подростков и спасут их от агрессии и жестокости [Электронный ресурс] / Е. Лория [и др.] // Известия.ru: портал. – URL: <https://iz.ru/701940/elena-logiia-nataliia-berishvili-angelina-galanina/shkola-nasiliia> (дата обращения: 26.02.2018).
19. Ямбург Е. Бессильные перед психопатами: как защитить своих детей [Электронный ресурс] // МК.ру: электрон. период. изд. – URL: <http://www.mk.ru/social/2018/01/23/bezzashhitnye-pered-psihopatami-kak-zashhitit-svoikh-detey-v-shkolakh.html> (дата обращения: 26.02.2018).
20. Cullen D. Columbine. – Twelve, 2009. – 464 p.

References

1. Anatoliy Vybornyy: «Reznya v Permi dokazala – standarty bezopasnosti dlya shkol dolzhny byt' vnedreny po vsej Rossii» [The massacre in Perm proved - the safety standards for schools should then be introduced throughout Russia]. *Parlamentskaya gazeta: elektronnoe periodicheskoe izdanie [Parliamentary Newspaper: electronic periodical]*. (In Russ.). Available at: <https://www.pnp.ru/social/anatoliy-vybornyy-reznya-v-permi-dokazala-standarty-bezopasnosti-dlya-shkol-dolzhny-byt-vnedreny-po-vsey-rossii.html> (accessed 26.02.2018).
2. Gorbatkova O. Problema nasiliya v shkolakh v zerkale sovremennykh rossiyskikh media [The problem of violence in schools in the mirror of the modern Russian media television]. *Mediaobrazovanie [Media education]*, 2017, no. 4, pp. 189-205. (In Russ.).
3. Ivanchenko R.B., Soloviev V.S. Sovremennye podkhody k opredeleniyu i klassifikatsii shkol'nogo nasiliya [Modern approaches to the definition and classification of school violence]. *Vestnik VIMVD Rossii [Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2014, no. 3, pp. 128-132. (In Russ.).
4. Как остановить насилие в школах [How to stop violence in schools]. *Parlamentskaya gazeta: elektronnoe periodicheskoe izdanie [Parliamentary Russia newspaper electronic periodical]*. (In Russ.). Available at: <https://www.pnp.ru/social/kak-ostanovit-nasilie-v-shkolakh.html> (accessed 02.26.2018).
5. Minkin A. *Krovavoe bezumie [Bloody madness]*. (In Russ.). Available at: <http://www.mk.ru/social/2018/01/21/krovavoe-bezumie.html> (accessed 26.02.2018).
6. Minkin A. *Krovavoe bezumie-2 [Bloody madness-2]*. (In Russ.). Available at: <http://www.mk.ru/social/2018/01/23/krovavoe-bezumie2.html> (accessed 26.02.2018).
7. Nisiforov D., Ivanov A. Napadenie na shkolu v Buryatii: podrostok, ustroivshiy boynyu v buryatskoy shkole, v sotssetyakh nazvalsya imenom fashista [Attack on the school in Buryatia: a teenager who organized a carnage in the Buryat school, in social networks was named after the fascist]. *Komsomol 'skaya pravda v Irkutske: elektronnoe periodicheskoe izdanie [Komsomolskaya Pravda in Irkutsk: electronic periodical]*. (In Russ.). Available at: <https://www.irk.kp.ru/daily/26784.5/3818411> (accessed 26.02.2018).
8. *O bezopasnosti [On security]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (accessed 26.02.2018).

9. Odintsova M.A. Nasilie v shkolakh i kolledzhakh stolitsy [Violence in schools and colleges of the capital]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2015, no. 2 (125), pp. 181-190. (In Russ.).
10. Orekh A. Epidemiya rezni [Epidemic of Massacre]. *Radiostantsiya «Ekho Moskvy»* [Radio station "Echo of Moscow"]. (In Russ.). Available at: <https://echo.msk.ru/blog/oreh/2132170-echo/> (accessed 26.02.2018).
11. Osobennosti bullinga i mobbinga v Rossii [Features of bullying and mobbing in Russia]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Actual problems of aviation and cosmonautics], 2010, no. 6, pp. 262-263. (In Russ.).
12. Petrosyants V.R. Problema bullinga v sovremennoy obrazovatel'noy srede [The problem of bullying in the modern educational environment]. *Vestnik TPGU* [Bulletin of TSPU], 2011, iss. 6, pp. 151-154. (In Russ.).
13. *Predotvrashchenie nasiliya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh: informatsionno-metodicheskoe posobie dlya rukovoditeley i pedagogicheskikh rabotnikov obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy* [Prevention of a tool of violence in educational organizations: an information and methodical manual for managers and pedagogical workers of general education organizations]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Publ., 2016. 136 p. (In Russ.).
14. Serkov D., Kholmogorova V. *Podrostkovaya ugroza: s chem svyazana seriya napadeniy v rossiyskikh shkolakh* [Teenage threat: what is the reason for a series of attacks in Russian schools]. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2018/5a620f959a79475dfd56b4b0> (accessed 26.02.2018).
15. *Strel'ba v shkole № 263* [Shooting at school № 263]. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Стрельба_в_школе_№_263 (accessed 26.02.2018).
16. *Тупо kolumbayner". Kak gruppy smerti smenilis' gruppami ubiystv i pri chem zdes' napadeniya na shkoly* ["Stupid columbayer". As the groups of deaths were replaced by groups of murders and what have attacks on schools here]. (In Russ.). Available at: <https://66.ru/news/society/207372/> (accessed 26.02.2018).
17. *Uroki nasiliya* [Lessons of violence: about whether it is possible to overcome outbreaks of violence among adolescents]. (In Russ.). Available at: https://www.gazeta.ru/comments/2018/01/19_e_11618534.shtml (accessed 26.02.2018).
18. *Shkola nasiliya* [School of violence: anti-bullying programs will open the door to the secret life of adolescents and save them from aggression and cruelty]. (In Russ.). Available at: <https://iz.ru/701940/elena-loriia-nataliia-berishvili-angelina-galanina/shkola-nasiliia> (accessed 26.02.2018).
19. Yamburg E. *Bessil'nye pered psikhopatami: kak zashchitit' svoikh detey* [Powerless before psychopaths: how to protect their children]. (In Russ.). Available at: <http://www.mk.ru/social/2018/01/23/bezzashhitnye-pered-psikhopatami-kak-zashchitit-svoikh-detey-v-shkolakh.html> (accessed 26.02.2018).
20. Cullen D. *Columbine*. Twelve Publ., 2009. 464 p. (In Engl.).

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ПЕРИОД ЮНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Белогай Ксения Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии развития, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово РФ). E-mail: belogi@mail.ru

Бугрова Наталья Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, магистрант, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: ametist23.28@mail.ru

В статье рассматривается психолого-педагогическая проблема формирования образа будущего в период юности в процессе профессионального образования. Актуальность изучения проблемы определяется тем, что в условиях быстроизменяющейся реальности, глобализации, динамичности информационных, социально-экономических, культурных процессов, эклектичности ценностных установок нарушаются процессы психического и личностного развития. В сфере профессионального образования выдвигаются требования к формированию компетентного, свободно владеющего своей профессией специалиста, способного быть стратегом своего профессионального и жизненного пути в целом.

В то же время обучение планированию будущего, построению собственной временной перспективы проводится пока на уровне отдельных разработок и на сегодняшний день не стало особым направлением профессиональной подготовки будущего специалиста и частью социальной практики.

Цель настоящей статьи выделить наиболее значимые аспекты проблемы формирования образа будущего и обозначить ключевые основания разработки программы психолого-педагогического сопровождения формирования образа будущего в юношеском возрасте в процессе профессионального образования. В ходе проведённого анализа философско-методологических, теоретических, методических подходов, а также требований к специалисту, представленных в государственных документах, выявлены наиболее очевидные аспекты проблемы: дефицит педагогических разработок, несформированность и неопределённость системы понятий, относящихся к представлениям будущего, наличие субъективного компонента, индивидуальной вариативности в представлениях о будущем. Вместе с тем обоснована целесообразность применения понятия «образ будущего» как понятия функционального в отношении изучения представлений о будущем в юношеском возрасте, предпринята попытка определения данного понятия наряду с понятием «формирование образа будущего», намечены некоторые ключевые основания разработки содержательной и технологической сторон программы психолого-педагогического сопровождения. Подчёркивается особая значимость формирования конструктивного образа будущего для профессионала в сфере «Человек – Человек», прежде всего для будущего педагога.

Ключевые слова: образ, образ будущего, профессиональное образование, профессиональное становление, жизненный путь, проектирование, юношеский возраст.

FORMING THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE PERIOD OF YOUTH AS A PROBLEM OF PROFESSIONAL EDUCATION

Belogay Kseniya Nikolaevna, PhD in Psychology, Associate Professor of Department of Acmeology and Developmental Psychology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: belogi@mail.ru

Bugrova Natalya Anatolyevna, PhD in Philosophy, Associate Professor of Department of Psychology and Pedagogy, Kemerovo State University of Culture, Graduate Student, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ametist23.28@mail.ru

The article considers the psychological and pedagogical problem of forming the image of the future in the period of youth in the process of professional education. Today we live in a rapidly changing world, globalization, dynamism of information, and eclectic values. All this leads to disruption of the processes of personal development. In the sphere of vocational education, demands are made for the formation of a competent specialist, capable of being a strategist of his own professional and life path in general. But learning to construct the future to date has not become a special area of professional training for the future specialist and part of social practice. All this determines the urgency of studying the stated problem.

The aim of the article is to highlight the most significant aspects of the problem of forming the image of the future and to designate the key prerequisites for the development of a program of psychological and pedagogical support of forming the image in the period of youth in the process of professional education. The analysis of philosophical-methodological, theoretical, methodical approaches, requirements for a professional made it possible to identify the most obvious aspects of the problem: shortcoming of pedagogical research, uncertainty of the system of concepts related to the ideas of the future. The expediency of applying the concept of “the image of the future” as a functional concept for studying the ideas about the future in youth is grounded. Some key principles for the development of the content and technological aspects of the psychological and pedagogical support program are outlined. The special significance of forming a constructive image of the future for a professional in the sphere of “Man-Man”, above all for the future teacher is emphasized.

Keywords: image, image of the future, professional education, professional formation, life path, designing, youthful age.

На сегодняшний день в нашей стране и в мире в целом сложилась непростая социально-экономическая и культурная ситуация. Масштабность перемен, ускорение темпов жизни, стремительно протекающие трансформационные процессы затрагивают все сферы бытия человека, что неизбежно сопровождается переменами в духовной сфере общества, приводит к изменению восприятия человеком времени, нарушает внутреннее равновесие, оказывает разрушительное воздействие на психическое и личностное развитие.

В сфере образования обсуждается проблема модернизации на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным, а также *перспективным потребностям личности*, общества и государства. Вместе с тем всё более проблематичным становится вопрос «чему и зачем учить» в динамично изменяющейся реальности, в условиях эклектичности и неопределённости ценностных предпочтений современного молодого поколения.

Учитывая возрастные особенности юношества, отметим, что именно юношеский возраст соотносится с расширением временного горизонта – будущее становится главным измерением. По мысли Л. И. Божович, обращённость в будущее, построение жизненных планов и перспектив представляет собой «аффективный центр» жизни юности. Однако современная ситуация профессионального становления и развития не вполне обеспечивает обозначенные личностные потребности. По словам современных исследователей, в условиях быстроменяющейся действительности, когда получаемые знания, умения, навыки уже в кратчайшей перспективе могут оказаться несоответствующими актуальному положению вещей в сфере их приложения, важнейшей задачей образования является формирование таких качеств, которые обеспечат личности возможность быстро адаптироваться, развиваться и совершенствоваться. В связи с этим сегодня особо подчёркивается значение способности человека быть стратегом собственной деятельности и жизнедеятельности, выстраивать жизненный план, используя свои лучшие ресурсы [2; 9; 14].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы выделить наиболее значимые аспекты про-

блемы формирования образа будущего и обозначить ключевые основания разработки программы психолого-педагогического сопровождения формирования образа будущего в период юности в процессе профессионального образования. Соответственно, центральным феноменом изучения будет являться образ будущего и, более конкретно, философско-методологические, теоретические подходы, а также психолого-педагогические практико-ориентированные разработки по проблеме формирования образа будущего в юношеском возрасте в процессе профессионального образования.

Наметим одно из ключевых противоречий, обуславливающих весь дальнейший дискурс заявленной темы и, собственно, проблему формирования образа будущего в юношестве. С одной стороны, объективен «запрос» социальной реальности на квалифицированного специалиста, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией, готового к постоянному личностному и профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности, способного быть стратегом собственной деятельности и жизнедеятельности. С другой стороны, очевидно, что формирование этих качеств, представлений о будущем, о собственной временной перспективе, планирование будущего как особый системный процесс и особое направление работы ещё не стало частью социальной практики, в том числе в образовательных учреждениях среднего и высшего образования. Таким образом, можно констатировать актуальность и значимость изучения проблемы формирования образа будущего в юношеском возрасте в процессе профессионального образования.

Следуя логике научного анализа, степень изученности заявленной проблемы изложим, начиная с наиболее широких философско- и научно-методологических подходов. В сфере философского знания, в концепциях представителей неклассической философии сегодня подчёркивается ведущая роль категории «возможность» в сравнении с классическими категориями «необходимость» и «действительность» [24]. Личность понимается как феномен смыслопорождения, наделенный атрибутами процессуальности, неза-

вершенности, потенциальности, бесконечности¹. Симптоматично, что в 1965 году американский футуролог и публицист Э. Тоффлер впервые употребляет термин «шок будущего» для описания «разрушительного стресса и дезориентации, которые вызывают у индивидов слишком короткое время» [20, с. 16]. В своей работе «Шок будущего» исследователь поднимает проблему образования, нацеленного на перемены, изучает возможности адаптации, подготовки людей к будущему.

В плане конкретно-научных разработок следует принять во внимание ряд подходов, которые позволяют глубже осознать сущность самого феномена образа будущего, выработать четкие практико-ориентированные положения. К таковым подходам следует отнести культурно-исторический (Л. С. Выготский), историко-эволюционный (А. Г. Асмолов), деятельностный (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. А. Петровский), когнитивный (Дж. Келли, А. Бандура, Дж. Роттер) подходы. При этом одной из ключевых является концепция С. Л. Рубинштейна, в которой разработана совершенно новая для своего времени (50-е годы XX столетия) парадигма философской антропологии и онтологии, позволившая обозначить проблему Человека в Мире [17]. В свою очередь, это дало возможность подойти к проблеме субъективного времени, ранее исключавшейся по идеологическим соображениям.

Столь же важно учитывать и формирующиеся сегодня новые, по сути, междисциплинарные направления исследований. Так, учёные – разработчики системно-антропологической психологии, в частности, В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, ориентируясь на постнеклассический идеал рациональности, в центр исследований ставят феномены «многомерного мира человека», «многомерного пространства жизни» и такие характеристики сознания, как хронотопичность, дальное действие, континуальность [6, с. 12–13].

¹ Так, в работе «Философия возможного» М. Н. Эпштейном проводится идея о радикальной смене парадигмы философствования, осмысления, понимания и объяснения. По словам исследователя, «в наши дни рационалистический активизм, переживший в конце XX столетия кризис “научно-рационалистического” преобразования природы и общества, сменяется преимущественно пессимистским модусом осмысления» [24, с. 151–152].

В теоретическом плане разработка проблемы формирования образа будущего соотносится в первую очередь с ключевыми положениями, касающимися образа как базовой психологической категории и важнейшего компонента психической жизни. Здесь авторитетными являются труды Л. С. Выготского, А. А. Потебни, А. А. Ухтомского, Ж. Пиаже, М. М. Бахтина, А. Н. Леонтьева, С. Д. Смирнова, А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского [13; 18].

Исследования П. К. Анохина, Б. Ф. Ломова, Е. Н. Суркова, В. М. Русалова положили начало разработке идеи о системном, многоуровневом характере антиципации как фундаментальной способности человека к опережающему отражению, что важно учитывать при организации прогностической деятельности в процессе профессионального образования [16].

В ряде исследований представления о будущем рассматриваются в контексте проблематики жизненного пути личности, личностной организации времени жизни. Наиболее авторитетными представителями данного направления исследований в отечественной и зарубежной психологии являются С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, К. А. Абульханова-Славская, Ж. Нюттен, К. Левин [1; 11; 17]. Так, в работе «Время личности и время жизни» К. А. Абульханова в соавторстве с Т. Н. Березиной многогранно анализируют проблему личностной организации времени в системе темпоральных понятий. «Организация времени» является одним из ключевых понятий в данном подходе, развернутом в целой серии эмпирических исследований, в том числе посвященных способам планирования будущего и их связи с возможной реализацией планов [1].

Кроме того, проблема формирования образа будущего в настоящее время интенсивно разрабатывается и на уровне диссертационных исследований. За последние годы, особенно с начала 2000-х и по настоящее время, защищены кандидатские диссертации, где образ будущего многопланово соотносится с разными личностными свойствами, в том числе с Я-концепцией, картиной мира (Е. В. Разгоняева, Е. Б. Быкова), мотивацией к саморазвитию (А. А. Тихонова). Изучаются личностные детерминанты ответственного отношения личности к созданию образа своего будущего (Т. Е. Федосеева). Особое внимание уде-

ляется развитию целеполагания (А. В. Жилинская), становлению временной перспективы (Е. А. Медовикова), изучению ценностно-смысловых предикторов сбалансированной временной перспективы личности студентов (О. А. Проконич), формированию ценностной перспективы образа возможного «Я» в ранней юности (К. М. Щербакова)².

В соответствии с заявленной проблемой особое значение приобретает технологический компонент формирования образа будущего в процессе профессионального становления юноши. На сегодняшний день известен ряд практико-ориентированных методических разработок и апробированных программ. Так, в начале 1990-х А. А. Кроник, Б. М. Левин, А. Л. Пажитнов разработали программу LifeLine («Линии жизни») – компьютерную версию каузометрии как метода анализа и проектирования жизненного пути. Один из вариантов использования данной программы предложен в исследовании Д. А. Леонтьева и Е. В. Шелобановой, где подчёркивается, что конструирование возможных вариантов будущего является одним из ключевых звеньев процесса самодетерминации в ситуации личного выбора [7].

Определение жизненных планов, временной перспективы будущего, способности к целеполаганию, создание условий для изменения ценностного отношения учащихся к своей жизни, формирование личной ответственности за своё поведение, стимулирование продуктивных моделей поведения – ключевые направления практико-ориентированных программ, разработанных Н. Н. Толстых, Т. Н. Осиповой, С. А. Захаровой, З. З. Утягановой на базе таких образовательных учреждений, как школа, лицей профессионального образования, университет [5; 19; 21]. В частности, в исследовании З. З. Утягановой, проведённом на базе Кумертауского филиала ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», утверждается положение о проектировании «образа будущего» как необходимом условии самореализации студента вуза [21]. Особую значимость имеет разработка специальных методов, направленных на обучение человека правильному

мышлению. Здесь подчеркнём значение метода рациональной психотерапии и антиципационного тренинга, предложенного группой казанских ученых под руководством В. Д. Менделевича. Так, в исследовании О. И. Даниленко и О. И. Юревич рассматривается взаимосвязь уровня антиципационной состоятельности с уровнем экзистенциальной исполненности и её компонентов. Результаты исследования позволили авторам рекомендовать использовать их в практике консультирования и тренинге с целью оказания людям помощи эффективнее преодолевать жизненные трудности благодаря более взвешенному и реалистическому восприятию грядущих событий [4].

Ссылаясь на государственные документы, обратимся прежде всего к федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», где даётся определение ключевого по нашей теме понятия профессионального образования. В статье 2 настоящего закона профессиональное образование определяется как «вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности» [22].

В данном определении нас интересует та его часть, которая имеет наиболее непосредственное приложение к практике будущего специалиста в той или иной области деятельности, а именно – *возможность вести профессиональную деятельность*. И здесь недостаточно ограничиться только требованиями образовательных стандартов. Более чёткое понимание требований конкретной профессии, подробная характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления той или иной профессиональной деятельности представлена в других государственных документах – Профессиональных стандартах. В этом плане целесообразно было бы проанализировать Профессиональные стандарты с точки зрения наличия тех требований, которые, так или иначе, относятся к формированию представлений о будущем у специалиста в своей области деятельности. Однако мы не можем охватить все имеющиеся на сегодняшний день Профессио-

² Здесь в скобках приведены авторы отдельных диссертационных исследований за период с 2003 по 2016 годы.

нальные стандарты и в качестве примера возьмём Профессиональный стандарт «Педагог» (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель) [15]. Обращает на себя внимание, значимость действий и умений педагога, так или иначе направленных на будущее. Ссылаясь на стандарт, приведём здесь ряд таких умений: «проектирование ситуаций и событий, развивающих эмоционально-ценностную сферу ребёнка», «проектирование психологически безопасной и комфортной образовательной среды», «проектирование и реализация воспитательных программ», «развитие у обучающихся познавательной активности, самостоятельности, инициативы, творческих способностей, формирование гражданской позиции, способности к труду и жизни в условиях современного мира, формирование у обучающихся культуры здорового и безопасного образа жизни».

Подводя итог степени разработанности проблемы, отметим, что все представленные выше подходы, а также требования, обозначенные в государственных документах, позволяют выделить важнейшие аспекты проблемы формирования образа будущего в процессе профессионального образования и, вместе с тем, обозначить ключевые компоненты, которые должны быть учтены в разработке программы психолого-педагогического сопровождения формирования образа будущего.

Наиболее очевидным проблемным аспектом является недостаточность собственно педагогических разработок формирования образа будущего в юношеском возрасте в процессе профессионального образования. Вместе с тем даже на уровне диссертационных исследований (особенно за последние три года) наблюдается достаточно интенсивное развитие психологических исследований, направленных на изучение образа будущего в соотношении с различными личностными свойствами и характеристиками, на что мы уже указывали при анализе степени изученности проблемы. Однако, несмотря на недостаток педагогических исследований, следует отметить, что на сегодняшний день сформирована достаточно хорошая методологическая и теоретическая база для поиска наиболее оптимальных подходов и методов, а также для разработки конкретных программ формирования образа будущего.

Другой проблемный аспект связан с разработкой понятийного аппарата, прежде всего ключевого понятия «образ будущего». Отметим здесь, что исходная категория образа соотносится со значимым для нас положением об объективности причинного воздействия психического образа на поведение. Как отмечают А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский, психология вырабатывает категорию образа «в качестве особой реалии бытия... имеющей не только гносеологический, но и онтологический аспект <...> прошлое и будущее психического образа органично представлено в его “работе” в качестве детерминанты актуального поведения» [13, с. 152–153]. Следовательно, можно предположить, что формируя конструктивный, эмоционально позитивный образ будущего на уровне сознания, тем самым мы как бы протраиваем реальную траекторию жизненного пути личности, в том числе её профессионального развития.

Однако на сегодняшний день в психолого-педагогической и методической литературе используется достаточно широкий спектр терминов (конструктов), так или иначе относящихся к представлению личности о будущем. Так, бельгийский психолог Ж. Нюттен в работе «Мотивация, действие и перспектива будущего» сформировал конструкт «перспектива будущего», характеризуемый как пространство, в котором строится когнитивно переработанная мотивация человеческой деятельности [11, с. 9]. А. В. Михальский, рассматривая проблему конструирования будущего, предлагает использовать конструкт «образ будущего» в качестве основы теоретического представления о феномене конструирования будущего, а также возможных подходов к его измерению на практике. Образ будущего рассматривается как основной определяющий фактор, важнейший детерминант психологического потенциала – как личностного, так и группового [10, с. 11]. Можно привести и ряд других понятий, соотносящихся с планированием и представлением о будущем: «жизненные ожидания и цели», «ориентации на будущее», «жизненная перспектива», «жизненные планы», «планирование будущего», «смысл жизни», «тревога о будущем», «психологическое будущее» и т. д. По словам Л. А. Регуш, эти термины различаются объектами будущего, уровнем обобщения и, вследствие этого, разным прикладным потенциалом [16, с. 69].

В попытках выделить некий критерий систематизации приведённых понятий в первом приближении можно обособить понятия, выступающие в качестве личностных характеристик в отличие от процессных. Тогда к личностным характеристикам будут отнесены «образ будущего», «психологическое будущее», «временная перспектива», а к процессным – целеполагание, планирование, конструирование. Но однозначно этого сделать всё же нельзя, поскольку в разных интерпретациях отдельные понятия пересекаются или происходит их редукция.

Так, О. Е. Байтингер определяет образ будущего как модель организации личностью своей жизни [2, с. 7]. Вместе с тем М. Г. Гинзбург и психологическое будущее определяет как некий проект жизненного поля личности (цит. по [3, с. 133]). Или, в другом случае, ряд близких по смыслу дефиниций, таких как «системно-ценностное новообразование», «динамическое психологическое образование», «сложное интегративное образование», в одном случае соотносятся с понятием образа будущего (две первых дефиниции), в другом случае – с понятием временной перспективы (третья дефиниция) [14]. О. А. Браун понятие «психологическое будущее» определяет через понятие образа: «мы будем определять *психологическое будущее* как некий образ, представление о грядущих жизненных событиях» [3, с. 133].

Таким образом, анализ данного проблемного аспекта свидетельствует, с одной стороны, о большом разнообразии, с другой стороны, о несформированности системы понятий, относящихся к характеристике временной ориентации и отношения личности к будущему. Это, безусловно, осложняет ситуацию разработки конкретной программы психолого-педагогического сопровождения формирования образа будущего личности в процессе профессионального образования.

Однако, учитывая возрастные особенности юношеского возраста, с которым, как правило, соотносится получение профессионального образования, мы считаем наиболее целесообразным в качестве ключевого понятия принять именно «образ будущего». На наш взгляд, данное понятие более органично включает в себя не только когнитивные, но и эмоциональные процессы личности, а также затрагивает, помимо мышления, сферу

представлений и воображения. В то же время такие понятия, как «временная перспектива», «психологическое будущее», на наш взгляд, обращены в большей степени к когнитивной сфере личности и связаны со зрелым рефлексивным отношением личности к временному аспекту собственного жизненного пути, а значит, с уже сформированной личностной идентичностью. Это характерно для более поздних возрастов в отличие от юношеского (в особенности – раннего юношеского) возраста. Поэтому, исходя из изученного, опираясь, главным образом, на определение базовой категории образа, мы сформулировали рабочий вариант понятий «образ будущего» и «формирование образа будущего».

Итак, с нашей точки зрения, *образ будущего* – это особая ментальная реальность, регулирующая перспективу жизненного пути личности, опосредованная её прошлым опытом, уровнем индивидуального, социального и профессионального развития, а также сложной системой когнитивных, эмоциональных, мотивационных, поведенческих компонентов отношения личности к себе, к другим, к миру в целом.

Соответственно, *формирование образа будущего* можно охарактеризовать как систематическую, конструктивную психолого-педагогическую деятельность, включённую в контекст профессионального образования, направленную на оптимизацию процессов личностного и профессионального самоопределения, поиска самоидентичности, построение жизненных планов, выработку мировоззрения личности, на развитие её субъектности и активности.

И, наконец, обратимся к тому аспекту проблемы формирования образа будущего, который наиболее непосредственно связан с практикой. Здесь имеются совершенно объективные трудности, связанные в первую очередь с наличием субъективного компонента, обуславливающего значительные вариации представлений в индивидуальном сознании субъекта. Так, В. Р. Манукян, описывая опыт апробации авторской методики (анкеты) для изучения индивидуально-психологических особенностей целеполагания и жизненного планирования среди мужчин и женщин от 18 до 48 лет с различным образовательным, профессиональным и семейным статусом, отмечает высокую индивидуальную вариативность изучаемых па-

раметров³. Этот момент должен быть обязательно учтён в практической работе (при проведении формирующего эксперимента) [8].

Учитывая вышеприведённые аспекты проблемы формирования образа будущего, в рамках данной статьи наметим некоторые ключевые пункты диагностического этапа, а также разработки содержательного и собственно технологического компонентов программы психолого-педагогического сопровождения.

Мы полагаем, что на *этапе диагностики* целесообразно использовать психологические методики, которые позволяют выявить такие показатели, как осмысленность жизни, переживание её значимости, выраженность внутренних конфликтов, положение субъекта в системе межличностных отношений и – более конкретно – в семье, профессиональная направленность, профессиональная идентичность. Соответственно, программа психолого-педагогического сопровождения формирования образа будущего должна быть построена с учётом перечисленных показателей, которые в конкретной работе следует рассматривать как структурные компоненты представления субъекта о своём будущем.

Содержательная сторона разработки программы психолого-педагогического сопровождения должна соотноситься прежде всего с возрастными особенностями юношеского возраста и, более конкретно, с ситуацией профессионального и личностного развития юноши. Ранее было отмечено, что в юности *будущее* становится главным ориентиром для личности, происходит принципиально важное изменение (по сравнению с подростковым периодом) в размышлениях о будущем: для юношества предметом обдумывания становится не только конечный результат, но также способы и пути его достижения. Однако нельзя не учитывать и тот факт, что помимо собственно профессионального самоопределения и профессиональной ориентации, планирования будущей профессиональной деятельности, в юно-

шеском возрасте стоит проблема выбора спутника жизни, жизненных идеалов, убеждений, мировоззрения, юноша готовится к полноценной самостоятельной жизни. В период подростничества и юности должна быть решена центральная задача достижения идентичности, создания непротиворечивого образа самого себя в условиях множественности выборов (ролей, партнёров, групп общения и т. п.). Эта особенность – самостоятельность встречи с «изменяющимся миром» вообще является специфической для юности, а «в процессе кризиса 17 лет (от 15 до 18) решается задача становления человека как *субъекта собственного развития*» [23, с. 265–266]. То есть, несмотря на то что задача собственно профессионального становления является одной из центральных в юношеском возрасте, необходимо учитывать целостность жизненного пути личности. В связи с этим программа психолого-педагогического сопровождения формирования образа будущего должна включать не только представление о будущей профессии и профессиональном становлении, но шире – такие структурные компоненты, которые соотносятся с представлением личности о себе, а также с образом будущей семьи.

Затрагивая *технологические аспекты разработки* программы, отметим, что в практической работе в первую очередь должны быть выделены конкретные этапы, каждый из которых соотносится с определённой задачей. Чёткая последовательность таких этапов хорошо представлена, в частности, в программе С. А. Захаровой «Формирование структурированного, эмоционально позитивного образа будущего как элемент профилактики девиантного поведения». Автор выделяет три этапа технологии выстраивания образа будущего: первый этап связан с актуализацией представлений юноши о себе, второй этап – с анализом актуальной ситуации развития, третий этап представляет собой детальную работу с образом будущего, с конкретными целями, способами и условиями их достижения [5].

Далее, опираясь также на апробированные программы, можно наметить достаточно широкий спектр конкретных методов и приёмов работы. Так, С. А. Захарова предлагает использовать метод психодрамы переживаний, трансактный анализ, ролевой тренинг, арт-терапию, упражнения, обращённые к активному воображению [5]. В ра-

³ Речь идёт о таких параметрах, как соотношение мечтаний, ожиданий и целей в картине будущего, временная удаленность целей, принадлежность к жизненным сферам, продуманность путей достижения, уровень значимости, источники возникновения, мотивационная основа, локус контроля целей, взаимосвязанность и противоречивость системы целей.

боте Н. Н. Толстых отмечена значимость упражнений, разработанных на основе идей нейролингвистического программирования Дж. Гриндера и Р. Бандлера (в частности, касающиеся попытки смоделировать кого-то, уже достигшего той цели и результата, к которому предположительно стремится субъект), тренинговые формы работы, а также психотехники, предполагающие фиксацию на бумаге того, что проигрывается в ментальном плане (записи, рисунки) [19]. Т. Н. Осипова включает в свою программу практические занятия с элементами тренинга, направленными на развитие компонентов жизнестойкости [12]. В исследовании Е. А. Медовиковой формирующий эксперимент, направленный на становление позитивной временной перспективы студентов, проводится в специально организованных условиях рефлексивного семинара [9].

Подводя итог вышесказанному, ещё раз определим наиболее важные проблемные пункты формирования образа будущего в процессе профессионального образования:

- отсутствие целенаправленной работы по формированию представлений о будущем, саморефлексии жизненного пути личности как особого направления образовательной деятельности в профессиональном образовании и как части социальной практики;

- дефицит педагогических разработок и конкретных программ формирования образа будущего в процессе профессионального образования;

- несформированность системы понятий, относящихся к характеристике временной ориентации и отношения личности к будущему;

- наличие субъективного компонента в представлениях о будущем, большая индивидуальная вариативность представлений.

Учитывая масштабность и значимость обозначенной проблемы, подчеркнём, что формирование образа будущего не должно служить достижению прагматичных целей, удовлетворению узкопрактических интересов. Опираясь на теоретико-методологические позиции исходной для нас концепции психологии образа, следует вести речь о таких фундаментальных ориентирах, которые стыкуются с конструктами «образ мира», «сопричастность миру» и т. д. Научной мыслью А. Н. Леонтьева разработана концепция образа мира, где проводится идея о том, что пред-

ставление мира присуще человеку по его «родовому» определению – как носителю сознания, а универсальная сопричастность человека своему жизненному миру предпосылает прежде всего к её инвариантному сохранению в мироощущении личности. И в этом плане для исследования обсуждаемой проблемы небезынтересно было бы проанализировать соотношение таких конструктов, как «образ мира» и «образ будущего». Однако рамки статьи ограничивают нас только обозначением этого аспекта. В данном контексте отметим, что конструктивный и эмоционально позитивный образ будущего как ментальная реальность и регулятор жизненной перспективы личности, её значимых ценностных установок и ориентиров прежде всего предупреждает возникновение внутреннего ощущения отчуждённости, обесмысленности бытия, разрушение фундаментальной опоры бытия личности в мире.

В целом формирование образа будущего в период юности наиболее непосредственно соотносится с субъектностью как качеством личности, обеспечивающим саму возможность целеполагания, планирования, актуализацию личностной активности, её направленность на самодетерминацию, самореализацию, самопроектирование и, соответственно, на создание конструктивных предпосылок профессионального развития, выбора спутника жизни, в том числе и на профилактику различных форм девиации.

Если более конкретно говорить о важности наличия конструктивного и позитивного образа в сознании будущего профессионала сферы «Человек – Человек», в частности педагога, то здесь речь должна идти о том, что прежде всего самому будущему педагогу необходимо научиться проектировать ситуации своей собственной жизни, трудиться и жить в условиях современного мира с его кризисами, трансформациями, разного рода динамичными процессами, иначе он не сможет сформировать такие важные способности у своих учеников. В свою очередь, проективные действия и умения педагога, помимо «знаниевой» составляющей, предполагают наличие глубинной ценностно-смысловой установки по отношению к собственной профессиональной деятельности, понимания её смысловых ориентиров и конкретных перспектив развития.

Литература

1. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Байтингер О. Е. Психологические детерминанты переживания будущего как проблемы в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – СПб., 1998. – 19 с.
3. Браун О. А. Понятие «психологическое будущее личности» в контексте исследования жизненного пути // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2011. – № 4 (48). – С. 131–135.
4. Даниленко О. И., Юревич О. Ю. Взаимосвязь уровня антиципационной состоятельности с характеристиками экзистенциальной исполненности человека // Бехтерев и современная психология человечности: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (к 130-летию организации первой в России психофизиолог. лаб. в г. Казани) / отв. ред. Л. М. Попов. – Казань: Отечество, 2015. – С. 171–178.
5. Захарова С. А. Формирование структурированного, эмоционально позитивного образа будущего как элемент профилактики девиантного поведения [Электронный ресурс]: программа групповых тренинговых занятий, 2008. – URL: <http://открытыйурок.рф/статьи/609759/> (дата обращения: 20.03.2018).
6. Ключко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сиб. психол. журн. – 2015. – № 56. – С. 9–20.
7. Леонтьев Д. А., Шелобанова Е. В. Профессиональное самоопределение как построение образцов возможного будущего // Вопр. психологии. – 2001. – № 1. – С. 57–66.
8. Манукян В. Р. Опыт исследования индивидуально-психологических особенностей целеполагания и жизненного планирования [Электронный ресурс] // Психол. исслед. – 2018. – Т. 11, № 57. – URL: <http://psystudy.ru> <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n57/1530-manukyan57.html> (дата обращения: 24.03.2018).
9. Медовикова Е. А. Становление временной перспективы личности студентов с различными уровнями осознанной саморегуляции: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2016. – 24 с.
10. Михальский А. В. Психология конструирования будущего. – М., 2014. – 290 с.
11. Нютген Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
12. Осипова Т. Н. Рабочая программа психологического курса «Целеполагание и построение жизненной перспективы» / КГБОУ «Ребрихинский лицей профессионального образования». – Ребриха, 2014. – 13 с.
13. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Теоретическая психология: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 496 с.
14. Проконич О. А. Ценностно-смысловые предикторы сбалансированной временной перспективы личности студентов вуза в период обучения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. 19.00.07. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2016. – 22 с.
15. Профессиональный стандарт «Педагог» (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель) // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=56367 (дата обращения: 24.03.2018).
16. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. – СПб.: Речь, 2003. – 352 с.
17. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
18. Смирнов С. Д. Психология образа [Электронный ресурс] // Москов. гос. психол.-пед. ун-т. Электрон. б-ка. – URL: [http://psychlib.ru/mgppu/Spo-001/Spo-001.htm#\\$p1](http://psychlib.ru/mgppu/Spo-001/Spo-001.htm#$p1) (дата обращения: 25.03.2018).
19. Толстых Н. Н. Программа развития временной перспективы и способности к целеполаганию для учащихся 15–17 лет [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vashpsixolog.ru/correctional-work-school-psychologist/46-program/533-program-of-development-time-perspective-and-the-capacity-for-goal-setting-for-students-15-17-years> (дата обращения: 04.04.2018).
20. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
21. Утяганова З. З. «Образ будущего» в процессе самореализации студентов в вузе // Образование и саморазвитие. – 2009. – Т. 3, № 13. – С. 3–7.
22. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации». Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 25.03.2018).
23. Шаповаленко И. В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). – М.: Гардарики, 2005. – 349 с.
24. Эпштейн М. Н. Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001. – 334 с.

References

1. Abulkhanova K.A., Berezina T.N. *Vremya lichnosti i vremya zhizni [Personality time and time of life]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 304 p. (In Russ.).
2. Baytinger O.E. *Psikhologicheskie determinanty perezhivaniya budushchego kak problemy v yunosheskom vozraste: avtoreferat dis. kand. psikhol. nauk: 19.00.13 [Psychological determinants of experiencing the future as a problem in adolescence. Author's abstract of diss. PhD in psychology: 19.00.13]*. St. Petersburg, 1998. 19 p. (In Russ.).
3. Braun O.A. Ponyatie «psikhologicheskoe budushchee lichnosti» v kontekste issledovaniya zhiznennogo puti [The concept of “the psychological future of the individual” in the context of the study of the life path]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2011, no. 4 (48), pp. 131-135. (In Russ.).
4. Danilenko O.I., Yurevich O.Yu. Vzaimosvyaz' urovnya antitsipatsionnoy sostoyatel'nosti s kharakteristikami ekzistentsial'noy ispolnennosti cheloveka [Interrelation of the level of anticipatory consistency with the characteristics of the existential fulfillment of a person]. *Bekhterev i sovremennaya psikhologiya chelovechnosti: sbornik statey V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (k 130-letiyu organizatsii pervoy v Rossii psikhofiziologicheskoy laboratorii v g. Kazani) [Bekhterev and the modern psychology of humanity: Coll. articles of the V International Scientific and Practical Conference (to the 130th anniversary of the organization of the first psychophysiological laboratory in Kazan)]*. Ed. by L.M. Popov. Kazan, Otechestvo Publ., 2015, pp. 171-178. (In Russ.).
5. Zakharova S.A. *Formirovanie strukturirovannogo, emotsional'no pozitivnogo obraza budushchego kak element profilaktiki deviantnogo povedeniya. Programma gruppovykh treningovykh zanyatiy [Formation of a structured, emotionally positive image of the future as an element of prevention of deviant behavior. The program of group training sessions]*. (In Russ.). Available at: <http://открытыйурок.рф/статьи/609759/> (accessed 20.03.2018).
6. Klochko V.E., Galazhinskiy E.V., Krasnoryadtseva O.M., Luk'yanov O.V. Sistemnaya antropologicheskaya psikhologiya: ponyatiynyy apparat [Systemic anthropological psychology: a conceptual apparatus]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 2015, no. 56, pp. 9-20. (In Russ.).
7. Leontyev D.A., Shelobanova E.V. Professional'noe samoopredelenie kak postroyeniye obraztsov vozmozhnogo budushchego [Professional self-determination as the construction of samples of a possible future]. *Voprosy psikhologii [Questions of Psychology]*, 2001, no. 1, pp. 57-66. (In Russ.).
8. Manukyan V.R. Opyt issledovaniya individual'no-psikhologicheskikh osobennostey tselepolaganiya i zhiznennogo planirovaniya [Experience in the study of individual psychological characteristics of goal setting and life planning]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2018, vol. 11, no. 57. (In Russ.). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n57/1530-manukyan57.html> (accessed 24.03.2018).
9. Medovikova E.A. *Stanovlenie vremennoy perspektivy lichnosti studentov s razlichnymi urovnymi osoznannoy samoregulyatsii: avtoreferat dis. kand. psikhol. nauk: 19.00.07 [The formation of a temporary perspective of the personality of students with different levels of conscious self-regulation. Author's abstract of diss. PhD in psychology: 19.00.07]*. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2016. 24 p. (In Russ.).
10. Mikhalskiy A.V. *Psikhologiya konstruirovaniya budushchego [Psychology of designing the future]*. Moscow, 2014. 290 p. (In Russ.).
11. Nyutten Zh. *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego [Motivation, action and perspective of the future]*. Ed. by D.A. Leontiev. Moscow, Smysl Publ., 2004. 608 p. (In Russ.).
12. Osipova T.N. *Rabochaya programma psikhologicheskogo kursa “Tselepolaganie i postroyeniye zhiznennoy perspektivy” [Work program of the psychological course “Purpose and construction of a life perspective”]*. Rebrikha, KGBOU “Rebrikha Lyceum vocational education” Publ., 2014. 13 p. (In Russ.).
13. Petrovskiy A.V., Yaroshevskiy M.G. *Teoreticheskaya psikhologiya: ucheb. posobie dlya stud. psikhol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy [Theoretical psychology. Proc. manual]*. Moscow, Academia Publ., 2001. 496 p. (In Russ.).
14. Prokonich O.A. *Tsenostno-smyslovyye prediktory sbalansirovannoy vremennoy perspektivy lichnosti studentov vuza v period obucheniya: avtoreferat dis. kand. psikhol. nauk: 19.00.07 [Value-semantic predictors of the balanced time perspective of the personality of university students in the period of training. Author's abstract of diss. PhD in psychology: 19.00.07]*. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2016. 22 p. (In Russ.).
15. Professional'nyy standart “Pedagog” (pedagogicheskaya deyatelnost' v doshkol'nom, nachal'nom obshchem, osnovnom obshchem, srednem obshchem obrazovanii) (vosпитatel', uchitel') [Professional standard “Teacher” (pedagogical activity in the preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)]. *Ministerstvo truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii [Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation]*. (In Russ.). Available at: http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=56367 (accessed 24.03.2018).

16. Regush L.A. *Psikhologiya prognozirovaniya: uspekhi v poznanii budushchego* [Psychology of Forecasting: Success in Learning the Future]. St. Petersburg, Rech Publ., 2003. 352 p. (In Russ.).
17. Rubinshteyn S.L. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 512 p. (In Russ.).
18. Smirnov S.D. *Psikhologiya obraza* [Psychology of the image]. *Moskovskiy gosudarstvennyy psikhologo-pedagogicheskiy universitet. Elektronnyaya biblioteka* [Moscow State University of Psychology & Education. Electronic Library]. (In Russ.). Available at: <http://psychlib.ru/mgppu/Spo-001/Spo-001.htm#Sp1> (accessed 25.03.2018).
19. Tolstykh N.N. *Programma razvitiya vremennoy perspektivy i sposobnosti k tselepolaganiyu dlya uchashchikhsya 15-17 let* [Program for the development of a temporary perspective and the ability to set goals for students aged 15-17]. (In Russ.). Available at: <http://www.vashpsixolog.ru/correctional-work-school-psychologist/46-program/533-program-of-development-time-perspective-and-the-capacity-for-goal-setting-for-students-15-17-years> (accessed 04.04.2018).
20. Toffler E. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow, AST Publ., 2002. 557 p. (In Russ.).
21. Utyaganova Z.Z. "Obraz budushchego" v protsesse samorealizatsii studentov v vuze ["The image of the future" in the process of self-realization of students in the university]. *Obrazovanie i samorazvitie* [Education and self-development], 2009, vol. 3, no. 13, pp. 3-7. (In Russ.).
22. *Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 07.03.2018) "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii", Stat'ya 2. Osnovnye ponyatiya, ispol'zuemye v nastoyashchem Federal'nom zakone* [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on 07.03.2018) "On Education in the Russian Federation", Article 2. The basic concepts used in this Federal Law]. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (accessed 25.03.2018).
23. Shapovalenko I.V. *Vozrastnaya psikhologiya (Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya)* [Age psychology (developmental psychology and age psychology)]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 349 p. (In Russ.).
24. Epshteyn M.N. *Filosofiya vozmozhnogo* [Philosophy of the possible]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 334 p. (In Russ.).

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОМ ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Третьяков Андрей Леонидович, магистр библиотечно-информационной деятельности, старший преподаватель, кафедра дошкольного образования, Московский государственный областной университет (г. Москва, РФ). E-mail: altretyakov@list.ru

Современный мир, которому характерны инновации и постоянные вызовы общества, требует включения в решение социально значимых проблем различных институций, среди которых стоит выделить и образование. В этой связи современное образование должно формировать условия для будущего развития новых поколений, нуждающихся в формировании функциональной грамотности, сегментом которой является информационная компетентность. Это и послужило отправной точкой написания работы, посвящённой анализу формирования информационной компетентности в условиях современного дополнительного образования. В статье представлены заявления политического лидера, который характеризует дополнительное образование и смысл современной политики как сбережение и приумножение человеческого капитала. Кроме того, в работе отражены основные характеристики человека третьего тысячелетия и выделены этапы формирования информационной компетентности в современной общеобразовательной организации. Важно подчеркнуть, что данная работа в значительном формате ориентирована на обучающихся 10–11-х классов, так как именно этот школьный период представляет собой один из стратегических этапов формирования жизненной и профессиональной траектории, и в данном случае информационная компетентность может выступать в качестве важнейшего дескрип-

тора протраивания социальной практики молодого человека. Значительный вектор исследования сформирован в русле теории киберсоциализации и становления нового научного направления в педагогической теории и образовательной практике – интернет-социализации пользователей. Среди нормативного правового образовательного ландшафта проанализированы следующие документы: федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», Концепция развития дополнительного образования детей и Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. На основании анализа данных документов обозначена их смыслообразующая миссия в формировании информационной компетентности обучающихся. Кроме того, в работе представлена современная ситуация, характеризующаяся широким спектром психолого-педагогических подходов в образовании. Особое внимание уделяется компетентностному подходу, который является одним из самых эффективных в современной педагогической теории и образовательной практике. Освещены принципы компетентностного подхода в современном образовании. Акцентируется внимание на роли и миссии современного дополнительного образования в дискурсе инновационных педагогических концепций. Обозначена центральная миссия дополнительного образования в формировании информационной компетентности обучающихся современных общеобразовательных организаций. В заключение приводится теоретический вывод, отражающий необходимость ориентации на компетентностный подход и формирование информационной компетентности в современном дополнительном образовании.

Ключевые слова: информационная компетентность, дополнительное образование, сегмент, формирование, условия будущего развития, социально-профессиональные пробы и жизненная траектория, обучающиеся, общеобразовательная организация.

FORMATION OF INFORMATION COMPETENCE OF TRAINEES IN MODERN ADDITIONAL EDUCATION

Tretyakov Andrey Leonidovich, Master of Library and Information Activities, Senior Instructor, Department of Preschool Education, Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation). E-mail: andltretyakov@gmail.com

The modern world is characterized by innovation and the constant challenges of society, it requires the inclusion in the solution of socially significant problems of various institutions, highlighting the education. In this regard, modern education should form the conditions for the future development of new generations that need formation of functional literacy, a segment of which is information competence. This was the starting point for a writing devoted to the analysis of formation of information competence in the context of modern additional education. It is important to emphasize that this work in a significant format is aimed at students of grades 10-11, since it is a school period that represents one of the strategic stages in the formation of a vital and professional trajectory, and in this case information competence can act as an important descriptor for building the social practice for youth. A significant vector of research is formed in the mainstream of the theory of cyber socialization and the emergence of a new scientific direction in pedagogical theory and educational practice, the Internet socialization of users. Among the normative legal educational landscape, the following documents have been analyzed: the Federal Law “On Education in the Russian Federation,” the Concept for the Development of Additional Education for Children and the Federal State Educational Standard of General Education. Based on the analysis of these documents, their meaning-forming mission is defined in the formation of information competence of students. The work presents a modern situation, characterized by a wide range of psychological and pedagogical approaches in education. In conclusion, a theoretical summary is presented reflecting the need to focus on the competence approach and the formation of information competence in modern complementary education.

Keywords: information competence, additional education, segment, formation, conditions for future development, social and professional tests and life trajectory, students, general education organization.

1 декабря 2016 года Президент Российской Федерации В. В. Путин в послании Федеральному Собранию обозначил, что «смысл всей нашей политики – это бережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи... на развитие образования и культуры... важно сохранить глубину и фундаментальность отечественного образования... образование отвечает двум базовым задачам, о которых говорил ещё академик Лихачёв: давать знания и воспитывать нравственного человека» [11]. Итак, в современных условиях на совершенно ином качественном витке развития на государственном уровне актуализируется вопрос формирования человеческого капитала посредством развития образования и культуры. Главной идеей обозначена личность, которую необходимо формировать с самых ранних лет жизни, так как современное образование должно обеспечивать условия будущего развития. Следовательно, необходимо проанализировать вопросы социально-образовательных процессов в современной действительности и концептуализировать основные детерминанты отечественного образования в условиях проблемы целеполагания и развития способностей детей.

В этой связи целью данной статьи является актуализация и определение роли дополнительного образования в формировании информационной компетентности обучающихся, так как строительство концептуальных стратегий в современной социообразовательной ситуации требует комплексного подхода при формировании личности эпохи киберсоциализации. Особое внимание в русле современной психолого-педагогической науки стоит обратить на формирование информационной компетентности обучающихся 10–11-х классов, то есть выпускников общеобразовательной организации.

Информационные компетенции представителя современного общества должны не только обеспечить успешную социализацию, в том числе и киберсоциализацию личности, но и гарантировать овладение эффективными методами и средствами сбора, накопления, передачи и переработки информации в течение всей социально активной жизни человека.

Информационная деятельность человека, связанная с социальной природой, является сис-

темно-преобразующим ядром информационной компетентности. Информационная деятельность обеспечивает функционирование и дальнейшее развитие информационного потенциала общества. Эта деятельность связана с разнообразными способностями человека, которые проявляются:

– в умениях и навыках по использованию современной компьютерной и телекоммуникационной техникой;

– в способности использовать в своей деятельности информационные технологии;

– в умении получать значимую для себя информацию из различных источников, перерабатывать её и проч.

Современный образовательный процесс немаловажен без формирования информационной компетентности, которое должно происходить непрерывно и начинаться как можно раньше. Этого мнения придерживаются такие выдающиеся исследователи, как В. П. Голованов, Е. Я. Коган, И. И. Комарова, Т. С. Комарова, А. И. Лучинкина, Е. М. Машбиц, Ю. А. Первин, В. А. Плешаков, Н. Д. Угринович и др. Мы считаем, что «уровень развития современного молодого человека во многом характеризует понятие информационной компетентности, которая в силу фундаментальности... должна формироваться, начиная с первых школьных, а иногда и дошкольных уроков, и занятий» [12].

Стоит отметить, что в возрасте 11–14 лет у обучающихся складывается определённый тип и стиль мышления, заметно усиливается сознательное отношение к учебной деятельности, происходит постепенный переход на более высокий уровень, связанный с новым отношением к глубокому усвоению знаний, которые приобретают личностный смысл [2].

В старшем школьном возрасте (10–11 классы) особое значение приобретает развитие личности, а учебная деятельность старшеклассников предъявляет более высокие требования к их активности и самостоятельности.

Необходимо сказать, что методологическое основание образовательной деятельности в современной плоскости определяется нами как система условий, принципов и методов, целенаправленно активизирующих человеческое развитие в соответствии с сущностными характерологическими чертами человека и ценностно-нормативной мо-

делью личности. Такими основными характеристиками человека третьего тысячелетия являются:

1. Высокий уровень знаний ценностей отечественной и мировой культуры, позволяющий человеку объективно познавать мир, природу, общество, Вселенную, выявлять закономерности в общественном и личностном развитии, определять причину и следствие в историко-культурном развитии;

2. Умение сотрудничать и созидать в коллективе;

3. Осознание общечеловеческих, национальных, личностных ценностей, образцов духовной и материальной культуры, накопленной в процессе человеческого развития, и стремление их развивать и проч. [1].

Эффективность процессов воспитания и формирования информационной компетентности обучающихся обуславливается реализацией таких ведущих дидактических принципов, как: научность, связь теории с практикой, систематичность, последовательность, наглядность, доступность, персонализированный, дифференцированный и компетентностный подходы и проч. Активную роль играют формы обучения, среди которых можно выделить виды учебных занятий, направленные на теоретическую и практическую подготовку выпускников современных общеобразовательных организаций, в том числе интерактивное взаимодействие в учебном процессе и проч.

Итак, информационная компетентность – это многоплановое понятие, включающее в себя информационные компоненты, культурные нормы, психолого-педагогические методики, методы и технологии взаимодействия с источниками информации, психологические, аксиологические понятия и проч. Особую значимость в рассматриваемой проблематике приобретает методологический аспект – рассмотрение методов информационной деятельности, имеющих фундаментальное значение в любой интеллектуальной работе.

Проведённый анализ показывает, что для современного человека информационная компетентность личности является ориентиром и помощником в выборе направлений деятельности. Одни исследователи отмечают её культурологическую основу, другие – информационную. Мы предлагаем рассмотреть ситуационный принцип, то есть возможность и способность человека адекватно реагировать на происходящие в киберпространстве события.

В связи с развитием проблематики информационной компетентности личности новой эпохи стоит обратиться к инновационным подходам и теориям, которые исследуют данный вопрос. Среди них мы выделяем теорию киберсоциализации, то есть жизнедеятельность личности в киберпространстве.

В настоящее время под киберсоциализацией человека автор термина и теории профессор В. А. Плешаков понимает «социализацию личности в киберпространстве – как процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности» [10, с. 24].

По его мнению, «киберпространство – это некое созданное и постоянно дополняющееся человечеством сетевое информационное воплощение ноосферы» [9, с. 27].

В этой связи ещё более актуализируется концепт формирования информационной компетентности обучающихся, которые в настоящее время находятся в «информационном океане», не всегда способном предоставлять качественную и релевантную информацию в соответствии с запросами пользователей.

Необходимо всегда иметь в виду, что киберпространство, являясь относительно новым пространством для организации жизнедеятельности человека, предъявляет к нему определенные требования, влияет на его социализацию, что позволяет воспринимать человека как объект киберсоциализации.

Мы согласны с мнением В. А. Плешакова, что «у активных пользователей современных технологий в процессе киберсоциализации качественно трансформируются психические процессы, такие как:

– познавательные, а именно: ощущение, восприятие, внимание, воображение, память, мышление, речь;

– эмоционально-мотивационные, конкретно: эмоциональные состояния, собственно эмоции и чувства, потребности и мотивации;

– личностные характеристики, непосредственно: характер и даже темперамент, многочисленные индивидуальные особенности;

– а также сознание, персональная жизнедеятельность, специфика межличностных и групповых отношений, обретая характер сетевых, формирующихся в условиях информационно насыщенной социализирующей среды киберпространства, пронизывающего современную реальность» [10, с. 35].

Очень важно ещё остановиться на приоритетном проекте «Цифровая школа», который в настоящее время проходит масштабное профессиональное обсуждение на различных площадках. Среди результатов проекта разработчики отмечают, что общеобразовательные организации будут осуществлять образовательную деятельность в соответствии с актуализированными государственными образовательными стандартами начального общего, основного общего и среднего общего образования, учитывающими формирование у обучающихся цифровых компетенций для нужд цифровой экономики. Однако, на наш взгляд, стоит обратиться к опыту зарубежных коллег, которые внедряют цифровые технологии в каждой школе и каждом школьном округе посредством специалистов – методистов-технологов, занимающихся продвижением наиболее качественных образовательных ресурсов и технологий. Данные специалисты прошли обучение в магистратуре и постоянно повышают уровень своей компетентности на различного рода научно-практических мероприятиях. Иными словами, представляется актуальным и своевременным организовывать новые образовательные программы для нужд современной цифровой экономики с ориентацией на освоение ресурсов киберпространства и работу человека в эпоху киберсоциализации.

В связи с тем, что целью данной статьи является рассмотрение вопросов формирования информационной компетентности обучающихся в системе дополнительного образования, то теперь стоит обратиться к важнейшему сегменту отечественного образования – дополнительного – и рассмотреть базовые аспекты, играющие важнейшую роль в условиях цифровой социализации обучающихся.

В контексте данной работы мы будем придерживаться определения понятия «дополнительное образование» в соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», разработчики которого под данной дефиницией понимают «вид образо-

вания, направленный на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождающийся повышением уровня образования» [14].

Одним из важных компонентов миссии российского государства является создание эффективной системы образования, обеспечение условий для обучения, воспитания, развития способностей всех детей, их дальнейшей самореализации, независимо от места жительства, социального положения и финансовых возможностей семьи.

Концепт вариативного обучения в дополнительном образовании играет важнейшую роль в самоопределении личности. Именно вариативность как основа социально обоснованного выбора обучающимся той или иной образовательной траектории формирует в том числе и информационную компетентность, так как практически в каждой из направленностей, осуществляемых в рамках дополнительного образования, присутствует сегмент информационно-телекоммуникационных технологий.

Важным документом в сфере дополнительного образования явилась Концепция развития дополнительного образования детей до 2020 года, утвержденная в 2014 году [7].

Современное дополнительное образование не просто элемент существующей системы общего образования, а самостоятельный источник образования либо подвид образования (как трактуют его ряд экспертов), способствующий достижению ключевых компетентностей в различных сферах жизненного самоопределения ребёнка [12].

В современном мире прослеживается монополия на свободное время и образование подростка. На наш взгляд, данный факт не является весьма позитивным в контексте модернизации образования и предоставлении обширного спектра образовательных услуг для обучающихся.

В информационную эпоху актуальной является задача проектирования пространства персонального образования для самореализации личности и проблематика реализации поиска и обретения человеком самого себя. В контексте данного положения стоит акцентировать внимание на том, что дополнительное образование наиболее полно отвечает критериям гуманистической

педагогики и педагогики счастья. Именно дополнительное образование обладает значительным социально-педагогическим и воспитательным потенциалом в самореализации личности. В этом и состоит ценность дополнительного образования как феномена социообразовательной реальности.

В этой связи стоит обратиться к специфике деятельности организаций дополнительного образования детей, которая подразумевает:

- свободный выбор обучающимися вида деятельности;
- вариативность организационных форм образовательного процесса;
- использование личностно ориентированного подхода к ребенку;
- создание ситуации успеха для каждого;
- широкие возможности проявления инициативы, индивидуальности, творчества в различных видах деятельности; применение различных форм и методов обучения и воспитания.

Это позволяет выделить основные признаки организации дополнительного образования:

1. Открытость и доступность, являющиеся основой создания благоприятной атмосферы для социокультурного развития обучающихся.

2. Активность всех субъектов образования, вовлеченных в процесс социокультурного развития обучающихся.

3. Личностно-деятельностный характер учебно-воспитательного процесса, способствующий развитию мотивации обучающихся к познанию и творчеству, самореализации и самоопределению и проч.

В рамках осуществления дополнительных общеобразовательных программ соблюдается личное пространство обучающегося. По нашему мнению, это то, что каждый человек ощущает определённый объём пространства вокруг себя как личное пространство. Размер этого личного пространства сильно отличается в разных культурах.

Личностное пространство-время детства – это объективная дистанция становления человека, особые условия и необходимый способ существования и персонификации.

Таким образом, потенциал дополнительного образования не оценим и несравним по эффективности и результативности ни с одним другим видом образования, так как те возможности, которые предоставляет дополнительное образование,

очень высоки. Особое внимание следует уделить феномену персонификации, так как именно индивидуальный подход очень эффективен в контексте модернизации общего образования.

Дополнительное образование обладает важнейшим потенциалом в формировании информационной компетентности современных подростков. В этой связи представляется актуальным обратиться к теоретическому осмыслению данного вопроса и актуализации современных концептов в рассматриваемой области.

Целевая установка в дополнительном образовании детей – это индивидуальное персонифицированное развитие творческой личности, умеющей воспринимать мир как целостную систему в условиях эпохи взрывного накопления информации.

В современной социообразовательной ситуации большое внимание уделяется стандартизации образовательной деятельности, что является требованием времени и создаёт необходимую платформу для эффективного и качественного российского образования.

Объективной необходимостью научного обеспечения государственных образовательных стандартов нового поколения является проведение исследований, направленных на выявление критерияльного аппарата получаемого образования, эталонных требований к выпускникам общеобразовательных организаций. Перспективным современным направлением подобных исследований является компетентностный подход (В. А. Болотов, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, Т. С. Комарова, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова и проч.). Согласно данному подходу, традиционная концепция образования «сменяется сегодня новой, в которой формирование личности с активным запасом основных компетенций, приобретенных в самостоятельном творческом обучении, становится главным приоритетом, а процесс образования – непрерывным в течение всей жизни человека» [12].

Сегодня компетентностный подход стал вполне легитимным. Данный подход предусматривает, в частности, разработку таких моделей выпускника системы высшего образования, которые содержат научно обоснованную систему компетенций, обеспечивающих высокую эффективность будущей его профессиональной деятельности.

Важно подчеркнуть, что современный этап развития дополнительного образования и форми-

рования информационной компетентности обучающихся строится на базе компетентностного подхода.

К настоящему времени понятийный аппарат, характеризующий смысл компетентностного подхода в образовании, еще не устоялся. Тем не менее можно выделить некоторые существенные характерологические черты данного подхода.

Компетентностный подход – это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. К числу подобных принципов относятся следующие положения:

– Смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт обучающихся.

– Содержание образования представляет собой дидактический адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем.

– Смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования.

– Оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых обучающимися на определенном этапе обучения.

По мнению профессора О. Е. Лебедева, «с позиций компетентностного подхода основным непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетентностей» [9].

Под ключевыми компетентностями применительно к общему образованию понимается способность обучающихся самостоятельно действовать в ситуации неопределённости при решении актуальных для них проблем. Эта способность может быть реализована и в формате дополнительного образования.

Следовательно, объективным отражением тенденции интеграции компетентностного и личностно ориентированного подходов к образованию является также тот факт, что в перечень не-

обходимых профессионально значимых свойств выпускника общеобразовательной организации всё чаще включают не только когнитивные и индивидуально-типологические свойства, но и свойства личностные, связанные с потребностно-мотивационной, ценностно-смысловой, эмоционально-волевой сферами жизнедеятельности индивидуума.

Анализ Федерального государственного образовательного стандарта полного среднего (общего) образования (ФГОС) позволяет выделить ряд детерминирующих позиций в части формирования информационной компетентности обучающихся.

Итак, ФГОС ориентирован на становление личностных характеристик выпускника, который готов к сотрудничеству, способен осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационно-познавательную деятельность.

Кроме того, метапредметные результаты освоения основной образовательной программы должны отражать, в том числе «готовность и способность к самостоятельной информационно-познавательной деятельности, владение навыками получения необходимой информации из словарей разных типов, умение ориентироваться в различных источниках информации, критически оценивать и интерпретировать информацию, получаемую из различных источников; умение использовать средства информационных и коммуникационных технологий в решении когнитивных, коммуникативных и организационных задач с соблюдением требований эргономики, техники безопасности, гигиены, ресурсосбережения, правовых и этических норм, норм информационной безопасности» [13]. Иными словами, ФГОС заложено формирование критического мышления у обучающихся в общеобразовательной организации.

Требования к предметным результатам освоения базового курса информатики в современной общеобразовательной организации должны отражать:

- 1) сформированность представлений о роли информации и связанных с ней процессов в окружающем мире;
- 2) владение навыками алгоритмического мышления и понимание необходимости формального описания алгоритмов;
- 3) владение умением понимать программы, написанные на выбранном для изучения уни-

версальном алгоритмическом языке высокого уровня; знанием основных конструкций программирования; умением анализировать алгоритмы с использованием таблиц и проч. [13].

Таким образом, ФГОС представляет собой уникальные требования в вопросах формирования информационной компетентности для педагогического сообщества.

Образование как процесс целенаправленной трансляции историко-культурного наследия, накопленного поколениями людей, является важнейшим фактором развития общества. Чем выше это развитие, тем сложнее и эффективнее функционирующая в обществе система образования. В первую очередь это относится к образованию мегаполисов, которые являются визитной карточкой образовательной системы всей страны. В этой связи изучение истории и современного состояния в том числе дополнительного образования является важнейшим условием становления и развития нового педагогического феномена – системы дополнительного образования детей.

Становление и развитие системы дополнительного образования детей – стратегическое направление государственной образовательной политики. Оно определяет общие целевые ориен-

тиры изменения деятельности детских внешкольных учреждений – переход от внешкольного воспитания к дополнительному образованию.

Становление социально значимых направлений деятельности, накопленного опыта, кадрового потенциала организаций дополнительного образования – такова основополагающая идея тенденции развития современного дополнительного образования детей.

Обозначенные выше детерминанты позволяют с высокой степенью уверенности утверждать, что в настоящее время проблема формирования информационной компетентности как социокультурного и образовательного феномена у обучающихся представляется актуальной, особенно в контексте теории киберсоциализации.

Итак, формирование информационной компетентности обучающихся представляет собой важнейший вектор цифровизации общества в эпоху киберсоциализации и необходимое условие идентификации социально-профессиональных проб современных обучающихся посредством различных психолого-педагогических подходов, в том числе в современном дополнительном образовании.

Литература

1. Антонова Е. С., Савченко Е. А. Антропокультурологический подход как условие создания образовательного пространства вуза // Пед. образование и наука. – 2016. – № 5. – С. 91–94.
2. Вагайцева Е. С., Игонина Т. Б. Педагогические условия формирования гражданственности старших школьников в современном обществе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 41-2. – С. 199–209.
3. Голованов В. П. Современное дополнительное образование детей – территория перспективного и безопасного детства // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18, № 1-2. – С. 138–144.
4. Голованов В. П. Современное дополнительное образование детей: к вопросу о новой концепции развития // Евраз. образоват. диалог: мат-лы Междунар. форума. – Ярославль, 2014. – С. 60–64.
5. Комарова Т. С., Комарова И. И. Дети младшего возраста и информационные технологии // Педагогика. – 2011. – № 8. – С. 59–68.
6. Комарова Т. С. Ключевая фигура образовательного учреждения – педагог, учитель, воспитатель // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2017. – С. 12–14.
7. Комарова Т. С., Третьяков А. Л. Потенциал дополнительного образования в формировании информационной компетентности обучающихся 10–11 классов // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер. Педагогика. – 2018. – № 1. – С. 56–64.
8. Концепция развития дополнительного образования детей [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>. – Загл. с экрана.
9. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школ. технологии. – 2004. – № 5. – С. 1–9.
10. Плешаков В. А. Теория киберсоциализации человека. – М.: МПГУ: Homo Cyberus, 2011. – 400 с.

11. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2014/09/08/obrazovanie-site-dok.html>.
12. Третьяков А. Л. Информационная компетентность как образовательный феномен // Язык и актуальные проблемы образования: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 31 янв. 2018 года, Москва. – М., 2018. – С. 389–392.
13. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--80abucjiihv9a.xn--p1ai/documents/2365>.
14. Федеральный закон от 29 дек. 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/70291362/4/#block_42.

References

1. Antonova E.S., Savchenko E.A. Antropokul'turologicheskiy podkhod kak usloviye sozdaniya obrazovatel'nogo prostranstva vuza [Anthropocultural approach as a condition for the creation of the educational space of the university]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science], 2016, no. 5, pp. 91-94. (In Russ.).
2. Vagaytseva E.S., Igonina T.B. Pedagogicheskiye usloviya formirovaniya grazhdanstvennosti starshikh shkol'nikov v sovremennom obshchestve [Pedagogical conditions for the formation of citizenship of older schoolchildren in modern society]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2017, no. 41-2, pp. 199-209. (In Russ.).
3. Golovanov V.P. Sovremennoye dopolnitel'noye obrazovaniye detey: k voprosu o novoy kontseptsii razvitiya [Modern supplementary education of children – the territory of promising and safe childhood]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of Kostroma State University N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Socio-kinetics], 2012, vol. 18, no. 1-2, pp. 138-144. (In Russ.).
4. Golovanov V.P. Deti mladshogo vozrasta i informatsionnyye tekhnologii [Modern supplementary education of children: to the question of a new concept of development]. *Evraziyskiy obrazovatel'nyy dialog: mater. Mezhdunar. foruma* [The Eurasian educational dialogue: Mater. Intern. Forum]. Yaroslavl, 2014, pp. 60-64. (In Russ.).
5. Komarova T.S., Komarova I.I. Deti mladshogo vozrasta i informatsionnyye tekhnologii [Young children and information technology]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2011, no. 8, pp. 59-68. (In Russ.).
6. Komarova T.S. Klyuchevaya figura obrazovatel'nogo uchrezhdeniya – pedagog, uchitel', vospitatel' [The key figure of the educational institution is the teacher, teacher, educator]. *Professionalizm pedagoga: sushchnost', sodержanie, perspektivy razvitiya: mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Professionalism of the teacher: essence, content, development prospects: Intern. scientific-practical. Conf]. Moscow, 2017, pp. 12-14. (In Russ.).
7. Komarova T.S., Tretyakov A.L. Potentsial dopolnitel'nogo obrazovaniya v formirovani i informatsionnoy kompetentnosti obuchayushchikhsya 10-11 klassov [Potential of additional education in the formation of information competence of students of grades 10-11]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy]. Moscow, 2018, no. 1, pp. 56-64. (In Russ.).
8. *Kontseptsiya razvitiya dopolnitel'nogo obrazovaniya detey* [The concept of development of additional education for children]. (In Russ.). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.
9. Lebedev O.E. Kompetentnostnyy podkhod v obrazovanii [Competence approach in education]. *Shkol'nye tekhnologii* [School technology], 2004, no. 5, pp. 1-9. (In Russ.).
10. Pleshakov V.A. *Teoriya kibersotsializatsii cheloveka* [The theory of human cybersocialization]. Moscow, MPGU, Homo Cyberus Publ., 2011. 400 p. (In Russ.).
11. *Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu* [Message from the President to the Federal Assembly]. (In Russ.). Available at: <https://rg.ru/2014/09/08/obrazovanie-site-dok.html>.
12. Tretyakov A.L. Informatsionnaya kompetentnost' kak obrazovatel'nyy fenomen [Information competence as an educational phenomenon]. *Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya: mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 31 yanvarya 2018 goda, Moskva* [Language and actual problems of education: Intern. scientific-practical. conf., January 31, 2018, Moscow]. Moscow, 2018, pp. 389-392. (In Russ.).
13. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart srednego obshchego obrazovaniya* [Federal state educational standard of secondary general education]. (In Russ.). Available at: <https://xn--80abucjiihv9a.xn--p1ai/documents/2365>.
14. *Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 goda № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law of December 29, 2012, no. 273-FZ "On Education in the Russian Federation"]. (In Russ.). Available at: http://base.garant.ru/70291362/4/#block_42.

УДК 373.3:781

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ НАЧАЛЬНОГО ФОРТЕПИАННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ В КИТАЕ

Лю Яньчэнь, аспирант, кафедра музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: yanchenl@mail.ru

В статье рассматривается психолого-педагогический подход при формировании методических принципов обучения детей игре на фортепиано в контексте китайского музыкального образования. Современная детская фортепианная педагогика в Китае – наиболее актуальная и популярная проблематика по музыкальному образованию, разработанная молодыми педагогами-пианистами.

Предлагаются пути выхода из возникшей ситуации всеобщей неудовлетворенности результатами начального фортепианного обучения в Китае. Раскрываются причины кризисной ситуации, обусловленные тем, что с детьми часто работают преподаватели, не имеющие лицензии и специального образования.

В результате проведенного анализа определена ответственность фортепианного педагога за качество обучения, доказаны эффективность семейного музыкального воспитания и глубина воздействия музыкальной среды, в частности, средств массовой информации (СМИ), на детей, обучающихся игре на фортепиано. Сделаны выводы и даны рекомендации по организации учебно-воспитательного процесса обучения игре на фортепиано в Китае. В частности, показано, что музыкальная среда многосторонне влияет на детское фортепианное обучение, особенно в направлении деятельности СМИ, позитивная функция которых должна быть использована в фортепианной педагогике. Что касается выхода из создавшейся кризисной ситуации, то автор выражает уверенность, что она будет преодолена благодаря высокому уровню развития фортепианной педагогики в Китае в области начального обучения игре на фортепиано.

Ключевые слова: детская фортепианная педагогика, педагог по фортепиано, семейное музыкальное воспитание, музыкальная среда, роль СМИ.

PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL APPROACH IN THE PROCESS OF FORMING THE METHODOLOGICAL PRINCIPLES IN THE INITIAL TEACHING CHILDREN TO PLAY THE PIANO IN CHINA

Liu Yanchen, Postgraduate, Department of Musical Upbringing and Education, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: yanchenl@mail.ru.

Modern children's piano pedagogy is the most relevant subject of music education in China. The purpose of writing this article was to look through the practice of teaching the piano, finding the reasons for the critical situation depending on the displeasure with results of studying the piano playing by children and their parents.

The ways out of the situation of general dissatisfaction with the results of initial piano education in China are proposed. The author reveals the causes of the crisis situation due to the fact that teachers who do not have a license and special education often work with children.

Summing the results of a research in influences that were turned on the initial students in China, the author offers the ways out the difficult situation. As a result, the responsibility of a piano teacher is defined, and the effectiveness of the influence of family musical upbringing, of public musical environment, particularly,

mass media, on those who are getting the piano education are proved, as well. It defines the psychological and pedagogical approaches in forming the methodical principles in the initial piano teaching the Chinese children. Conclusions on organizing the teaching process are made and recommendations are given. Particularly, it is shown that the musical environment's influences on the piano teaching are connected with mass media, their positive function must be used in piano pedagogy. As to finding the way out the situation of the crisis, the author is sure that it will be overcome thanks to the high level of the development of the initial piano pedagogy in China.

Keywords: children's piano pedagogy, piano teacher, family musical education, public musical environment, role of mass media.

Численность детей, занимающихся игрой на фортепиано в Китае, неуклонно растет. Проблемы детской фортепианной педагогики, связанные с ее качественной стороной, стали наиболее распространенной тематикой в области китайского музыкального образования. Для того чтобы ориентированно решать непосредственно сами проблемы, возникшие в начальном фортепианном образовании, необходимо проанализировать с позиций музыкального воспитания, как и что психологически воздействует на обучающихся. Это такие факторы, как деятельность педагога по фортепиано; семейное музыкальное воспитание; влияние музыкальной среды, в частности, средств массовой информации.

Объектом исследования выступает учебно-воспитательный процесс начального обучения игре на фортепиано в Китае. Предметом исследования является психолого-педагогический подход к организации учебно-воспитательного процесса. Проблема же заключается в определении причин той кризисной ситуации (а именно: недостаточно продуктивных результатов обучения, что приводит к неудовлетворенности учеников и их родителей), которая создалась в области начального обучения китайских детей игре на фортепиано, и поиске путей выхода из нее.

1) Педагог по фортепиано (деятельность учителя игре на фортепиано)

В последние годы сформировались определенные подходы к обозначению того, что представляет собой *музыкальное воспитание*. Так, проблемы содержания музыкального воспитания рассматривали российские методисты Э. Б. Абдуллин, Л. А. Безбородова, И. Ю. Дьяченко, М. С. Осеннева, А. Ф. Яфальян и другие, а также в этом вопросе весьма заметна деятельность таких китайских учёных, как Чжоу Гуанжэнь,

Ин Шичжэн, Дан Чжаои. Под музыкальным воспитанием обычно понимается целенаправленное, пластичное формирование личности ребенка путем воздействия музыкального искусства – сложение эстетических интересов, потребностей, отношения к личности, приобщение ребенка к музыкальной культуре, мировой и той страны, где он живет и обучается.

В процессе получения музыкального образования (то есть при прохождении музыкального воспитания) значительную роль играют учителя музыки, преподаватели игры на фортепиано. Известный американский пианист Юджин Лист, в частности, отмечал: «В самом деле, на музыкальной жизни страны сказывается огромное влияние учителей, чтобы красота и сила музыки познавались всем народом страны, что достигается через посредство преподавателей музыки» (цит. по [4, с. 163]). Следовательно, именно учитель музыки становится решающим звеном между музыкальным богатством и ребёнком. Эффективность полученных результатов в детском музыкальном образовании в большой мере зависит от профессионального умения и собственного характера педагога, и соединение музыкальной и педагогической сторон в деятельности преподавателя фортепиано нуждается в приобретении определённых качеств, обеспечивающих выполнение задач учителями в их деятельности. К качествам такого рода прежде всего нужно отнести следующие: профессиональную нравственность, высокий уровень квалификации, владение педагогическими умениями и навыками, технологиями обучения, а также творческое мастерство.

Исходным понятием профессиональной нравственности является понятие профессионального долга, в котором служебные обязанности учителя фиксируются достаточно подробно. Именно осознание своего служебного долга по-

буждает представителей целого ряда профессий относиться к своему делу с наибольшей ответственностью, учитывая многие конкретные нюансы взаимоотношений личности и общества, личности и коллектива. Профессиональный долг стимулирует самоотдачу педагога, именно в этом находя конкретное выражение долга человека. Прежде всего, для любой профессиональной этики исходным является принцип гуманизма, то есть уважительного отношения к каждой человеческой личности, понимания ее неповторимости, самодостаточной ценности. Осознание этого принципа весьма важно для учителя, в деятельности которого данный принцип реализуется по-своему, прежде всего, в любви к детям. По данному принципу интерпретированы отношения между учителем и его учениками, а также их родителями педагогом и психологом Ш. А. Амонашвили: «...Мы должны быть людьми доброй души и любить детей такими, какие они есть... Доброта и любовь к детям должны быть не только внутренне переживаемым состоянием, но и главным мотивом, стимулом нашей педагогической деятельности, общения с ребенком или со всем классом...» [1, с. 8–9].

Профессиональная квалификация рассматривается как необходимое качество учителя музыки, особенно того, кто занимается детской фортепианной педагогикой, в полной мере воздействующей на эффективность развития исполнительского мастерства. Детские педагоги по фортепиано должны обладать двигательными (техническими) умениями и навыками, которые являются способами, решающими практически любые технические трудности, встречающиеся в фортепианном обучении. Кроме того, в профессиональной квалификации совершенствуются также музыкальность и музыкальные способности, помогающие учителю создавать свою собственную позицию в отношении разнообразных музыкальных явлений. Чем выше развиты музыкальные способности учителя, тем легче он будет распознавать наличие и своеобразие музыкальности у своих учащихся, находить целесообразные пути развития их способностей. Необходимо подчеркнуть, что для *китайских* педагогов по фортепиано становится обязательным ясно осознавать специфику *китайских* произведений, кроме того, педагоги по фортепиано должны иметь представ-

ление о национальных музыкальных языках. Фортепианное образование характеризуется квалифицированностью высокого уровня и практической направленностью; педагогу, работающему с детьми на начальном этапе, требуется непрерывное совершенствование его профессиональной квалификации.

Педагогические умения и навыки включают в себя четыре основных пункта: 1) богатство знаний в области детской педагогики и психологии; 2) способность выбирать соответствующие материалы и педагогические технологии для разных детей; 3) возможности для педагогического показа и речевого выражения своих намерений; 4) обучение детей самостоятельной работе.

Безусловно, дети имеют свои особенные физические и психологические способности, которые должны быть учтены в планировании музыкальной педагогической деятельности учителем в полной мере, более того, основной формой обучения игре на фортепиано является индивидуальный урок, поэтому возникает необходимость в составлении индивидуального плана учащегося. При выборе программы для индивидуального учебного плана педагогу лучше всего обратиться к существующим стандартам, ориентированным на примерный уровень трудности на том или ином этапе обучения. Неотъемлемой частью процесса обучения является самостоятельная работа, от нее зависит продуктивность занятий. Поэтому в конце урока педагог должен определить соответствующие задания для домашней работы, главное заключается в том, чтобы обязательно на следующем уроке проверить исполнение поставленных задач. Только зная, что его проверят, учащийся будет внимательно подходить к своей самостоятельной работе.

Вместе с тем, как пишет М. Р. Черная, «воспитание любви к музыке – краеугольный камень в фундаменте полноценного эстетического воспитания... Задача педагога – пробуждать глубокий длительный интерес к музыке» [5, с. 6]. Творческое развитие детей, их креативность в процессе целенаправленной деятельности на музыкальных занятиях признаны значительными задачами для современного музыкального обучения, которое предопределяет результативность деятельности учителя музыки в воспитательном и обучающем

аспектах. Педагог не только воспитывает у ученика знания, умения и навыки, он обучает слушанию музыки, музыкальной грамоте, ориентируясь на доступные музыкальные стандарты, развивает у детей их естественные природные способности.

Творческое мастерство педагога предполагает также педагогическое новаторство, которое может выражаться в разработке авторской учебной программы, в поиске и нахождении нового музыкального материала, в разработке новых принципов, методов, приемов преподавания музыки, в решении возникающих задач и т. д. Нередко возникают уникальные ситуации в деятельности учителя, которые связаны с неповторимым конкретным составом учащихся класса, что требует новых сочетаний организационных приемов и методов работы, помогающих преподавателю быстро оценивать качество исполнения у своих учащихся и оперативно находить соответствующие пути к их совершенствованию.

Вышеуказанные профессиональные качества являются важнейшими для учителя музыки, формируются же они уже в процессе овладения будущим учителем своей профессией, а затем – в процессе занятий по повышению квалификации.

2) Влияние семейного воспитания на детское фортепианное образование

В Китае бытует такая пословица: «Семья – это первая школа в жизни, родители – первые учителя ребенка» [7, с. 470]. С этим трудно не согласиться, ведь семья – это базовая социальная единица, особая общественная организация, причем каждая семья обладает большими или меньшими воспитательными возможностями, от этих возможностей и от того, насколько обоснованно и целенаправленно родители используют их, зависят результаты домашнего воспитания. Хотя в настоящее время формы получения музыкального образования разнообразны, более того, многие родители нередко отправляют своих детей на обучение в художественный центр, музыкальную школу и т. д., но значение семейного музыкального воспитания при этом не может оставаться незамеченным.

В детском фортепианном обучении влияние семейного музыкального воспитания является

чрезвычайно глубоким. С одной стороны, в Китае такое обучение не является по-настоящему профессиональным, так как многие подготовительные работы выполняются родителями. С другой стороны, в силу учёта психофизиологической специфики и возрастных особенностей детей, эффективное семейное воспитание в обеспечении детского фортепианного обучения, возможно, никогда и не заменится чем-либо другим.

Для того чтобы в полной мере осуществить цели детского фортепианного образования, родителям необходимо выполнять следующие установки:

- *во-первых*, следует определить цель и значение для ребенка получения фортепианного образования, а также необходимо подготовить условия для обучения. Значение обучения игре на фортепиано признается большинством родителей и выражается, по их мнению, в том, что с его помощью можно формировать нравственные качества ребенка, развивать его интеллектуальные способности, всесторонне способствовать раскрытию его таланта. Необходимо подчеркнуть, что эстетическое свойство становится существенным в процессе обращения к музыкальной красоте, когда ребенок, совершенствуя свое понимание, получает всестороннее развитие, поэтому родители должны поставить эстетическую функцию музыкального образования на первое место. Одна из важных задач в подготовке к обучению игре на фортепиано заключается в том, чтобы перед его началом создать хорошую музыкальную атмосферу в семье, познакомить детей с музыкой в самом раннем возрасте. Материальная база тоже нуждается в подготовке, в том числе, это и оборудование уютной комнаты для самостоятельной работы, и приобретение качественного пианино или рояля, учебников, пособий и т. д. Более того, родители должны быть поняты детьми, которые будут убеждены, что фортепианное обучение – это не просто так, во всяком случае, ленивые подготовиться к нему не смогут;

- *во-вторых*, нужно правильно выбрать педагога, а затем помогать ребенку в выполнении домашних заданий. Фортепианное обучение является длительным и тяжёлым процессом, поэтому целесообразный выбор педагога, особенно для учащихся на начальном этапе, имеет важное зна-

чение. Один из известных пианистов Иосиф Гофман писал: «...педагогу, работающему с детьми, не требуется блестящий талант, как у великого пианиста, но необходимо приобретать прекрасные музыкальные способности и обширные знания о детской психологии» [2, с. 47].

В наше время в Китае разразился кризис неудовлетворенности получаемыми результатами обучения из-за того, что некоторые педагоги работают без лицензии на педагогическую деятельность. Чтобы избежать подобной проблемы, родителям необходимо привести своих детей к педагогу, который может организовать учебную деятельность *профессионально*, проводить учебно-воспитательный процесс по более действенным методикам и педагогическим технологиям. В своей книге Иосиф Гофман подчеркнул: «Без основной базы для развития способностей оставаться чрезвычайно опасно, многие люди посвятили всю свою жизнь исправлению вредных привычек, полученных из невежественных в фортепианной педагогике рук» [2, с. 137]. Эту мысль развивает и Г. Коган в своем предисловии к книге Гофмана [3].

Безусловно, кроме правильного выбора педагога, контроль за качеством самостоятельной работы детей становится постепенно главной обязанностью родителей. Фортепианное обучение как особенное художественное образование отличается от других общественных видов школьного обучения; его положительный результат, по крайней мере, зависит от эффективности самостоятельной работы, которую учащийся проведёт дома. Поэтому родителям необходимо контролировать эту самостоятельную работу детей, играя в семье роль учителей;

- *в-третьих*, нужно создавать культурную атмосферу в семье, многосторонне развивать интересы детей, что сыграет свою положительную роль, поскольку благоприятная атмосфера, позволяющая обеспечивать раннюю музыкальную подготовку, является основой для обучения музыке. Создание благоприятных условий для семейной культуры требует от родителей широкого кругозора, внимания, им следует сосредоточиться не только на формировании вкуса детей к игре на фортепиано, но также обратить их внимание на музыку, искусство, литературу и науку. Только та-

ким образом можно достичь того, чтобы интерес детей к обучению игре на фортепиано был прочным, музыкальный кругозор при этом будет расширяться, с тем чтобы добиться всестороннего осуществления целей в области профессиональной подготовки. В своем интервью пианист Клаудио Аррау говорил: «Я люблю великую литературу, я читал Гёте всю жизнь, также люблю оперу, драму и современный танец, от них получал много вдохновения» (цит. по [6, с. 93]). Таким образом, задача родителей – вызвать у своего ребенка устойчивый интерес к литературе и искусству.

Семья становится основным социальным фактором, играющим ведущую роль в воспитании различных интересов и способностей детей, в педагогическом воздействии на развитие интеллекта учащихся, она может способствовать их полноценному фортепианному обучению. Родители должны избегать небрежности, вызывающей неправильные указания, им нельзя позволять семье становиться культурной и художественной пустыней.

3) Влияние музыкальной среды

О музыкальной культурной среде, которая сложилась в Советском Союзе, писала в своей статье выдающийся китайский фортепианный педагог Ин Шичжэн: «Дети, живущие в СССР, счастливы, их культурная жизнь на зависть всем... Были открыты специальные театры для детей, в которых готовили соответствующий репертуар каждую неделю, а также в концертном зале часто организовывались серии концертов, в программы которых включались сочинения композиторов XV–XX веков, на концертах выступали народные и заслуженные артисты без какого-либо заработка... В семье рабочего громоздились сборники Толстого и Пушкина, в вагоне автобуса пассажиры спокойно читали газеты и книги, на улице всегда звучали формулы вежливости... Мне кажется, что все эти примеры традиционного нравственного и культурного воспитания являются плодородной почвой для музыкального образования» [4, с. 20]. Детское фортепианное образование признано как социальное культурное явление, которое тесно связано с социальной музыкальной культурной сферой, в том числе как направление для работы средств массовой информации. Статус преподава-

теля, занимающегося музыкальным искусством в обществе, в организации и учреждении, результаты государственной музыкальной аттестации, уровень и вкус любителя музыки – все эти условия воздействуют на музыкальное образование.

Музыка и музыкальное образование как часть человеческой духовной и культурной области тесно связаны со СМИ. Технический прогресс в области использования СМИ значительно способствовал распространению музыки и развитию музыкального образования, стимулировал музыкальное творчество, все данные о его пользе становились широко известны благодаря СМИ. Однако СМИ могут оказывать и негативное воздействие, главными показателями которого являются стремление к экономической выгоде и влияние на музыку в плане ее коммерциализации. Вульгарные музыкальное содержание и формы часто заполняют современные СМИ, особенно когда на многих каналах легко распространяется некачественная поп-музыка, в которой нет конкретных музыкальных образов и глубокого содержания. В такой музыкальной среде, при условии ее воздействия на протяжении длительного времени, музыкальный эстетический уровень развития детей будет сильно снижаться.

Для того чтобы СМИ наиболее эффективно служили современному детскому фортепианному обучению, мы предлагаем: 1) определить, в чем заключается их положительное значение, используя современные технологии по получению информации и способам совершенствования детского фортепианного обучения в электронной форме; 2) расширять с помощью СМИ музыкальный кругозор учащихся и преподавателей; 3) сопротивляться негативному влиянию СМИ на обучение, создавая условия для восприятия детьми естественной, истинной красоты музыки, формируя у них эстетическое отношение к музыке.

Безусловно, типы социальной музыкальной среды чрезвычайно разнообразны, каждый из этих типов может активно воздействовать на об-

становку в детском фортепианном образовании, влиять на эффективность и качество фортепианного обучения. Если СМИ используются правильно, то педагогическая деятельность по обучению игре на фортепиано может стать более доступной, получить еще более широкое распространение.

Анализ ситуации в начальном фортепианном образовании в Китае приводит нас к следующим выводам:

1. В музыкальной педагогической деятельности именно педагог, которому необходимо приобретать высокий уровень в своей профессии, постоянно совершенствовать свою квалификацию и непрерывно обогащать знания и умения во всех областях, играет значительную, ведущую роль.

2. Семейное музыкальное воспитание в большой мере стимулирует детское фортепианное образование, обеспечивает выполнение задач, поставленных педагогом, это особенно заметно в выполнении самостоятельной работы обучающимися.

3. Музыкальная среда многосторонне влияет на детское фортепианное обучение, особенно важна в этом отношении деятельность СМИ, позитивная функция которых может быть использована в фортепианной педагогике.

4. Для выхода из создавшейся критической ситуации в начальном фортепианном музыкальном образовании в Китае необходимо повысить уровень подготовки учителей и широко информировать родителей в СМИ о нецелесообразности занятий у преподавателя, не имеющего необходимой для этого подготовки, о необходимости профессионального подхода в этом деле. Тогда и не будет неудовлетворенности от результатов обучения детей игре на фортепиано.

5. Уровень развития детской музыкальной педагогики в области начального обучения игре на фортепиано в настоящее время в Китае достаточно высок, что создает условия для преодоления возникших трудностей.

Литература

1. Амонашвили Ш. А. В школу – с шести лет // Педагогический поиск / сост.: И. Н. Баженова, Ш. А. Амонашвили. – М.: Педагогика, 1986. – С. 8–9.
2. Гофман Иосиф. Фортепьянная игра / ред. Ли Шусинь. – Пекин: Народ. музык. изд-во, 2003. – 148 с.
3. Коган Г. Иосиф Гофман и его книга // Гофман И. Фортепианная игра: ответы на вопросы о фортепианной игре. – М.: Гос. музык. изд-во, 1961. – С. 3–4.

4. Ин Шичжэнь. Советское фортепианное обучение с моей точки зрения // Учеб. газ. Китай. центр. консерватории. – Пекин: Изд-во Китай. центр. консерватории, 1989. – № 10. – С. 20–23.
5. Тун Даоцзинь, Фан Миньжю. Фортепианное исполнение и педагогическое искусство. – Пекин: Народ музык изд-во, 2003. – 163 с.
6. Черная М. Р. Методика обучения игре на фортепиано: учеб. пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 76 с.
7. Ю Юй. Чудо на клавиатуре. – Пекин: Изд-во культуры и искусства, 1997. – 93 с.
8. Ян Янь, Цю Шэн, Чэнь Бинь. Словарь китайской пословицы. – Пекин: Знание, 2007. – 470 с.

References

1. Amonashvili Sh.A. V shkolu – s shesti let [At school – from six years]. *Pedagogicheskiy poisk [Pedagogical search]*. Ed. I.N. Bazhenova. Moscow, Pedagogika Publ., 1986, pp. 8-9. (In Russ.).
2. Hoffman Iosif. *Fortepiannaia igra [Piano playing]*. Ed. Li Shusin'. Beijing, Narodnoe muzykal'noye izdatel'stvo Publ., 2003. 148 p. (In Chin.).
3. Kogan G. Iosif Hoffman i ego kniga [Iosif Hoffman and his book]. *Hoffman I. Fortepiannaia igra: otvety na voprosy o fortepiannoi igre [Piano playing: answering the questions on piano playing]*. Moscow, Gosudarstvennoye muzykal'noye izdatel'stvo Publ., 1961, pp. 3-4. (In Russ.).
4. In Shichzhen. Sovetskoe fortepiannoe obuchenie s moey tochki zreniia [Soviet piano teaching from my point of view]. *Uchebnaya gazeta Kitayskoy tsentral'noy konservatorii [Studying Newspaper of the Chinese Central Conservatory]*. Beijing, Kitayskaya Tsentral'naya Konservatoriya Publ., 1989, no. 10, pp. 20-23. (In Chin.).
5. Tun Daotszin, Fan Minchzhu. *Fortepiannoe ispolnenie i pedagogicheskoe iskusstvo [Piano execution and pedagogical art]*. Beijing, Narodnoe muzykal'noye izdatel'stvo Publ., 2003. 163 p. (In Chin.).
6. Chernaya M.R. *Metodika obucheniya igre na fortepiano: ucheb. posobie [Methodic of teaching piano playing. Textbook]*. Tver, Tver State University Publ., 2002. 76 p. (In Russ.).
7. Yu Yuy. *Chudo na klaviature [Miracle on claves]*. Beijing, Izdatel'stvo kul'tury i iskusstva Publ., 1997. 93 p. (In Chin.).
8. Yan Yan, Tsyu Shen, Chen Bin. *Slovar' kitaiskoy posloviy [Vocabulary of Chinese proverbs]*. Beijing, Znaniye Publ., 2007. 470 p. (In Chin.).

УДК 37.013.42

МОТИВАЦИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К ИГРЕ НА ФОРТЕПИАНО: К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ТЕОРИИ А. МАСЛОУ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Ма Сяосюань, аспирант, институт музыки, театра и хореографии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: 346258534@qq.com

Работа посвящена формированию и поддержанию мотивации в процессе обучения игре на фортепиано младших школьников в связи с возможностью привлечения положений теории американского психолога-исследователя А. Маслоу к учебно-воспитательной деятельности. Объект исследования актуален в связи с современным педагогическим процессом, который обычно сводится к отработке технических навыков и достижению сформулированных результатов, тогда как личность учащегося и его потребности учитываются достаточно редко в практике преподавания. Это приводит к тому, что неудовлетворенные нужды ребенка снижают мотивацию к обучению и тормозят развитие музыкальных способностей детей.

Внимание в процессе работы над темой уделялось психологическим аспектам теории, поиску взаимосвязей между различными уровнями Пирамиды потребностей А. Маслоу. Автор приходит к выводам, демонстрирующим значение положений этой теории для достижения успешности в обучении игре на фортепиано. Так, в случае девиантного поведения учащегося во время занятия дается совет выявить

его необходимую на данный момент потребность. Акцентируется необходимость установления доверительных отношений между учителем и учеником, что способствует созданию доброжелательной рабочей атмосферы на уроке. Для поддержания самооценки учащегося и удовлетворения его потребности в самоуважении обращается внимание на отношение к самому процессу обучения и необходимость позитивного настроения учителя к работе ученика. Следование этим советам позволит закрепить уверенность ученика в выборе оптимального пути обучения, удовлетворённость учебным процессом и сформирует эстетическую потребность в приобретении музыкальных знаний. Дальнейшее погружение учащегося в мир музыки, в свою очередь, усилит мотивацию и сформирует потребность в последовательном переходе на более высокий уровень обучения, повысит самостоятельность ученика в последующей работе.

Таким образом, при учёте психологических особенностей учащегося в учебно-воспитательном процессе, опираясь на положения теории А. Маслоу, преподаватель может не только стимулировать позитивное отношение ребенка к обучению игре на фортепиано, но и способствовать сохранению психологического и физического здоровья ученика, что позволит его личным качествам развиваться более гармонично, что автор статьи и доказывает.

Ключевые слова: иерархия потребностей, учебная мотивация, удовлетворение потребности, обучение игре на фортепиано, теория Пирамиды потребностей А. Маслоу.

MOTIVATION OF THE PUPILS OF THE INITIAL SCHOOL TO PLAYING PIANO: TO THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE MASLOW'S THEORY USED IN THE TEACHING PROCESS

Ma Xiaoxuan, Postgraduate, Institute of Music, Theatre and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: 346258534@qq.com

This article tells about forming and keeping the motivation in the process of teaching the piano in connection with attraction of American psychologist A. Maslow's theory to the pedagogical process from the perspectives of academic motivation's development and maintenance. The target of this study remains timely as learning process has become more concentrated on developing the technical skills and achieving some certain results, whereas the student's personality is neglected. As a result, unmet needs reduce the child's motivation level and learning capacities.

During a research based on Maslow's theory, an elaborated study has been undertaken. Special focus has been made on searching for the correlations among aspects of the theory. Based on the obtained results, each need has been considered from the perspectives of teaching the piano, that is: methods to detect a problem, solution approach, etc. Then the author draws some deductions based on the obtained results to demonstrate the meaning of the theory for successful teaching. For instance, in case of student's deviant behavior, it is advised to reveal the most topical need of a kid and help him fill it. The importance of satisfying the basic needs, such as safety and physiology, is emphasized. Firm and trustworthy relationship between a teacher and a student is also important as it may contribute to benevolent working climate. To support student's self-esteem, it is proposed to mark their achievements out, for example, by using an appropriate praise. It makes possible to fill cognitive and aesthetic needs via obtaining music knowledge. Consequently, further immersion into the music sphere may satisfy the student's supreme need in self-actualization.

Therefore, if the teacher considers some specific student's features regarding the Maslow's theory, it will have a positive effect on the academic motivation and help save their psychological and physical health. It will also promote harmonious development of a kid's personality.

Keywords: hierarchy of needs, academic motivation, fill of a need, piano teaching, the Theory of Hierarchy of Needs by A. Maslow.

Обучение детей младшего школьного возраста игре на фортепиано

Обучение детей игре на музыкальных инструментах становится всё более популярным в Китае, в результате чего музыкальное образование уже является нормой. При этом у китайских детей младшего школьного возраста проявляется нехватка учебной мотивации и учебной потребности, что сделало путь начального освоения игры на фортепиано «дорогой страданий». Под словом *потребность* обычно подразумевают физиологические и психологические нужды, вызывающие стремление удовлетворить желания и требования, связанные с ними [3, с. 42].

Заметим, что с обучением музыке детей в Китае в настоящее время сложилась ситуация, о которой проректор Центральной Пекинской консерватории Чжоу Хайхун на конференции по инновациям в художественном образовании Китая в 2017 году в своем интервью сказал: «На данный момент Китай является второй по величине экономической системой во всем мире. При этом соответственных достижений, подобных успехам в экономике, не наблюдается в культуре и искусстве. Таким образом, на данный момент национальная музыкальная культура, искусство, наука и техника Китая, политика, военная отрасль, а также экономическое развитие находятся на совершенно разных этапах развития» [8]. Он также указал на то, что прослеживается взаимосвязь многих проблем в современном обществе с недостаточно высоким уровнем эстетической культуры. Это в том числе обусловлено нахлынувшей на Китай с 70-х годов XX века так называемой «фортепианной лихорадкой», которая привела к общепризнанному в обществе мнению, что начальное обучение игре на фортепиано неразрывно связано «с тяготами и страданиями».

Целью написания данной статьи ставится стремление определиться с возможностями поддержания мотивации к игре на фортепиано у детей младшего школьного возраста с помощью использования основных положений теории А. Маслоу. Предметом исследования выступает динамика развития учебной мотивации в педагогическом процессе, а проблемой – использование положений теории Пирамиды потребностей А. Маслоу в обучении игре на фортепиано.

Основное содержание теории Пирамиды потребностей А. Маслоу

На протяжении длительного времени психологи проводили всесторонние глубокие исследования сферы человеческих потребностей, сформировав множество теорий. Среди них наиболее известна и влиятельна в данной сфере «Теория Пирамиды потребностей» современного американского психолога Абрахама Маслоу. Обратимся к рассмотрению этой теории и адаптации ее к учебно-воспитательному процессу обучения детей игре на фортепиано.

Потребность является стремлением по отношению к определенному объекту, что порождает отправной поведенческий импульс. Как только возникает *потребность*, она становится силой, управляющей поведением, направляющей его на удовлетворение нужд и побуждающей человека предпринимать действия различного рода. Посредством таких действий потребности постоянно получают удовлетворение, при этом непрерывно порождая новые, что в свою очередь стимулирует непрекращающееся поступательное развитие личности. Крупнейший философ Карл Маркс отмечал: «Если человек не уделяет внимание той или иной потребности или органу тела, связанного с ней, то он не сможет ничего осуществить» [4, с. 127].

На раннем этапе своей работы А. Маслоу разделял потребности на несколько уровней по очередности их появления и интенсивности: это физиологическая потребность, потребность в безопасности, потребность в принадлежности и любви, потребность в уважении и самоактуализации. Впоследствии он добавил познавательную и эстетическую потребности.

1. *Физиологические потребности* включают в себя необходимость в пище, воде, воздухе, сне и пр. Для человека они являются базовыми, примитивными и в то же время наиболее сильными. Это основа для зарождения всех остальных потребностей. Пока человек находится под контролем физиологических потребностей, другие аспекты отходят на задний план. А. Маслоу считает, что физиологические нужды одновременно могут прокладывать путь для реализации других потребностей. Например, человек может «кiszголотаться» по чувству умиротворения и ощущению тесной связи с кем-либо, а не по буквальной еде.

Это особенно заметно в личных отношениях. Например, если ребенок и вы тесно связаны друг с другом, он иногда может говорить, что «голоден», «не может больше идти», для получения заботы, любви и ласки.

2. *Потребность в безопасности* – это надежда получить защиту или избавиться от угрозы, тем самым достигнув чувства защищенности. К данному понятию относится не только отсутствие угроз извне, со стороны окружающей среды, но и внутренняя безопасность. Данная потребность проявляется в человеке при сравнительном удовлетворении его физиологических нужд. У младенцев потребность в безопасности проявляется особенно сильно, поскольку они не в состоянии принимать ответные меры при столкновении с угрожающими им факторами. Если данная потребность не получает удовлетворения, у индивидуума создается ощущение, что его жизнь постоянно находится под угрозой. Или же он может испытывать непрекращающееся беспокойство, часто проявляя чрезмерную защитную реакцию. Например, если во время занятий ребенок регулярно возражает учителю, излишне эмоционально реагирует, то вполне возможно, что данный ученик не испытывает чувства безопасности в достаточной мере.

3. *Потребность в принадлежности и любви* также называется *потребностью в общественных связях*. Она означает, что каждый человек испытывает необходимость быть принятым другим человеком или группой людей, необходимость в заботе, внимании, поощрении и поддержке. Эта потребность более высокого порядка, она появляется после удовлетворения физиологических нужд и достижения чувства безопасности. Такая потребность включает в себя симпатию и любовь со стороны других людей, надежду на крепкую дружбу и дружескую поддержку, гармоничные межличностные отношения, принятие группой людей, становление частью этой группы, достижение чувства принадлежности и т. д. Индивидуум, у которого данная потребность недостаточно удовлетворена, особенно сильно испытывает нужду в друзьях и тесных связях. Или же он может страдать от сильного чувства одиночества, покинутости, отверженности и т. д.

4. *Потребность в уважении* – это необходимость получить достойную оценку со стороны

общества. Она идет следом за удовлетворением базовых потребностей, таких как физиологические нужды, потребность в безопасности, потребность в принадлежности и любви. Данный аспект включает в себя самоуважение и конкретные проявления признания со стороны других людей, необходимые для осознания собственных способностей и достигнутого успеха, а также веру в себя, самостоятельность, жажду быть оцененным по достоинству, значимость авторитета и репутации. Если данная потребность удовлетворена, индивидуум испытывает уверенность в себе, ощущает свою самооценку и внутреннюю силу. В обратном случае возникает чувство неполноценности или слабости, которое приводит к подавленности и беспомощности.

5. *Познавательная потребность* также называется *потребностью в знании и понимании*. Под ней подразумевается проведение индивидуальных исследований своей личности и окружающего мира, а также необходимость в понимании и разрешении проблем. А. Маслоу рассматривает познавательную потребность как инструмент для преодоления препятствий. Если оставить ее без реализации, то удовлетворение других потребностей также может оказаться под угрозой: избегание опасности при поиске пищи, а также приобретение расположения со стороны окружающих неразрывно связаны с познанием.

6. *Эстетическая потребность* включает в себе стремление к симметричности, упорядоченности и законченности структуры, а также к совершенству действий. Она находится в тесной взаимосвязи с другими потребностями. Например, при игре на фортепиано желание придать большую красоту музыкальной фразе одновременно является выражением и эстетической, и познавательной потребности.

7. *Потребность в самоактуализации* – наивысшая потребность по иерархии, возникающая после удовлетворения всех остальных. Под самоактуализацией подразумевается стремление к достижению своего идеала, психологическая необходимость в полной мере раскрыть личный потенциал, способности и таланты. Эта потребность напрямую связана с творчеством и воплощением самооценности.

Краткая характеристика потребностей, согласно теории А. Маслоу

Потребности роста. Высшая ступень (адаптация в обществе)	1. Потребность в самоактуализации. Потребность в развитии и выражении личного потенциала реализуется через творчество и стремление к персональным идеалам; является неделимой с познавательной и эстетической потребностями
	2. Эстетическая потребность. Симметричность, упорядоченность, законченность структуры, а также потребность к самоличному созданию прекрасного. Нужда здоровой личности в красоте и эстетике периодически пересекается с другими потребностями. Например, при игре на фортепиано стремление придать красоту музыкальной фразе является и эстетической, и познавательной потребностью
	3. Потребность в познании и понимании. Исследование себя и окружающего мира, желание понять и разрешить трудные вопросы
Потребности нужды, также называемые базовыми потребностями. Низший уровень	4. Потребность в самоуважении. Уважение со стороны других людей (внимание, принятие, поддержка и одобрение), самоуважение (вера в себя, самоутверждение, самостоятельность, компетентность). При невозможности удовлетворения данной потребности может возникнуть чувство собственной неполноценности, слабости, беспомощности
	5. Потребность в любви. Дружба, вступление в брак, рождение детей, принадлежность к группе людей, забота окружающих. При невозможности удовлетворения данной потребности может возникнуть деструктивное поведение (раздражительность, склонность к разрушению, бессердечность и бесчувственность, сомнение в ценности жизни, замкнутость) – потребность в общественных связях
	6. Потребность в безопасности. Личная безопасность, стабильность (устойчивые эмоциональные реакции окружающих на нас, стабильная жизненная среда, прочные межличностные связи и т. д.), потребность в защищенности, уклонение от болезней, угроз, беспокойств
	7. Физиологические потребности. Вода, пища, кислород, выделение – это самые основные, самые примитивные потребности человека

Взаимосвязи внутри Пирамиды потребностей

А. Маслоу, распределяя человеческие потребности по разным уровням, одновременно раскрыл взаимосвязи, существующие между этими различными уровнями. Конкретно можно выделить несколько моментов.

1. Четыре потребности, располагающиеся внизу пирамиды А. Маслоу, называются потребностями нужды, или базовыми потребностями. Они необходимы для выживания индивидуума, то есть они обязательно должны быть удовлетворены хотя бы в определенной степени. Но как только данные аспекты получают необходимое удовлетворение, импульс, порождающий их, исчезает. Три последующих потребности являются

потребностями роста. Хотя выживаемость индивидуума от них напрямую не зависит, но они обладают важным конструктивным значением при адаптации в обществе. Другими словами, потребности нужды помогают нам продолжать существование, тогда как потребности роста улучшают нашу жизнь. В обычных условиях, различные потребности располагаются от нижней к верхней, подобно ступеням на лестнице, и должны получать удовлетворение так же, по порядку.

2. Теория Пирамиды потребностей заключает в себе две базовых идеи. Первая – каждый человек обладает потребностями, при этом только после того, как удовлетворяется потребность одного порядка, появляются следующие по иерархии потребности. Вторая – если не удовлетворено

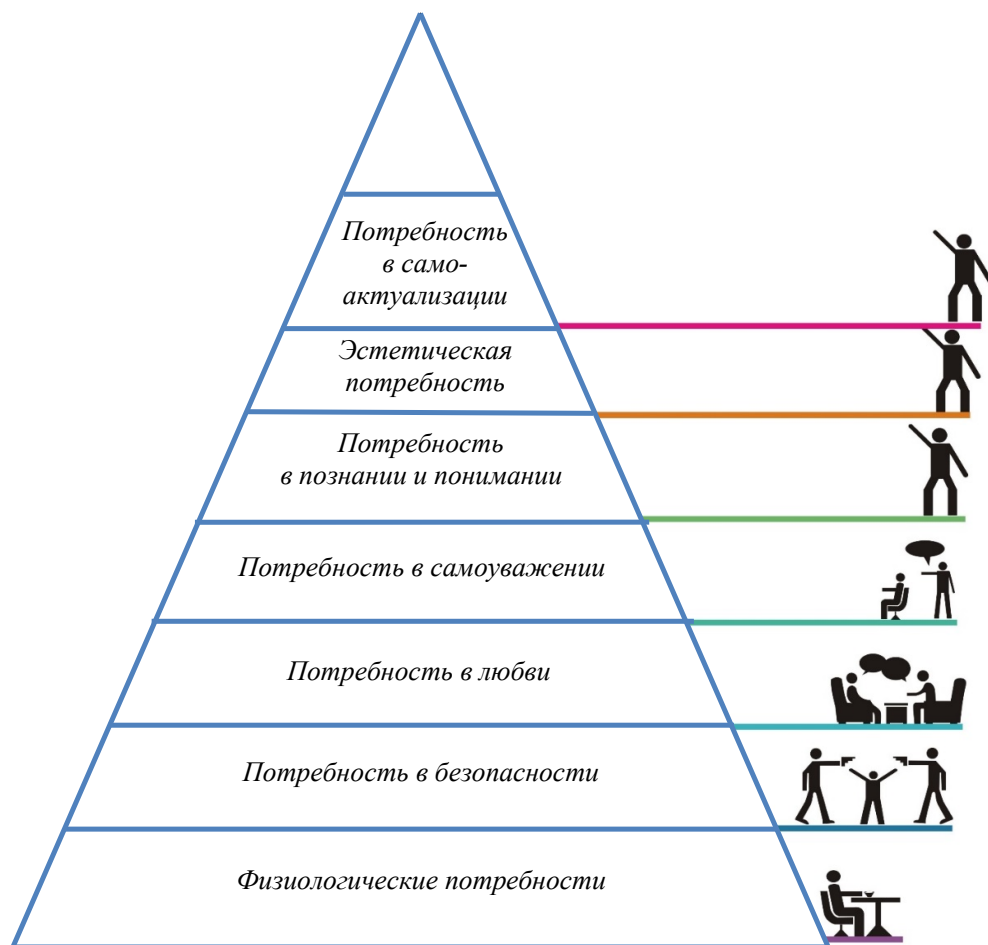

Рисунок 1. Пирамида потребностей, по А. Маслоу

несколько потребностей различного порядка, в первую очередь необходимо удовлетворить насущные потребности, после чего доминирующее положение займут последующие [5, с. 109].

3. В сущности потребности низшего уровня должны быть удовлетворены как минимум частично, только после этого возможно появление потребностей высшего порядка. Преобладающая необходимость управляет мышлением и действиями человека. При этом после возникновения высших потребностей, низшие потребности всё еще продолжают существовать, но их влияние на поведение индивидуума ослабляется.

4. Потребности нужды могут получить удовлетворение с помощью внешнего воздействия, тогда как потребности роста могут быть удовлет-

ворены посредством внутренних факторов, способствуя росту личности.

5. Один человек может испытывать несколько потребностей одновременно, но при этом в каждый период времени всегда доминирует определенная потребность, непосредственно определяющая линию поведения. Она не может быть вызвана или устранена потребностью более высокого порядка. При этом существует взаимосвязь между различными уровнями, которые могут накладываться друг на друга.

Теория Пирамиды потребностей дает объяснение того, что нехватка учебной мотивации у учащегося в определенной степени может быть обусловлена отсутствием должного удовлетворения тех или иных базовых потребностей. Напри-

мер, если поставить ребенка, испытывающего голод, перед выбором: поиграть на фортепиано или поесть, он, без сомнения, выберет второе. И только после достижения чувства сытости он может выбрать занятия на фортепиано. В противоположность потребностям нужды, потребности роста по определению невозможно удовлетворить в полной мере, поскольку, независимо от того, идет ли речь о стремлении к знаниям или эстетике, подобные понятия не имеют каких-либо ограничений.

Удовлетворение индивидуальных потребностей учащихся, стимулирование учебной мотивации

Согласно теории Пирамиды потребностей А. Маслоу, для того чтобы активизировать положительный настрой учащихся, стимулировать их учебную мотивацию, развивать у них учебную потребность, в первую очередь, необходимо удовлетворить их базовые потребности. При этом важно учитывать законы возрастного развития, для того чтобы обеспечить здоровое и счастливое взросление, что заложит основу и создаст предпосылки для возникновения у индивидуума потребностей более высокого порядка. Ниже приведены проявления различных потребностей при обучении музыке.

Наиболее базовые потребности учащегося, которые необходимо удовлетворить во время занятий. Согласно Пирамиде потребностей, по А. Маслоу, физиологические потребности находятся на низшем уровне, который невозможно проигнорировать, в связи с чем они являются весьма сильным стимулом, побуждающим человека предпринимать те или иные действия. Если базовые физиологические потребности не получают удовлетворения, это не только может повлиять на существование и рост индивидуума в целом, но также может оказать неблагоприятное воздействие на его физическое и душевное здоровье. Тем не менее реальность такова, что в нашей образовательной системе базовые физиологические потребности учащегося часто могут игнорироваться, что, в свою очередь, оказывает разрушительное воздействие на мотивационную систему в целом. Например, ребенка могут заставлять заниматься на голодный желудок, к нему могут

применять телесные наказания «для улучшения успеваемости», его могут принуждать заниматься с утра и до позднего вечера и т. д. В связи с этим нам следует проводить беседы с родителями, чтобы создать комфортную, безопасную обстановку, в которой физиологические потребности учащегося могут получить должное удовлетворение. Так, ребенок должен быть обеспечен пищей и одеждой, мебель должна соответствовать его возрасту, чтобы он мог удобно себя чувствовать во время занятий, учебное заведение и дом нужно поддерживать в чистоте, а также важно создавать спокойную атмосферу на занятиях по фортепиано.

Способы воздействия на учащегося – юного пианиста – через удовлетворение потребностей

Перейдем к конкретным проявлениям в учебном процессе способов формирования мотивации.

Для удовлетворения потребности ребенка в безопасности ни в коем случае нельзя его запугивать или произвольно критиковать, это важно и при обучении игре на фортепиано. Возможно, учитель или родитель могут делать это из хороших побуждений, но, если ученик сталкивается с чрезмерным количеством критики или множеством советов, это делает его более ранимым, или же провоцирует проявление чрезмерной защитной реакции. В результате ребенок утрачивает чувство безопасности. Например, если мы часто говорим: «Он постоянно мне дерзит, но я критикую только его слова», то в данной ситуации будет практически невозможно передать учащемуся необходимые мысли и знания. Если базовые потребности ребенка не получают удовлетворения, крайне сложно говорить о каких-либо проблемах, связанных с его поведением, и тем более призывать его к ответственности. Мы можем использовать одно слово или же просто тон голоса («Да?», «Ммм...») или же «Понимаю», «Ясно»), чтобы выразить свое отношение [6, с. 29].

В ситуации, когда дети хотят поделиться с нами своими переживаниями, мы можем показать наше участие, например, простым кивком головы или жестом, а также использовать другие

способы для выражения понимания и одобрения. Если у учащегося будет возможность выразить свои переживания и получить положительную ответную реакцию, это поможет ему быть более внимательным и сосредоточенным во время занятия. Кроме того, если существует какая-либо проблема, вызывающая эмоциональную реакцию ребенка, то есть и вероятность, что в дальнейшем он сам сможет найти ее решение. Таким образом, нам следует создать обстановку, в которой ребенок может обрести чувство безопасности. Это включает в себя знание, что мы не будем насмехаться над ним или отвергать его. В связи с этим нам крайне важно воодушевлять и поддерживать учащихся во время учебного процесса.

Важным при обучении игре на фортепиано является удовлетворение потребности в принадлежности и любви. Все мы живем в обществе, которое фактически является большой семьей, где каждому нужно чувствовать связь с окружающими его людьми. Во время обучения музыке ребенок может получить признание со стороны учителя и родителей, что укрепит их взаимоотношения. При этом, если дети сталкиваются с негативной оценкой извне, они очень быстро могут утратить решимость чем-либо заниматься. Если им уделяют недостаточно внимания, игнорируют или же пренебрегают их потребностями, это может дестабилизировать их поведение. Подобная ситуация может привести к полному разрушению учебной мотивации ребенка, в результате чего возникает своеобразный порочный круг, поскольку теперь ребенка приходится заставлять заниматься на фортепиано, что, в свою очередь, порождает лишь еще большее отторжение.

Что следует предпринять, если высказывания и действия ребенка вызывают в учителе негативную реакцию? В первую очередь нужно учитывать мысли и чувства учащегося, необходимо позволить ему их озвучивать! Если ребенок знает, что мы понимаем и принимаем образ его мыслей, тогда он сможет ощутить нашу заботу и внимание, в результате чего наши отношения с учащимся укрепляются [6, с. 26, 27]. В этом случае базовые потребности получают удовлетворение, в связи с чем становится намного легче развивать потребности более высокого порядка. Кроме того, если учитывать мысли и чувства ребенка, то

устойчивые взаимоотношения между учителем и учеником повышают степень доверия второго по отношению к преподавателю. Таким образом, возникшая прочная эмоциональная связь позволяет ребенку ощутить наше расположение к нему, что будет побуждать самого учащегося стремиться к потребностям более высокого порядка. В конечном итоге, это существенно повышает эффективность обучения в целом. В процессе преподавания также следует учитывать эстетические потребности учащегося. Например, все мы сталкивались с ситуацией, когда нам больше хотелось бы разучивать то произведение, которое нравится лично нам. Это связано с тем, что в данном контексте мы можем получить удовольствие от красоты, создаваемой нами самими. Таким образом, исполнение произведения, которое мы считаем красивым, удовлетворяет нашу эстетическую потребность.

Музыка – это не только учебное, но и эстетическое явление. В связи с этим многие дети не любят играть этюды, но с большим удовольствием исполняют любимые пьесы. Поэтому при выборе учебной программы нам не только следует учитывать образовательные цели и задачи, также стоит стремиться хотя бы частично удовлетворить базовые потребности учащегося (в самоуважении, эстетике и пр.). Особенно важно учитывать эстетические потребности у учеников младшего школьного возраста. Психологи отмечают, что маленькие дети в большей степени зависят от условностей, им нравятся вещи конкретной формы, они легко запоминают то, что им интересно, что производит сильное, яркое впечатление [7, с. 201]. Если в процессе обучения мы помним об эстетических потребностях учащегося, это поможет нам спланировать занятие, исходя из его эстетического восприятия, а не своего собственного. Например, во время обучения мы можем стремиться использовать приемы выразительности и учебные материалы, заключающие в себе доступные для понимания формы. Также можно придумать простую в использовании учебную игру или маленький рассказ, наполненный яркими музыкальными образами для привлечения внимания ребенка. Это пробудит личную инициативу ученика при погружении в мир музыки. Данную концепцию подтверждает точка зрения советского музыка-

веда и педагога Л. А. Баренбойма, выраженная в его статье «Фортепиано и начальное музыкальное обучение», он говорит о том, что только когда мы начнем смотреть на музыку глазами детей, поймём их чувства и страхи, только тогда мы сможем добиться хороших успехов в роли учителя [1, с. 6].

Все люди надеются обрести устойчивое, стабильное социальное положение, при котором их личные способности и достижения получат признание со стороны общества. При обучении игре на фортепиано для удовлетворения потребности ребенка в уважении следует избегать произвольных обобщений или комментариев, а также принуждения ребенка к определенному образу действий. Если учащийся чувствует, что он не вписывается в нашу привычную манеру преподавания, то это заставляет его почувствовать уныние. После частичного удовлетворения предыдущих потребностей ребенок также надеется, что он будет хорошо выглядеть со стороны и сможет получить высокую оценку от учителя. Ему также хочется, чтобы родители и учителя не считали его плохим из-за каких-либо обстоятельств.

Что нам необходимо делать для удовлетворения потребности в уважении? Нужно стремиться понять поведение ребенка, а также его образ мыслей! Исследовав поступки учащегося, мы сможем найти скрытые причины, обуславливающие его поведение, а также понять идеалы, к которым он стремится, но на данный момент не в состоянии осуществить. Поддерживая желание ребенка достичь самовыражения посредством достижения идеалов, мы поможем ему не только легче переносить действительность, но и задать правильное направление своей деятельности [6, с. 31]. Когда во время обучения игре на фортепиано ученик сталкивается с трудностями, не стоит сразу же с раздражением указывать ему, что следует делать. В первую очередь нужно узнать его точку зрения, а затем в процессе совместного обсуждения найти способ решения возникшей проблемы. При общении следует с осторожностью использовать такие слова, как «должен», «нужно», «надо» и другие подобные фразы. Вместо этого лучше чаще использовать выражения типа «Я советую», «Мне кажется», «Тебе стоит» и т. д.

Важно обратить внимание на сохранение познавательной потребности ученика. Когда ре-

бенок испытывает чувство безопасности и ощущает любовь со стороны окружающих его людей, а также доверяет учителю, он сможет, не боясь, исследовать внешний мир. Широко известно, что ребенок обладает природным любопытством, которое, по сути, является выражением потребности в исследовании окружающего мира. Например, когда ребёнок в первый раз сталкивается с понятием «пора заниматься фортепиано», вначале он наверняка будет привлечен компанией людей, вовлеченных в этот процесс. Именно тогда мы должны обратить особое внимание на сохранение его познавательной потребности. Это любопытство в будущем станет основой интереса к изучению музыкального искусства. Можно сказать, что интерес – это «постепенно растущее» любопытство в той или иной области. Нам следует постоянно отслеживать продвижение учащегося в выбранной сфере вплоть до получения признания со стороны окружающих [2, с. 54]. Как же поддерживать любопытство детей при обучении игре на фортепиано? Во время занятий следует использовать метод наводящих вопросов, при этом стоит избегать «зубрежки». Таким образом, можно сформировать «культуру» задавания вопросов, а также развить мышление учащихся. Кроме того, это позволит нам больше понять образ мыслей ученика. На каждом уроке следует давать одно *новое* знание или навык, чтобы удержать интерес ученика к освоению игры на инструменте.

Потребность в самоактуализации относится к числу высших потребностей в иерархии. Например, для того чтобы качественно подготовить концертную программу, ребенку нужно приложить много усилий. В результате, успешно справившись с исполнением, он ощущает чувство радости и довольства. Если ученик испытывает личный интерес к музыке, то ему не нужно опираться на достижение психологического удовлетворения в других аспектах. Такой ученик обладает высоким уровнем сознательности и самостоятельности. Стоит учитывать, что потребность в самоактуализации является процессом, в котором индивидуальные способности раскрываются постепенно, по мере их накопления. Однако это далеко не всегда связано с достижением какого-либо значимого результата. Тем не менее удовлетворение данной потребности в основном связано с преодолением

трудностей и проявлением усердия. Так, ребенок может реализовать свой потенциал, если в результате усердных занятий и тщательной подготовки исполняет концертную программу на достаточно зрелом уровне. Мы поможем ребенку чаще испытывать подобные чувства, если будем побуждать его быть полностью сосредоточенным во время занятий, снять оборону и преодолеть собственные страхи, а также отказаться от притворного поведения. Таким образом, мы сможем следить за тем, чтобы ребенок не впадал в состояние своеобразной «самозабвенности», при котором наносится серьезный ущерб самосознанию, пониманию собственных мыслей и чувств.

Различные потребности не существуют изолированно, они взаимно дополняют друг друга. Преподавателю фортепиано следует учитывать это положение. Возможно, у ребенка есть личный интерес к музыке, также есть потребности, существование которых признается родителями или учителями. При этом, независимо от того, исходя из какой потребности ребенок стремится изучать музыку, его всегда следует в этом деле поощрять и поддерживать. Достичь стабильности учебного процесса можно, только если ставить формирование роста потребностей во главу угла, используя при этом базовые потребности как вспомогательный учебный стимул.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Если при обучении игре на фортепиано в поведении учащегося наблюдаются отклонения от нормы, учителю следует проявить проницательность и наблюдательность, чтобы выявить, потребности какого уровня являются наиболее актуальными на данный момент, а также приложить максимум усилий, чтобы направить поведение ребенка в нужное русло.

2. При обучении игре на фортепиано важно не только четко следовать методике, а также необходимо придерживаться демократичной манеры преподавания, что поможет устранить беспокойные состояния у учащегося, создать благоприятную атмосферу на занятиях. Хотя физиологические потребности и потребность в безопасности напрямую не связаны с обучением, тем не менее они являются условием, создающим предпосылки

для успешной учебы. Если данные аспекты не получают должного удовлетворения, это не только может привести к невыполнению учебных действий, но и к развитию психосоматических расстройств.

3. Потребность в принадлежности и любви является стимулом для поддержания отношений. Во время учебного процесса учитель должен прекрасно владеть собой, особенно если между ним и учеником возникает конфликт. Учителю крайне важно контролировать свои эмоции и найти разумный подход к разрешению проблемы. Необходимо показать, что он ценит существующие между учителем и учеником отношения, а также стремится создавать доброжелательную учебную обстановку.

4. Потребность в уважении является важным стимулом в учебном процессе. Ученик обладает честолюбием, желанием добиться успеха, стремлением к самоуважению и избеганию поражений. В связи с этим учитель должен очень хорошо уметь использовать данную потребность. Важно предоставлять ученику возможность достигать успеха и получать похвалу. Необходимо помогать ребенку не только приобрести успешный опыт, но и научить его ценить каждое маленькое продвижение вперед.

5. Познавательная потребность по сути является учебной мотивацией, эстетическая потребность, в большой степени, выполняет схожую функцию. Они побуждают человека знакомиться с музыкой и восхищаться ее красотой.

6. Потребность в самоактуализации позволяет ребенку полностью погрузиться в мир музыки и ощутить ее красоту без какого-либо ущерба для своего здоровья. В связи с этим преподавателям фортепиано необходимо уделить больше внимания развитию и удовлетворению данной потребности.

Таким образом, использование в педагогическом процессе основных положений теории Пирамиды потребностей А. Маслоу позволяет преподавателю фортепиано, при правильной их трактовке, создать условия для поддержания мотивации детей к игре на инструменте и сохранения у них физического, а также душевного здоровья. Обучающиеся получают хорошие возможности для гармоничного развития своих личных качеств.

Литература

1. Как научить играть на рояле. Первые шаги. – М.: Классика-XXI, 2015. – 220 с.
2. Леманн И. Исследуя мотивацию. – Тайвань: Родная поднебесная, 2016. – 55 с.
3. Лю Хуэйцзюнь. Психология мотивации. – Пекин: Передовое изд-во, 2012. – 152 с.
4. Маркс К. Полн. собр. соч. – Пекин: Народ. изд-во, 1960. – Т. 3. – 936 с.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
6. Фабер А., Мазлиш Э. Как говорить с детьми, чтобы они учились. – М.: Эксмо, 2010. – 288 с.
7. Цзоу Хун. Психология развития. – Пекин: Изд-во народ. образования, 2009. – 501 с.
8. Чжоу Хайхун, проректор Центральной Пекинской консерватории: интервью [Электронный ресурс]. – URL: http://v.youku.com/v_show/id_XMzE3MDMzNjE5Ng=.html?sharefrom=iphone&sharekey=06d2588bffc8359a866c074e327964fa9 (дата обращения: 05.12.2017).

References

1. *Kak nachinat' igrat' na royale. Pervyye shagi [How to start playing the piano. First steps]*. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2015. 220 p. (In Russ.).
2. Lemann I. *Issleduya motivatsiyu [Exploring motivation]*. Taiwan, Rodnaya podnebesnaya Publ., 2016. 55 p. (In Chin.).
3. Lyu Khueytszyun. *Psikhologiya motivatsii [Psychology of motivation]*. Pekin, Peredovoe izdatel'stvo Publ., 2012. 152 p. (In Chin.).
4. Marks K. *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works]*. Pekin, Narodnoe izdatel'stvo Publ., 1960, vol. 3. 936 p. (In Chin.).
5. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 352 p. (In Russ.).
6. Faber A., Mazlish E. *Kak govorit' s det'mi, chtobi oni uchilis'* [How to talk to kids, so that they could study]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 288 p. (In Russ.).
7. Zou Hun. *Psikhologiya razvitiya [Developmental psychology]*. Pekin, People's Education Publ., 2009. 501 p. (In Chin.).
8. Zhou Haihong. *Prorektor Tsentral'noy Pekinskoy Konservatorii: interv'yu [Zhou Haihong, a pro-rector of the Central Conservatory of Music in Beijing: an interview]*. Available at: http://v.youku.com/v_show/id_XMzE3MDMzNjE5Ng=.html?sharefrom=iphone&sharekey=06d2588bffc8359a866c074e327964fa9 (accessed 05.12.2017) (In Chin.).

УДК 378:069

ПРОБЛЕМА ПРОЕКТИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРОГРАММЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-МУЗЕОЛОГОВ В МАГИСТРАТУРЕ: ОПЫТ, УСЛОВИЯ, ПРИНЦИПЫ

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, руководитель учебно-методического совета «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», заведующая кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово. РФ). E-mail: kafedraMD@yandex.ru

Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, член учебно-методического совета «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», и. о. зав. кафедрой музеологии и культурного наследия, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: muzeologkaf@spbuki.ru

В статье описываются подходы профильного учебно-методического объединения к проектированию Примерной основной образовательной программы магистратуры по направлению подготовки 51.04.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». На примере данного на-

правления рассматриваются этапы создания программы, обосновываются их особенности. На первом этапе авторы проводят анализ существующих профилей в образовательных организациях Российской Федерации, осуществляющих подготовку магистров по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». В рамках данного предварительного этапа изучены профессиональные стандарты, сопряженные с музейной деятельностью, и обоснована возможность максимального расширения границ профилей подготовки магистров-музеологов на основании ресурсов и потребностей конкретного региона, а также в рамках сложившихся научных школ. На втором этапе был проанализирован краткий контент примерных рабочих программ дисциплин, программ практик, а также программ Государственной итоговой аттестации на предмет установления междисциплинарных связей, преемственности курсов и практик, определяющих последовательность реализации профильной направленности образовательной программы, обусловивших ее архитектуру и соответствие требованиям ФГОС ВО 3+++. На данном этапе в фокусе внимания находились принципы и способы формирования профессиональных компетенций, а также индикаторов их достижения. На третьем, корректирующем этапе, сущность которого заключается во внутренней оценке ПООП на уровне Федерального УМО по УГНС 510000 «Культуроведение и социокультурные проекты» на соответствие данной программы современным технологиям образования, особо внимание уделяется соотношению структуры и содержания.

Ключевые слова: музеология, примерная основная образовательная программа, магистр, подготовка специалистов, федеральный государственный образовательный стандарт, профессиональный стандарт, учебно-методическое объединение, индикаторы компетенций.

THE PROBLEM OF DESIGNING THE CONTENT OF THE PROFESSIONAL TRAINING PROGRAM FOR MASTER IN MUSEOLOGY: EXPERIENCE, CONDITIONS, PRINCIPLES

Rodionova Darya Dmitrievna, PhD in Philosophy, Assistant Professor, Head of the Educational and Methodological Council “Museology and Protection of Cultural and Natural Heritage Objects,” Department Chair of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation) E-mail: kafedraMD@yandex.ru

Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Member of the Educational and Methodological Council “Museology and Protection of Cultural and Natural Heritage Objects,” Acting Department Chair of Museology and Cultural Heritage, St. Petersburg State University of Culture (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: muzeologkaf@spbguki.ru

The article describes the approaches of the profile “Training and Methodological Association” to the design of the Approximate Master’s educational program for the Master’s program in the field of preparation 51.04.04 “Museology and Protection of Objects of Cultural and Natural Heritage.” In case of this direction, the stages of creating a program are considered, their features are justified. At the first stage, the authors conduct the analysis of existing profiles in the educational organizations of the Russian Federation that carry out the preparation of Masters in the direction “Museology and Protection of Cultural and Natural Heritage.” Within the framework of this preliminary stage, the professional standards associated with museum activities have been studied and the possibility of maximizing the boundaries of the profile of training the Masters-museologists on the basis of the resources and needs of a specific region, as well as within established scientific schools, is justified. In the second stage, the short content of sample Working Programs of Disciplines, Practice Programs, as well as State Final Attestation Programs for the establishment of interdisciplinary connections, continuity of courses and practices determining the sequence of implementation of the profile orientation of the educational program, which conditioned its architectonics and compliance with the requirements of the educational standard 3 ++.

At this stage, the focus was on the principles and ways of forming professional competencies, as well as indicators of their achievement. On the third, corrective stage, the essence of which lies in the internal evaluation of the PEP at the level of the Federal Training and Methodological Association for the Enlarged Group of 51.00.00 “Cultural Studies and Socio-cultural Projects” for the compliance of this program with modern education technologies, special attention is paid to the correlation of structure and content.

Keywords: museology, approximate basic educational program, master, training of specialists, federal state educational standard, professional standard, educational and methodological association, competency indicators.

Проектирование и реализация образовательных программ магистратуры как второго уровня высшего образования – относительно новое явление в отечественной высшей школе. Переход на компетентностную модель образования потребовал серьезного переосмысления содержательных и методологических оснований проектирования образовательных программ, пересмотра образовательных технологий и методических приемов преподавания, а также разработки новых способов планирования учебного процесса и его эффективного осуществления на практике [1].

Разработка Примерной основной образовательной программы (далее ПООП) является необходимым условием и базовым компонентом реализации ФГОС по любому образовательному направлению в вузе, поэтому этапы ее создания и проблемы, возникшие в ходе работы, стали предметом научной и профессиональной рефлексии в данной статье.

Процесс работы над ПООП включает в себя следующие этапы: первый этап – диагностический (предварительный); второй этап – контентный (технологический); третий этап – корректирующий (заключительный). Рассмотрим последовательно их особенности на примере разработки ПООП по направлению 51.04.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» (магистратура). На предварительном этапе одним из первых шагов был анализ профилей подготовки магистров с целью соотнесения их с утвержденным образовательным стандартом и утвержденными профессиональными стандартами. На сегодняшний день, в соответствии с информацией, представленной на официальных сайтах образовательных организаций в 2018–2019 годах, подготовку магистров-музеологов из 14 вузов, подведомственных Министерству культуры

Российской Федерации, осуществляют 8 учебных заведений. Кроме того, подготовка кадров данной квалификации ведется в 4 вузах, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации.

Профили подготовки преимущественно связаны с проектной деятельностью музея, сферой культурного наследия и культурного туризма: «Теория и практика музейного проектирования» (МГИК); «Проектно-инновационная деятельность в сфере культурно-познавательного туризма» (КемГИК); «Социокультурные проекты в музейной практике» (ОрГИК); «Социокультурные проекты в музейной практике» (РГГУ); «Социокультурное проектирование в музейной практике» (ТГУ).

В то же время набор осуществляется на профили, направленные на современные музейные практики, такие как: «Инновационные технологии в музейной практике» (АлГИК); «Культурное наследие, музеи и туризм: изучение и современные практики» (ВсГИК); «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» (КрасГИК); «Менеджмент и экспертиза культурного наследия» (СПбГИК); «Музей в цифровую эпоху: традиции и инновации» (РГГУ); «Музейное кураторство», «Управление музейными коллекциями» (СПбГУ); «Экскурсионный менеджмент» (УлГПУ им. И. Н. Ульянова).

В соответствии с п. 1.11 ФГОС 3++ область профессиональной деятельности магистров-музеологов сопряжена с образованием и наукой, культурой и искусством в рамках утвержденных профессиональных стандартов и основных направлений музейной деятельности, а также других областях профессиональной деятельности при условии соответствия уровня их образования и полученных компетенций требованиям к ква-

лификации работника [15, с. 3–4]. В этой связи следующим шагом стала проработка профессиональных стандартов и их соотнесение с типами задач профессиональной деятельности и объектами профессиональной деятельности магистрат-музеолога. Таким образом, область профессиональной деятельности «01. Образование», связанная с педагогической и научно-исследовательской деятельностью, направлена на решение таких профессиональных задач, как разработка и реализация образовательных программ ВО, СПО и программ ДО, организация и проведение учебно-производственного процесса при реализации образовательных программ различного уровня и направленности в рамках профессиональной деятельности, связанной с просвещением и образованием музейными средствами. На наш взгляд, данная профессиональная область в рамках части трудовых функций профессионального стандарта 01.004 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» [7] позволит реализовывать профиль, направленный на освоение методики преподавания специальных музеологических дисциплин, а также профиль, связанный с реализацией культурно-образовательной деятельности музея.

Область профессиональной деятельности «04. Культура и искусство», включающая такие профильные стандарты, как 04.003 «Хранитель музейных ценностей» [8], 04.004 «Специалист по учету музейных предметов» [9], 04.005 «Экскурсовод (гид)» [10], коррелирует со следующими видами деятельности: научно-исследовательская, технологическая, организационно-управленческая, проектная и культурно-просветительская. Эта область направлена на решение таких профессиональных задач, как осуществление многоплановой деятельности по хранению музейных предметов и музейных коллекций в музеях всех видов; по учету музейных предметов в музеях всех видов; по реализации государственной культурной политики в сфере музейного дела и охраны объектов культурного наследия; по разработке и реализации программ охраны, использования и популяризации объектов культурного и природного наследия; деятельности в сфере управления музеями; экскурсионной деятельности. В сфере формирования и реализации культурно-образовательных

и научно-просветительских программ в музеях объекты профессиональной деятельности музеолога – это история, теория, методика музейного дела и коллекционирования; культурное и природное наследие, его сохранение и актуализация; возникновение, развитие и функционирование музеев и учреждений музейного типа; формы и средства музейной коммуникации; просвещение и образование музейными средствами. Как мы видим, под эту область практически идеально подходят все реализуемые в вузах России на данный момент профили подготовки, что дает возможность в рамках перехода с одного образовательного стандарта на следующий не только сохранить, но и расширить профили подготовки магистров-музеологов.

Область профессиональной деятельности «06. Связь, информационные и коммуникационные технологии», направленная на реализацию таких профессиональных задач, как научно-исследовательская, технологическая, проектная, культурно-просветительская в сфере распространения информации, создание и управление информационными ресурсами в сети Интернет и связанная с такими объектами профессиональной деятельности, как история, теория и методика музейного дела и коллекционирования; культурное и природное наследие, его сохранение и актуализация; формы и средства музейной коммуникации, позволит реализовывать профиль, связанный с менеджментом информационных ресурсов. Данный профиль, на наш взгляд, представляется весьма перспективным, поскольку даст возможность более качественно реализовывать направление, нацеленное на освоение технологий продвижения информационного образа музея в сети Интернет, организацию работы с контентом сайта музея, анализом информационных потребностей посетителей и т. д. На сегодняшний день это одно из наиболее востребованных, а потому приоритетных направлений работы музея, и к тому же оно непосредственно связано с частью трудовых функций профессионального стандарта 06.013 «Специалист по информационным ресурсам» [11].

Создание и внедрение профиля, направленного на управление музеем и сферой охраны культурного наследия, может реализовываться в час-

ти трудовых функций профессиональных стандартов 07.002 «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией» [12] и 07.003 «Специалист по управлению персоналом» [13] в рамках такой профессиональной области, как «07. Административно-управленческая и офисная деятельность», направленной на решение профессиональных задач в сфере организационного и документационного обеспечения управления организациями любых организационно-правовых форм, в том числе музеями и учреждениями музейного типа; в сфере управления персоналом организации, в том числе музеев и учреждений музейного типа; в сфере научных исследований, связанных с такими объектами профессиональной деятельности, как культурное и природное наследие, его сохранение и актуализация; организация, развитие и функционирование музеев и учреждений музейного типа. По нашему глубокому убеждению, овладение профилями, которые призваны сформировать уверенные компетенции в области управления музеем или учреждением музейного типа, а также в области управления наследием, является прерогативой образовательной программы по магистратуре в силу ее специализированной направленности, а завершение обучения в магистратуре позволит выпускнику, который занимает руководящие должности или претендует на них, соответствовать требованиям профессиональной аттестации.

На сегодняшний день вузы культуры Российской Федерации уже имеют опыт подготовки музейных специалистов, способных к проектированию внемузейных выставок и готовых к решению профессиональных задач в сфере деятельности по организации торгово-промышленных выставок, связанной с такими типами задач, как технологическая, проектная и культурно-просветительская. В этой связи нам представляется, что область профессиональной деятельности «33. Сервис, оказание услуг населению» в рамках профессионального стандарта 33.019 «Специалист по выставочной деятельности в сфере торгово-промышленных выставок» [14] позволит реализовать профиль, связанный с данного рода деятельностью, например, профиль «Управление проектом торгово-промышленной выставки».

Таким образом, максимально расширяя границы области профессиональной деятельности магистра-музеолога, в соответствии с объектами и задачами профессиональной деятельности в рамках разработанной примерной образовательной программы, вузы, осуществляющие подготовку по направлению 51.04.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», могут реализовывать профиль подготовки на основании ресурсов и потребностей конкретного региона, а также в рамках сложившихся научных школ.

На втором этапе был подвергнут пристальному анализу краткий контент примерных рабочих программ дисциплин, программ практик, а также программ Государственной итоговой аттестации на предмет установления междисциплинарных связей, преемственности курсов и практик, определяющих последовательность реализации профильной направленности образовательной программы, ее архитектонику и соответствие требованиям ФГОС ВО 3++. На данном этапе особое внимание нами уделялось принципам и способам формирования профессиональных компетенций (далее – ПК). Выпускник, освоивший программу магистратуры, должен обладать ПК, соответствующими виду или видам профессиональной деятельности, на которые ориентирована программа магистратуры. В силу этого в структурировании когнитивного, деятельностного и мотивационного компонентов ПК необходимо учитывать как содержание видов деятельности, так и мотивы глубокого проникновения в сущность объекта изучения или исследования, что в конечном итоге придает целостность профессиональным компетенциям магистрантов. Считаем важным акцентировать внимание на том, что освоение образовательной программы в магистратуре представляет собой сложный синтез когнитивного, предметно-практического и личностного опыта и является процессом целенаправленного, закономерного становления способностей, развития умений и навыков целеполагания, целевыполнения в профессиональной и исследовательской деятельности музеолога.

В отличие от ФГОС ВО 3++ уровень бакалавриата по УГНС «Культуроведение и социокультурные проекты» в образовательных стан-

дартах уровня магистратуры универсальные и общепрофессиональные компетенции абсолютно идентичны для всей группы. С учетом того, что отличие нового образовательного стандарта, направленного на совершенствование подготовки востребованного специалиста, состоит в наличии в основной образовательной программе индикаторов достижения универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, то в этой связи перед разработчиками ПООП встал вопрос об идентичности индикаторов для идентичных компетенций по группе [16]. Индикаторы достижения компетенций – это умения, знания и действия, совокупность которых обеспечивает достижение компетенций. Кроме того, индикаторы являются обобщенными характеристиками, уточняющими и раскрывающими формулировку компетенции в виде конкретных действий, выполняемых выпускником, освоившим данную компетенцию [2]. Однако, представляется целесообразной разработка индикаторов всех компетенций ПООП на основании специфики музеологического образования, а также развития музейных профессий. Кроме того, на основании расширения области профессиональной деятельности, при разработке ПООП, было принято решение о реализации профессиональных компетенций в рамках рекомендуемых. Это связано с разнообразием реализуемых профилей подготовки магистров-музеологов сложившихся научных музеологических школ.

Вместе с тем проектирование примерной основной образовательной программы магистратуры должно осуществляться не только сообразно логике и содержанию направления подготовки, но и во всем широком спектре взаимосвязей направлений подготовки в рамках укрупненной группы специальностей. Так, при сравнении ФГОС ВО 3++ по направлениям магистратуры по УГНС «Культуроведение и социокультурные проекты» [4] выяснилось, что, имея идентичный объем в 120 часов, структура программы магистратуры 51.04.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» принципиально отличается от других направлений подготовки магистратуры и носит выраженный практико-ориентированный характер.

Таблица 1

Структура и объем программ магистратуры по УГНС 51.00.00 «Культуроведение и социокультурные проекты»

Направление подготовки	Блок 1	Блок 2	Блок 3	Объем программы
Культурология	Не менее 80	Не менее 21	Не менее 9	120
СКД	Не менее 80	Не менее 21	Не менее 9	120
БИД	Не менее 80	Не менее 21	Не менее 9	120
РТПП	Не менее 80	Не менее 21	Не менее 9	120
НХК	Не менее 75	Не менее 26	Не менее 9	120
Музеология	Не менее 50	Не менее 50	Не менее 9	120

При данном разделении зачетных единиц возникли затруднения в процессе распределения аудиторной и внеаудиторной нагрузки. Остро встала проблема соотношения теоретической и практической части разрабатываемого учебного плана и включения в него дисциплин (модулей), способствующих расширению и углублению базовой подготовки после бакалавриата, определения дисциплин, составляющих «ядро» подготовки магистра-музеолога, а также тех дисциплин, которые входят в часть формируемых участниками образовательных отношений и направленных на реализацию конкретного профиля подготовки.

В условиях модернизации образовательных стандартов Организация выбирает один или несколько типов производственной практики и устанавливает типы учебной практики из перечня указанного во ФГОС ВО по направлению 51.04.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», а также вправе установить дополнительный тип (типы) учебной и (или) производственной практик и объемы практик каждого вида. Исходя из этого при разработке Примерной основной образовательной программы было учтено предложение сделать учебную, производственную (технологическую и педаго-

гическую) практики рассредоточенными, научно-исследовательскую работу разделить на две части – часть рассредоточенной практики и часть концентрированной. Рассредоточенная практика отдельно не выделяется и включается в расчет теоретического обучения. Таким образом, практики у музеев начинают с 1-го семестра вместе с теоретическим обучением, а при соответствующей привязке к дисциплинам позволят сформировать необходимые общепрофессиональные и профессиональные компетенции в соответствии с профилем подготовки. Такой подход опирается на фундирующие представления методологического характера о том, что знания, умения и навыки в ходе проводимой магистром научно-исследовательской работы формируются как имплицитно, то есть в процессе изучения различных учебных дисциплин, выполнения курсовых работ, исследовательских заданий или проектов, так и апикально, то есть в виде явно выраженного компонента, целенаправленно формирующего исследовательскую компетентность магистров. Это подход находит также отражение в составлении Индивидуальных заданий на практику и закрепляется в формах отчетности о ее прохождении.

На третьем, корректирующем этапе, сущность которого заключается во внутренней оценке ПООП на уровне Федерального УМО по УГНС 510000 «Культуроведение и социокультурные проекты» на соответствие данной программы современным технологиям образования, особо внимание уделяется соотношению структуры и содержания. В ходе работы учебно-методического объединения по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» для каждого компонента структуры ПООП были разработаны рекомендации, позволяющие образовательной организации создать образовательную программу с учетом ключевой цели современного высшего образования, направленной на подготовку выпускников, способных создавать и реализовывать новые

виды деятельности, современные и опережающие продукты и услуги, решать задачи, которые ранее не имели решения и адаптироваться к изменяющимся условиям [19, с. 16]. Кроме того, на данном этапе Федеральным учебно-методическим объединением будет оцениваться соответствие ПООП требованиям Федерального государственного образовательного стандарта, преемственности уровней образования, эффективного сочетания форм образовательного процесса и др. На основании внутренней оценки, будет проведена экспертиза ПООП в соответствии с статьей 12. ФЗ об образовании [17], что в дальнейшем позволит включить разработанную ПООП в реестр Примерных основных образовательных программ, который создан для помощи в процессе конструирования основных образовательных программ образовательными организациями, а также для проведения внешней экспертизы [15].

В заключение отметим, что выделенные этапы проектирования ПООП и положенные в его основу принципы не подразумевают «рецептурности», а подлежат дальнейшему профессиональному осмыслению и педагогическому совершенствованию. Завершение третьего этапа, включающего внутреннюю оценку ПООП на уровне Федерального УМО по УГНС 510000 «Культуроведение и социокультурные проекты», предполагает внедрение и апробацию ПООП в конкретном вузе. Можно с уверенностью констатировать, что с учетом региональной специфики, направленности исследований научных школ, уровня квалификации профессорско-преподавательского состава, количественного и качественного контингента обучающихся магистров, избранного кафедрой профиля по направлению 51.04.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и других факторов, Примерная основная образовательная программа (ПООП) будет требовать адаптации к реалиям современного образовательного процесса, что должно стать предметом специального анализа и научного изучения.

Литература

1. Мастеница Е. Н. Подготовка музеев в условиях перехода на многоуровневую систему образования // Тр. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. – СПб.: СПбГУКИ, 2013. – Т. 200: Педагогика высшей школы: интерактивные технологии в образовании и культуре. – С. 248–254. – (Сер. «Studium»; вып. 1).
2. Методические рекомендации по актуализации Федеральных Государственных образовательных стандартов высшего образования на основе профессиональных стандартов [Электронный ресурс] // Законы, Кодексы и

- нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <http://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-aktualizatsii-deistvuiushchikh-federalnykh-gosudarstvennykh/> (дата обращения: 17.03.2018).
3. Пилипенко С. А. Особенности проектирования примерных образовательных программ высшего образования на основе ФГОС 3++ [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/presentations/15.11.2017/pilip.pdf/> (дата обращения: 12.03.2018).
 4. Портал Федеральных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25/124> (дата обращения: 17.03.2018).
 5. Профессиональный стандарт 07.002 «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.002.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 6. Профессиональный стандарт 07.003 «Специалист по управлению персоналом» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.003.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 7. Профессиональный стандарт 01.004 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.004.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 8. Профессиональный стандарт 04.003 «Хранитель музейных ценностей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/04.003.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 9. Профессиональный стандарт 04.004 «Специалист по учету музейных предметов» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/04.004.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 10. Профессиональный стандарт 04.005 «Экскурсовод (гид)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/04.005.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 11. Профессиональный стандарт 06.013 «Специалист по информационным ресурсам» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/06.013.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 12. Профессиональный стандарт 07.002 «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.002.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 13. Профессиональный стандарт 07.003 «Специалист по управлению персоналом» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.003.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 14. Профессиональный стандарт 33.019 «Специалист по выставочной деятельности в сфере торгово-промышленных выставок» [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/33.019.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
 15. Реестр примерных основных образовательных программ высшего образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://reestr.fgosvo.ru> (дата обращения: 18.03.2018).
 16. Родионова Д. Д. Подходы к проектированию индикаторов достижения компетенций при разработке основной образовательной программы по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» // Теория, история и практика образования в сфере культуры: мат-лы XVIII Междунар. науч.-метод. конф Барнаул, 15 марта 2018 года / редкол.: О. П. Кутькина [и др.]; Алт. гос. ин-т культуры. – Барнаул: АГИК, 2018. – С. 128–133.
 17. Статья 12. Образовательные программы // Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012, № 273-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 17.03.2018).
 18. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению 51.04.04. «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Mag/510404_M_3_27122017.pdf (дата обращения: 15.03.2018).
 19. Шестак В. П. Модель «Тройной спирали», ФГОС 3++ и образовательные программы в высшей школе // Высшее образование в России. – 2017. – № 2. – С. 15–22.

References

1. Mastenitsa E.N. Podgotovka muzeologov v usloviyakh perekhoda na mnogo-urovnevuyu sistemu obrazovaniya [Training of Museologists in the Context of Transition to the Multi-Level Educational System]. *Trudy Sankt-Peter-*

- burgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. T. 200. *Pedagogika vysshey shkoly: interaktivnye tekhnologii v obrazovanii i kul'ture [Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. Vol. 200. Pedagogy of higher education: interactive technologies in education and culture]*. St. Petersburg, SPBGUKI Publ., 2013, pp. 248-254. (In Russ.).
2. Metodicheskie rekomendatsii po aktualizatsii Federal'nykh Gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego obrazovaniya na osnove professional'nykh standartov [Methodical recommendations for actualization Federal state educational standards]. *Zakony, Kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii [Laws, Codes and regulations of the Russian Federation]*. (In Russ.). Available at: <http://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-aktualizatsii-deistvuiushchikh-federalnykh-gosudarstvennykh> (accessed 17.03.2018).
 3. Pilipenko S.A. *Osobennosti proektirovaniya primernykh obrazovatel'nykh programm vysshego obrazovaniya na osnove FGOS 3++ [Features of design of approximate educational programs of the higher education on the basis of Federal state Educational standards 3 ++]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/presentations/15.11.2017/pilip.pdf> (accessed 12.03.2018).
 4. *Portal Federal'nykh obrazovatel'nykh standartov vysshego obrazovaniya [Portal of Federal educational standards of higher education]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25/124> (accessed 17.03.2018).
 5. *Professional'nyy standart 07.002 "Spetsialist po organizatsionnomu i dokumentatsionnomu obespecheniyu upravleniya organizatsiy" [Professional Standard 07.002 "Specialist in Organizational and Document Support of Organization Management"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.002.pdf> (accessed 15.03.2018).
 6. *Professional'nyy standart 07.003 "Spetsialist po upravleniyu personalom" [Professional standard 07.003 "Specialist in personnel management"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.003.pdf> (accessed 15.03.2018).
 7. *Professional'nyy standart 01.004 "Pedagog professional'nogo obucheniya, professional'nogo obrazovaniya i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya" [Professional standard 01.004 "Teacher professional training, professional education and additional professional education"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.004.pdf> (accessed 15.03.2018).
 8. *Professional'nyy standart 04.003 "Khranitel' muzeynykh tsennostey" [Professional standard 04.003 "The keeper of museum values"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/04.003.pdf> (accessed 15.03.2018).
 9. *Professional'nyy standart 04.004 "Spetsialist po uchetu muzeynykh predmetov" [Professional standard 04.004 "Specialist for the registration of museum items"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/04.004.pdf> (accessed 15.03.2018).
 10. *Professional'nyy standart 04.005 "Ekskursvod (gid)" [Professional standard 04.005 "Guide (guide)"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/04.005.pdf> (accessed 15.03.2018).
 11. *Professional'nyy standart 06.013 "Spetsialist po informatsionnym resursam" [Professional Standard 06.013 "Information Resources Specialist"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/06.013.pdf> (accessed 15.03.2018).
 12. *Professional'nyy standart 07.002 "Spetsialist po organizatsionnomu i dokumentatsionnomu obespecheniyu upravleniya organizatsiy" [Professional standard 07.002 "Specialist in organizational and documentary support of organization management"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.002.pdf> (accessed 15.03.2018).
 13. *Professional'nyy standart 07.003 "Spetsialist po upravleniyu personalom" [Professional standard 07.003 "Personnel management specialist"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.003.pdf> (accessed 15.03.2018).
 14. *Professional'nogo standart 33.019 "Spetsialist po vystavochnoy deyatel'nosti v sfere torgovo-promyshlennykh vystavok" [Professional standard 33.019 "Electronic resource"]*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/33.019.pdf> (accessed 15.03.2018).
 15. *Reestr primernykh osnovnykh obrazovatel'nykh programm vysshego obrazovaniya [Register of sample basic educational programs of higher education]*. (In Russ.). Available at: <http://reestr.fgosvo.ru/> (accessed 18.03.2018).
 16. Rodionova D.D. Podkhody k proektirovaniyu indikatorov dostizheniya kompetentsiy pri razrabotke osnovnoy obrazovatel'noy programmy po napravleniyu podgotovki "Muzeologiya i okhrana ob'ektov kul'turnogo i prirodnogo naslediya" [Approaches to the design of indicators for the achievement of competencies in the development

- of basic educational programs in the field of training “Museology and protection of cultural and natural heritage sites”]. *Teoriya, istoriya i praktika obrazovaniya v sfere kul'tury: materialy XVIII mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, Barnaul, 15 marta 2018 goda [Theory, history and practice of education in the field of culture. Materials XVIII International Scientific and Methodical Conference, Barnaul, March 15, 2018]*. Barnaul, AGIK Publ., 2018, pp. 128-133. (In Russ.).
17. Stat'ya 12. Obrazovatel'nye programmy [Article 12. Educational programs]. *Federal'nyy zakon “Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii” ot 29.12.2012, no. 273-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law “On Education in the Russian Federation” of 29.12.2012, no. 273-FZ (last version)]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 17.03.2018).
18. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya – magistratura po napravleniyu 51.04.04. “Muzeologiya i okhrana ob”ektov kul'turnogo i prirodnogo naslediya [Federal State Educational Standard of Higher Education - Master in Direction 51.04.04. “Museology and protection of objects of cultural and natural heritage”]*. (In Russ.). Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Mag/510404_M_3_27122017.pdf (accessed 15.03.2018).
19. Shestak V.P. Model' “Troynoy spirali”, FGOS 3++ i obrazovatel'nye programmy v vysshey shkole [The model of the “Triple Spiral”, GEF 3 ++ and educational programs in higher education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]*, 2017, no. 2, pp. 15-22. (In Russ.).

УДК 37

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ)

Гук Александра Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).
E-mail: guk.a.g@mail.ru

В настоящее время вузовская система менеджмента качества не только не утратила своего значения, но, благодаря своему потенциалу, показала способность к трансформации, разнообразному функционированию, соответствующему новому социально-экономическому развитию общества. В статье отражены результаты социологического исследования выпускников магистратуры Кемеровского государственного института культуры, обучавшихся в 2011–2017 годах на факультете информационных и библиотечных технологий по дисциплине «СМК библиотечно-информационной деятельности». Выявлены следующие результаты: выпускники кафедры активно участвуют в совершенствовании процессов, сопровождающих деятельность библиотек. В результате участия в корректирующих действиях по системе менеджмента качества, они констатируют более четкое и целенаправленное распределение трудовых обязанностей среди библиотечных работников, усиление их связи с читательской аудиторией. Перспективы развития вузовской системы менеджмента качества связываются не только с обучением студентов теории и методики СМК, но и с процессом реализации внешней экспертизы вуза при его аккредитации. Утверждается, что профессионально-общественная аккредитация деятельности вуза могла бы стать одним из направлений дальнейшего развития вузовской системы менеджмента качества. В целях экономии финансовых и организационных ресурсов вузов вполне очевидной представляется переориентация их СМК на задачи профессионально-общественной аккредитации (ПОА), усилив и сделав для этого более очевидными связи вузов с внешними потребителями образовательных услуг – работодателями, абитуриентами, родителями.

Ключевые слова: система менеджмента качества, анкетный опрос, профессионально-общественная аккредитация.

**EFFECTIVENESS AND NEW DEVELOPMENT TRENDS
FOR UNIVERSITY QUALITY MANAGEMENT SYSTEM
(ON THE EXAMPLE OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE)**

Guk Aleksandra Gennadyevna, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Documentary Communication Technology Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: guk.a.g@mail.ru

Now, the University quality management system not only has not lost its importance, but also, thanks to its potential, has shown ability to transform, diverse functioning, corresponding to new social and economic development of society. The article reflects the results of sociological research of the graduate students (2011-2017) of Kemerovo State Institute of Culture, Faculty of Information Technologies on the discipline "Quality Management System in Library and Information Activities," such graduates are actively involved in improving the processes accompanying the library activity. Participating in corrective actions on quality management system, they show more accurate and purposeful distribution of duties among librarians, strengthening their communication with the reader's audience. The perspectives for developing the university quality management system are associated not only with teaching students the theory and methodology of quality management system but also with the process of implementing the external expertise of university accreditation. The author proves that professional and public accreditation of the university could become one of the directions for further development of the university quality management system. For saving financial and organizational resources of higher education institutions, it is obvious to reorient their quality management system to the tasks of professional and public accreditation, strengthening and making more obvious links between universities and external consumers of educational services (employers, applicants and parents). Now an adequate quality management system imitates certain experts on quality at educational and methodical structures of higher educational institutions. In the nearest future, they will be responsible for preparing the reports on self-inspection for granting them in the public and professional organizations which will take part in accreditation of higher education institutions.

Keywords: quality management system, questionnaire survey, professional and public accreditation.

В современных вузах система менеджмента качества (СМК) занимает вполне достойное место как необходимый и эффективный инструмент их оптимального функционирования. С помощью СМК многие вузы добились четкой организации своих внутренних и внешних процессов, сделали их прозрачными для потребителей образовательных услуг, позволили контролировать и направлять вектор их развития. В самом начале этого пути СМК воспринималась в вузовской среде как «лишний» элемент, навязанный сверху управленческими структурами образования. Какое-то время наличие СМК в вузе являлось аккредитационным показателем при его аттестации. Именно в этот период были заложены основы для дальнейшего развития и совершенствования вузовской СМК. Вскоре после очередного управлен-

ческого решения, система менеджмента качества в высших учебных заведениях перестала быть обязательной. Некоторые вузы поспешили от нее избавиться. Но во многих из них, где к внедрению и дальнейшему развитию СМК подошли ответственно и основательно, она сохранилась. Сохранилась, если не в полном объеме, то частично, например, как элемент контроля и совершенствования качества образовательного процесса в вузе, мониторинга улучшения процессов деятельности вуза.

Причина жизнестойкости вузовской СМК состоит, на наш взгляд, в том, что она является универсальным инструментом оптимизации различных жизнеобеспечивающих процессов. СМК адаптивна и гибка в зависимости от задач, которые решаются с ее помощью.

Рассматривая эволюцию СМК в отечественных вузах, мы в свое время констатировали, что в научной литературе были предприняты попытки отразить ключевые проблемы, возникающие в этой сфере [4, с. 223–231]. В частности, А. Л. Ющенко [13], Е. В. Усик [11], А. Г. Кислов [5] акцентировали внимание на проблемах внедрения СМК в российские вузы. Вопросам планирования вузовской деятельности с точки зрения требований СМК посвящена работа Е. Б. Гаффоровой и Е. В. Виноградовой [2]. М. С. Лукьяненко [9] ставит вопросы экономического стимулирования преподавателей вузов в рамках идеологии СМК. Целый ряд авторов озабочен проблемами внедрения информационно-коммуникативных технологий в сферу СМК. Об этом идет речь в статьях Д. И. Сачкова и Ю. В. Проценко [10], И. В. Лазарева [8] и группы авторов из Караганды [1]. Часть исследований последнего времени посвящена изучению результативности СМК в вузах, о чем свидетельствуют статьи В. А. Конова и И. В. Кустова [6].

В работах, указанных выше, результативность СМК в вузах понимается как итог совершенствования процессов жизненного цикла, приводящий к существенному улучшению внутреннего состояния образовательной организации. Вместе с тем одним из факторов результативности СМК в вузах может стать не только оптимизация их внутреннего качественного состояния, но и то влияние, которое СМК оказывает через своих выпускников на внешних потребителей образовательных услуг – предприятия, учреждения и т. д. [7, с. 178–180]. Чтобы этот процесс был запущен, в отдельных вузах организовано обучение студентов основам менеджмента качества, иногда применительно к той или иной профессиональной сфере. О важности такого ориентира в развитии СМК в вузе мы уже писали в соответствующей статье: «От выпускника вуза сегодня требуется не только усвоение некой суммы знаний, умений и навыков, но, прежде всего, способность к саморазвитию, самосовершенствованию, к постоянному улучшению своей профессиональной деятельности». И далее: «Студенты-выпускники в такой ситуации должны выступать проводниками идеологии СМК на местах своей профессиональной

деятельности» [4, с. 227]. Сегодня, на наш взгляд, крайне важно понять, какова же эффективность такого обучения студентов основам СМК и как это влияет на их дальнейшую работу в организациях и учреждениях. Данный аспект, а также прогнозирование дальнейшего развития СМК в вузах является главной целью нашего исследования.

В Кемеровском государственном институте культуры СМК была внедрена в 2006 году, а обучение студентов-магистрантов на факультете информационных и библиотечных технологий по дисциплине «Система менеджмента качества библиотечно-информационной деятельности» началось с 2011 года. Содержание дисциплины и практическое применение полученных знаний по этому предмету вызывают неподдельный интерес обучающихся. Этот интерес продиктован желанием расширить свои знания в теории управления, анализа и осмысления опыта руководства библиотеками в нашей стране.

Учебная дисциплина «Система менеджмента качества библиотечно-информационной деятельности» имеет статус дисциплины по выбору и направлена на формирование общепрофессиональных и профессиональных компетенций. В процессе обучения магистрантов по дисциплине «Система менеджмента качества библиотечно-информационной деятельности» используются инновационные, практико-ориентированные формы обучения:

- проблемное обучение (постановка и решение проблемных задач процессного подхода в библиотечно-информационной деятельности);
- проектная технология (практико-ориентированные проекты разработки и внедрения системы менеджмента качества в библиотеку, прохождения сертификации системы);
- деятельностный подход, формирующий способность студента магистратуры проектировать предстоящую деятельность, быть её субъектом.

Освоению дисциплины способствует тот факт, что система менеджмента качества уже внедрена в отдельных библиотеках, имеется положительный опыт практической реализации процессного подхода к библиотечно-информационной деятельности. Происходит это, в том числе,

благодаря деятельности выпускников КемГИК. В 2017 году кафедра технологии документальных коммуникаций (ТДК) провела анкетирование своих выпускников магистратуры, обучающихся по дисциплине «Система менеджмента качества библиотечно-информационной деятельности». Анкетный опрос был направлен на выявление уровня внедрения СМК в библиотеках кузбасского региона.

Было опрошено двадцать два выпускника КемГИК. Из них 14 % работают в районных библиотеках, 38 % – в городских библиотеках и 48 % – в областных библиотеках. Подавляющее большинство выпускников имеет трудовой стаж в библиотеке свыше 3 лет. У 90 % выпускников изучение дисциплины «Система менеджмента качества библиотечно-информационной деятельности» вызвало несомненный интерес, и абсолютное большинство из них считает, что данная дисциплина необходима в учебном процессе.

Для того чтобы эффективность обучения системе менеджмента качества возросла, выпускники кафедры полагают необходимым увеличить количество учебных часов на эту дисциплину (14 %), больше использовать практико-ориентированные занятия (18 %) и чаще приводить примеры из работы конкретных библиотек (36 %). 50 % выпускников утверждают, что в работе их библиотек элементы СМК используются. При этом в полном объеме СМК функционирует лишь в некоторых областных библиотеках Сибирского федерального округа, а отдельные ее элементы внедрены в 42 % библиотек, сотрудниками которых являются выпускники магистратуры.

Отмечая эффект от внедрения СМК в библиотеках, около 40 % выпускников констатируют, что стало проще оценивать их работу, стало очевиднее качество работы с читателями (40 %), 14 % выпускников полагают, что работа библиотеки стала более целенаправленной, устранено дублирование отдельных технологических операций. Оценивая перспективы внедрения СМК в библиотеках, большинство выпускников (70 %) считают, что для успешного ее продвижения нужно заниматься обучением СМК среди работников библиотек.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что преподавание дисципли-

ны «Система менеджмента качества библиотечно-информационной деятельности» среди магистрантов кафедры технологии документальных коммуникаций КемГИК является успешным и прогрессивным начинанием в подготовке библиотечных кадров и дает свои позитивные эффекты в библиотечной сфере. Этот факт еще раз убеждает нас в том, что обучение СМК должно распространяться в вузе и на другие направления подготовки и специальности. Необходимо понимать, что данная дисциплина носит общекультурный характер и не может выступать как узкоспециальная. Система менеджмента качества должна позиционироваться для обучающихся в вузе как универсальное средство, способное оптимизировать деятельность любого предприятия и учреждения, сделав их современными и эффективными.

Возможности, заложенные в системе менеджмента качества как универсальном инструменте, на наш взгляд, еще далеко не исчерпаны сегодня в высшем образовании. Если обучение этому инструменту широкой категории обучающихся в вузе является одним из векторов современного развития СМК, то другим направлением могло бы стать ее включение в профессионально-общественную аккредитацию (ПОА) высших учебных заведений.

Что собой представляет эта процедура и чем она отличается от государственной аккредитации вузов? Впервые это понятие получило официальный статус после появления 96 статьи в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года. В нем говорится: «Профессионально-общественная аккредитация образовательных программ – признание качества и уровня подготовки выпускников, освоивших такую образовательную программу в конкретной организации, осуществляющей образовательную деятельность, отвечающую требованиям профессиональных стандартов, требованиям рынка труда к специалистам, рабочим и служащим соответствующего профиля» [12]. Согласно этому же закону, осуществлять профессионально-общественную аккредитацию (ПОА) образовательных программ могут работодатели, их объединения, а также уполномоченные ими объединения.

Как известно, помимо ПОА существует еще и государственная аккредитация высших учебных заведений. В чем же их принципиальное различие? Если не вдаваться в частности, то главное отличие состоит в том, что государственная аккредитация оценивает качество подготовки кадров по соответствию учебного процесса критериям, заявленным в государственных образовательных стандартах. ПОА оценивает то же самое качество подготовки выпускников по их реальным показателям, соответствующим ожиданиям работодателей, абитуриентов и их родителей. При этом следует не забывать, что государственная экспертиза направлена на оценку деятельности всего вуза в целом, а ПОА представляет собой специализированную или программную аккредитацию, нацеленную на оценку образовательных программ.

И та, и другая экспертизы призваны выполнять внешние функции контроля качества подготовки соответствующих специалистов. Ранее эту функцию вместо ПОА выполняла сертифицированная система менеджмента качества, существовавшая во многих отечественных вузах. Сторонние специалисты СМК, уполномоченные отечественными и международными организациями проводили проверки (аудиты) качества всей образовательной деятельности вуза, учитывая не только внутреннего, но и внешнего потребителя образовательных услуг (работодателя, абитуриентов, родителей и т. д.). После того, как СМК в вузах перестала быть обязательной, многие из них поспешили свернуть эту деятельность. Однако вскоре появилась новая форма внешней экспертизы вузов – профессионально-общественная аккредитация (ПОА).

В связи с этим закономерно возникает вопрос: СМК как форма внешней экспертизы плохо справлялась с этой задачей? Думается, что утверждать о таком положении дел нет оснований. Просто одна новация сменила другую по воле управленческих структур. На наш взгляд, такой калейдоскоп нововведений не может считаться позитивным. Явно поспешным решением является желание списать со счетов СМК, заменив его на ПОА. Издержек на этом пути будет не меньше, чем раньше. Современная ситуация во многом напоминает ту, которая возникла при внедрении в вузы СМК: также недостаточно проверяющих

организаций, уполномоченных проводить ПОА; также не хватает финансовых ресурсов для осуществления аккредитации в вузах; также мало специалистов, компетентных в этой области и т. д.

И тогда, и сейчас было провозглашено, что внедрение СМК в вузах и проведение ПОА в них – дело сугубо добровольное, что все это будет учитываться при государственной аккредитации вузов. Вместе с тем до сих пор механизма, который учитывал бы эффекты от внедрения СМК в вузах, разработано так и не было. Будет ли разработан механизм, стимулирующий вузы на проведение ПОА? Этот вопрос остается пока открытым и вполне возможно, что государственная аккредитация вузов вовсе не будет учитывать этот фактор.

Сегодня вузы вынуждены сокращать, трансформировать существующие у них структуры СМК, потому что две добровольные экспертизы (СМК и ПОА) им явно не осилить, прежде всего, в финансовом отношении. При этом данные процедуры весьма схожи, по крайней мере, в части внешней экспертизы. У них даже наличествует общая идеологическая база: «Следует отметить, что вся процедура проведения общественно-профессиональной аккредитации основана исключительно на дружественных отношениях между экспертной комиссией и представителями вуза. Это обусловлено тем, что она является добровольной и нацелена не на выявление нарушений с целью “наказать” руководство вуза, а выявить недостатки и дать рекомендации руководству вуза по их устранению с целью совершенствования качества подготовки специалистов по данной образовательной программе» [3]. Система менеджмента качества постулирует точно такую же политику.

К сожалению, полноценные СМК вузов сегодня мимикрируют до отдельных специалистов по качеству при учебно-методических структурах высших учебных заведений. Видимо на них в ближайшее время ляжет вся ответственность по подготовке отчетов о самообследовании для представления их в общественно-профессиональные организации. Новая система аккредитации набирает обороты. В настоящее время Рособрандзор активно формирует список организаций, кото-

рым будет дано право проводить ПОА. На наш взгляд, если использовать современные ресурсы вузов экономно и планомерно проводить линию на повышение качества образовательных услуг, то существующие в них системы менеджмента качества можно было бы «развернуть» в сторону общественности, социального контроля, активировав для этого каналы связи с внешними потребителями (работодателями, абитуриентами, родителями и т. д.).

Таким образом, обобщая вышесказанное можно сделать следующие выводы:

1. Проведенный в Кемеровском государственном институте культуры анкетный опрос выпускников магистратуры кафедры технологии документальных коммуникаций, изучающих дисциплину «Система менеджмента качества библиотечно-информационной деятельности», показал эффективность ее влияния на внедрение и функционирование системы менеджмента качества в библиотеках Кузбасса и Сибирского федерального округа. Выпускники кафедры активно

участвуют в совершенствовании процессов, сопровождающих деятельность библиотек. В результате участия в корректирующих действиях по системе менеджмента качества, они констатируют более четкое и целенаправленное распределение трудовых обязанностей среди библиотечных работников, усиление их связи с читательской аудиторией;

2. Дальнейшее развитие существующих в вузах систем менеджмента качества достаточно логично и целесообразно увязывается с возникновением и распространением новой системы внешней экспертизы вузов – профессионально-общественной аккредитацией. В целях экономии финансовых и организационных ресурсов вузов вполне очевидной представляется переориентация их СМК на задачи профессионально-общественной аккредитации (ПОА), усилив и сделав для этого более очевидными связи вузов с внешними потребителями образовательных услуг – работодателями, абитуриентами, родителями.

Литература

1. Байкенжин М. А., Байжабагинова Г. А., Шакирова Ю. К., Игемберлина А. К. Компьютерная система менеджмента качества высшего учебного заведения [Электронный ресурс] // Автоматика. Информатика. – Караганда: Карагандин. гос. техн. ун-т, 2013. – № 1. – С. 64–67. – URL: <http://elibrary.ru/download/44099862.pdf> (дата обращения: 03.07.2016).
2. Гафорова Е. Б., Виноградова Е. В. Планирование в системе менеджмента качества высшего учебного заведения [Электронный ресурс] // Изв. Дальневосточ. федер. ун-та. Экономика и управление. – Владивосток, 2005. – № 2 – С. 76–84. – URL: <http://elibrary.ru/download/96776559.pdf> (дата обращения: 07.06.2016).
3. Герасимов А. И., Михалев А. Г., Соловьев В. А. Профессионально-общественная аккредитация как средство оценки качества образовательных услуг [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-obschestvennaya-akkreditatsiya-kak-sredstvo-otsenki-kachestva-obrazovatelnyh-uslug> (дата обращения: 05.03.2018).
4. Гук А. Г. Система менеджмента качества в вузе: новая парадигма внедрения // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37-1. – С. 227.
5. Кислов А. Г. О менеджменте качества высшего образования [Электронный ресурс] // Образование и наука. – Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2012. – № 7. – С. 98–112. – URL: <http://elibrary.ru/download/50930611.pdf> (дата обращения: 03.07.2016).
6. Кононов В. А., Кустов И. В. Формирование методики оценки результативности процессов в системе менеджмента качества вуза [Электронный ресурс] // Вестн. Рыбин. гос. авиац. техн. акад. им. П. А. Соловьева. – Рыбинск, 2009. – № 1. – С. 181–186. – URL: <http://elibrary.ru/download/90499246.pdf> (дата обращения: 11.07.2016).
7. Костюк Н. В. Формирование готовности будущих менеджеров в сфере культуры к реализации инновационных моделей управления социально-культурной деятельностью в условиях изменяющегося рынка труда // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22-1. – С. 178–180.
8. Лазарев И. В. Информационная система поддержки менеджмента качества структурного подразделения вуза [Электронный ресурс] // Электронные средства и системы управления. – Томск: Томск. гос. ун-т систем

- управления и радиоэлектроники, 2010. – № 2. – С. 65–68. – URL: <http://elibrary.ru/download/98388802.pdf> (дата обращения: 05.06.2016).
9. Лукьяненко М. С. Экономическое стимулирование персонала как инструмент совершенствования системы менеджмента качества высшего учебного заведения [Электронный ресурс] // *Вопр. соврем. науки и практики*. Ун-т им. В. И. Вернадского – Тамбов: Тамбов. гос. техн. ун-т, 2012. – № 4. – С. 269–271. – URL: <http://elibrary.ru/download/68500497.pdf> (дата обращения: 04.07.2016).
 10. Сачков Д. И., Проценко Ю. В. К вопросу о применении систем электронного документооборота вуза в рамках сертификации по стандарту менеджмента качества [Электронный ресурс] // *Baikal research journal*. – Иркутск: Байкал. гос. ун-т, 2013. – № 3. – С. 26. – URL: <http://elibrary.ru/download/65992867.pdf> (дата обращения: 11.06.2016).
 11. Усик Е. В. Перспективы развития системы менеджмента качества высших учебных заведений в условиях реализации ФГОС [Электронный ресурс] // *Вестн. ун-та (Гос. ун-т управления)*. – М., 2012. – № 13-1. – URL: <http://elibrary.ru/download/83836038.pdf> (дата обращения: 01.07.2016).
 12. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012, № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.03.2018).
 13. Ющенко А. Л. Особенности формирования и проблемы функционирования системы менеджмента качества образовательных услуг [Электронный ресурс] // *Правовое поле современной экономики*. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в обл. правоохран. деятельности, 2012. – № 1. – С. 67–70. – URL: <http://elibrary.ru/download/87523324.pdf> (дата обращения: 10.06.2016).

References

1. Baykenzhin M.A., Bayzhabaginova G.A., Shakirova Yu.K., Igemberlina A.K. Komp'yuternaya sistema menedzhmenta kachestva vysshego uchebnogo zavedeniya [Computer system of quality management of a higher educational institution]. *Avtomatika. Informatika [Automatics. Computer science]*. Karaganda, Karaganda State Technical University Publ., 2013, no. 1, pp. 64-67. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/44099862.pdf> (accessed 03.07.2016).
2. Gafforova E.B., Vinogradova E.V. Planirovanie v sisteme menedzhmenta kachestva vysshego uchebnogo zavedeniya [Planning in the quality management system of a higher educational institution]. *Izvestiya Dalnevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie [Izvestiya Far Eastern Federal University. Economics and Management]*. Vladivostok, 2005, no. 2, pp. 76-84. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/96776559.pdf> (accessed 07.06.2016).
3. Gerasimov A.I., Mikhalev A.G., Solovyev V.A. *Professionalno-obshchestvennaya akkreditatsiya kak sredstvo otsenki kachestva obrazovatel'nykh uslug [Professional-public accreditation as a means of assessing the quality of educational services]*. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-obshchestvennaya-akkreditatsiya-kak-sredstvo-otsenki-kachestva-obrazovatelnykh-uslug> (accessed 05.03.2018).
4. Guk A.G. Sistema menedzhmenta kachestva v vuze: novaya paradigma vnedreniya [Quality Management System in the University: A New Implementation Paradigm]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37-1, p. 227. (In Russ.).
5. Kislov A.G. O menedzhmente kachestva vysshego obrazovaniya [On the quality management of higher education]. *Obrazovanie i nauka [Education and Science]*. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University Publ., 2012, no. 7, pp. 98-112. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/50930611.pdf> (accessed 03.07.2016).
6. Kononov V.A., Kustov I.V. Formirovanie metodiki otsenki rezul'tativnosti protsessov v sisteme menedzhmenta kachestva vuza [Formation of the methodology for evaluating the effectiveness of processes in the quality management system of the university]. *Vestnik Rybinskoy gosudarstvennoy aviatsionnoy tekhnologicheskoy akademii im. P.A. Solovyeva [Bulletin of the Rybinsk State Aviation Technological Academy named after. P.A. Solovyov]*. Rybinsk, 2009, no. 1, pp. 181-186. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/90499246.pdf> (accessed 11.07.2016).
7. Kostyuk N.V. Formirovanie gotovnosti budushchikh menedzherov v sfere kul'tury k realizatsii innovatsionnykh modeley upravleniya sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nost'yu v usloviyakh izmenyayushchegosya rynka truda [Formation of the readiness of future managers in the field of culture to implement innovative models for managing socio-cultural activities in a changing labor market]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 22-1, pp. 178-180 (In Russ.).

8. Lazarev I.V. Informatsionnaya sistema podderzhki menedzhmenta kachestva strukturnogo podrazdeleniya vuza [Information system for supporting the quality management of the structural unit of the university]. *Elektronnye sredstva i sistemy upravleniya [Electronic means and control systems]*. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics Publ., 2010, no. 2, pp. 65-68. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/98388802.pdf> (accessed 05.06.2016).
9. Lukyanenko M.S. Ekonomicheskoe stimulirovanie personala kak instrument sovershenstvovaniya sistemy menedzhmenta kachestva vysshego uchebnogo zavedeniya [Economic stimulation of personnel as a tool for improving the quality management system of a higher educational institution]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo [Questions of modern science and practice. University of V.I. Vernadsky]*. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2012, no. 4, pp. 269-271. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/68500497.pdf> (accessed 04.07.2016).
10. Sachkov D.I., Protsenko Yu.V. K voprosu o primenenii sistem elektronnoy dokumentooborota vuza v ramkakh sertifikatsii po standartu menedzhmenta kachestva [On the issue of the application of electronic document management systems of the university within the framework of certification according to the quality management standard]. *Baikal research journal*. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2013, no. 3, p. 26. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/65992867.pdf> (accessed 11.06.2016).
11. Usik E.V. Perspektivy razvitiya sistemy menedzhmenta kachestva vysshikh uchebnykh zavedeniy v usloviyakh realizatsii FGOS [Prospects for the development of the quality management system of higher educational institutions in the context of the GEF]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya) [Vestnik University (State University of Management)]*. Moscow, 2012, no. 13-1. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/83836038.pdf> (accessed 01.07.2016).
12. *Federal'nyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" ot 29.12.2012, № 273-FZ [Federal Law "On Education in the Russian Federation" of December 29, 2012, No. 273-FZ]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_140174/ (accessed 15.03.2018).
13. Yushchenko A.L. Osobennosti formirovaniya i problemy funktsionirovaniya sistemy menedzhmenta kachestva obrazovatel'nykh uslug [Features of the formation and problems of the functioning of the quality management system of educational services]. *Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki [Legal field of modern economy]*. St. Petersburg, Fond podderzhki nauki i obrazovaniya v oblasti pravookhranitel'noy deyatel'nosti Publ., 2012, no. 1, pp. 67-70. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/87523324.pdf> (accessed 10.06.2016).

Алфавитный указатель авторов

List of Authors in Alphabetical Order

Андреев А. В.	58	Andreev A.V.	58
Басалаева О. Г.	42	Basalaeva O.G.	42
Белогай К. Н.	205	Belogay K.N.	205
Белозёрова М. В.	27	Belozerova M.V.	27
Берсенева Е. В.	182	Berseneva E.V.	182
Бочкарёва Н. И.	111	Bochkareva N.I.	111
Бугрова Н. А.	205	Bugrova N.A.	205
Васильева Р. П.	49	Vasilyeva R.P.	49
Верба Н. И.	153	Verba N.I.	153
Гаврилов О. Ф.	49	Gavrilov O.F.	49
Гук А. Г.	250	Guk A.G.	250
Гусев С. И.	196	Gusev S.I.	196
Демешко Г. А.	136	Demeshko G.A.	136
Дискaя Н. И.	121	Diskaya N.I.	121
Долгушина М. Г.	144	Dolgushina M.G.	144
Звягин С. П.	99	Zvyagin S.P.	99
Золотухин В. М.	36	Zolotukhin V.M.	36
Зубанова Л. Б.	121	Zubanova L.B.	121
Касаткина Т. А.	74	Kasatkina T.A.	74
Кибардин А. А.	175	Kibardin A.A.	175
Кувшинов Ю. А.	196	Kuvshinov Yu.A.	196
Лю Яньчэнь	225	Liu Yanchen	225
Ма Сяосюань	231	Ma Xiaoxuan	231
Макарчук С. В.	99	Makarchuk S.V.	99
Мастеница Е. Н.	241	Mastenitsa E.N.	241
Палилей А. В.	111	Paliley A.V.	111
Рендашкина А. Н.	69	Rendashkina A.N.	69
Родионова Д. Д.	241	Rodionova D.D.	241
Рычкова И. В.	89	Rychkova I.V.	89
Садовой А. Н.	13	Sadovoy A.N.	13
Самитов Д. Г.	186	Samitov D.G.	186
Слесарь Е. А.	175	Slesar E.A.	175
Сушкова Ю. Н.	192	Sushkova Yu.N.	192
Третьяков А. Л.	216	Tretyakov A.L.	216
Туралина Н. А.	192	Turanina N.A.	192
Урсул А. Д.	127	Ursul A.D.	127
Ху Инсюе	169	Hu Yingxue	169
Штейнмиллер И. О.	94	Steynmiller I.O.	94
Шугуров П. Е.	82	Shugurov P.E.	82

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»**

(Выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (<http://vestnik.kemgu-ki.ru>) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатом журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).

E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:
по адресу: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГИК, научное управление;
- e-mail: vestnikkenguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: <http://vestnik.kemguki.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Цена 550 рублей

Дата выхода номера в свет 16.05.2018

Подписано в печать 16.04.2018

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 25.

Уч.-изд. л. 27,9. Усл. печ. л. 30,5

Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского государственного института культуры:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17. Тел.: (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Price 550 roubles

Issue released on May 16, 2018

Signed for print on April 16, 2018

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 25.

Author's sheets 27,9. Printer's sheets 30,5

Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State University of Culture:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
17 Voroshilov Street. Phone: (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru